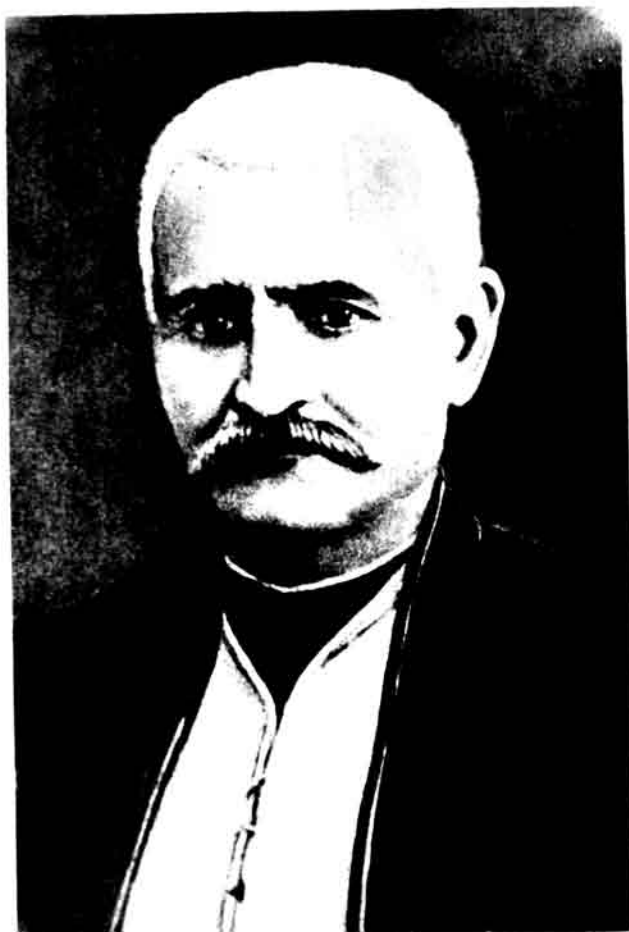

М.Ф. АХУНДОВ

*избранные
философские
произведения*

М.Ф. АХУНДОВ

*избранные
философские
произведения*

2-564729

И-3150898
16.04.97

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ф. Ахундова

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку—1982

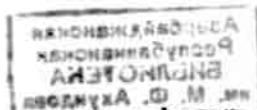
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

Под редакцией Ш. Ф. Мамедова

Вступительная статья Э. М. Ахмедова

Подготовка текстов, примечания
и указателя имен Г. Р. Мамед-заде

В подготовке издания участвовали
Ф. К. Кочарли и З. Б. Геюшев

Ахундов, Мирза Фатали.

А95 Избранные философские произведения. Б., Азерб.
непр. 1982, 340 с.

А 10501—126
М—651—82 без объявл.—82

0302000000

© Азербнепр, 1982

В настоящее издание «Избранных философских произведений» М. Ф. Ахундова включены его знаменитый философско-политический трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» с приложениями, а также другие его философские, эстетические и литературно-критические статьи, докладные записки и письма по вопросам науки и просвещения. Соответственно сборник состоит из трех разделов: философия и социология, эстетика и литературная критика, наука и просвещение. Произведения, вошедшие в настоящее издание, есть лишь часть огромного литературного наследия азербайджанского мыслителя. Они характеризуют М. Ф. Ахундова как выдающегося философа-материалиста, атеиста, крупного публициста и общественного деятеля, живо интересовавшегося острыми вопросами социально-политической и культурной жизни своего времени.

В основу настоящего издания легли без существенных изменений «Избранные философские произведения» М. Ф. Ахундова, выпущенные в 1962 г. Издательством социально-экономической литературы в Москве. Только вступительная статья написана заново. Составитель считал возможным и на этот раз сохранить авторскую транскрипцию восточных имен и названий в русском оригинале рукописей, хранящихся в Республиканском рукописном фонде АН Азерб. ССР.

В подготовке настоящего издания приняли участие Ф. К. Кочарли и З. Б. Геюшев.

ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛОСОФ-МАТЕРИАЛИСТ

Исполнилось 170 лет со дня рождения Мирзы Фатали Ахундова — крупнейшего представителя материалистической философии, передовой общественно-политической и эстетической мысли Азербайджана XIX в. Имя М. Ф. Ахундова навсегда вошло в летопись многовековой духовной культуры народов СССР.

Жизнь и деятельность. Ахундов жил и творил в эпоху, когда в результате присоединения к России Азербайджан постепенно включается в русло экономического и культурного развития России. Благодаря установлению экономических и торговых связей с Россией развивается обрабатывающая и текстильная промышленность. Однако, несмотря на определенные социально-экономические сдвиги, Азербайджан оставался еще страной отсталых феодальных отношений; земледелие в основном было натуральным, основной производительной силой страны являлось крестьянство.

Ахундов родился в 1812 г. в городе Нухе, издревле славившемся ремеслом, торговлей, шелководством. С детства он изучает персидский и арабский языки, богословие, классическую восточную литературу. В 1832 г. Ахундов поступил в г. Гяндже в духовную школу — медресе, где под влиянием известного азербайджанского поэта-вольномыслица Мирзы Шафи отказался от духовной карьеры и в следующем году поступил в только что открывшееся в его родном городе Нухе русское уездное училище, которое ему пришлось вскоре покинуть, как переросшему школьный возраст.

В 1834 г. Ахундов переехал в Тифлис и поступил на службу в канцелярию главного управляющего гражданской частью на Кавказе в качестве переводчика с восточных языков. В этой скромной должности он проработал до конца своей жизни.

В Тифлисе Ахундов приобрел к русской и западно-европейской культуре, изучил творения классиков русской литературы и русский язык. Он сблизился с ссыльными декабристами, с выдающимися деятелями Грузии, Армении и Азербайджана. Среди тифлисских друзей Ахундова были А. Бестужев-Марлинский, Я. П. Полонский, Л. Заблочкин, А. Чавчавадзе, Г. Д. Эрнстави, Х. Абовян,

А. К. Бакиханов, И. Куткашенский, оказавшие значительное влияние на формирование молодого Ахундова как писателя и мыслителя.

Начало литературной деятельности Ахундова относится к 30-м годам XIX в. Первое значительное стихотворение он написал в 1837 г. по случаю злодейского убийства великого русского поэта А. С. Пушкина. Стихотворение, выражавшее гнев и возмущение молодого Ахундова против убийц Пушкина, было встречено тифлисской общественностью с большой симпатией. А. Бестужев-Марлинский тут же перевел его на русский язык.

За время с 1850 по 1856 г. Ахундов написал шесть оригинальных комедий, в которых обличал туеядство беков, лицемерие духовенства, стяжательство купцов, взяточничество царских чиновников, возбуждал в трудовом народе интерес к культуре и просвещению. В 1857 г. он написал известную повесть «Обманутые звезды», в которой подверг критике деспотизм шахского строя и выдвинул идею социальных реформ.

Своими литературно-художественными произведениями Ахундов заложил основы реалистической драматургии и художественной прозы в азербайджанской литературе.

Начиная с середины 50-х годов в течение более 20 лет Ахундов неустанно боролся с тегеранскими и стамбульскими властями за реформу арабского алфавита, в трудности изучения которого он видел большое препятствие на пути распространения грамотности среди мусульманских народных масс. В этой связи он посылал различным влиятельным лицам многочисленные письма, заметки и докладные записки, в которых научно обосновывал необходимость такой реформы, доказывал преимущества составленного им проекта нового алфавита. Однако проект Ахундова не только не встречал сочувствия в правительственных кругах Персии и Турции, но был расценен как кощунство в отношении Корана, написанного арабским алфавитом.

Убедившись в том, что основной преградой на пути реформы арабского алфавита является ислам, Ахундов, обуреваемый желанием подорвать основы этой религии, в 1863 — 1865 гг. пишет свой знаменитый философский трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них его последнего», который явился итогом всей его литературной, научной и общественной деятельности.

Ахундов умер в 1878 г. в Тифлисе и похоронен там на мусульманском кладбище.

Ахундов, рассматривавший литературу как влиятельную общественную силу в борьбе за обновление и развитие общества, не меньшее значение придавал в этом деле прямой и открытой критике религии, обоснованию материализма, разработке основ переустройства общества на новых, демократических началах. Поэтому и не случайно наряду с художественными произведениями, многочисленными критическими и публицистическими статьями Ахундов написал также философские и политические трактаты, ставившие его в один ряд с крупнейшими просветителями прошлого. «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них его последнего» Ахундова — одно из самых сильных и

острых произведений просветительской литературы. Эти письма отличаются своей враждебностью ко всему средневековому, горячей защитой просвещения, европейских форм жизни, отставанием интересов народных масс. Своими философскими письмами Ахундов заложил основы философии азербайджанского Просвещения, которая видела единственное средство переустройства общества в распространении образования, пропаганде знаний. Философия азербайджанского Просвещения в лице ее лучших представителей боролась с религией ислама, восточным деспотизмом, требовала секуляризацию культуры, эмансипацию личности, выдвигала идею переселения людей, введения в обществе разумных и справедливых законов.

Философские и политические произведения характеризуют Ахундова как крупного представителя материалистической философии и передовой общественно-политической мысли XIX века, как идейного предшественника азербайджанской революционной демократии. Великая заслуга Ахундова как философа-мыслителя состоит в том, что он всю свою сознательную жизнь отдал борьбе за пробуждение восточных народов от векового сна невежества и фанатизма, за их социальное и национальное возрождение. В мрачных условиях реакции и деспотизма он высоко поднял знамя свободы, демократии и социального прогресса, выступил глашатаям передовой русской и европейской культуры, поборником сближения и дружбы азербайджанского народа с русским народом.

Идейные истоки. Философское творчество Ахундова побрало в себя, пересмыслило и развило многие элементы мировой демократической культуры и философии. Непосредственными теоретическими источниками философского творчества Ахундова явилась передовая восточная, русская и европейская культура и философия. Будучи всесторонне образованным человеком, Ахундов изучал науку и культуру своего времени, в частности литературу, историю, географию, физику, химию, биологию.

Ахундов был большим знатоком древнеиндийской философии и культуры. Он хорошо знал историю Индии, жизнь, нравы и обычаи ее народов, резко выступал против британского владычества в этой стране. В своем философском трактате «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» он разбирает религиозно-философские учения древней Индии — буддизм и брахманизм, материалистическую философию чарваков. Рассматривая философское содержание буддизма и брахманизма как натуралистическое и мистико-идеалистическое направление в восточном пантеизме, Ахундов указывает, что учение фена, как о состоянии, в которое переходят все вещи, предметы, люди, уничтожаясь в целом — божестве, впервые было выработано в буддийской философии. Впоследствии это учение проникло и на мусульманский Восток, где и легло в основу религиозно-мистических концепций, принимавших порою пантеистическую окраску¹.

Высокую оценку давал Ахундов материалистической философии чарваков, которые учили, что нет никакого потустороннего создателя мира, он вечен во времени, бесконечен в пространстве, рай и ад являются вымыслом людей, рождение и смерть — явления законо-

мерные. Считая эти воззрения индийских чарваков «достойным уважения», Ахундов ставил их в один ряд с лучшими традициями западно-европейской философии¹.

Ахундов хорошо знал также древнегреческую культуру и философию, использовал их достижения в своих трудах. Он оставил одобрительные отзывы о творчестве и учениях Гомера, Ксенофана, Сократа, Платона, Аристотеля, Галена, Гипократа и др. Разбирая философию Ксенофана, Ахундов подчеркивал, что в отличие от мистиков-пантеистов, Ксенофан отрицал трансцендентную, потустороннюю сущность бога, отождествляя его с природой. Ахундов интересовался космологической теорией Аристотеля, особенно его учением о шарообразности Земли, «опоясанной Тихим океаном»². Он был также знаком с древнегреческой медициной. Он говорил, что благодаря успехам анатомии и физиологии в наш век, теория болезней Гипократа явно устарела и не может служить основой для современных научных способов лечения.

Особенно обширными специальными знаниями обладал Ахундов в области арабской культуры и философии. Будучи выдающимся исламоведом-материалистом, он подверг глубокому анализу происхождение и сущность ислама, его догматику, культ и право. Описывая культурное и религиозное развитие арабских племен перед возникновением ислама, Ахундов отмечал, что они находились на низкой ступени культурного развития, были разобщены. Однако эти племена охотно объединялись, когда среди них появлялся какой-нибудь пророк с религиозной проповедью. Первый из арабов, кто хорошо понял стремление арабских племен к объединению под знаменем единого бога, был основатель ислама Мухаммед, который умом, энергией, красноречием превосходил своих соперников.

Ахундов дал подробный разбор Корана, этой священной книги мусульман, показал заимствования из пуданизма и христианства, вскрыл земное происхождение и социальную сущность многих его стихов. Отвергая божественное происхождение Корана, Ахундов указывал, что он «с начала до конца есть произведение собственного... воображения» пророка Мухаммеда³. Объясняя происхождение мусульманского права, Ахундов также отмечал, что оно не создано пророком Мухаммедом по божественному внушению. Подобно тому, как «свою новую и сухую религию он преобразовал частью из сказаний библии и евангелия, частью из вероучения огнепоклонников», так и господствующее мусульманское право заимствовано и переработано им из доисламского права арабов⁴.

Арабские завоевания, с горечью отмечал Ахундов, нанесли большой урон науке на мусульманском Востоке. Фанатики-завоеватели уничтожили многие ценные рукописи и культурные памятники, мешавшие по их нелепому мнению, распространению ислама. Особенно большой потерей для науки было сожжение Александрийской библиотеки. В то же время в пределах ислама арабы развивали свою культуру. Известно, что багдадские и кордовские халифы покровитель-

¹ См. наст. изд., стр. 116 — 117.

² См. М. Ф. Ахундов, Сочинения, т. 2, Баку, 1961, стр. 292 (на азерб. языке).

³ Наст. изд., стр. 116.

⁴ Там же, стр. 120 — 121.

¹ См. наст. изд., стр. 260.

новали науке и искусству, которые в этих двух центрах достигли заметных успехов. Однако определенные достижения в области культуры, как говорил Ахундов, вовсе не дают права считать арабов основателями современных наук, ибо «основателями их были древние греки, которые в свою очередь много заимствовали у древних египтян, индийцев, персов и финикийцев. Арабы впервые познакомились с зародышами наук благодаря сочинениям Аристотеля, Гиппократа, Галена, Платона и др.»¹.

Говоря о характере арабской науки, Ахундов отмечал, что она не делала широких обобщений, сосредоточивалась, главным образом, в Багдадских и Кордовском университетах, ее душила мусульманская схоластика, и доступна она была только привилегированному духовному сословию. «По той же причине, что науки были достоянием одного духовенства, — указывал Ахундов, — они стали разрабатывать только те отрасли познаний, которые наиболее их интересовали и были полезны для них, как например, законоведение... Особой их симпатией пользовалась и логика со схоластической шариатской, отдела же естествознания, за исключением одной медицины, были более или менее в пренебрежении. Но самое главное, им не доставало рационального метода исследования, критического духа, анализа. Не было свободы мышления, не было простора, все нужно было строго согласовать с постановлениями шариата, с духом ислама»².

Обширными познаниями обладал Ахундов и в области древней и новой культуры Персии. Обозревая древнюю историю Персии, Ахундов несколько идеализировал ее, рассматривал саод законов древнеперсидских монархов («Пеймани-Ференг» («Завет мудрости»)) как источник справедливости и благоденствия. Но этот «счастливый период» истории Персии был затемнен, по мнению Ахундова, арабским завоеванием, уничтожившим государственное устройство, самобытную культуру и религию древних персов. «О Персия! — восклицал Ахундов. — Твои сыны даже не сохранили в назидаение потомству письменных памятников твоего прежнего величия; о твоей минувшей славе мы должны узнавать от других, а именно от греков, древние летописи которых и до сих пор остаются единственным свидетельством твоего величия, ибо Греция лучшие других народов древнего мира изучила твою почтенную, седую древность»³. Ахундов высоко ценил творчество великих персидских поэтов Фирдоуси, Саади, Джами, Руми и др. Ему импонировал религиозный скепсис Фирдоуси, который «с проныей говорил» об исламе и пророке Мухаммеде.

Положительно оценил Ахундов попытки персидского мыслителя XII века Гасана ибн Бузург-Умиды произвести реформу в исламе. «Если бы nation понимала твою цель, твои побуждения, — писал он о деятельности Гасана ибн Бузург-Умиды, — писал о реформаторы европейские ныне считались бы твоими подражателями, потому что ты предпринял реформацию в то время, когда европейцы еще

жарились на инквизиционных кострах»⁴. Выступая против «сухих, однообразных, утомительных и скучных» обрядов мусульманского культа, не имеющего никакого «церемониала и разнообразия», Ахундов горячо защищал идею реформации ислама «сообразно с духом прогресса и цивилизации». Не зная буржуазного характера реформации, ему казалось возможным осуществить ее в условиях, когда не было антифеодалного общественного движения.

Ахундов резко противопоставлял картины социально-экономической и культурной жизни древней и современной ему Персии. Он показал засилье в стране духовного и светского деспотизма, изобличал пороки администрации, судопроизводства и финансового дела, систему образования и воспитания, состояние печати, ее содержание и идейную направленность. Однако он отнюдь не перечеркивал творчество современных ему прогрессивных писателей и просветителей Персии, к которым относился с большой симпатией.

Будучи глубоким знатоком мусульманской культуры и философии, Ахундов подробно анализировал взгляды восточных пантеистов — Махмуда Шабустари, Абдурахмана Джами, Шамса Тезбризи, Джелаладдина Руми и др. Ахундов критически рассматривал мистический пантеизм Руми, специально разбирая его «Месневи», суфийские убеждения Гасали в его книге «Нхия улум ад-дин» («Воскрешение наук о верзе»). Одобрительно отзывался он о критических замечаниях Ибн-Сины относительно мусульманского культа.

Остроумно критиковал Ахундов мусульманское богословие в лице таких его видных представителей, как Абу-Гасан Бабуйейх, Абу-Ханифа ибн Сабит, С'ад Ашари, Абульфатх Шахристани, Мухаммед-Багир Меджлиси и др. Он показал извращенность таких религиозных сочинений, широко распространенных в то время на мусульманском Востоке, как «Хакк ал-Иакин» («Истинная уверенность»), «Задул-меад» («Запас загробной жизни»), «Месанбул-абрар» («Бедствия праведников»), «Абвабул-джанна» («Ворота рая») и др.

С материалистических позиций Ахундов подвергал критике сектантские учения ислама: шейхизм, бабизм, беханизм и др. Разоблачая политические цели, преследуемые этими сектами, он указывал, что они облачают «одно и то же суеверие» и «различные тоги», «сеют смуты» в мусульманских странах. Однако возникновение и распространение сектантских учений в мусульманских странах Ахундов объяснял противоречиями в самой официальной догматике ислама, невежеством и темнотой масс, не видя социально-экономических причин, породивших их.

Блестяще зная мусульманскую литературу своего времени, Ахундов тщательно разбирал и использовал работы известных арабских и персидских историков: Ибн-Халдуна, Тезбризи, Мирхонда, Хондемира, Искендербека Муини, Фахрединна Раязи, Мирзы Мехтихана Астрабади и др. Высоко оценил он многотомную историю Ибн-Халдуна, этого «единственного великого ученого своего века», оставшего нам «точные сведения» об истории ислама. Беспощадны его замечания о Мирзе Мехтихане Астрабади, авторе «Истории Надира», «этом величайшем мастере метафорических и аллегорических умет-

¹ М. Ф. Ахундов. Сочинения, т. 2, Баку, 1961, стр. 531 (на азерб. языке).

² Там же.

³ Наст. изд., стр. 32.

⁴ Наст. изд., стр. 114.

вованый... и пустешем педанте и гордце воображаемым своим талантом», пишушем историю «без всякого естественного смысла»¹.

Ахундов внимательно изучал жизнь и деятельность великих полководцев, государственных деятелей — Петра I, Фридриха Великого, Наполеона I, Александра Македонского, Надир-шаха, Низам-уль-Мулка (визиря Меликшаха Сельджука), Хадже Насира Туси (визиря Хулаку-хана), Амира-Алишера (визиря Султана-Хусейна Бейкары) и др. В личной библиотеке Ахундова хранились труды русских и зарубежных (в том числе и восточных) авторов, посвященные жизни и деятельности выдающихся реформаторов, полководцев и государственных деятелей.

Творчество Ахундова вообрало в себя лучшие черты богатой духовной культуры родного народа. Неоценимое значение для его духовного развития имели творения Низами, Физули, Хатаи, Вагифа, Закира, Бакиханова, Куткашенского и др.

Ахундов был глубоким знатоком и пропагандистом русской науки и литературы. Проживая в Тифлисе, в этом административном и культурном центре тогдашнего Закавказья, он общался с образованными людьми России. Уже первое значительное произведение Ахундова — поэма «На смерть Пушкина», в котором он выразил свое негодование убийцам великого поэта, показало глубокое знание им русской литературы, места Пушкина в ее истории. Азербайджанский мыслитель был знаком с творчеством Гоголя, Белинского, Добролюбова, Кольцова, произведения которых хранились в его личной библиотеке с пометками на полях, сделанными рукою Ахундова. В личных бумагах Ахундова сохранилась выписка, сделанная им из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Ахундов знал также западно-европейскую культуру и философию. Заслуживают внимания отсылки Ахундова к Петrarке, Спинозе, Вольтеру, Монтескье, Руссо и др. Сохранилась запись Ахундова о Гольбахе, где он дает меткую характеристику материализма великого французского мыслителя XVIII в. Ахундов читал и критически использовал произведения Юма, Милля, Бенгтама, Боля, Ренана, Сисмонди и др. В его личной библиотеке хранились труды Льюиса, Бауэра, Арамандрита, Рудакова, Риттера и Лемса по истории философии и религии.

В специальной статье Ахундов рассматривал вопрос о перво-причине, поставленный Юмом в «Диалогах о естественной религии». Говоря о свободе мысли и ее значении в общественном прогрессе, Ахундов ссылался на Милля, не зная либерально-буржуазного характера миллевского понимания свободы. В объяснении причин экономических кризисов перепроизводства он опирался на теорию кризисов Сисмонди. Высоко ценил Ахундов борьбу Боля и Ренана с суевением, возвышение ими науки и разума. «Великое светило небесное, — цитировал Ахундов «Историю цивилизации в Англии» Боля, — при всем своем величии далеко не может сравниться с человеческим умом»².

Ахундов знал и читал исторические работы Гизо, Тьерри, Мишле, Маколя и др. по истории войн, революций и цивилизаций. Он инте-

ресовался современными ему социологическими учениями о правовом и имущественном равенстве. Мыслитель был знаком также с естествознанием своего времени. В его трудах мы встречаемся с ссылками на «Коперника, открывшего движение земного шара», на «Ньютона, нашедшего силу тяготения небесных планет»¹, на Уатта и Фарадея, «открывших нам силу пара и электричества»², явившихся «двигателями сегодняшнего прогресса европейских народов»³. В его личной библиотеке хранились труды Дарвина, Гексли, Тиндаля, Лёбока, Дрепера, Гартвига, Циммермана, Шванна, Шлейдена, Ресселера и др.

Комедия «Мысье Жордан, ученый ботаник, и дериш Мастали-Шах, знаменитый колдун», написанная еще в 1850 г., обнаруживает немалые познания Ахундова в систематиках шведского ученого К. Линнея, французского ботаника Ж. П. Турнефора, американского натуралиста Дж. Бертрама. Она свидетельствует о знании Ахундовым взглядов французского ботаника-любителя Алесанса Жордана (1814 — 1897) на естественно-исторический вид. Травы, которые в этой комедии Ахундов называет по-латыни (акантус, цераструм-альпинум, каммелина-африкана, комбретум), на самом деле имели место в индексах Линнея и Турнефора, и они действительно растут в Азербайджане.

Ахундов живо интересовался историей великих географических открытий, состоял членом кавказского отделения, членом-сотрудником императорского русского географического общества, принимал активное участие в работе кавказской археографической комиссии. Он внимательно изучал «Историю жизни и путешествий Христофора Колумба» В. Ирвинга, труды К. Ф. Неймана, В. Диксона, Е. Даневского, посвященные истории и географии Америки, и, подобно Бакиханову и Абовяну, написал специальное произведение об этом великом открытии, нанесшем сокрушительный удар по религиозным взглядам на мир.

Критика религии. Центральное место в философском наследии Ахундова занимает критика религии, обоснование и защита воинствующего атеизма. Критикуя ислам, Ахундов противопоставлял науку и религию, показывая их несовместимость. Наука и религия, — писал он, — противоположны, исключают одна другую⁴. Наука отличается от религии тем же, как истина от лжи, правда от кривды. Научное познание доказуемо, оно «основано на положительных и естественных фактах». Религиозное же предание недоказуемо, оно основано на слепой вере. Так, история **доказывает**, что Наполеон пошел на Москву и там потерпел поражение. А религия **увернет**, что пророк Моисей на горе Синае разговаривал с богом и сотворил чудеса⁵.

Религия, говорил Ахундов, ставит легенды превыше научного познания. Она не признает показаний и свидетельств разума — этого «единственного аргумента и авторитета во всех делах». Объявляя истинной разное, непостоянным умом вымыслы, религия «лишает ум величия и доверия». Так, вопреки здравому смыслу, религия

¹ Наст. изд., стр. 79.

² См. там же, стр. 80.

³ См. там же, стр. 206.

⁴ См. там же, стр. 155.

⁵ См. там же, стр. 152.

¹ Наст. изд., стр. 53.

² Наст. изд., стр. 83.

утверждает, что пророк Иисус является сыном бога, рожденным еврейкой Марией в состоянии девственности. Кто по велению своего ума не верил в подобный вздор, того жарили некогда на кострах инквизиции.

Несовместимость науки и религии Ахундов объяснял различием предмета их изучения. Наука, говорил он, есть знание о «причинах целесообразного устройства вещей в соответствии с законами природы». Она имеет дело с настоящим миром, ее предмет — материальная природа. Религия, наоборот, есть спекулятивное знание о божественных сущностях, ее предмет — потусторонний, воображаемый мир.

Всякая религия, по мнению Ахундова, заключает в себе три элемента: веру, богослужение и нравственность¹. В основе веры лежит признание существования бога, выдуманного человеком. Чтобы приблизить это воображаемое существо к человеческим представлениям, его наделили человеческими нравственными качествами — тщеславием, честолюбием, корыстью, эгоизмом, мстительностью и т. п. При этом впади в самые нелепые противоречия².

Так, если бог есть чистый дух, как утверждают богословы, то он не может служить материей для вселенной, ибо это противоречит основному закону бытия, согласно которому «из небытия невозможно производить бытие»³. Если бог не славолюбив, то что побудило его сотворить вселенную? Если бог не тщеславен, то почему он требует, чтобы мы почитали его? Если бог не мстителен, то почему за отказ от почитания его, он должен учредить над нами страшный суд в загробной жизни? Если бог правосуден, то почему за испечение его в здешней жизни, продолжавшейся, допустим, на сто лет, он подвергает нас в ад на вечные времена? «Можно ли назвать такого бога правосудным, когда его мера наказания в миллион раз превышает меру преступления...»⁴. Если бог сиреведлив, то почему он создал одного мирянином, а другого пророком, одного рабом, а другого господином, «одного бараном, а другого волком, одного фазаном, а другого ястребом»⁵. Если бог милостив, то почему он ниспослал стих «убейте политенстов беспощадно». «Каким же образом мы назовем правосудным того бога, который рещается на подобие бесчеловечия и зверства?»⁶. Если бог всемогущ, то почему он зараз не уничтожает своих противников, а «подобно свариным бабам бранит их» в Коране? Ахундов, спрашивал Ахундов богословов, «если субстанция создателя во всех видах розна от вашей субстанции, то по какому праву и на каком основании вы полагаете в нем такие качества, которые вы сами имеете?»⁷.

Происхождение и сущность религии Ахундов объяснял с позиции просветительства. Согласно Ахундову религия возникла из фан-

тастических, невежественных представлений людей и основана на всевозможном надувательстве и обмане простого народа¹. Существование на земле множества различных по своему культу и догматике религий свидетельствует о том, что в их возникновении единый бог не принимал никакого участия, все «они ничто больше, как вымыслы разных предприимчивых честолюбцев, выдававших их для достижения своих эгоистических целей»².

Подчеркивая исторически преобладающий характер религии, Ахундов говорил, что религия не всегда была и не всегда будет. Возникнув из невежественных, иллюзорных представлений людей, религия прекратит свое существование с распространением науки и просвещения в массах. В силу отсутствия научных знаний, люди в свое время создавали разные басни и верили в них, и, конечно, они не могли знать, что «через многие века естественные и физические науки, с большим успехом распространившись в человечестве, изболчат ложность этих выдумок и вымыслов и обнаружат их целеность и сделают их предметами посмеяния»³.

Особенно большое значение придавал Ахундов разоблачению реакционной роли ислама. Он говорил, что ислам, возникнув среди арабской феодальной знати, явился духовным оружием в руках арабских властелинов и борьбе за покорение посточных народов. Будучи по своей сущности реакционной идеологией, ислам ничего не принес покоренным народам, кроме невежества и фанатизма, социального и национального угнетения, он стал преследовать свободу мысли и личности, отчуждать народы от их самобытной культуры. Навязав покоренным народам чрезвычайно трудный алфавит и вреднейшее вероучение, ислам явился причиной их культурной и социально-экономической отсталости.

Находя в личностях монархов-деспотов атрибуты единого мусульманского бога, Ахундов указывал на тесную внутреннюю связь этой религии с восточным деспотизмом. Бог и деспот, говорил Ахундов, одинаково требуют покорности, повиновения, одинаково злы, жестоки и бесчеловечны. Будучи духовным облачением деспотизма, ислам служит средством угнетения трудового народа как феодальными, так и духовными деспотами. Феодалы и духовенство рука об руку обирают бедный народ, умышленно держат его в темноте и невежестве; они лишили его свободы как духовной, так и телесной, т. е. светской. Первая, духовная наша свобода, писал Ахундов, отнята у нас духовенством, в интеллектуальном отношении мы не больше как позорные его рабы. Вторая свобода наша отнята у нас деспотом. Мы всю жизнь служим средством удовлетворения разных его прихотей, исполняя тяжкие его требования нашим телом и имуществом как рабы, не располагающие ни волею, ни собственностью⁴.

Следовательно, в условиях феодального общества борьба за полную свободу человека есть борьба против деспотизма как монархов, так и духовенства — таков социальный смысл атеистических взглядов Ахундова.

¹ См. наст. изд., стр. 153.

² См. там же, стр. 93.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 93 — 94.

⁵ Там же, стр. 65 — 66.

⁶ Там же, стр. 95.

⁷ Там же, стр. 96.

⁸ См. там же, стр. 95.

⁹ Там же, стр. 94.

¹ См. наст. изд., стр. 88.

² Там же, стр. 152.

³ Там же, стр. 89.

⁴ См. там же, стр. 56.

Критикуя догматику ислама, сковывающую свободу мысли и воли человека, Ахундов требовал предоставления человеку права творчески мыслить и действовать. Он говорил, что свобода является важнейшим условием человеческого прогресса. Без свободы мысли никакая наука и культура развиваться и совершенствоваться не могут, ибо всякая истина рождается «в результате столкновения мнений и мыслей». Будучи духовно угнетены, индивидуумы уподобляются тем мелочным лоядмам, которые всю жизнь обречены дышать по одному и тому же кругу.

Резкой критике подверг Ахундов реакционное предписание ислама о мусульманской исключительности, разделяющее народы всего мира на правоверных, т. е. мусульман, и неверных. Это предписание, говорил он, создает между мусульманскими и немусульманскими народами состояние постоянной вражды. Оно объявляет все другие народы мира «гуярами», нечестными, требует от мусульманских народов не общаться с ними, ни в чем не подражать им. Под влиянием этого предписания ислама мусульманские народы замыкнулись в себе, обособились от других народов, отстали от них в промышленном и культурном отношении. Зачем вы, шарлатаны и лицемеры-проповедники, гневно спрашивал Ахундов, устраняете бедный народ адским огнем, почему не позволяете ему общаться с другими нациями и заимствовать у них науки и искусства? Знания распространяются в общении народов друг с другом, а вы, проповедники вздора, лишаете народ «всеземных земных благ, держите его в постоянном застое, загораживаете ему путь к прогрессу, ко всякому жизненному удовольствию...»¹.

Ахундов с возмущением говорил, что ислам, объявляя искусство предосудительным (макрух) или прямо запретным (харам) делом, запрещает правоверным заниматься им. По этой причине искусство, имеющее большое воспитательное значение, не развивается в мусульманских странах, не входит в жизнь и быт народов.

С большим мастерством разоблачал Ахундов предписания ислама, запрещающие женщинам ходить с открытым лицом, показываться в общественных местах. Вследствие этих предписаний, говорил Ахундов, выдуманным стариком пророком, сильно ревновавшим своих молодых жен-плутовок, ныне в мусульманских странах женщины находятся на положении рабынь, в то время как в культурных странах она принимает активное участие в общественной жизни, даже допускается к управлению страной. Ахундов требовал, чтобы женщина во всех правах приравнивалась к мужчине, пользовалась всеми благами культуры наравне с мужчиной. Как смеет мусульманское право (шариат), восклицал великий гуманист, опираясь на стихи Корана о необходимости затворничества женщин, обрекать женщин на вечное угнетение, делать их несчастными на всю жизнь, лишая их жизненных благ².

Мусульманское право, говорит Ахундов, само является источником социальной несправедливости и неравенства. Оно лишает женщин-мусульманок наряду с «гуярами» равных с правоверными мусульманами прав перед судом, освящает деление общества на рабов и господ, допускает куплю и продажу невольников и невольниц,

поощряет варварские методы наказания (увечье). Оно заставляет трудовой народ безропотно гнуть спину перед «повелителями», считать себя их «покорными рабами».

Переходя к критике мусульманского богослужения, Ахундов вскрывал реакционную сущность таких его обрядов, как молитва, пост, узаконенная милостыня (закят, садака), паломничество, анура, показывал их огромный вред в практической жизни мусульман. Реакционную сущность мусульманского культа Ахундов в частности видел в том, что он отнимает у трудового человека время, необходимое для производства материальных благ, наносит вред его здоровью, способствует присвоению его заработка разными дармоедами³.

Ахундов раскрыл и подверг резкой критике мистическую сущность и реакционную идеиную направленность таких сектантских течений, ислама, как суфизм, мюридизм, бабизм, шейхизм, бахаизм, облачавших один и те же суеверы в различные тоги, сеющих смуту в мусульманских странах. Эти секты, писал он, обрекающие верующих на отшельничество, квинтэссенция, очень часто преследуют политические цели и в руках разных мошенников оказываются духовным оружием для разжигания так называемой священной войны (джихад) мусульман против христианских народов.

Религия, говорил Ахундов, не может служить также основанием нравственности, ибо она оказывает пагубное влияние на благородные и возвышенные черты характера человека, воспитывает в нем раболепие, низкопоклонство, мстительность и ревность. Она оправдывает деспотизм, освящает феодальные добродетели. Ни бог, ни пророк не могут быть образцом нравственного совершенства и преступлений. Правдивость, воплощением аморальных поступков и преступлений. Правдивость, как и вся духовная жизнь человека, должна опираться не на религию, а на просвещение, только оно может служить основанием сознательного и культурного воспитания. «Все воры, разбойники и убийцы, — писал Ахундов, — являются из невежественного слоя народа, верующего в существование ада. Видел ли кто-нибудь вора, разбойника и убийцу из мудрецов, философов и умственно развитых и просвещенных людей, вовсе неверующих в ад?»⁴.

Ахундов указывал, что стихи Корана, изречения пророка, поступки имамов не воспитывают нравственности, так же, как страх перед адским огнем и надежда на райское наслаждение не могут удержать человека от дурных поступков и преступлений. Если бы это было не так, то прежде всего само духовенство не совершало бы дурных поступков и преступлений. Не страх перед адским огнем, не надежда на райское наслаждение, писал Ахундов, а страх перед суровым наказанием, а также боязнь общественного мнения, чувство чести и самодлюбия, здравый смысл и более всего умственное развитие могут предотвратить человека от аморальных поступков и преступлений⁵.

Физическое наказание, поругание и оскорбление также не могут служить средством воспитания, так как такие меры заглушают природное стремление человека к добродетели, лишают его чувства благородства и чести. «...При воспитании детей наказывать

¹ Наст. изд., стр. 66.

² См. там же, стр. 192 — 193.

³ См. наст. изд., стр. 117 — 119.

⁴ Наст. изд., стр. 67.

⁵ См. там же, стр. 68.

их паками и пощечинами, — писал Ахундов, — значит портить их нравственность, делать их низкими и подлыми, заглушать в них врожденные добрые качества и порождать в них трусость и лживость¹. Нельзя детей воспитывать также в «божьем страхе», ибо такие дети не бывают добродетельными и беспробочными, а «выходят совершенными болванами и по большей части негодьями»².

В противоположность религиозной морали, рассматривающей поведение человека под углом зрения божественного предопределения, Ахундов пытался дать естественное объяснение поведению человека в обществе. Он указывал, что человек есть продукт воспитания и среды, «прирожденные добрые качества» человека обнаруживаются и развиваются только в благоприятных общественных условиях. «При этих условиях, — писал мыслитель, — и сама человеческая натура может иметь немалое влияние на вопрос воздержания от преступлений, потому что человеческая натура всегда чувствует удовольствие от благотворений и угрызения совести от дурных поступков»³.

Ахундов выступал против религиозного требования об умерщвлении плоти, против отшельничества. Человек, говорил он, должен пользоваться всеми благами этого мира, иначе он не может быть счастливым. По мнению Ахундова, в жизни человека большое значение имеют потребности трех родов: физические, умственные и духовные. Человек в продолжении своей жизни, писал он, стремится к тому, чтобы удовлетворить потребности всех этих родов и получить удовлетворение от всех благ своего существования⁴.

Таким образом Ахундов подчеркивал реальное, земное содержание морали, указывал на то, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, но подобно домарксистским материалистам он не учитывал, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан⁵.

Вся жизнь пророка, имамов, шейхов и других «праведников» ислама, Ахундов разоблачал их недостойные поступки в быту, лживые и лицемерные проповеди с кафедр мечети. Он приводил в пример эпизоды из личной жизни пророка, его позорные бесчестные поступки, которые, кстати, и легли в основу многих стихов Корана, и тем самым он снимал с них покров святости. Обличая проповеди, произносимые в мечетях, Ахундов говорил, что если священнослужители ислама действительно верят в подобный вздор, то они должны быть круглыми идиотами, если же они, сами не веря, умышленно уверяют других, то тогда они являются шарлатанами и лицемерами.

Ахундов был воинствующим атеистом. В критике религии он не делал уступок, все религии он считал абсурдом и вымыслом. «...Я ко всем вообще религиям, — писал Ахундов, — совершенно равнодушен и ни к одной из них не питаю сочувствия относительно надежды на спасение души после смерти»⁶.

Однако его атеизм был просветительским. Ахундов не мог материалистически объяснить социальные корни религии и пути ее преодоления. Сущность религии он видел, как все просветители, в невежество масс, в сознательном обмане их духовенством. Поэтому основным средством борьбы с религией он считал науку и просвещение. Ахундов полагал, что достаточно разоблачить религию перед массами, и она будет преодолена. Он не знал, что: «Никакая просветительская книжка не вытравит религии из забытых... масс... пока эти массы сами не научатся объединению, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого (социального. — З. А.) корня религии...»⁷.

Ахундов видел в исламе причину экономической, политической и культурной отсталости восточных стран. Однако не религия, а экономическая жизнь, как это указывали Маркс и Энгельс, была ключом к пониманию политической и религиозной истории Востока. Ахундов же был убежден, что критика и разоблачение ислама обязательно приведут к коренному политическому и экономическому перевороту на Востоке. По его мнению, Европа вступила на путь социального и экономического прогресса именно благодаря разоблачению христианства⁸.

Тем не менее критика Ахундовым религии ислама, различных ее течений и сект имело для своего времени прогрессивное значение: она освобождала сознание народных масс мусульманских стран, пробуждала в них силу к борьбе с деспотизмом и религиозным мракобесием.

Обоснование материализма. Философской основой атеизма Ахундова явился материализм, который он развивал в борьбе с религиозно-мистической философией мусульманских богословов. Согласно мусульманской теософии, вселенная существует волею творца, который вечен, невидим, могущественен. «Он создал вселенную своим могуществом из ничего, он волен опять обратить вселенную в небытие»⁹. Творец есть, таким образом, первопричина, «необходимое бытие», в своем существовании он не нуждается в причине. Вселенная же есть «возможное бытие», в своем существовании она нуждается в причине¹⁰.

Отвергая представление мусульманских богословов о двойственности бытия — «необходимого» и «возможного» — и отрицая причинную зависимость второго от первого, Ахундов доказывал, что нет и не могут быть два разных бытия, что бытие едино и самобытно, оно не возникает и не уничтожается. Оно не предполагает в себе раздвоения на «необходимое» и «возможное», оно самое по себе необходимо и беспричинно. «Говоря о бытии, — писал Ахундов, — мы имеем в виду сущность и субстанцию вещей. Эта сущность в смысле индивидуального противоположна абсолютному небытию; в смысле же всеобщем, она является единым, совершенным и всеобъемлющим бытием...»¹¹.

Мусульманские богословы, говорил Ахундов, нарочито подме-

¹ Наст. изд., стр. 51.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 68.

⁴ См. там же, стр. 202.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

⁶ Наст. изд., стр. 43.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

⁸ Наст. изд., стр. 205 — 206.

⁹ Там же, стр. 92.

¹⁰ См. там же, стр. 170.

¹¹ Там же, стр. 171.

няют вопрос о переходе бытия из одного состояния в другое с вопросом о причине его существования и отсюда делают неправильный вывод о причинной обусловленности бытия, как такового. «О, шарлатанские богословы!», — восклицал Ахундов. — Вещи нуждаются в причине при своих превращениях из одного вида в другой, из одной формы в другую и из одного состояния в другое, а не в своей сущности, субстанции»¹.

Для Ахундова мир в своей основе материален, многообразные предметы и процессы природы суть различные проявления единой и всеобъемлющей материальной субстанции, которая вечно и бесконечно, служит причиной самой себя и не нуждается в своем существовании в каком-либо «вещно-естественном существе или причине, она существует благодаря своим естественным законам и условиям. Вселенная, писал Ахундов, «существует сама по себе, со своими законами, то есть она в своем существовании не нуждается в другом, постороннем, отдельном и розном существе», она «есть одно существо»², «могущественное, совершенное, всеобъемлющее, проявляющееся по множеству, в бесчисленном разнообразии, без воли под своими законами, то есть под своими условиями»³.

Вопреки исламской теософии, рассматривавшей природу как воплощение божественного света, Ахундов доказывал, что вселенная существует не благодаря божественной эманации, а сама по себе, объективно. Все видимые и осязаемые нами предметы и тела вселенной, от мельчайших частиц до величайших космических тел, состоят из единой и всеобъемлющей материальной субстанции. Будучи единой основой всего существующего, эта материальная субстанция обнаруживает себя в бесчисленном многообразии предметов и явлений. Вселенная едина, и это единство состоит в ее субстанциональной основе, являющейся и творцом и творением.

Говоря о единстве вселенной, Ахундов подчеркивал ее материальность, а не единство божества и творения, проповедуемое мусульманскими богословами. Он говорил, что единство заключается в материальной субстанции и в ее проявлениях, в бесконечном и конечном в природе. Проявления относятся к субстанции, как частицы к целому, как атомы к материи. Объясняя материальное единство субстанции и ее проявления, Ахундов писал, что все небесные и земные тела, какими бы большими или маленькими они ни были, «в совокупности суть единое, целое существо, которое и есть всеобъемлющая вселенная. И она же сама есть и творец и творимое»³.

Учение Ахундова о природе как о причине самой себя напоминает пантеистическую концепцию великого голландского философа-материалиста XVII в. Б. Спинозы. Однако оно совершенно свободно от той теологической непоследовательности, которая характерна для спинозизма.

Согласно Ахундову вселенная вечно во времени, бесконечна в пространстве. Время и пространство суть необходимые формы существования материи, ее неотъемлемые, коренные свойства, атри-

буты. «...Вселенная, — писал Ахундов, — есть одно существо, могущественное и совершенное, начало ему не предшествовало, конца ему не последует; оно было, есть и будет, то есть небытие ему не предшествовало и небытие ему не последует...; время также есть одно из его требований; пространство также есть одно из его необходимых принадлежностей, то есть как время, так и пространство суть атрибуты этого существа»⁴.

Движение Ахундов понимал как естественное состояние материи; все изменения и превращения в природе совершаются по естественным законам, внутренне присущим самой материи. Предметы и явления материального мира «ни в индивидуальности, ни в совокупности в своем проявлении не имеют воли; только проявляются и существуют под своими естественными законами...»².

В природе, говорил Ахундов, действует естественная закономерность, и никто — ни бог, ни пророк — не могут изменить естественный ход событий, совершить противоестественные деяния. Кто может, например, приставить отрубленную голову к туловищу человека и воскресить его или даровать человеку тысячекратную жизнь? Кто может остановить движение Солнца, рассеять Луну пополам, превратить медь в серебро или золото? Кто может заставить животных, дышащих жабрами, жить на суше, а животных, дышащих легкими, жить в воде? Никто не может совершить подобные противоестественные деяния, ибо это противоречит законам природы. Следовательно, невозможны и несостоятельны с точки зрения строгой науки, такие сверхъестественные деяния, как чудеса, открытия, знаменья, превращение неблагородных металлов в благородные и т. п.

Существование ангелов, джиннов, духов и т. п. также невозможно. Если ангелы, джинны, духи и т. п. суть живые существа, как уверяют нас наши богословы, то в таком случае они должны быть видимы или осязаемы, иметь свой естественный организм; имея же естественный организм, они не могут перевоплощаться то в человека, то в верблюда, то в барана»³.

Критикуя провиденциализм мусульманских богословов, утверждавших, что природа сама по себе лишена объективной причинности, что все в ней вплоть до человеческих поступков предопределено богом, Ахундов указывал, что причинность естественна, присуща самой материи и не зависит от чьей бы то ни было воли и желания. В статье «Ответ философу Юму» Ахундов спрашивал мусульманских богословов: если сплетение причин и следствий не может бесконечно продолжаться, а где-то должно иметь начало, то есть конечную причину, то почему же не видеть эту причину в самой могущественной, всеобъемлющей природе, а искать ее в мифическом, воображаемом существе — божестве?»⁴.

Для Ахундова познание есть не что иное, как отражение внешнего мира в сознании человека. Большое значение в познании он придавал непосредственной чувственной достоверности. «То, что не

¹ Наст. изд., стр. 171.

² Ахундов употребляет это слово в смысле «бытие», «сущее».

³ Наст. изд., стр. 83.

⁴ Там же, стр. 85.

¹ Наст. изд., стр. 84.

² Там же, стр. 85.

³ См. там же, стр. 87 — 88.

⁴ Там же, стр. 170.

видимо, не ощущаемо и не осязаемо, не существует»¹. — писал он. Подчеркивая рациональный аспект познания, Ахундов, как и французские материалисты XVIII в., апеллировал к «разуму», «здравому смыслу» как к «основанию и аргументу в науке и в опыте».

Ахундов считал, что мир и его закономерности вполне познаваемы, о чем свидетельствует прогресс науки. Если во времена пророка, писал он, люди верили в чудеса, откровения, знания и прочую чертовщину, то это потому, что тогда не было астрономии, физики, химии и других наук².

Однако Ахундов подобно Вольтеру считал, что человек познал бы мир лучше и в более широком диапазоне, если бы имел большее количество органов чувств. Он писал: «Быть может, с течением миллионов веков, существо целое проявится в ином виде, и во вселенной произойдет великий переворот, и на место тебя явится другое существо не с пятью, а с десятью чувствами; тогда это новое существо с десятью органами, может быть, узнает еще что-нибудь более...»³.

Но из этого высказывания нельзя сделать вывод, будто Ахундов был агностиком, отрицавшим возможность достоверного познания мира. Естественную ограниченность органов чувств человека он не считал решительным препятствием для познания мира. Напротив, он полагал, что человек своими органами чувств, своим умом вполне может познать мир и строить свою жизнь сообразно с его законами. Как многие прежние мыслители, он просто не понимал, что образование у человека пяти органов чувств является продуктом всей всемирной истории.

Материализм Ахундова, несмотря на свой боевой, наступательный дух, не был свободен от метафизической ограниченности домарковского материализма; здесь, по-видимому, сказалось слабое знакомство мыслителя с теоретическим естествознанием его времени. Ахундов механистически объяснял такие формы движения материи, как свет, электричество, магнетизм, органическую жизнь.

В философском трактате Ахундова большое место занимает критика восточного пантеизма, прежде всего проблемы «вахдатул-уджуд» («единство сущего»). Критика эта служила ему формой изложения собственного философского учения. Он различает в пантеизме натуралистическое и мистико-идеалистическое направления, хотя не всегда правильно определяет их представителей. Если представители натуралистического направления отрицают трансцендентную, потустороннюю сущность бога, отождествляют его с природой и признают естественный характер мирового порядка, то представители мистико-идеалистического направления рассматривают бога в качестве потусторонней сущности действительного мира и утверждают, что порядок в мире складывается по воле бога. Согласно мистикам-пантеистам, указывал Ахундов, предметы, тела существуют через излучение света, истекающего от Единого. Отделяясь от Единого лишь на время, они образуют настоящий мир и, возвращаясь в конце концов к Единому, подвергаются исчезновению (феа) подобно исчезновению пламени потухающей свечи.

Отбросив идеалистическую шелуху, характерную для восточного

пантеизма, Ахундов материалистически объяснял пантеистическую концепцию единства сущего как проявление вечной и бесконечной материальной субстанции в многообразных предметах и явлениях мира. Объясняя отношение «целого» и «частичи», «творца» и «творения» с точки зрения материального единства мира, Ахундов писал: «...В сущности как целое, так и частичка суть единое существо, которое проявилось без воли во множестве, бесчисленном разнообразии, опять под своими законами, то есть под своими условиями»⁴.

Ахундов критиковал также учение пантеистов о бессмертии души, о ее слиянии со смертью человека с Единым. «...Например, у превосходного Джелаледдина Руми, — писал Гегель, — на первый план особенно выдвигается единство души с Единым и это единство характеризуется, как любовь...»⁵. В противоположность пантеистам Ахундов утверждал, что душа есть одна из функций тела и не существует без тела. Она есть качество, свойственное живым организмам, проявляющееся в органических соединениях в силу определенных законов и условий. «...Душа, чем бы она ни была, — писал Ахундов, — не может продержаться без тела, то есть без организма, точно так же, как разум не может продержаться без мозга, после разрушения мозга»⁶.

Разработка основ политического переустройства общества. Большое место в системе философских воззрений Ахундова занимают вопросы общественно-политического развития — критика феодальных порядков, деспотического государственного строя, требование переустройства общественной жизни на демократических началах.

В своем философском трактате Ахундов описывает потрясающие картины деспотического правления в Персии и Турции, показывает нищету и бесправие трудового народа, жестокость и произвол феодальных властелинов, засилье духовенства. Феодальному деспотизму и религиозному засилью в Персии и Турции он противопоставлял промышленное и культурное развитие России, призывал мусульманские народы укреплять связи с русским народом. Он видел историческое значение вхождения Азербайджана в состав России в частности в том, что «под покровительством Российского государства мы обрели покой и нет теперь бесконечных войн, сопряженных с грабежами и неурядицами»⁷. Ахундов был глубоко убежден, что мусульмане, ознакомившись с просветительскими, демократическими идеями, непременно почувствуют отвращение к мусульманским деспотам, сблизятся с русским народом и навсегда исчезнет среди мусульман «дух фанатизма и юридикзма, пронизывающий из религиозных убеждений...»⁸.

Ахундов давал развернутую критику всей феодально-деспотической системы правления — устройства администрации, финансов, суда, образования и воспитания. Он указывал, что благодаря невежеству и корыстолюбию должностных лиц при деспотической системе правления в устройстве администрации, финансов, суда и

¹ Наст. изд., стр. 116.

² См. там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 122.

⁴ Наст. изд., стр. 89.

⁵ Гегель. Сочинения, т. III, М., 1956, стр. 359.

⁶ Наст. изд., стр. 122.

⁷ Там же, стр. 285.

⁸ Там же, стр. 166.

воспитания господствуют произвол и неразбериха. Облагая основную массу трудового народа — крестьянство — непосильными поборами, деспотическое правление разоряет его и, таким образом, подрывает экономическую мощь страны. Устраивая несправедливый суд, применяя жестокие, бесчеловечные физические меры наказания, оно рождает личное достоинство человека и, таким образом, разрушает моральные устои государства. Препятствуя распространению культуры и просвещения в народе, оно держит народ в темноте и невежестве и тем самым закрывает дорогу к социальному прогрессу.

Выступая против феодально-деспотической государственной системы, Ахундов критиковал должностных лиц, начиная с шаха-монарха и кончая сельскими старшинами-кентхурами. Он разоблачал жестокость и насилие шахов и ханов, превращающих страну в арену постоянных войн, заговоров и убийств; глупость и подхалимство vizierей-министров, не имеющих никакого понятия о политике, администрации и финансах; продажность государственных чиновников, берущих взятки; мошенничество судей и адвокатов, устраивающих шемажи суд; конарство звездочетов, молл и дервишей, строящих постоянно козни и интриги; паразитизм бекон-помещиков, занимающихся разбоем и т. д. —

Наряду с религией феодально-деспотическая государственная система, по мнению Ахундова, является одной из основных причин экономической и культурной отсталости восточных народов, источником всех социальных недугов — насилию, угнетению, произволу и несправедливости. Ахундов говорил, что феодально-деспотическое правление уже отжило свой век, прерпятилось в преграду на пути общественного развития, вызывает удивление, насмешки и отирание у культурных народов. Чтобы направить мусульманские народы на путь социального прогресса, необходимо упразднить феодально-деспотическую государственную систему — такой лейтмотив социально-политической концепции Ахундова.

Вопрос о государственной власти оставался стержневым вопросом общественно-политических взглядов Ахундова на всех этапах их развития. Следует при этом отметить, что по мере развития общественной жизни в Азербайджане взгляды Ахундова на государственное устройство изменялись и совершенствовались.

В повести «Обманутые звезды», написанной в 1857 г., Ахундов выступает сторонником просвещенной монархии. Честный и умный человек из народа, оказавшись у государственной власти, проводит ряд социально-экономических реформ: он благоустривает города и деревни, облагает всех помером налогом, учреждает справедливый суд, отменяет физические меры наказания, отстраняет всех карьеристов и мошенников от государственных должностей и т. д. В результате улучшается экономическая и политическая жизнь страны, повышается благосостояние народа. Следовательно, по мнению Ахундова, просвещенная монархия может улучшить положение народа. При этом решающую роль играют личные качества монарха.

В 60-х годах в своем философском трактате «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» Ахундов выступает сторонником конституционной монархии, ставя вопрос об ограничении власти монарха представительным учреждением. Он писал, что монарх «должен соединиться с ним (с народом. — Э. А.) в чувствах и мыслях и не считать государство своею исключительною собствен-

ностью, а признать себя только поверенным нации для управления ею и ее отечеством и с участием ее устанавливая законы, основывая парламенты, во всех своих действиях руководствоваться законами и не иметь права ни на какой произвольный поступок...»¹.

В 70-х годах под влиянием подъема революционного движения в России и Закавказье Ахундов в статье «Критика «Ек-кемле» пришел к выводу, что просвещение и наставление не смогут отучить монарха угнетать народ, потому народ должен сам организованно свергнуть власть монарха, установить свое правление. Он писал, что для устранения угнетения «сама нация должна быть прощительной и благообразной, сама должна создавать условия союза и единодушия и затем уже, обратясь к угнетателю, сказать ему: «Удались из сферы государства и правительства»; после этого сам народ должен издавать законы соответственно положению и требованиям эпохи, выработать конституцию и следовать ей»².

В этот период Ахундов, требуя насильственного свержения монархического правления для переустройства общественной жизни на новых началах, выдвигая идею демократической республики, нигилистично подходил к революционно-демократическим идеям, критиковал либеральные иллюзии о просвещенном монархе. «Рашые, — писал Ахундов, — и в Европе предполагали наставлять угнетателя для предотвращения его тирании, но пришли к заключению, что нотация не оказывает никакого действия на характер угнетателя... Необходимо всецело и в корне изменить самое суть вещей»³.

Ахундов указывал на коренную противоположность между деспотическим государством и интересами трудового народа. Он призывал народ свергнуть это государство, заменить его демократическим правлением. «Ты членом и средством в сто раз превосходишь деспота и тиранов, тебе недостает только единодушия и единомыслия»⁴, — писал Ахундов. Однако в силу неразвитости в то время общественных отношений в Азербайджане Ахундов не мог обосновать конкретно свою революционно-демократическую платформу, прежде всего идею крестьянской революции. Будучи идеалистом во взглядах на общество, он не знал законов общественного развития, действительных путей и средств переустройства общественной жизни на новых началах, хотя иногда говорил о революции как средстве насильственного свержения деспота. Революция, писал он, «это событие, когда народ, доведенный до отчаяния противозаконными действиями деспотического и жестокого правителя, объединяется, восстает и свергает угнетателя»⁵.

Но Ахундов был совершенно убежден, что современное ему феодальное общество не будет держаться вечно, оно непременно сменится более совершенным и приведет к установлению равенства между людьми. Говоря о последнем, деспотизм различал равенство правовое и имущественное. Правовое равенство, говорил Ахундов, вполне понятно и естественно, ибо оно требует отмены всех сословных привилегий, равенства граждан перед законом. Что же касается

¹ Наст. изд., стр. 61.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 192, 196.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ Там же, стр. 157.

имущественного равенства, то вопрос этот, по его мнению, является пока спорным. Одни философы утверждают, что оно осуществимо через несколько столетий, другие считают его вовсе не осуществимым. «Кажется, — писал Ахундов, — что если мир не изменится, не переменится природа людская, то равенство людей в этом мире при существующем положении и составе наций невозможно»¹.

В этих рассуждениях Ахундова явно отразились отголоски социалистических учений об уничтожении частной собственности и обобществлении средств производства.

Ахундов пытался вскрыть причину общественного развития, но, как все материалисты до Маркса, идеалистически подходил к решению этого вопроса. Он говорил, что, вступив из царства дикости в царство разума, человеческое общество постоянно изменяется и развивается и что важнейшим условием этого прогресса является изучение и распространение наук. «...Прогресс человечества — это есть продукт ума...»², — писал он. Преуспеивание европейских народов, по мнению Ахундова, объясняется тем, что они, внемая своим ученым и философам, стали изучать науки, строить фабрики и заводы, развивать промышленность.

Ахундов питал буржуазно-либеральные иллюзии насчет демократии и свободы, цивилизации и прогресса, не понимая их классового содержания. Вместе с тем он видел некоторые пороки буржуазного строя. Он указывал на кризисы перепроизводства как на естественный результат промышленного развития западных стран. Приведя из Снемонди известный пример с метлой индийского деревнища, он отмечал, что промышленники Западу не справляются с произведенными ими же товарами³. Критику колониальную политику Англии на Востоке, Ахундов говорил, что конституция и парламент вовсе не мешают ей обращаться с индийским народом гораздо хуже, чем деспот-монарх⁴.

Ахундов был выдающимся демократом, просветителем. Так же как русские и европейские просветители, он решительно выступал против феодально-деспотических порядков, защищал демократические права и свободы трудящихся. Борьба за свободу и демократию, по мнению Ахундова, является важнейшим условием общественного прогресса, развития науки, культуры и просвещения. Она помогает человеку освободиться от тирании, познать окружающий мир и человеческие отношения. Но свободу Ахундов понимал в духе буржуазного либерализма, как право народа на свое имущество, личность и совесть, право учреждения демократических организаций и обществ.

Вся философская и общественно-политическая деятельность Ахундова была направлена на отстранение феодального деспотизма

и его духовной опоры — религии, на переустройство общественной жизни на новых, демократических началах, на приобщение народа к науке и просвещению. Он страстно желал, чтобы восточные народы скорее освободились от «небесных и земных тиранов», безоговорочно встали на путь свободы и демократии, достигли, так же как европейские народы, социального и культурного прогресса. «Наша цель, — писал Ахундов, — заключается в искоренении невежества и косоности наших единоверцев и достижении процветания родины путем распространения наук и знаний в массах. Наша цель заключается в том, чтобы высоко поднять знамя свободы, справедливости и дать народу возможность спокойно строить свою жизнь, идти к благоденствию и достичь зажиточного существования»⁵.

Ахундов ратовал за демократизацию просвещения и образования. Он требовал, чтобы просвещение и образование были доступны всем — чабану, земледельцу и ремесленнику. Ибо только просвещенный народ может развить науки и ремесла, создать справедливое общество, рационально организовать свое хозяйство, достичь благосостояния. Приобщение всего народа к просвещению и науке, по мнению Ахундова, является основным условием культурной, свободной, зажиточной и, следовательно, счастливой жизни. «Изучение наук и овладение культурой, — писал он, — являются не только средством обеспечения благосостояния людей. Наука в то же время испытанное на практике средство улучшения нравов, поведения и поступков людей»⁶.

Большое значение в борьбе за народное просвещение Ахундов придавал реформе арабского алфавита. Более 20 лет Ахундов вел титаническую борьбу за реформу арабского алфавита. В этой связи он вел обширную переписку со своими единомышленниками. Проект алфавита Ахундова стал предметом широкого обсуждения в европейской печати, научных и правительственных кругах Ирана и Турции. В его защиту выступили известные востоковеды Казем-бек, Дори, Ларен де Тасси, Шарль Мисмер и др.

Ахундов был убежден, что с введением нового алфавита «деспотические правительства и религии перестанут существовать»⁷.

Закладывание основ материалистической эстетики и литературной критики. Ахундов по праву считается родоначальником реалистической эстетики и передовой литературной критики в Азербайджане. Мысли Ахундова по вопросам эстетики и литературной критики изложены, кроме философского трактата, в статьях: «Указатель к книгам», «О поэзии и прозе», «Критические заметки», «Редактору газеты Высокого Ирана «Миллет», «Критика пьес Мирзы-Агн», «О Моллаи-Руми и его произведении» и других.

Будучи материалистом, Ахундов рассматривал литературу и искусство как художественное воспроизведение правды жизни, указывал на их познавательное и общественное значение, защищал принципы реализма в художественном творчестве.

¹ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, Баку, 1953, стр. 281.

² М. Ф. Ахундов. Сочинения, т. III, Баку, 1955, стр. 254 (на азерб. языке).

³ Там же, стр. 200.

¹ Наст. изд., стр. 31.

² Там же, стр. 205.

³ Некий индийский деревни превращал метлу в работника, который выполнял всю его домашнюю работу. Сосед деревни, подслушав заклинание, также превратил свою метлу в работника и велел ему таскать из реки воду. Но не зная заклинания для обратного превращения в метлу, он не мог остановить усердного работника, который весь его дом залыл водой. См. М. Ф. Ахундов. Сочинения, т. II, Баку, 1961, стр. 256—258 (на азерб. языке).

⁴ См. там же, стр. 131—132.

Ахундов решительно выступал против устаревшей религиозной и придворной поэзии, угодливой читателю от реальной жизни, ограничивавшейся только воспеванием «красот несны и осеи исправдоподобным сравнениями», превозносящей «нмамом, потомком пророка и других ажесвятых мужей», прославляющей тиранов и различных «особ» высокопарной лезгией¹. Он подчеркивал, что каждое стихотворение должно заключать в себе «определенную мысль, естественный сюжет», выражать жизнь и чаяния народа, должно подчиняться законам искусства. «Стихотворение, — писал Ахундов, — становится эмоциональным, впечатляющим и возбуждающим в читателе эстетические чувства, когда сложено в словах и выражениях, близких к природе и законам речи².

Ахундов считал бесполезными произведения дидактического, назидательного характера, так как они не способны оказывать «влияние на людей, привыкших к дурным поступкам». «Сегодня, — пишет Ахундов, — такие произведения не могут уже принести народу пользу. Ныне полезными, отвечающими вкусу читателя и интересам нации произведениями являются драма и роман³. Ибо только они способны пробуждать в человеке такие два важных природных его качества, как радость и печаль⁴. Что касается дурных наклонностей, то только произведения сатирического и критического характера способны вытравить их из человеческой натуры.

По мнению Ахундова, литература и искусство призваны активно содействовать улучшению общественных порядков, оказывать духовное воздействие на людей, воспитывать в них деятельных граждан, честных тружеников. Отрицая сверхъестественность и чудо в возникновении великих произведений литературы и искусства, он говорил, что «всякое изящное и красивое творение» является «плодом врожденного таланта», который раскрывается при соблюдении определенных эстетических правил и норм. «Изящная поэзия и изящная поэма, — писал Ахундов, — не относятся к разряду сверхъестественных явлений, вполне доступны человеческому таланту. Подтверждением этому могут служить Гомер, Шекспир и другие знаменитые европейские писатели, ораторы и поэты, которые все были не сверхъестественными существами, а подобными нам людьми⁵.

Подчеркивая роль художественной литературы и искусства в эстетическом воспитании людей, Ахундов указывал, что они возбуждают естественные чувства человека, делают его трудовую жизнь радостной и бодрой. Если человек не станет слушать музыку и играть на музыкальных инструментах, танцевать, смотреть спектакли, любоваться картиной, то он не только лишится многих человеческих удовольствий, но у него атрофируются и соответствующие физиологические центры организма. «Хотя все эти вещи (музыка, танец, рисование и пр. — Э. А.), — писал Ахундов, — кажутся пустою забавою, но вы не понимаете, что они, если не превзойдут границ умеренности, то просветят память и разум, потому что натура человеческая способна к радости и печали и для проявления каждого из

этих натуральных свойств существующего чувства в человеческом организме. Если эти чувства будут заглушены, то человек отупеет, но если [он] превзойдет границы умеренности, то чувства истощатся. Вам нужно узнать европейскую медицину и изучить физиологию человеческого организма, тогда только вы [сможете] понимать сказанное⁶.

Основным критерием оценки художественного произведения Ахундов считал единство идейности и художественности. «Изящное изложение» и «красота содержания» — вот два основных условия подлинно художественного произведения. Стихам, обладающим красотой содержания, но лишенным изящности изложения, подобно «Месневи» Джелаледдина Руми, не хватает поэтичности. Поэзия, изящная, но лишенная красоты содержания, подобна стихотворениям персидского поэта Гаани — они наводят уныние и тоску. Поэзия же, отличающаяся полной гармонией художественной изящности и глубокомыслием, подобно «Шах-наме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами, «Дивану» Хафиза, способна вызвать у читателя восхищение, возлюбить его, понравиться всем⁷.

Ахундов придавал большое значение идейности литературы и искусства. Он говорил, что художественное произведение должно выражать определенную идею, без чего не может быть интересным и не может быть переведено на другие языки. Содержание художественного произведения должно отличаться поэзией и самобытностью, естественностью и социальной насыщенностью. Ахундов считал произведение художественно несовершенным, если в нем «заметно более искусство и изысканность, чем поэзия и натуральность⁸. С позиций именно этих требований художественности, он критикует современному ему персидского поэта Суруша, который, не заботясь об идейном содержании своих стихов, преподносит читателю «всякую рифмованную ерунду⁹. Ахундов давал высокую оценку творчеству выдающихся азербайджанских поэтов Вагифа и Касима-бека Закира. Стихотворения Закира, как он писал, отвечают всем необходимым требованиям поэзии, его творчество бесподобно, при чтении его стихов убеждаешься, что стихотворение может быть предметом духовного наслаждения¹⁰.

Основным назначением литературы и искусства Ахундов считал служение народу, его просвещение, воспитание, развитие. Он смотрел на литературу и искусство как на средства активного воздействия на людей, улучшения их нравов. В этой связи Ахундов придавал большое значение драматургии как наиболее доступной и наглядной форме показа уродливых сторон и гримас жизни, распространения передовых идей и взглядов.

Находя в человеческой природе способность к радости и печали, Ахундов указывал на отражение этой способности в двух разных жанрах драмы: комедии и трагедии. Предмет комедии — дурные, смешные поступки и характеры людей, которые следует изобличать при помощи юмора и сатиры. Предметом же трагедии служат досад-

¹ См. наст. изд., стр. 244.

² Там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 257.

⁴ См. там же, стр. 209.

⁵ Там же, стр. 170.

¹ Наст. изд., стр. 66—67.

² См. там же, стр. 237—238.

³ «Русская старина», т. XXIX, № 9, 1880, стр. 105.

⁴ Наст. изд., стр. 44.

⁵ Там же, стр. 213—214.

ные случаи в жизни людей, которые вызывают у зрителя или читателя печаль и сожаление. Комическое и трагическое, таким образом, становятся двумя самостоятельными художественными формами воспитания и переделки людей. «Польза рассказа о горе и радости заключается в изображении человеческой природы и характеров, с тем чтобы слушатель радовался и подражал хорошему, страдал и отворачивался от дурного, а также чтобы человек, одолеваемый низменными страстями, получая удовольствие от слушания подобных рассказов, не становился на путь порока»¹.

Ахундов придавал большое значение литературной критике, рассматривая ее как «творческую форму», приносящую «огромную пользу». Говоря о методах и приемах литературной критики, Ахундов указывал на то, что она должна опираться на убедительные доводы и аргументы, а не на умозрительные суждения. Литературная критика призвана вскрывать то новое, положительное, что имеется в художественном произведении, указывать на его недостатки и ошибки. Критика должна быть серьезной, без браних выражений в адрес автора.

Однако, несмотря на свои материалистические основы, эстетические взгляды Ахундова не свободны от ограниченности домарксистской эстетики. Он не постиг специфики эстетического освоения действительности, своеобразия содержания и формы в художественной литературе, которое он сводил лишь к изящности изложения и красоте содержания.

* * *

Ахундов был пламенным патриотом своей родины, неустанным поборником дружбы мусульманских народов с русским народом. Все его многогранное творчество проникнуто любовью к своему народу, поставлено ему на службу. Ахундов не считал себя представителем какого-либо класса. Он искренне верил, что служит всему азербайджанскому народу, всем угнетенным народам мусульманского Востока. Поэтому он говорил о народе вообще, о нации вообще. Как указывал В. И. Ленин, «просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще»².

— Историческая заслуга Ахундова состоит в том, что в условиях безраздельного господства идеализма и религии он первым поднял знамя материализма и атеизма в Азербайджане, повел решительную борьбу против восточного деспотизма и религиозного фанатизма, за освобождение трудящихся от социального и национального гнета. Его блестящая и остроумная критика ислама, его борьба против невежества и темноты, его выступление в защиту науки и просвещения имеют не только историческое значение. Философское наследие Ахундова, раскрывающее все идейное богатство его литературной деятельности, не потеряло своей актуальности по сей день и может быть с успехом использовано в борьбе с темными силами реакции.

Э. М. АХМЕДОВ

философия
и социология

¹ См. наст. изд., стр. 209.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 541.

**ТРИ ПИСЬМА
ИНДИЙСКОГО ПРИНЦА КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ
К ПЕРСИДСКОМУ ПРИНЦУ
ДЖЕЛАЛ-УД-ДОВЛЕ
И ОТВЕТ НА НИХ СЕГО ПОСЛЕДНЕГО***

Отшельник! Уходи подобру-поздорову из
улицы вольнодумцев, дабы тебя не погубило
сотоварищество с еретиками.

Из поэмы Гафиза

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Рамазан, 1280 г. (1863 г.) от л. х.², Тавриз.

Любезнейший друг Джелал-уд-Довле!

Вот наконец я послушался твоего совета и, совершив путешествие по Англии и Франции³, возвратился в землю персидскую⁴. Но это возвращение меня отнюдь не порадовало, а, напротив, вызвало раскаяние. Было бы лучше, если бы я не возвращался на родину, по крайней мере я не сошелся бы со своими единовверцами и ничего бы не узнал об их грустном, безвыходном положении, при виде которого сердце мое сжалось от печали. О Персия! Куда девалось твое прежнее могущество и благоденствие, которые составляли твою гордость во времена Джемнида, Кештасба, Ануширвана и Хосроя-Первиза? Если же блеск и счастье прежнего Ирана по сравнению с блеском и счастьем народов Франции и Нового Света в наш век

* [Все вопросы, затрагиваемые в этих трех письмах, можно применить к вопросу о юридическом равноправии, истинность которого принимается всеми философами. Однако пока еще невозможно применять их в отношении имущественного равноправия, истинность которого вызывает споры среди философов.

Для нас, современных людей, очень трудно постичь вопрос об имущественном равноправии, хотя некоторые европейские ученые по ряду соображений и считают возможным имущественное равноправие через несколько веков. Однако другие философы приводят доводы, опровергающие их мнение.

Кажется, что если мир не изменится, не переменится природа людская, то равенство людей в этом мире при существующем положении и составе наций невозможно!].

считаются свечой против солнца, то по отношению к нынешнему состоянию Ирана это — свет против мрака.¹ О Персия! Где то время, когда твои повелители, руководствуясь постановлениями «Пеймани-Фергенга»*, в продолжение тысячи столетий наслаждались на твоей раю подобной земле величием и благосостоянием и сыны твои под сенью их мудрого управления в изобилии были осыпаны всеми дарами аллаха многомилостивого, живя в в счастье и спокойствии, не зная бедности и нищеты и вкушая все блага неведомой теперь в Персии свободы, пользовались почетом и уважением в глазах всех стран и народов, между которыми не умолкал гром славы твоих венценосцев? О Персия! Твои сыны даже не сохранили в назидаение потомству письменных памятников твоего прежнего величия; о твоей минувшей славе мы должны узнавать от других, а именно от греков, древние летописи которых и до сих пор остаются единственным свидетельством твоего величия, ибо Греция лучше других народов древнего мира изучила твою почтенную, седую древность.

Во времена древних царей персидских согласно с постановлениями «Пеймани-Фергенга»** в каждой области и во всяком городе находились чиновники, обязанные наблюдать за правильным сбором податей и за внесением их в особые, установленные для того книги; кроме того, особые доверенные лица обязаны были наблюдать за положением края, нуждами населения, действиями отдельных начальников и доносить обо всем замеченном государю, который за основание своих распоряжений брал эти донесения. Непосредственное управление отдельными областями было вверено особым начальникам, из которых ни один не осмеливался не только допустить, но даже и помыслить о какой-либо несправедливости или об угнетении народа. Военное управление было отделено от гражданского, и военачальники отличались строгой аккуратностью относительно выдачи содержания войскам, ибо в противном случае они подлежали строгой ответственности.

До Сасанидов земледельцы вносили в казну натурой

* «Завет мудрости» — так назывался юридический кодекс древних персиян.

** См. книгу «Дебистан-уль-Мезагиб» («Школа религиозных воззрений»)².

лишь двадцатую часть урожая, и только при этой династии, да и то добровольно, они стали вносить десятину.

В каждой области государственные доходы поступали в особые казначейства, из которых затем производился расход на государственные потребности, причем не требовалось никаких дополнительных пожертвований со стороны населения и не допускались новые налоги.

Никому из отдельных начальников не было предоставлено право смертной казни (во времена более глубокой древности даже и животных нельзя было убивать безнаказанно)¹; о всяком же преступнике, подлежащем такой казни, предварительно доносилось царю, который уже давал свое решение, руководствуясь постановлениями «Пеймани-Фергенга». Вообще надо заметить, что смертная казнь по возможности избегалась и производилась лишь в крайних случаях².

Военное сословие было приучено ко всякого рода лишениям и, не зная великолепных палаток и помещений, предпочитало бивачную жизнь всякой роскоши; безвинно, по произволу никто не мог быть уволен от своей должности: заслуженные люди награждались пенсиями, которые по их смерти предоставлялись в пользование их семейств.

В каждом городе были устроены больницы, мужские и женские³; для слепых, калек, немощных были богадельни, содержимые на счет государства⁴. Благодаря такой заботе государства о населении бедных и нищих никто и никогда не встречал на улицах.

Царь всегда был окружен умными и честными советниками, обязанность которых заключалась в том, чтобы своими советами направлять действия государя к умным и добрым делам. Кроме того, при нем постоянно должен был находиться «мубид» (главный мудрец), который, обладая всеми современными научными сведениями и историческими познаниями и в особенности изучив все постановления «Пеймани-Фергенга», разрешал все запутанные вопросы и недоразумения. Прием у царя был ежедневный; кроме того, один день в неделю был исключительно назначен для приема просьб и жалоб, которые всякий подданный без всякого препятствия мог подавать царю.

Цари не считали унижением для своего достоинства разделять трапезу со своими подданными и сидеть с ними за одним столом.

Государство имело правильно устроенные почты; были устроены почтовые станции, на которых находились лошади, поставленные от правительства. Благодаря такому порядку курьеры без задержки постоянно скакали к царю с донесениями разных правительственных лиц и развозили по государству его повеления.

В «Пеймани-Фергенге» ясно были определены как награды за каждое доброе и полезное государству деяние, так и наказания за все проступки и преступления, и если кто-либо оказывал услугу в пользу нации и государства, то он тотчас же получал определенную награду; в случае же назначения наказания на основании этого кодекса никто из приближенных царя не осмеливался ходатайствовать об отмене наказания.

Во время войны войска, находясь в чужих землях, одержав победу над неприятелем, никогда не позволяли себе разорять поселян, наносить оскорбления слабым людям, путешественникам и вообще всем жителям покоренного края.

Понятно, что при таком порядке управления благодать всевышнего осеняла древних персидских венецосцев, драгоценным украшением державы которых были не жемчуга и бриллианты, похищенные насилем, а правосудие и справедливость, бывшие их неразлучными спутниками.

Благодаря такому порядку вещей в то счастливое время все путешествовавшие с целью научиться чему-либо или по торговым делам пользовались уважением.

Знание всех постановлений «Пеймани-Фергенга» считалось до того обязательным для государя, что каждый день в определенные часы советники царя в его присутствии обязаны были читать разные главы из этой книги.

Что же касается до золотого чертога (женское отделение дворца, принадлежавшее царице), то и для него существовали особые постановления. Так, государынею считалась только одна главная жена царя — бануи-бануван (царица цариц), которая имела свой собственный придворный штат из женщин и девиц, и хотя она пользовалась почетом, но вмешиваться в государственные дела ей отнюдь не позволялось.

Любезнейший Джелал-уд-Довле, государственных узаконений древних персиян очень много; не было предмеха, о котором не существовало бы какого-либо постанов-

ления, разумеется, соответствовавшего размерам научных и технических познаний той эпохи. Поэтому исчисление всех узаконений древних персов немислимо в настоящем письме; только ты, любезный друг, обрати внимание на их результаты в древнее время, как прославлялась древняя персидская монархия в среде других государств и как персы считались народом счастливым и избранным. О правосудии тогдашней эпохи ты можешь судить уже и по тому, что и в настоящее время народ, когда хочет прославить истинное правосудие современных земных владык, сравнивает его в своих поэтических произведениях с Фиридуном и Нуширваном.

Всему миру известно, что территория, составлявшая древнюю Персию, граничила с севера рекою Джейхун (Аму-Дарья), Аральским морем и Дербентом; с юга — Персидским заливом и Умманским морем; с востока — рекою Сидледж, между Синдом и Индустаном, и с запада доходила до Босфора и берегов Белого моря¹. Белуджистан, Афганистан, Кабулистан, Гур, Систан, Лагур, Кашмир, Шикар-Пур, весь Синд-Белх, Хива, Оргендж, Дешти-Кипчак, Ширванат, Баблия-Земли, области Хире, Диари-Бекр, Армен-Земли и Сирия составляли персидские владения, и их обитатели повсюду пользовались уважением и почетом, были счастливы и блаженны. О горе! Где теперь прежнее твое могущество и величие, славнейшая Персия? Где теперь прежнее счастье и блаженство твоих сынов? Увы! уже целые 1280 лет прошло с того времени, как голые, голодные дикари, варвары-арабы² свергли тебя в бездну несчастья. Земля твоя, некогда благословенная, повсюду представляет вид опустошенной, заброшенной местности; народ твой считается самою невежественною нациею в мире, не имеющею понятия о благах цивилизации и свободы. И действительно, сыны твои находятся как бы сжатыми в тисках: с одной стороны, давит необузданный³ деспотизм государей, а с другой — грубый, невежественный фанатизм духовенства.

Вследствие постоянного нахождения между такими тисками народ твой, о Персия, дошел до совершенного изнеможения, сталь его способностей покрылась ржавчиною, и в нем развились всевозможные дурные наклонности: низость, подлость, бесчестие, корыстолюбие, рабление, низкопоклонство, лицемерие, коварство, неблагодар-

ность, хитрость, трусость и вероломство; одним словом, все врожденные ему благородные качества, как-то: правда, справедливость, благодарность, благородство, славолюбие, великодушие и бескорыстие — заменились совершенно противоположными качествами. Быть может, пройдет еще целые века, пока ты успеешь внутреннею своею силою стряхнуть с себя теперешние твои позорные узы невежества и снова получишь благоустройство, благоденствие и блаженство и твой народ станет наравне с цивилизованными народами.

А до чего достигла ты теперь, о несчастная Персия! Посмотри на твой народ, который вследствие угнетения своими деспотами-правителями и жесточайшей бедности в бесчисленном множестве скитается в Турции, России, Афганистане, Индустане, Туркестане, Аравии и Европе без всяких средств к существованию, влача свою скучную жизнь в крайне унижительном занятии чернорабочего и слуги. Везде он пренебрегаем, унижен и подвержен несчастью... Около двухсот тысяч твоих детей обоего пола, многие даже с целыми семействами, до недавнего времени страдали¹ в страшной неволе у туркмен, проводя жизнь в полях и стогах, и никто не хотел² подумать о них! Никто не протягивал своей руки для их освобождения.

Повелитель твой сидит в своей столице в полном неведении о прогрессе иностранных народов, воображая, что владычество есть только средство к тому, чтобы наряжаться в дорогие платья, обедаться вкусными яствами, безнаказанно располагать имуществом и жизнью своих подданных по своему полнейшему произволу и быть предметом поклонения подвластных, повелителем бездушных рабов и кумиром глупых льстецов и продажных поэтов, воспевающих его ребяческими гиперболами вроде следующего похвального стиха Фет-Али-шаху: «Ты спокойно восседаешь на своем троне в то время, как повелитель Византии и властелин Китая трепещут от страха; первый будучи поражен звуком трубы, а второй — громом барабана твоего воинства»; и шах подобно ребенку восхищается такою наглою лестью и награждает льстеца богатым подарком, не понимая даже того, что ни повелитель Византии, ни властелин Китая и другие государи даже и не думают о нем и ни во что его не ставят, а ежели когда мимоходом и вспомнят про его существование, то не ина-

че как с горькою иронией и презрением, а с подданными его и чиновниками обращаются с пренебрежением!

Всякий государь¹, уважающий собственное достоинство и дорожащий честью своей страны, устыдился бы подобного властвования и скорее отрекся бы от короны², чем допустил бы себе унизиться до такой степени, чтобы быть посмешищем иностранных народов. О Персия, бедная Персия! Бедняга Фирдовси (да будет над ним благословение аллаха) восемьсот лет тому назад предвидел предстоящий твой день, и, как бы вдохновенный откровением свыше, он от имени Рустема, сына Гурмизд-шаха, полководца последнего государя Сасанидской династии Иездигерда, командовавшего войсками, действовавшими против Саади-Ваккаса, предводителя арабских полчищ, посланных Омаром для покорения Персии, пророчествовал следующее:

Стихи из знаменитого творения Фирдовси, известного под заглавием «Шах-наме» (Книга царей).

Рустем пишет к своему брату:

«1. О горе! Арабы восторжествуют над персами, и звезда счастья Сасанидов померкнет.

2. Смет наполнится феодальными шахами, золото скроется, и медь обнаружится.

3. Зло будет представляться в виде добра, и добро в виде зла, рай исчезнет, и на месте его появится ад.

4. Небо теперь совсем переменилось, ибо оно совершенно лишило благородных людей своей благосклонности.

5. Плачу и рыдаю об участи персов, сердце мое [сгорает] за судьбу Сасанидов.

6. Увы! Славная корона! Увы! Великолепный трон! Увы! Величие, могущество и счастье Персии!

7. Увы! Великое царство, прославленное правосудием и любовью к народу. Увы! Престолу этого царства суждено теперь обратиться в прах.

8. Отныне предвидится поражение от арабов; отныне звезды будут двигаться к нашему несчастью и невзгодню.

9. Отныне, как только царский трон заменится мечетским мунбером (кафедрой), везде будут произноситься имена Абу-Бекра и Омара.

10. Тысячелетние труды о народном благосостоянии превратятся в ничтожество, и нам предстоит упасть с вершины благополучия в пропасть бедствия.

11. Отныне не будет ни престола, ни короны, ни столицы; небо все готовит в угоду арабам.

12. В угоду этим вероломным и бесчеловечным варварам, пред которыми будут уважаемы криводушные и низость...

13. Они вырывают добычу друг у друга, для них все равно — проклинают ли их или прославляют, лишь бы иметь им выгоду.

14. Скрытность предпочтется откровенности; сердца людей будут подобны граниту.

15. Недостойные рабы завладеют престолами, и древние династии исчезнут с лица земли.

16. Отныне в мире исчезнет всякое чувство благодарности, повсюду появятся тираны с коварною душою и языком.

17. На персидском престоле появится новая династия из арабов и турок.

18. Счастливые доныне поселенцы уже не будут более наслаждаться плодами своих мирных трудов, хищничество и [обман будут в слове и деле каждого].

19. Прошайте, великоленные пиришества и пышные празднества, прошайте, знатность и слава. Арабы своими сетями положат конец всему этому.

20. Они истребят народы для удовлетворения своей алчности, настанет эпоха бедствия и несчастья...

21. В сущности цель их есть грабеж, предлогом к которому они выставляют какую-то новую религию¹.

22. Они не заботятся о честности и пышности; их пищу составляет хлеб с сусеным кислым молоком, а платье — шерстяная ткань.

23. И много пройдет времени от этого страшного события, и все благородные фамилии будут забыты.

Затем Фирдовси в письме Рустема к Саади-Ваккасу от имени первого говорит:

«1. С чувством полного страха и небольшой, впрочем, надежды написал он на белой шелковой материи письмо.

* Любезнейший Джелал-уд-Довле! В подтверждение слов Фирдовси о том, что арабский пророк придумал свою религию лишь как предлог для разграбления народов, может служить свидетельство знаменитого арабского же историка Абдурахмана ибн-Халдуна, который в первом томе своей истории, между прочим, так описывает нравы арабских племен:

«Арабы склонны делать набеги на ровные местности, а не на горные, потому что народ этот по своей дикости любит грабеж и опустошение и в горных местностях нелегко достигает своей цели».

Затем, в другой главе, Абдурахман ибн-Халдун говорит так о своих соотечественниках:

«Арабы никогда не могут совершать какие-либо завоевания иначе как под предлогом распространения религии, данной им каким-либо пророком или указанной каким-нибудь сектатором; причина этому та, что этот народ по своей дикости не имеет между собою единства и ни одно племя не хочет подчиняться другому вследствие огрубелости нравов, зависти к возвышению своего собрата и тому подобных причин: но когда между ними появится какой-нибудь пророк с религиозным учением, тогда исчезает между ними всякое чувство гордости, зависти и племенной вражды и они все единодушно собираются под знамя пророка, оказывают ему полное повиновение и, сливаясь во имя веры в один народ, делаются способными к завоевательным предприятиям».

2. Саади-Ваккасу, исполненному благоразумия, знания и важности.

3. Скажи мне, кто твой шах, кто такой ты сам, какими законами и принципами ты руководишься?

4. От кого ты получил власть и назначение командовать армиею, в которой как шажие чины, так и командиры одинаково голы?

5. Ты можешь быть сыт одним хлебом! Какой же ты полководец, когда не имеешь ни слонов, ни шатров, ни запасов продовольствия?

Далее, в третьей главе, Абдурахман ибн-Халдун говорит:

«Нашествие арабов на какую-либо страну всегда сопровождается опустошением, потому что они по своим нравам склонны к грабежу; их пища добывается только их коньями; они не знают пределов в разграблении народов: все, что им попадается на пути, отнимается у собственников. Когда грабеж вполне совершится, разграбленный народ без имущества и без защиты покидает свои жилища, а страна, бывшая до того времени обитаемою, превращается в пустыню».

Любезный Джелал-уд-Довле! Из этих выписок ясно, что арабы всегда были народом дерзким, грубым, воинственным и диким, их ремесло заключалось в грабеже и разбое, единство между их разрозненными племенами могло сохраниться только под влиянием религиозного фанатизма. Когда появляется между ними какой-нибудь фанатик-пророк, тогда они все собираются под его знамя, признают его волю священной, повинуются ему беспрекословно и по его приказанию разоряют страны и покоряют царства.

А первым из арабов, который вполне характерен арабам, был основатель ислама Мухаммед, объявивший себя пророком; хотя после успехов его пропаганды трое арабов, а именно: Асвед-Эйн-Мусейлими и Телхе бин-Хулиде и одна женщина, по имени Седжах, завидуя его возвышению и следуя его примеру, еще при его жизни вздумали объявить себя пророками среди своих племен и собирать около себя последователей и на первых порах имели даже некоторый успех, но так как они ни по уму, ни по таланту или красноречию не могли равняться с Мухаммедом, то их пропаганда и не могла конкурировать с его пропагандою, тем более что в то время авторитет Мухаммеда как пророка успел уже утвердиться и число последователей ислама в значительной степени превосходило число последователей новоявившихся пророков, которые и были почти совершенно истреблены последователями Мухаммеда. Когда же учение Мухаммеда утвердилось настолько прочно, что в среде его последователей уже неудобно стало появляться новым пророком, то арабы начали искать возвышения и наживы в сектантстве. Таким образом, появились, с одной стороны, Абасиды, а с другой — Алевиды. Вообще сектанство в арабской империи продолжалось до самого нашествия монголов, разрушивших эту монархию и положивших конец религиозным фанатизмам и бедствиям арабов. После того арабы опять вернулись в первобытное свое состояние, в котором находились до появления Мухаммеда, утратив навеки и славу, приобретенную ими их стремлениями к наукам; но религия, проповеданная Мухаммедом, сохранилась и до сего дня как между арабами, так и между покоренными ими народами, которые находились под их игом почти 600 лет и которым ислам

6. О боже! Араб, питающийся верблюжьим молоком и ящерицами*, дошел до того, что

7. Он теперь мечтает о короне Киянидов. Тыфу на превратность судьбы! Еще раз тыфу!

8. У вас, арабов, нет стыда на лице. Вы чужды ума, чести и справедливости.

9. И с таким бесстыдством, бесчестьем и бесславием вы еще мечтаете о троне и короне!

10. Если ты, о Саади-Ваккас, инициатор завоевания и если твои требования не превышают меры умеренности...

11. То пришли ко мне одного толкового посланца, мужа умного и опытного.

12. Пусть он скажет мне, в чем состоит твоя воля и кто направил тебя против киянского престола».

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Вследствие этого письма Рустема Саади-Ваккас отправил посланцем Мигире, и вот посмотри, какие бредни написал он ему в ответ и ради каких нелепостей эти разбойники арабы навеки лишили Персию блаженства и благосостояния.

Фирдовси говорит:

«1. Саади-Ваккасу, преважному, было доложено о приезде в его стан Рустема посланца — Фирюза с письмом, и он принял его перед армиею нечеловечески, как песок.

2. Фируз представил письмо Рустема и, кроме того, изустно передал данное ему поручение.

был навязан силой их оружия. Арабы и в настоящее время остались такими же дикарями, какими были прежде; доказательством тому служат следующие признаки: они в высшей степени суеверны, верят в колдовство, чародейство, волшебство, дурной глаз; уверены в существовании и влиянии на судьбу человека различных дивов, перли или шимф, джипнов и других различных добрых и злых мифических существ, не отличаясь в этом отношении от дикарей Африки, Америки и Австралии. Кроме того, между современными арабами существует обыкновение прибавлять к собственному имени всякого мужчину имя его сына, если он имеет такового.

Это делается ввиду того, что добыча, добытая грабежом, делится между ними пропорционально положению каждого; так, семейный получает на свою долю больше холостого; но так как начальник племени по неграмотности не может иметь списков семейных и холостых, то он и отличает одних от других по придаточному названию.

* Любезнейший Джелал-уд-Довле! Тот же арабский историк Абдурахман ибн-Халдуи в первом томе своей истории, в главе о появлении деспотизма в халифате, пишет: «Арабы часто питались даже степными скорпионами и ящерицами, самое же любимое их кушанье составляла тончайшая верблюжья шерсть, изжаренная с кровью...»

Точно в таком же положении находились и сами курейшиды

3. Письмо было перечитано на пехлевийском наречии и переведено ему по-арабски; содержание письма возбудило в нем негодование.

4. На это письмо Рустема он тотчас же написал ответ на арабском языке, написав в нем всякую всячину.

5. Письмо начиналось именем бога и Мухаммеда — его посланника, руководящего человечество к познанию истины.

6. Затем говорилось о джинах, о людях и изречениях пророка из колена Гашимидов.

7. Потом напоминалось об единстве бога, об Алкоране, о страшном суде, райском блаженстве, и о новой религии, и новых обрядах.

8. О наказании адским огнем и дефте для питья в аду, о страшнейшем холоде Земгерир¹, о рае и о постоянно текущих там вишней и молочной реках.

9. О камфоре, мускусе и чистейшей воде мюнн², текущей в раю, о райском дереве, вине и меде.

10. В заключение письма было сказано, что если шах Иездигерда примет истинную Мухаммеду религию, то все сказанное обещается ему и его народу и он в радости будет шахствовать как в настоящем, так и в будущем мире.

11. Он и на том свете не разлучится со своей короной, со своими украшениями, там будет вечная весна, вечное благоухание и вечная зелень.

12. Всякий его грех будет отпущен заступничеством Мухаммеда, и тело его постоянно будет испускать благоухание, как розовая вода.

13. Коль скоро от его воли зависит приобрести такое воздаяние в раю за принятие ислама, то не следует ему своим упорством сажать в своем саду терновник бедствия.

14. Все царство Иездигерда, все его сады, площади, террасы и дворцы.

15. Его трон, вены и его ширшественные залы не стоят и одного взгляда на ланиту райской думы — гурни.

16. Корона и сокровища ваши вас ослепляют в этом тленном мире.

17. Вы слишком гордитесь вашим троном из слоновой кости, вашими сокровищами и вашим царством.

18. Но уверьтесь, что все они не стоят и одного глотка холодной воды в день страшного суда; советую вам, не обольщайтесь ими.

19. Если кто-нибудь предпримет против меня враждебные действия, то того ожидает ад и тесная могила.

20. Но того, кто не откажется принять предлагаемую мною религию, ожидает райское обиталище. Избирайте любое, как угодно.

в то время, когда между ними появился Мухаммед со своими пророчествами и новой религией; они собрались вокруг него и, сначала исполняя его волю, а впоследствии по повелению его наместников-халифов, нагрянули на римлян, греков и персов и, завоевав их владения, окончательно разрушили монархию последних, похитив при этом их несметные богатства. Нередко после какого-нибудь похода из добычи разграбленных городов и провинций на долю только одного конного воина приходилось 30000 золотых монет.

21. Однако же не забывайте, что райское блаженство вечно, радости же сего мира непрочно, человек мало-мальски умный, конечно, изберет первое».

Друг мой Желал-уд-Довле! По совету Саади-Ваккаса мы приняли ислам, и, судя по его обещаниям, мы должны были в обоих мирах шахствовать в радости, не ведая ни малейшей печали. О загробной жизни мы пока ничего не знаем, лишь слышим одно уверение о том от Саади-Ваккаса и других; посмотрим же теперь на наше житье-бытье на этом свете. От начала летосчисления хиджры до настоящего времени Персия испытывала такие бедствия, подобных которым на всем земном шаре ни одна страна не испытывала в такой мере; нашествие арабов, кровопролития Дейлемидов, Сафаридов, Саманидов, Газнавидов, Теберистанидов, Мазандаранидов, государей Зиаридов, Исмаилидов, Салджикидов, Атабегидов, Хорезмишахидов, Ченкизидов, Теймуридов, Гуридов, Рустемдаридов, Сербедаридов, Куртидов, Шейбанидов, Чобанидов, Алкоюнидов, Каракоюнидов, Сефевидов, Авганидов, Авшаридов, Зендидов и Каджаридов! — все это происходило на персидской почве, не говоря уже о бесчинствах мелких феодальных владетелей и искателей власти, которых даже нельзя и перечислить.

Итак, вот результаты великолепных обещаний Саади-Ваккаса. Но оставим в стороне персов, посмотрим, какую пользу принес ислам самим арабам. В настоящее время нет нации несчастнее арабов, которые утратили всякое политическое значение и забыты всеми. Почему же ислам не мог осчастливить их? Теперь мы их находим голодными, голыми, не имеющими никаких познаний о человеческих достоинствах, неподвижно скученными в одном небольшом уголке земной поверхности, где они живут подавляемыми правоправных из других наций. Если бы они оставались в идолопоклонстве, то, может быть, со временем и они вышли бы из своего мрачного положения, получили бы умственное развитие и приобрели бы хотя какое-нибудь политическое значение, так как из оков идолопоклонства несравненно легче освободиться, чем из оков исламизма, который держит их в крепких когтях и своими нелепыми обещаниями и строгими обрядами не допускает приближаться к распространяющейся повсюду цивилизации, даже в будущем не предвидится возможности выбраться арабам из этих когтей.

Не выводи, любезный Желал-уд-Довле из моих слов того заключения, что я лично изменил исламу и отдаю предпочтение какой-либо другой религии; напротив того, я ко всем вообще религиям совершенно равнодушен¹ и ни к одной из них не питаю сочувствия относительно надежды на спасение души после смерти. Я отдаю предпочтение только той религии, которая делает человека счастливым и свободным в здешнем мире. Рассмотрим хорошенько все факты и отвечай мне: появление в Персии по милости ислама столько различных династий, сменявших одна другую в течение 1280² лет, какую принесло пользу ее народу и почему этот народ до такой степени упал нравственно и обессилел, что всякая скотина, злодей и тиран, поднимая свою голову из какого-нибудь угла земли, по своей прихоти и произволу подвергают ее столько бедствиям?

Начало всем этим смутам положено арабами и их религией, ведущей к совершенному деспотизму, хотя и не прямо, но косвенно, по духу своего учения проповедующей, безусловно, жестокость и беспощадность в отношении человечества.

Вот некоторые видимые плоды деспотизма и религии ислама в Персии, под влиянием которых ее народ совершенно отупел.

Книгопечатание изобретено уже более четырехсот лет тому назад, а персиянам только вчера пришла в голову мысль учредить у себя литографию; заметьте, не типографию, а литографию, вследствие того дурацкого рассуждения, что будто бы в типографских изданиях теряется красота почерка. Они не хотят понять, что главное достоинство печатной книги состоит не в красоте почерка, а в удобообразности и безошибочности и что литографские издания нередко бывают наполнены ошибками и обходятся несравненно дороже типографских, вследствие чего они недоступны для бедного класса³.

Посмотрим теперь на современную персидскую литературу; она вся вертится около разных религиозных обрядов и правил, например: омовение должно быть совершаемо так, а не иначе; молитву должно говорить так, а не иначе; если во время молитвы родится в душе сомнение о числе поклонов, то нужно поступать таким-то образом, а не иначе; по окончании месяца голодания⁴ (поста) подаяние должно быть раздаваемо в таком-то

размере, а не иначе; известную часть земных произведений должно отдавать в пользу духовенства так, а не иначе; пятую часть всех торговых и промышленных барышей должно дарить мнимым потомкам пророка, дармоедам, сеидам так, а не иначе; во время отправления естественных потребностей не должно садиться спиной на юг, то есть к Мекке, и тело в это время своей тяжестью должно упираться на левую ногу и т. п. и т. п. Такому вздору дается пышное название «Шариатские постановления»!

Другая отрасль литературы состоит из отвратительных легенд о мнимых чудесах двенадцати имамов, потомков пророка, и других лжесвятых мужей или же из описания походов и завоеваний каких-нибудь тиранов, переполненных гиперболическими сравнениями, льстивыми похвалами и написанными страшно высокопарным слогом, доступным пониманию далеко не всякого читателя.

О поэзии персияне имеют своеобразное ненатуральное понятие; о содержании и красоте своих поэтических произведений они не заботятся и всякую рифмованную ерунду считают за поэзию. Поэзией у них считается всякое произведение фантазии, писанное с соблюдением известного размера и рифмы, содержание которого, по их мнению, должно пренебрежительно заключаться в прославлении красавиц различными неестественными похвалами или же в воспевании красот весны и осени неправдоподобными сравнениями. Так, например, поэма одного современного тегеранского поэта, известного под псевдонимом Каани (придворный поэт), в изобилии наполнена подобной ерундой. Современные персидские поэты вовсе не понимают, что содержание поэтических произведений должно производить более сильное впечатление, чем проза, что всякая поэма должна заключать в себе какую-нибудь определенную мысль или какой-нибудь естественный и натуральный сюжет, вызывающий в читателе или восторг, или печаль, или же, наконец, приятное ощущение, как, например, гениальная эпическая поэма Фирдовси, который еще до сих пор не встречал себе в Персии соперника или равного по таланту.

Если персидский народ познакомится с эстетическими правилами, соблюдение которых необходимо в поэзии, то очень может быть, что из них появятся личности, которые будут в состоянии писать стихи подобно Фирдовси, так как изящная проза и изящная поэма, не относясь к разря-

ду сверхъестественных явлений, вполне доступны человеческому таланту. Подтверждением этому могут служить Гомер, Шекспир и другие знаменитые европейские писатели, ораторы и поэты, которые все были не сверхъестественными существами, а подобными нам людьми.

Допустим даже, что Коран есть самое изящное и красноречивое прозаическое произведение, написанное на арабском языке, но из этого еще нельзя делать вывода об его сверхъестественности и чудесном происхождении, ибо всякое изящное и красноречивое творение есть непременно плод врожденного таланта какого-нибудь человека.

Персиянам до сих пор не известно искусство переплетать книги; всякая переплетенная книга для них через два расширяется¹, от чего листы ее теряются. Между тем почти каждый день они имеют на глазах книги, переплетенные в европейских странах с такой прочностью, что и через сто лет употребления они не портятся, несмотря еще на то, что европейский способ переплетения обходится несравненно дешевле персидского.

Европейские народы в настоящее время уже не довольствуются не только первобытными, но даже шоссейными дорогами и везде стараются проводить железные дороги; в Персии же даже верхом трудно проехать. Народ и правительство до сих пор не могут понять той простой истины, что удобство сообщения и правильное устройство дорог составляют первое и необходимое условие как для безопасности и благоустройства края, так и для успехов торговли и промышленности, а следовательно, и для освобождения нации от бедности и невежества.

В Персии почти на каждом шагу встречаются развалины опустошенных деревень, города находятся в жалком виде с узкими беспорядочными улицами и воздухом, зараженным миазмами от кладбищ, находящихся среди городов и на дорогах. Это зло допускается правительством по требованию духовенства, которое вменяет правоверным в обязанность останавливаться на минуту перед каждым кладбищем и прочитывать в видах спасения душ покойников несколько арабских слов, называемых «фатихе»².

Многие из мусульман, персияне ли они или турки, носят часы; когда (по какой-нибудь надобности) спросишь кого-либо из таких мусульман, который час, то он, преж-

де чем ответить на вопрос, спрашивает тебя, когда бывает закат солнца? Подобный вопрос, естественно, ставит тебя в тупик; черт знает, когда бывает закат солнца. Кто может экспромтом припомнить это? Час солнечного заката переменчив, смотря по времени года и географическому положению местности. Тут начинаются с обеих сторон несносные догадки, и, наконец, ты получаешь следующий неверный ответ: до заката солнца остается 4 часа и 27 минут. Тут сам соображай, хоть лопни, который же час должен быть это? Разумеется, экспромтом, без особенного размышления, ты не можешь решить такой вопрос и в досаде замечаешь своему товарищу с гримасой на лице, выражающей душевное раздражение: «За чем вы не заводите часов по манере европейцев, от полудня до полудня?» На это ты получаешь следующий ответ, высказываемый в тоне упрёка: «Как вы решаетесь нам советовать подражать гяурам?» «Как же вы подражаете им в ношении очков, — возражаешь ему, — ведь изобретение и ношение очков тоже выдуманно этими презренными гяурами, однако вы с удовольствием пользуетесь их изобретением и подражаете им в ношении очков?» Здесь уж вместо возражения следует молчание. Вот до какой степени оглупел этот народ под влиянием исламизма.

Стоячая вода в бассейнах бань так нечиста, как будто бы она полита нефтью. Всякий негодяй с вонючими язвами по входе в баню тотчас погружается в бассейн и умывается в нем, оставляя всю свою нечистоту в воде, причем он воображает, что вымылся в чистой воде, ибо муштенд однажды навсегда признал банные бассейны чистыми (в религиозном смысле), коль скоро вода в них доходит до уровня, определенного шарнатом. В этом отношении турки гораздо умнее персиян. В константинопольских банях бассейны постоянно закрыты. Купаться в них никому не дозволяется, моются же под кранами, проведенными из бассейна. Перенять этот похвальный обычай от турок персияне не могут потому, что шестой имам приказал шинитам всегда делать противоположное тому, что делают сунниты.

Куда только ни посмотришь — всюду безурядица, посмотришь направо — купец сидит без торговли по неимению капитала; налево — поселянин без средств к сельским работам. Государственный доход незначителен,

в таможенных и других финансовых учреждениях существует величайший беспорядок. Богатые люди, владельцы поместий и земель, и вообще высшее сословие, равно как духовенство, владеющее именьями, пожертвованными разным мечетям и гробницам, не вносят в государственную казну ни одной полушки; так что вся тягость подати лежит исключительно на бедном классе народа, который безжалостные сборщики податей подвергают мучительным пыткам в видах понуждения к исправной уплате требуемых сумм. Как для правильного взимания податей, так равно и для правильного расходования государственных доходов не существует никаких узаконений. Сбор и хранение государственных податей возлагается в каждой провинции на губернаторов провинций, и им же посылаются предписания на счет расходов или переводы на имя разных получателей, которые являются к губернатору как просители. Иногда подать еще не в сборе или объявляется не в сборе, судя по возможности или неважности получателя, а переводные предписания уже получены, тогда многие текущие расходы остаются без покрытия, многие получатели месяцами мучаются в ожидании денег и неизбежно входят в долги для своего пропитания, происходит страшная сумятица; содержание дипломатических агентов в иностранных государствах также по этому порядку переводится на губернаторов провинций на счет податей с вверенных им провинций, а подать иногда не в сборе, и отпустить требуемые суммы неоткуда. Господа посланники, консулы и прочие дипломатические агенты в чужих краях, ждите, хоть умрите с голоду. Но не должно так думать, ведь и они тоже, слава аллаху, не ослы*. Разве нет персидских подданных в чужих краях? Давайте их грабить под разными придирками, пока не получится содержание! Правительство, не следя за ходом дел в иностранных государствах, вовсе не знает, что там благодаря успехам наук для этого предмета установлены правила, при соблюдении которых ни одна копейка из государственных доходов не может пропасть и ни одна копейка на содержание служащих лиц не останется без своевременной уплаты этим лицам, ибо государственные доходы везде собираются в известные кассы и затем всякий расход переводится на эти кассы, которые не имеют никакого

* Выражение Гаджи-Бабы в известном романе Морьева.

интереса медлить в уплате требуемых сумм, тогда как губернаторы провинций из того извлекают для себя выгоду. Подобный порядок в настоящее время существует даже в Турции.

Невежественный, безграмотный и голодный народ бродит повсюду без всякого дела; на улицах и в переулках нищие по множеству останавливают прохожих, осаждавая их настоячими требованиями милостыни; на каждом шагу попадается минимый потомок пророка с синиею чалмою на голове, который, задерживая идущего на дороге, говорит: за дровами в лес я не пойду, возить воду из реки не буду, пахать землю не стану, жать пшеницу не умею, даром кормлюсь и праздно повсюду шатаюсь, ибо я потомок тех предков, которые довели тебя до настоящего униженного положения. Плати подать падишаху ежегодно по окончании месяца голодания (поста), подавай бедным обязательную милостыню (фитре), отделий в пользу духовенства известную часть земных произведений (закят), купи баранов и ежегодно в праздник жертвоприношения приноси их в жертву, возьми сто или двести туманов и иди в Аравию для поклонения храму Мекки, а по дороге на взятые деньги корми голодных арабов и, наконец, по предписанию Алкорана отдай мне пятую часть барыша, приобретенного тобою в поте лица от торговли, земледелия или от какого-либо труда или предприятия!

Кроме всего сказанного, несчастный народ до того оглушен, что, несмотря на свое бедственное положение, в известное время года на каждой улице и площади, собираясь в кучи, бьет себя в грудь, рвет волосы и наполняет воздух криками: «шахсей, вахсей!» Подходишь ближе и спрашиваешь: «Что такое, что случилось?» На это получается следующий ответ: «Ах, зачем тысяча двести и еще несколько десятков лет тому назад десять или пятнадцать арабов истребили десять или пятнадцать своих собратьев в степи Куфе!»

По части судопроизводства существует величайший беспорядок; не существует никаких положительно определенных узаконений и единообразия по этой части; так, например, если кто-нибудь обидит другого ударом в лицо, то обиженный не знает, к какой власти он должен обратиться с жалобой. Одни идут к муштеду, другие — к шейх-уль-исламу, третьи — к имаму Джуме (потому что с самого начала ислама до сих пор в Персии существует

безобразное теократическое правление), четвертые — к базарному приставу даруге, пятые — к полицмейстеру, шестые — к какому-нибудь принцу, и один из этих лиц приговаривает обидчика к денежному штрафу, другой — к палочным ударам по пятам, третий — совсем оставляет его без наказания, разумеется, не без причин, четвертый — сажает его под арест, пятый — увольняет от должности, если он должностное лицо, шестой — ходатайствует за него пред высшим правительством также не без причины, и даже рассказывают, что обидчик иногда в возмездие за претерпенную им от жалобы обиженного неприятность получает от верховного правительства по ходатайству своего патрона еще почетный кафтан. Одним словом, нет никакого уложения для общего руководства, в котором против всякого рода преступлений ясно была бы определена мера наказания. Также нет никакого устава, в котором было бы определено награждение за всякое доброе дело; все зависит от произвола начиная от мелких властей до крупных.

Когда же перелистываешь календарь, ежегодно издаваемый персидскими астрономами, то есть, вернее, астрологами, тогда на месте известий о важных событиях, статистических сведений о состоянии государственного бюджета или указаний о ходе современной иностранной политики и состоянии чужих государств на первой же странице прежде всего встречаешься с эротическими темами! Потом начинается отвратительная лесть следующего содержания: «В настоящем году, сообщем или свином, движение звезд свидетельствует в месяце сефаре² о благополучии священной особы падишаха, равного славы Джейшиду, и о веселом расположении его духа, да будем мы жертвами его волн» и т. д. до конца книжки, и никто не смеет сказать им: «О дураки! Какое имеет отношение до благополучия или величия вашего падишаха движение звезд? Зачем вы пишете такие смешные вещи?»²³ Если ваш падишах разведает о положении прочих частей мира, об успехах науки в других странах света, о государственном устройстве других держав, о системе воспитания юношества у других наций и станет подражать иностранным венценосцам в их деяниях, примет образ правления, основанного на правосудии и любви к народу и отечеству, откажется от насилия в отношении своих подданных, позаботится о благосостоянии своего народа,

избавит его от бедности, нищеты, наготы и голода, обезопасит границы своих владений от нападений туркменских разбойников... откроет училища во всех частях своего царства, учредит везде больницы, предпочтет деятельность по государственным делам забавам охоты и подобно Петру Великому и Фридриху Великому перестроит свое отечество во всех отношениях и возведет свою державу на степень благоустроенных европейских государств, тогда только можете сравнить его с Джемшидом и признать его великим и славным; иначе же он не имеет ни малейшего права на величие и на равенство с Джемшидом или с Фирдуном.

Взгляни теперь на государственную газету — и в начале первого же столбца ты с удивлением останавливаешься на слове «преобразование», [красиво] отлитографированном крупным почерком с добавлением под ним, что оно сделано садр-а' замом¹, дай бог ему блаженство в раю после смерти. Это что такое? Неужели в Персии преобразование? И радуешься; но не радуйся, мой совет, по-пустому, прочти дальше; вот твой взор тотчас переносится на следующую строку, где ты читаешь следующее: «Господин садр-а'зам нашел весьма необходимым для пользы покойников, чтобы вперед похороны совершались в следующем порядке и сопровождалась следующими обрядами, через таких-то духовных лиц...»

Стало быть, преобразование, выдуманное садр-а' замом, относится к пользе мертвых, а не живых, о пользе последних еще не настало время подумать! Итак, минутная твоя радость заменяется продолжительным негодованием. Затем ты перевортываешь лист и читаешь: «Обрезать ухо и отрезать нос в персидском государстве отнюдь не случается; эту клевету на персидское правительство выдумали англичане и разгласили в своих прокламациях» (во время последней их кратковременной войны с персиянами). Между тем не дальше как на другой странице той же самой газеты, в столбце провинциальных известий читаешь: «Его высочество принц Мехти-Кули-Мирза, правитель Мазандарана, изволил обрезать оба уха у одного торговца галантерейными товарами для устрашения зрителей за то, что торговец этот позволил себе мошеннически скушать сто туманов у одного сеида — потомка пророка!»

В другом номере той же газеты читаешь: «Отныне

навсегда уничтожается обычай подстилать дорогие материи под ноги его величества шаха во время посещения им домов каких-нибудь сановников или каких-нибудь важных духовных особ и подносить ему подарки». Через неделю в той же самой газете читаешь: «Его величество шах изволил посетить дом такого-то сановника, ему была поднесена в подарок (пешкеш) такая-то вещь и, будучи приятной высочайшей натуре, принята, и подносителю выражено благоволение».

Во Франции и Англии запрещается бить и мучить даже животных, а в Персии, напротив того, нередко по повелению деспота кладут ноги важных сановников в машину, называемую фелакке¹, и наказывают их палочными ударами по пятам, а через несколько времени из этих же обесчещенных сановников избирают министров и главнокомандующих и требуют от них преданности и верности!

Между тем натура этих же обесчещенных сановников от влияния деспотического образа правления до того развращена низостью, рабством и отсутствием амбиции, что телесное наказание они отнюдь не считают за посрамление и после подобного наказания и срама еще ищут удовольствия и приятности в жизни.

В Персии до сих пор еще не понимают, что при воспитании детей наказывать их палками и пощечинами — значит портить их нравственность, делать их низкими и подлыми, заглушать в них врожденные добрые качества и порождать в них трусость и лживость. В Персии нет ни одной школы, где бы глупый содержатель ее не имел у себя проклятой машины фелакке для наказания детей палками по пятам! Странно еще и то, что невежественный родитель дитяти при отдаче его в школу обращается к содержателю со следующими словами в присутствии самого же дитяти: «Господин учитель! Я поручаю тебе своего сына для воспитания, мясо его принадлежит тебе, а кости мне, воспитывай его как следует». Учитель же обыкновенно отвечает: «Будь покоен — палки и фелакке всегда будут перед его глазами...»

После подобного воспитания какого же можно ожидать от детей благородства, чувства чести и умственного развития в зрелых летах! Еще страшнее то, что министр народного просвещения, называемый в Персии визиру-

лудом, совершенно равнодушен к этому обычаю и нисколько не думает запретить его содержателям школ.

Обратимся теперь к истории персидской монархии. Она наполнена прежде всего несметными ошибками; только в конце книги историк просит извинения у читателей, что по случаю множества других важных занятий он не успел держать корректуру при издании книги и исправить вкравшиеся в нее ошибки!

В государственных бумагах, грамотах, указах, рескриптах, [а] также и в переписке важнейших государственных сановников с внутренними властями и с иностранными правительствами нередко не выставляется ни числа, ни года, ни названия того места, где они написаны; даже звание и должность лица, ведущего переписку, не явствуют из его подписи, только из содержания переписки догадываешься; что имевший ее должен был или первым министром, или каким-нибудь другим правительственным сановником.

В переписке же между частными людьми не только никогда не означается число, год, ниже место, откуда написано письмо, но даже в начале его не именуется то лицо, к которому оно адресовано. Если через несколько времени эта переписка понадобится в качестве документа для разъяснения какого-нибудь обстоятельства, то нет возможности узнать, от кого и откуда она была писана и кому была адресована, ибо на обороте всякого письма прилагается только печать на имя Али или Вели, а кто были они? Бог знает. Да это еще ничего, ибо касается частной переписки; но замечательна небрежность в написании гражданских и судебных актов; так, например, в важнейших из шариатских акт[ов], а именно в купчих крепостях, не только не показывается место их совершения, но даже неизвестно, кто совершал их; только на этих документах читаешь иногда следующую фразу: «Продажа совершилась в моем присутствии», под нею же видишь печать на имя Багира. Нередко на судебных актах читаешь такую фразу: «Процесс разбирался в моем присутствии», а под ней видишь печать на имя Казима. Но кто такие эти Багир и Казим? Если через несколько времени понадобится справка об официальном значении этих Багира и Казима для признания действительности акта, совершенного ими, то не знаешь, муштеиды они были

или шейх-уль-исламы, или простые моллы¹, или, наконец, может быть, они и вовсе не существовали!

В частных письмах между друзьями допускается странная ненатуральная форма, а именно: по естественному смыслу всякого письма человек, пишущий его, должен показать себя в первом лице и того, к которому оно адресовано, — во втором; но персияне поступают совершенно иначе: человек, пишущий письмо, показывает и себя, и адресуемого человека в третьем лице, например: «тот друг просит того господина о том-то», а если в письме понадобится упомянуть еще о каком-нибудь действительно третьем лице, то местоимения третьего лица смешиваются одни с другими до крайней запутанности и письмо совершенно теряет ясность. Удивительно, что такая неестественная форма в письмах приходится по вкусу персиянам и считается условием красноречия и изящества!

В шариатских присутствиях не ведется никаких журналов для исходящих и входящих бумаг, во многих административных учреждениях нет также архивов. Всякое решение о каком-нибудь деле в шариатских присутствиях или административных учреждениях через пятнадцать дней совершенно забыто. Попробуй историк добиться сведений о каком-нибудь важном событии! Нигде не найдет он желаемых сведений, разве кое-как соберет откуда-нибудь без систематического порядка какие-нибудь отрывочные о том известия.

Подробности осады Исфагана авганцами описываются европейцами, персияне же имеют о том только смутное предание.

Сын шубошника, известный Надир-шах, в битве Мехмандуста против Ашрафа Авганского выдумал такой план и действовал такою тактикою, что его можно сравнить с Наполеоном I; но, к сожалению, персидский историк Мирза Мехти Астрабадский не входит в подробное объяснение его плана и тактики². Этот величайший мастер метафорических и аллегорических умствований в персидской словесности и пустейший педант и гордец воображаемым своим талантом в словосплетении без всякого естественного смысла наместо подробностей победы, одержанной Надир-шахом, угощает читателя следующей гиперболой: «Хвала государю, который на поле битвы,

если прикажет морю не шевелиться, то волны не смеют производить бурю; если прикажет горе двигаться, то она становится легче песка, разносимого ветром; если во время ночного похода прикажет не высекать огня, то молнии не смеет разыграться на небе; если во время ночного движения прикажет молчать, то утренняя заря не смеет свистать зефиром!..»

Провинциями по большей части управляют нежественные принцы, не имеющие никакого познания; пред ними народ в позорном рабстве выражает чувство преданности по следующему этикету.

Они заседают на вершине присутственной залы, а подданные без различия звания и сословий все стоят пред ними, скрестивши руки на груди, и ждут их повелений, чуть только они откроют рот и вымолвят какое-нибудь слово, со всех сторон голоса одобрений повышаются и повторяются.

Во время же шествия принцев по улицам толпа грубых феррашей¹ предшествует им и отгоняет проходящих с дороги грозным кликом: «Буревид, буревид!» (Уходите, уходите прочь!)

Если какой-нибудь несчастный прохожий по оплошности не успеет вовремя отойти с дороги, то он неминуемо попадет под удары дубин неумолимых феррашей.

Тупоумный народ, лишенный здравого рассудка под влиянием деспотизма и суеверия, решительно не в состоянии понять, почему эти особы, равные с ним в человеческом организме, не имеющие подобно ему ни познания, ни личного достоинства и стоящие в отношении нравственности гораздо ниже его, пользуются такой привилегией, что он должен посторониться с дороги во время их шествия, тогда как его присутствие среди дороги нисколько не мешает их проходу. Разве только потому, что они по милости случая родились от высокосановных родителей! [Народ] также не понимает, что именно дает им право на такое преимущество? Защищают ли они его жизнь и собственность? Нет. Охраняют ли они границы его отечества от врагов? Нет. Освобождают ли они его детей от рабства у туркменского племени? Нет. Воспитывают ли они его юношество обоим пола? Нет. Учреждают ли они для него больницы? Нет. Открывают ли они для его детей школы? Нет. Покровительствуют ли они его торговле и промышленности? Нет. Благодаря их участию

пользуется ли он почетом в иностранных землях? Нет. Благодаря их покровительству обезопасен ли он на своей родине от злобы злых людей? Нет. Наконец, выведен ли он благодаря им из положения страшного убожества? Нет. В таком случае, к чему же они способны? О! Об этом не беспокойся, они очень способны только к различным насилиям; например, если народ случайно отыщет в собственной земле сколько-нибудь золота или серебра, то они тотчас отнимут их у него; если народ дерзнет возражать против какого-нибудь их произвола, то они подвергают его страшным истязаниям и мучениям и т. п. и т. п.

Впрочем, и сами они в свою очередь не избегают несчастия. Так, нередко они навлекают на себя каким-нибудь поступком гнев деспота, и в таком случае им приходится распротиться с жизнью, не оставляя по себе никакого следа добродетели. Или же от пьянства и разврата совершенно расстроит здоровье и, одержимые различными неизлечимыми недугами, покидают наконец здешний мир. Поступок одного персидского принца, управлявшего недавно Ездом, с главою тамошнего духовенства, называвшегося Садри-Езди, во всей Персии известен. Он имел любовную связь с красивою молодою женою этого главы духовенства — какой-то принцессою из другой линии; однажды он пригласил его к себе на обед и задушил его в своем доме, потом женился на его вдове. Такое вопиющее злодейство прошло безнаказанно, потому что злодей оправдался тем, что Садри-Езди, как важное духовное лицо, будто замыслил и проповедовал народное восстание против деспотизма и шахской власти, и оправдание, разумеется, подкрепилось некоторым денежным пожертвованием в пользу влиятельных придворных особ (это происшествие может служить сюжетом для целого романа).

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Если бы ты сам не был изгнан деспотом из родины, если бы ты сам же часто не жаловался мне на своих соотечественников, то я никогда не решился бы обнаружить их пороки пред тобою и огорчать тебя.

Сановники же персидские в отношении безнравственности, алчности и тщеславия нисколько не уступают принцам.

О народ персидский! Если бы ты вкусил сладость

свободы^{1*}, если бы ты был сведущ о правах человечества, то никогда не согласился бы на подобное позорное рабство, в котором теперь находишься; ты стремился бы к прогрессу, к наукам, учредил бы у себя масонство², клубы, митинги, сеймы и отыскал бы все возможные средства, ведущие к единодушию и единомыслию, и, наконец, освободил бы себя от деспотического гнета; ты числом и средством в сто раз превосходил бы деспота и тирана, тебе недостает только единодушия и единомыслия. Если бы этот недостаток устранился у тебя, то ты легко подумал бы о себе и освободил бы себя не только от оков деспота, но и от уз чуждых религиозных убеждений. Но устранение этого недостатка не иначе возможно тебе как при помощи наук; науки же не иначе доступны тебе как стремлением к прогрессу: прогресс не иначе понятен тебе как либерализм; либерализм не иначе мыслим для тебя как отсутствие суеверия, и отсутствие суеверия не сбывается иначе, пока существует ненавистная твоя религия. Смеешь ли ты где-нибудь, в каком-нибудь уголке персидского царства, под влиянием страха от преследования

* Всякое существо человеческое, явившееся на свет, должно пользоваться даром полной свободы, как требует здравый рассудок. Полная свобода двойная: одна — свобода духовная, другая — свобода телесная, то есть светская.

Первая свобода наша отнята у нас духовенством и в отношении духовных предметов, то есть религиозных дел, мы ничто больше, как позорные рабы духовенства. Оно заставляет [нас исполнять] всякое глупое свое] требование под видом религиозных треб, сопряженное, разумеется, с немалым ущербом для нашего кармана и здоровья. Мы не смеем шикнуть против его воли, опасаясь адской муки, будучи с малолетства напуганы им этою будущею инквизицією.

Вторая свобода наша отнята у нас деспотом. Мы во все время нашей жизни служим средством к удовлетворению разных его прихотей, исполняя тяжкие его требования нашим телом и имуществом, как рабы, не располагающие ни волею, ни собственностью.

Независимость религиозная и независимость светская считаются основанием свободы, и каждая из них имеет различные разветвления, о которых существует множество сочинений у европейцев, и равенство состоит из приобретения этих двояких независимостей.

Восточные народы по случаю возникновения религии арабов и по случаю их владычества в Азии также утратили полноту] свободы, так отчуждились от мысли равенства и лишились дара равноправности в человечестве, что в настоящее время о них даже и понятия не имеют.

Во французском языке духовная свобода называется свободой нравственной (*liberté morale*); телесная свобода — свободой физической (*liberté physique*)³.

улемов¹-шарлатанов [раскрыть] рот [и] сказать темному народу: «Ты плачешь по истребленным арабам, основателям твоей секты, в трагических своих представлениях. Нечего делать! В воспоминание их плачевной участи бьешь себя в голову и в грудь! Нечего делать! Но зачем же при этом ты вонзаешь в тело ножи и кинжалы? Зачем трупы своих мертвецов во множестве отправляешь караванами в Кербалай и Наджеф², и заражаешь воздух смрадом этой гнилой падали и во время следования по дороге, и во время ночлегов на станциях возбуждаешь отвращение и омерзение в путешественниках нестерпимым их зловонием?» Что делать бедному либералу, мыслителю, когда бичи человечества — улемы не позволяют ему говорить что-нибудь против этого?

В отношении религиозных дел улемы до того сильны, что не только не считают себя подчиненными государям, но, напротив того, полагая себя наместниками имама, не умершего, а скрывшегося из виду, и называясь муштендами, в разных частях государства окружают себя приверженцами и партиями и признают себя абсолютными властителями народа; для сокрушения же гордости государей открыто объявляют их собаками имамов. Например, один из них, по имени Шейх-Беган, в одном своем религиозном сочинении называет Шах-Аббаса I собакою порога Али, а во время царствования шаха Султана Гусейна монеты, чеканенные в Хорасане, имели следующую надпись: «Монета собаки порога имама Ризи — шаха Султана Гусейна». Государь же персидские волеи или неволеи переваривают это унижение и не понимают, с какой целью это мнение о них провозглашено улемами, а именно с той целью, чтобы государь, как собаки имамов, не вздумали подчиняться своей воле улемов — их наместников. Кажется, очень ясно — может ли собака имама быть повелителем его наместника — муштенда? Улемы, кроме того, что называют персидских государей собаками, даже открыто объявляют их и тиранами (впрочем, на это они имеют право) и исполнителей их воли — злодеями.

Государь же принуждены смотреть на это сквозь пальцы, потому что к уничтожению такого о себе мнения они не имеют никаких средств, пока в народе существуют религиозные убеждения.

Наказания же за уголовное преступление в Персии

до того бесчеловечны, что производят страшное омерзение во всяком умном зрителе; в теперешнее наше время в Персии существуют такие наказания, о которых мы слышим только у дикарей и варваров. Посмотришь — какой-нибудь человек четвертован, и каждая четверть его тела висит на стенах [у] городских ворот по три, по четыре дня. Слышишь, что сегодня отсечено пять рук, выколото пять глаз, обрезано пять ушей и отрезано пять носов! Рассказывают, что во время заговоров бабистов в Тегеране изобретены были различные ужасающие, небывалые и неслыханные виды казни и пытки, не уступающие жестокостью инквизиционным казням и пыткам средних веков в Европе.

Кому пужда знать, что в настоящем столетии подобного рода наказания совершенно уничтожены в цивилизованных европейских государствах и что допускающие их нации считаются дикарями и варварами? Для водворения порядков и спокойствия в государстве существуют другие меры: во-первых, прежде всего нужно, чтобы правители Персии были люди образованные, сведущие в науках администрации и в политике, тогда они поняли бы, что смертная казнь и изувечение тела для водворения порядка и спокойствия в государстве есть постыднейшая и даже ненадежная мера. Не только сам деспот, но и исполнитель его воли, да и вообще все персияне решительно не имеют охоты к каким-нибудь наукам. Деспоты ни сами не изучают науки об администрации и о политике, ниже своих наследников не воспитывают в них. Они воображают, что науки об администрации и о политике вовсе не нужны для царствования, что они и их министры без наук лучше деда любого франка (европейца) умеют править царством.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Ты знаешь, что в самой Персии решительно невозможно изучить науки об администрации и политике. Необходимо отправиться в Европу, изучить их там. Но возможно ли отправиться в Европу? Каким образом сообщаться с гяурами? Разве улемы — фанатики и шарлатаны — разрешат это? Разве суверен допустит это? К тому же персияне воображают, что во всем мире нет народа умнее их, потому что они отлично знают науку о будущей жизни, то есть теологию, что, кроме теологии, другая какая-нибудь наука совершенно бесполезна.

Я неоднократно слышал от тавризских жителей следующие фразы: «Франки — европейцы — в самом деле оказывают большие успехи в науках физических (то есть мирских), но жаль, что они в науках душевных (то есть теологических) находятся в заблуждении и тьме». Какое превратное убеждение у них! Виновники этого странного убеждения суть злодеи моллы и проповедники.

Вчера я полюбознательствовал присутствовать в тавризской главной мечети и слышал проповедь ахунда моллы Садыка; желательно было бы, чтобы и ты сам находился здесь и слышал бы этот вздор, который хуже сказок «Тысячи и одной ночи». Несчастный народ считает этот вздор за науку и воображает себя в просвещении и здравомыслии, а франков — во тьме и заблуждении! Клянусь богом, пятнадцатилетний европейский мальчик не поверит таким пустякам, которые горючил почтенный проповедник ахунд молла Садык. Проповедь его я сообщу тебе в следующем письме, теперь же я устал. Прощай!

Посылаю тебе через рештского жителя Хаджи-Фетулаха одну связку ширазского табаку, о получении прошу меня уведомить.

Кемал-уд-Довле

ПИСЬМО ВТОРОЕ

г. Тавриз, Рамазан. 1280 г.

О душа моя, любезнейший Джелал-уд-Довле!

В настоящем письме я сообщая тебе проповедь ахунда моллы Садыка, читай и приходи в ужас, и пусть волосы у тебя на голове становятся дыбом, как шило, впрочем, какая польза от этих моих описаний, которые не могут быть читаемы и опубликованы, ибо большинство персидского народа безграмотно.

По нерадению деспота, по бессовестности улемов (духовенства), по неудобности алфавита времен варварства, употребляемого доньше мусульманами, едва ли даже один из тысячи персиян в состоянии читать и понимать какое-нибудь описание. Положим, что десять или

пятнадцать человек прочтут мои письма и поймут их смысл, но разве этим достигается цель? «Какая польза утирать слезы на моем лице; придумай средство против болезни моего сердца, чтобы из него кровь не вытекала» (стих из одной персидской поэмы). Придумай средство, чтобы персидский народ мог сделаться грамотным; найди возможность, [чтобы] согласные буквы [при составлении слов всегда писались] в связи с гласными, [а не] без них; чтобы все точки над и под буквами были отброшены, чтобы все буквы различались между собой особенными и исключительными для каждой из них изображениями без помощи точек; чтобы силлабические буквы в составлении слов заменились алфаветическими; чтобы, наконец, черчение букв при словописании начиналось от левой руки к правой по системе европейцев, заимствованной ими от финикийцев.

Тогда только грамотность будет доступна каждому состоятельному и несостоятельному человеку в самый краткий срок при малом даже радении, а иначе, хотя пройдет и тысяча лет, грамотность все-таки останется замкнутою для большинства.

Персии невозможно возвратить себе древнее свое значение и величие иначе как образованностью; образованность немислима при безграмотности; грамотность же не будет доступна большинству без изменения настоящего алфавита, а изменение алфавита не может состояться иначе как при помощи мудрых мер, которые со своей стороны потребуют мудрых народных правителей¹, пока же таких правителей² не будет, то пройдет тысячелетие, а Персия не пробудится от сна неведения.

Да не порадуетесь деспот от этих слов и да не подумает, что коль скоро Персии суждено пребывать в вечном невежестве, то он среди своего невежественного народа будет властвовать также вечно без помехи! Пусть он взглянет в историю своих предшественников и посмотрит, уцелела ли какая-нибудь деспотическая династия на престоле персидского царства? Пока существует суеверие в народе, нельзя быть уверенным, чтобы не появился какой-нибудь Баб или какой-нибудь умный и предприимчивый сектатор³, и чтобы он не привлек к себе в высшей степени суеверного персидского народа и не свергнул бы деспота с престола. Кто может ручаться,

что поступок бабистов, стрелявших в шаха в Тегеране, не может повториться и в другой раз?

Прочность династии обуславливается образованностью нации и освобождением ее от суеверия. Падишах сам должен содействовать учреждению масонства в своем государстве, открытию общественных собраний, прискаанию всевозможных средств для просвещения своего народа; он должен соединиться с ним в чувствах и мыслях и не считать государство своею исключительною собственностью, а признать себя только поверенным нации для управления ею и ее отечеством и с участием ее устанавливать законы, основать парламенты, во всех своих действиях руководствоваться законами и не иметь права ни на какой произвольный поступок, то есть он должен вступить на путь прогресса и шагнуть в круг цивилизации¹. Тогда нация будет любить его, защищать его права на престол и его династию против каких-нибудь узурпаторов и считать его виновником своего счастья и благосостояния, источником правосудия и блаженства. Тогда в ней родится чувство патриотизма и благоговейной любви к существу венценосной особы, для пользы которой в случае надобности она не откажется пожертвовать жизнью и имуществом.

Одним словом, будущий падишах Персии в своих намерениях и действиях должен быть совершенно противоположным современному ее падишаху.

Хотя современному падишаху оказывают персияне беспрекословное повиновение, но оно оказывается под влиянием страха, а не любви; повиновение же, оказываемое под влиянием страха, не может быть продолжительным. Никто не может превосходить своим деспотизмом Надир-шаха, и нельзя вообразить повиновения больше того, которое ему оказывалось народом; но под конец какой же был результат?

Повиновение тогда только может быть прочным и продолжительным, когда оно основывается на любви и приверженности нации. Положим, что ныне персидский народ оказывает повиновение своему государю, но есть ли кто-нибудь из персиян, который любил бы его и желал бы продолжительности его царствования и прочности его династии? Нет², потому что падишах этот царствует не для пользы и блага своего народа, а царствует, собственно, для эгоистических своих целей и не заботится при-

вязать к себе свой народ любовью, напротив, он даже отталкивает его от себя. Путешественники неоднократно видели в Тегеране, как во время выхода падишаха из дворца и его шествия по городу ферраши дубинками отгоняли народ с дороги перед его появлением, тогда как этот народ должен считаться его детьми и восхищаться его лицемерием, подобно тому как в европейских государствах народ при каждом появлении своего монарха наполняет воздух радостными возгласами: «Ура! Да здравствует его величество!» Согнание народа с дороги во время шествия падишаха не может быть оправдано тем, что подобными мерами падишах предохраняется от злодейских покушений на его жизнь каких-нибудь заговорщиков; подобные случаи бывали и в европейских странах, но монархи от этого не потеряли присутствия духа и всегда смело разъезжают по городу или гуляют пешком почти без телохранителей и без всякого стеснения чьей-либо свободы; только издали сопровождают их ординарцы и наблюдают за порядком. «Коль скоро противник мечом отгоняет посетителей со двора, то все уйдут и покинут этот двор» (стих из поэмы Гафиза)¹.

Прочти теперь имя проповедника ахунда моллы Садыка, мысленно представив его перед собою, внимай его рассказу.

В час полуденной молитвы я в сопровождении некоторых знакомых вошел в главную тавризскую мечеть. Она была полна народом из всякого сословия мужчин, женщины же помещались в особых женских отделениях. Я с товарищами занял один уголок. Ахунд молла Садык, совершив поклоны полуденной молитвы, взошел на кафедру, называемую у мусульман мунбером, и предвзвешенно произнес на арабском языке хутбе (речь). Смело могу утверждать, что из присутствовавших никто не понял ее содержания. Признаюсь, хутбе было продекламировано им очень удачно с соблюдением всевозможных оттенков выговора в арабском языке; видно было, что он основательно изучил книгу «Тежвид» о произношении арабских слов. Жаль, что я не мог с одного раза вытвердить эту хутбе.

Затем ахунд молла Садык начал так:

«Сегодня я намерен описать вам ад, дабы вы пробудились от сна беспечности и слишком не соблазнились суетным миром! Ахунд молла Мамед Багир Меджлиси,

да будет с ним благодать божия, в своей книге, называемой «Аккул-Екин» («Истинная книга»), на основании вернейших преданий от пророка и святых двенадцати имамов — его потомков, пишет: «Прежде всего, вы, правоверные мусульмане, должны верить, что *Сират* истинно существует, это есть мост над бездной ада, по которому весь человеческий род в день страшного суда по окончании существования мира должен проходить; он тоньше волоса, острее меча и горячее огня. Те, которые суть праведные люди, пройдут по нему с быстротою молнии; те же, которые суть грешные люди, поскользнутся на нем и стремглав полетят в адскую бездну».

Ад состоит из семи отделений: 1) Джегеннем, 2) Сеир, 3) Секер, 4) Джегим, 5) Леза, 6) Гутеме и 7) Гавие.

Питье в аду состоит из гамима и горячего дегтя, а пища из заккума — горячайшего зелья... Гамим есть такое питье, которое ежели одну каплю смешать с водою здешнего мира, то от зловонья его погибнет весь род человеческий.

В Джегеннем есть одно ущелье, в котором имеется 70 000 зданий, в каждом здании находится 70 000 келлий, в каждой келли — 70 000 черных змей, [в желудке каждой змеи] — 70 000 кувшинов, наполненных ядом. Жар адского огня в 70 раз превосходит жар огня здешнего мира. Кроме того, в Джегеннем есть 40 углов, в каждом углу лежат 40 змей, в желудке каждой змеи лежат 330 скорпионов, а в жале каждого скорпиона находится яду в количестве, достаточном для наполнения 330 кувшинов.

В Джегеннем есть колодец, если открыть кратер этого колодца, то из него будет извергаться страшное пламя; сверх того, там есть одна гора из меди, которая называется Сеудом, и река из расплавленной меди, течение которой берет свое начало из названной горы; жар и зловоние, распространяемые той горой, до того нестерпимы, что обитатели ада от них постоянно издают вопли. Рубашки и плащи адских обитателей состоят из расплавленной меди и привязаны к телу огненными цепями, ноги же подкованы огненными подковами, от жара этих подков кипит мозг в их черепах. Вообще страдания и муки в аду необъяснимы словами. Адский смотритель, называемый Малик, есть ангел, который никогда не

смеется и постоянно находится в угрюмом состоянии. Грешники постоянно умоляют его оказать им хотя малейшее облегчение от страданий, но он наполняет огненную чашу кровью и гноем и подносит им к лицу; от жара этой чаши на их лицах лопаются кожа и мясо жарится; обитателей ада часто сажают на раскаленные камни, тогда все их тела жарятся, расплющиваются и обращаются в пепел; но тут по воле божьей эти тела снова приходят в свой первобытный вид и им возвращается жизнь, и огонь снова начинает на них действовать по-прежнему. Искры адского огня величиной с верблюда; грешников часто будут бросать в середину этих искр, отчего кости их растрескаются, расколотаются и растолкутся подобно сурьме, но всевышний творец снова воскресит их.

Пища грешников состоит из заккума, ядовитой горчайшей зелени. Их постоянно бьют по голове железными молотами. Страшные ангелы всегда мучают их в пытках и таскают в цепях по огню. Грешники умоляют этих ангелов о пощаде, но их мольбы отвергаются, их страдания нисколько не уменьшаются, и им никогда не оказывается жалости.

В аду есть еще 19 надзирателей, у которых глаза блестят, как молнии, обитатели ада вопиют и умоляют их дать им хотя на один день свободу от страдания, но в ответ надзиратели им говорят: «Разве к вам не являлись пророки во время вашей земной жизни?» Грешники отвечают: «Да, являлись, но мы сочли их за лжецов». Тогда надзиратели говорят им: «В таком случае мольбы ваши не помогут вам, вы должны быть вечно в огне, не надейтесь на спасение».

Смерть для обитателей ада невозможна, если бы они могли умереть, то освободились бы от мучения. Продолжительность одного дня в аду равняется 1000 годам настоящего мира. Обитатели ада просят бога вновь возвратить их из ада в здешний мир, обещая на этот раз творить добродетель, но бог отвечает: «Разве в первый раз на земле я не даровал вам жизни и разума, чтобы вы могли подумать о вашей будущности? Разве я не присылал к вам пророков-устрашителей? Теперь оставайтесь в муках, вам нет пощады и помилования».

Ахунд молла Садык, описывая ад, рассказывал еще

много излишних подробностей. Признаюсь, ахунд молла Мамед Багир Меджлиси поступил весьма человечно, приняв на себя такой важный труд относительно подробного описания ада, но я ограничусь только сказанным по этому предмету, ибо «по одной горсти пшеницы можно судить о доброте ее во всем гумне» (персидская пословица).

Ты сам рассуди, любезнейший Джелал-уд-Довле, кто такие обитатели ада? Они суть чада избранного между творениями человечества. Здесь я буду рассуждать с тобой на основании аргументаций отчасти умственных, отчасти шарнатских, то есть религиозных; аргументации же чисто умственные будут впереди.

Теперь выслушай меня. В шарнате сказано, что творец вселенной правосуден и что всякий мусульманин должен верить этому и признать бога правосудным, потому что эта вера одна из пяти частей основных верований в ислализме: бог создал меня; положим, что он продлил мою жизнь на сто лет; положим даже, что эта столетняя жизнь прошла без болезней, без печалей и без других различных неприятностей; положим, что я каждый день совершал убийства, отвергал единство божие (монотеизм), признавал ему соперника вроде верования в дуализм или политеизм и чинил всевозможные преступления и грехи и, наконец, умер. Правосудие требует, чтобы я получил возмездное наказание за мои грехи и преступления.

Роптать не следует; я согласен, чтобы правосудный бог за столетие мои преступления и грехи также сто лет жарил меня на адском огне, даже двести, триста, четыреста, пятьсот, наконец, тысячу лет, — более этого срока вправе ли бог по требованию правосудия мучить меня в аду? Какое благо даровал он мне в этой жизни соразмерно с той участью, в которую повергает меня в аду? Тело мое сплющится, кости мои расколотаются и растолкутся подобно сурьме; еще он не снимет руки с моего воротника, как вновь воскресит меня с прежним организмом и станет мучить на нескончаемые века! Может ли столетнее наслаждение жизнью на земле уравниваться с дневным мучением в аду, где каждый день продолжительностью равняется тысячелетию здешнего мира? Можно ли называть такого бога правосудным, когда его мера наказания в миллион раз превы-

шает меру преступления против собственного его закона «зуб за зуб, глаз за глаз»? Согласуется ли это его действие с тем его качеством, что он источник милосердия, источник блага, источник щедрости и милости? Но такой неумолимый бог [такой мстительный бог] с его адом хуже всякого палача, хуже всякого изверга-головореза...

Если он имел в виду поступить со мною так террористически, то зачем он меня создал? Когда я просил у него жизни? Если конец мой долженствовал быть таким, то черт поberi его столетнюю жизнь; она [в таком случае] горче змеиного яда для меня, хотя бы шла в постоянной роскоши и удовольствии. Если ад действительно существует, то бог является каким-то ненавистным, отвратительным существом и каким-то страшным тираном. Если же уверение о существовании ада есть чистая ложь, то зачем вы, шарлатаны и лицемеры-проповедники, страшаете им бедный народ, зачем лишаете его божьих даров, зачем не пускаете его сообщаться с другими нациями и заниматься у них науки и искусстваа? В здешнем мире всякое познание приобретается заимствованием его от других народов, отличающихся им, а вы, проповедники, посредством ваших вздоров лишаете народ всевозможных земных благ, держите его в постоянном застое, загромождаете ему путь к прогрессу, ко всякому жизненному удовольствию и вечно твердите ему с мечетских кафедр: «Не играй на музыкальных инструментах — грешно; [не слушай музыки — грешно; не изучай ее — грешно; не устраивай театра — грешно;] не ходи туда — грешно; не танцуй — грешно; не гляди на танцы — грешно; не слушай пения — грешно; не играй в шахматы — грешно; не играй в нарды — грешно; не рисуй портретов — грешно; не держи у себя в доме бюстов — грешно!»

Хотя все эти вещи кажутся пустою забавою, но вы не понимаете, что они, если не превзойдут границ умеренности, то просветят память и разум, потому что натура человеческая способна к радости и печали и для проявления каждого из этих натуральных свойств существуют чувства в человеческом организме. Если эти чувства будут заглушены, то человек отупеет, но если [он] превзойдет границы умеренности, то чувства истощатся. Вам нужно узнать европейскую медицину и

изучить физиологию человеческого организма, тогда только вы [с]можете понимать сказанное. Если бы отречение от удовольствий земных могло послужить к каким-нибудь умственным успехам, то отшельнику следовало бы быть умнее и развитее всех людей; но, напротив, он глупее всех людей. Только запретите употребление хмельных напитков: поистине запрещение их в ислализме есть одно из величайших благодеяний для человеческого рода, потому что употребление их через меру причиняет различные недуги, разрушает человеческий организм и, наконец, причиняет преждевременную смерть. «Ты красивейшая невеста, о дочери лозы, но иногда заслуживаешь развода» (стих из поэмы Гафиза).

Также запретите картежную азартную игру, потому что страсть к азартным играм действительно отравляет жизнь и есть мучительная, неизлечимая болезнь.

Некоторые люди с узкими взглядами полагают, что страх, внушаемый адом, служит к удержанию человека от преступлений*. Но кто из мусульман от страха, внушаемого адом, не решится присвоить себе чужое добро, когда к тому будет иметь возможность? Или не решится тронуть девицу или замужнюю женщину, когда к тому представится случай?

Все вори, разбойники и убийцы являются из невежественного слоя народа, верующего в существование ада. Видел ли кто-нибудь вора, разбойника и убийцу из мудрецов, философов и умственно развитых и просвещенных людей, вовсе не верующих в ад? Те изверги из мусульман в африканских странах, которые позволяют себе как постоянное ремесло отрезать у малолетних негритянских детей половые органы, продавать их на раз-

* В Алкореане сказано: во время страшного суда бог, не внимая [трогательным] мольбам своего раба, чем-нибудь заслужившего его гнев в здешнем мире, отдает следующее приказание ангелам, играющим роль палачей: «Схватите его, наложите на него цепи и тащите его в ад!» Поэтому все вообще верующие мусульмане, когда беседуют между собой о воспитании детей, рассуждают так: «Детей надобно воспитывать в страхе божием», воображая, что бог должен быть каким-то страшным, мстительным и безжалостным чудовищем, и полагая, что дети, воспитанные в его страхе, страшась его как неумолимого великого инквизитора, впоследствии будут добродетельны и беспорочны; между тем дети, воспитанные таким образом, выходят совершенными болванами и по большей части негодьями.

ных рынках мусульманских владений, и те безбожники из мусульманских же богачей, которые позволяют себе покупать их и держать при своих гаремах в качестве стражей женских отделений под названием гаремных евнухов, — все суть люди, верующие в ад.

Рассказывают даже (впрочем, за верность рассказа не ручаюсь), что недалеко от священного города Мекки в одном местечке существует особая больница исключительно для этих несчастных мальчиков с особыми операторами, содержащая мусульманскими рабпромышленниками, где сотнями оскотпляют их, а потом тщательно излечивают.

По моему мнению, виновниками несчастья этих несчастных созданий, из которых едва ли третья часть выдерживает страшную бесчеловечную операцию, от коей убыль рабпромышленников втрое, вчетверо больше вознаграждается высокою ценою оскотпленных мальчиков против неоскотпленных, суть покупатели из мусульман, которые во время пилигримства в Мекку, а также и в других местах покупают их во множестве. Не будь покупки, не было бы и продажи, потому что продавцы в таком случае из какого расчета решились бы на такое зверство!

Итак, страх, внушаемый адом, не может считаться важною причиною, заставляющею воздерживаться от преступлений. По моему мнению, более надежная причина тому есть страх полицейского преследования, судебного наказания, а также боязнь общественного мнения, чувство чести и самолюбия, здравый рассудок и более всего умственное развитие. При этих условиях и сама человеческая натура может иметь немалое влияние на вопрос воздержания от преступлений, потому что человеческая натура всегда чувствует удовольствие от благотворений и угрызение совести от дурных поступков; например, признание всякой круглой сироты каждая натура сочтет за доброе дело и найдет в том удовольствие, а битие всякой круглой и невинной сироты каждая натура сознает за дурной поступок и почувствует в том угрызение совести. Итак, наука и образование в этом отношении играют важную роль, но полицейское преследование и судебное наказание во всяком случае должно быть в виду; только без смертной казни, без изувечения тела, а такое преследование и такое на-

казание, которые допускаются в благоустроенных государствах. Иначе нелепый страх адского огня и нелепая надежда на райское наслаждение отнюдь не могут служить причинами к воздержанию от преступления. Признать же этот страх и эту надежду причинами добродетельной жизни есть также ошибочное мнение; иные добродетельные люди воображают, что они будто вследствие страха адского огня и надежды на райское блаженство ведут добродетельную жизнь; они в заблуждении, хотя им так и кажется; может быть, страх и надежда имеют в этом отношении более или менее влияние, но в сущности в их добродетельной жизни существуют и тайные, тонкие и незамечаемые ими самими причины, состоящие из разных эгоистических расчетов вроде списания расположения и уважения к себе духовенства и общества, приобретения привязанности темного народа и т. д. Еще улемы наши запрещают и важнейшую отрасль науки, именно анатомию, под тем нелепым предлогом, что будто анатомированное тело появится на страшном суде без разных отрезанных членов. Что за важность? Пусть оно явится без членов, а до того в здешнем мире анатомия в медицине необходима, на ней основывается правильное лечение болезней, и человечество через нее достигает бесчисленных полезных результатов; именно по милости анатомии ныне медицинская наука в Европе изменена против древней медицины и по милости анатомии найдено, что внутренние болезни происходят вследствие поражения нервов от каких-нибудь причин, и через это медицина быстро двинулась вперед и имела громадные успехи; а вы, почтенные мусульмане, еще до сих пор придерживаетесь метода Абукрата (Гиппократа) или древних евреев и в распознавании болезней основываете свое глупое умозаключение на следующем предположении: если тело имеет жар, то причина болезни есть желчь, если тело холодеет, то причина болезни есть внутренняя влага, если в теле чувствуется острота, то причина болезни есть кровь, если больной бредит, как меланхолик, то причина болезни есть испорченная кровь селезенки.

Нет, ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое; просто вы ничего не знаете и ничего не смыслите в этой науке: идите учитесь и узнайте, что возмущение жидких веществ в теле есть следствие болезни, приключившейся

телу от каких-нибудь других причин, а они сами вовсе не суть причины ее, то есть может быть желчь есть причина жара, но она сама не есть причина болезни, и, когда истинная причина ее устранится, тогда жидкие вещества в теле опять возвратятся к нормальному состоянию; следовательно, отвязитесь от них, оставьте их в покое, перестаньте основывать свое лечение на средствах, противоположных их свойствам, и морить людей.

Например, перестаньте лечить лихорадку арбузным соком, рассуждая так: лихорадка происходит от желчи; желчь имеет горячительное свойство, и хинин по тождеству свойства и вкуса с ней не может быть полезным против нее, а арбузный сок имеет охлаждающее свойство и сладкий вкус, следовательно, он противоположен желчи и может считаться полезным против нее.

Еще перестаньте всякий раз весною советовать малокровным и полнокровным своим собратям без разбору пускать себе кровь из жил и уменьшать эту важнейшую и драгоценную жизненную влагу, с которою ни одна другая жидкость в теле не может сравниться влиятельностью на жизнь, и знайте, что очищение ее посредством кровопускания есть величайшая ошибка; еще отсоветуйте вашим собратям носить шапки из овечьих шкур, потому что кровь имеет свойство делать приливы к горячим частям тела и отходить от холодных частей его. От шапки из овечьей шкуры голова разгорячится и притянет к себе кровь, от чего могут родиться разные болезни вроде глазного воспаления и тому подобного.

Я слишком увлекся медициной, по-настоящему не мое бы дело распространяться о ней, ибо я в ней ничего не смыслю; лучше обращусь к другим предметам.

На другой день я опять в сопровождении моих знакомых пошел в главную тавризскую мечеть слушать проповедь ахунда моллы Садыка. Мечеть была так же полна народом, как накануне. Я должен предварить тебя, что меня никто не знает; все полагают, что я какой-нибудь путешественник по имени Ага Кемал. Я вместе со знакомыми избрал один уголок. Ахунд молла Садык взошел на кафедру и произнес прежде высокопарную хутбу на арабском языке, потом начал говорить проповедь. Но покада позволю на минуту оторваться от предмета нашей беседы.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Помнишь ли, что ты неоднократно от скуки читал книгу «Тысяча и одна ночь», переведенную с арабского языка на персидский тесучским жителем Мирзою Абдул Ляtifом самым изящным, ясным и общепонятным слогом, и говорил мне: «Удивляюсь этому арабскому автору сей книги: откуда он нашел столько лжи и выдумок?» Теперь я скажу тебе: «Не удивляйся, арабская нация в лжеглагольствовании, в сплетении сказок и басен превосходит все нации на всем земном шаре; у ней на это особенный дар, у персиян же особенная способность верить всякому вздор! и басням от чистого сердца; вот именно по этому же их легковерию пророк наш сказал: «Если ислам будет висеть даже на самой звезде *Сурейя*¹, то персияне схватят его и оттуда».

Теперь выслушай проповедь почтенного нашего проповедника, который цитировал ее из книги «Аккул-Екин», сочиненной ахундом моллою Мамед Багиром Меджлиси, и гляди, как некоторые шарлатаны из арабов дерзнули на бесстыдное ремесло, выдавая себя за представителей имама, скрывшегося из вида, и для сбора пятой части из барыша верующих шиитов и для сбора разных добровольных приношений сплели различные сказки, и как персияне верят в истинность этих сказок и принимают их за религиозные свои верования. Во-первых, из истории положительно явствует, во-вторых, из рассказов самих мнимых представителей имама подразумевается, что одиннадцатый имам Гасан Аскери не имел сына, а если имел, то он или еще в младенчестве умер, или после смерти Гасана Аскери был умышленно по повелению абасидского халифа Метезида. Как бы ни было! Некоторые фокусники, волки в овечьей шкуре, для пятидневных кратковременных своих интересов в здешнем мире доселе держат великую нацию в оковах векового суеверия, лишив ее блага человеческого здравомыслия, низведя ее на самую низкую ступень человеческих достоинств!

Ахунд молла Садык начал: «На основании положительно достоверных преданий, пришествие Мехти (Спасителя) на землю, то есть пришествие двенадцатого имама, предсказано пророком». Он явится на землю в ту эпоху, когда она наполнится тиранством и насилием*, и

* Любезнейший Джелал-уд-Довле! Какую пользу мы выдеем от появления его предка — нашего пророка, что и он, потомок его,

заменит их правосудием и справедливостью. Многие из правоверных шиитов¹ были свидетелями его рождения и от времен его рождения до эпохи полного его отсутствия [(затворничества) имели с ним свидание]. Шииты постоянно ждут его пришествия, он жив доселе и скрылся только из виду до известной поры, определенной богом. Многие из противников его пытались умертвить его еще в утробе матери, но великий аллах утаил зачатие его матери от людей, подобно тому, как утаил зачатие матери Моисея от фараона; только сестра десятого имама Али-Наги, по имени Гекиме Хатун, и еще жившая в соседстве повивальная бабка, и некоторые другие близкие женщины знали о зачатии матери скрывшегося имама. После рождения Мехти до самой кончины его отца, имама Гасана Аскери, многие из верных шиитов видели этого возлюбленного младенца в присутствии его родителя. Ахмед бин-Исхак рассказывает: «Однажды я находился у Гасана Аскери, он объявил мне, что великий аллах со дня сотворения мира до сих пор, не оставляет его, то есть мир, без живого хранителя». Я спросил: «О сын божьего посланника! Кто будет после тебя этот хранитель?» Он встал, вошел в смежную комнату и возвратился из нее с трехлетним отроком в объятиях, сияющим, как четырнадцатиночная луна, и объявил, что хранителем мира после него будет этот отрок, который скроется из виду. Я осмелился спросить: «Можно ли показать мне какое-нибудь знамение, чтобы я совершенно успокоился на этот счет?» Тогда сам отрок чистым красноречивым арабским языком произнес: «Я есмь наместник божий на земле и мститель его врагам». Потом я спросил: «О сын божьего посланника! Долго ли продолжится затворничество этого отрока?» Имам изволил отвечать: «Да, очень долго, до тех пор, пока весь человеческий род отвернется от веры. О Ахмед! Это событие есть одно из непостижимых событий и одно из божьих таинств».

Еще Якуб бин-Мансур рассказывает: «Однажды я удостоился присутствия имама Гасана Аскери; он сидел

в одной комнате, на правой стороне этой комнаты была дверь от другой комнаты, над дверью висел занавес. Я спросил: «О мой владыка! Кто будет имамом после тебя?» Он указал мне на занавес и приказал поднять его; я поднял его; тогда перед моими глазами предстал отрок приблизительно лет восьми, ростом пяти полных четвертей, с открытым лбом, с белым лицом, блестящими глазами, широкоплечий, с черным пятном на правой щеке и с хохлом на голове; он пришел и сел на колено своего родителя. Тут имам объявил мне, что после него имамство перейдет к этому отроку; потом отрок сей встал, и имам сказал ему: «Ступай, возлюбленный мой сын, в свое место до того времени, которое для тебя предопределено». Отрок скрылся за занавесом. Затем имам обратился ко мне и сказал: «Войди в ту комнату и посмотри, кто там». Я опять поднял занавес, вошел в ту комнату и глядел туда, сюда и никого не заметил».

Еще Мамед бин-Муавие, Мамед бин-Айюб и Мамед бин-Осман рассказывают: «Мы однажды находились в присутствии имама Гасана Аскери в собственном его жилище, он сам представил нам владыку мира — своего сына — и сказал: «Вот после меня он есть преемник мой, вы должны ему повиноваться, но, кроме этого дня, вы его в другой раз не увидите».

Мамед бин-Осман, который считается представителем и посланником скрывавшегося имама, рассказывает: «Когда родился мой повелитель (скрывшийся имам), тогда родитель его Гасан Аскери потребовал моего отца Османа к себе и сказал: «Возьми десять тысяч ритлей хлеба, десять тысяч ритлей мяса, отнеси и раздавай бени Гашимам (то есть потомкам Гашима)». Шейх Мамед бин-Бабевейх и шейх Туси на основании достоверного предания рассказывают от имени Бушра бин-Сулеймана рабпромышленника, потомка благочестивого последователя пророка, и близкого его современника Абу-Айюба из партии Ансар (мединцев), что однажды десятый имам Али-Наги потребовал его к себе и сказал ему: «Ты наш приверженец, ступай к такому-то мосту на Тигре и жди; когда покажутся киржими с рабами и рабынями для продажи, тогда купи у рабпромышленника Амра бин-Зейда рабыню с такими-то приметами и представь мне». Когда приказание было исполнено, тогда имам обвенчал эту рабыню со своим сыном имамом Гасаном Аскери. Оказа-

вздумает появиться к нам? Какого блага мы можем ожидать от него, когда от его предка мы никаким добром не воспользовались? Не для того ли он хочет прийти, чтобы разбудить заснувшие смуты, находя, что бедствия, причиненные его предкам человечеству, и кровопролитие, произведенное им, недостаточны? Не для того ли; чтобы в Азии вполне довершить несчастье народов?

лось, что она была дочь цезаря (императора) византийского, попавшаяся каким-то непредвиденным случаем в плен, и предназначена была к продаже в числе других рабынь. Владыка мира (то есть скрывшийся имам) родился от этой рабыни, она называлась Нерхис Хатун, и никогда у нее не были заметны признаки зачатия до самого разрешения ее от бремени, и по этому именно поводу родитель его имам Гасан Аскери при рождении своего сына объявил своей тетке Гекиме Хатун: «Зачатие наше не бывает в утробе матери, а бывает между ребрами матери. Мы, имамы, не рождаемся от чрева матери, через женское влагалище, напротив, мы рождаемся от ляжки материнной, потому что нам, имамам, созданным из божьего света, неприлично родиться через гнойное и нечистое женское влагалище»*.

Ахмед бин-Исхак однажды взял Саада бин-Абдулла с собою к имаму Гасану Аскери за разрешением некоторых вопросов по вере. Саад бин-Абдулла рассказывает,

* Любезнейший Джелал-уд-Довле! Это гораздо смешнее, чем какая-нибудь легенда, гораздо нелепее, чем какое-нибудь чудо! Однако же не стыдится говорить это одиннадцатый имам Гасан Аскери, не совестится подтвердить его истинность знаменитый авторитет веры времен Сафавидов ахунд молла Мамед Багир Меджлиси на основании преданий, дошедших до него от других авторитетов веры, упоминавших об этом в разных своих сочинениях, и не краснеют разглашать это всенародно с мечетских кафедр мусульманские проповедники постоянно. Тупоумие, располагающее к слепому верованию в такой вздор, конечно, превосходит совершенный идиотизм, но попробуй заметить духовенству и народу, что почтеннейший имам говорил совершенную чушь и что авторитеты, свидетельствовавшие в своих сочинениях о его истинности, дурачат людей. Первый без обиняков произнесет против тебя смертный приговор, а второй не стеснится без милосердия совершить его. Вот до какого жалкого состояния приведен персидский народ в умственном отношении вследствие лицемерия духовенства, но народ этот по природе не лишен врожденного дара ума, пылкой и восприимчивой способности; только струя на стали покрыта ржавчиной; его губит страшное суеверие по милости арабов. Страшно еще то, что наши улемы сами во всех своих сочинениях и проповедях открыто и беспощадно ругают и проклинают поименно всех мудрецов и мыслителей, указывающих на истинный путь и на права человечества и разума, называя их самих еретиками и безбожниками, а их учение беспутством; народ же малейшего замечания за эту несправедливость им не делает. Мудрецы и мыслители терпеливо и без ропота переносят такую обиду. Когда же бедный мудрец и мыслитель иногда в порыве досады и иногда ради комизма, для интереса читателей позволит себе в своем сочинении легкую насмешку или иронию над улемами и над суевеьем, как,

что когда он и его товарищ вошли в присутствие имама, тогда они увидели отрока, сидящего на его колене, весьма красивого, с хохлом на голове; возле имама лежал золотой шарик величиною с яблоко, присланный ему одним из аристократов Басры в подарок; имам писал какое-то письмо, но отрок мешал ему, он беспрестанно катал золотой шарик по полу комнаты, и когда отрок всякий раз следовал за ним, чтобы ловить его, тогда имам продолжал свое занятие. Когда Саад вознамерился предложить ему свои вопросы на разрешение, тогда имам велел ему обратиться об этом к тому отроку, называя его своим преемником и наместником.

Донесли абасидскому халифу Метезиду, что от имама Гасана Аскери остается один отрок; халиф приказал придворному сановнику Рашику, взяв с собой двух невольников, отправиться в Самире, войти в дом имама Гасана Аскери, убить там его сына и представить ему его голову.

Рашик рассказывает: «Я с двумя невольниками пришел в Самире, вознамерился войти в дом имама Гасана Аскери; у порога сидел один черный раб из негров и вязал подвязку для шаровар; я спросил его, кто живет в этом доме? Он ответил — владелец дома; более он не обратил на нас внимания; мы вошли в дом; над дверью одной большой комнаты висел занавес; мы подняли его; вдруг вся внутренность комнаты представилась нашим глазам большим бассейном воды; на поверхности воды простерта была рогожа, на рогоже один молодой человек с милою физиономиею творил молитву; он вовсе не обратил на нас внимания; один из невольников — моих спутников, вздумав войти во внутренность комнаты, тотчас погрузился в воду и стал тонуть; я протянул руку и вытащил его из воды, он пришел в память; затем другой спутник мой вздумал войти во внутренность комнаты, и с ним повторилось то же самое; я изумился, стал просить извинения, говоря: «О угодник божий! Не поняли мы, что

например, в этой выноске, тогда они со всех сторон поднимают шум и крик, вопия так: «Вот злодей, из стога у попа клок сена стянул, вот бесчинник, до какой степени он развращен, что на духовенство и на религию нападает, не соблюдая вежливости и приличия, да будет он проклят, да будет проклято его учение»; народ же разделяет их чувство; бедные же мудрецы и мыслители не знают, куда деваться от преследования и гонения.

шиниты, веря в его имамство и бессмертие, ожидают его пришествия и эту свою веру считают членами благочестивой и правоверной нации?

(Любезнейший Джелал-уд-Довле! Усматриваешь ли ты доказательства ахунда моллы Мамеда Багира Меджлиси о пользе затворничества двенадцатого имама? Полагаю, что после этих доказательств ты не можешь более сомневаться в этом.)

Шестой имам Джафар Садых уверяет: кто умрет в ожидании пришествия двенадцатого имама, скрывшегося из виду, тот своим достоинством и честью может сравниться с тем лицом, которое имело счастье сидеть в одной палатке с ним и которое имело счастье получить священную смерть под командою пророка — посланника божьего — против неверных.

Доказано, что каждый год скрывшийся имам является в Мекку; он видит людей, а люди его не знают.

Во время кратковременного затворничества имам через избранных своих посланников сообщал своим приверженцам разные свои изречения. Вот, например, его, слова, сохраненные преданием: «Во время моего затворничества обращайтесь к тем из моих приверженцев, которые будут передавать вам мои изречения, потому что они мои посланники, а я наместник божий на земле». Относительно затворничества двенадцатого имама существует бесчисленное множество преданий и доказательств; к

ется в Алкоране, что ему бог открыл все науки, что ему сонетствовал Моисей во время странствования по берегу какого-то моря, что он во время странствования, встретившись с одним невинным отроком, убил его к ужасу Моисея под тем предлогом, будто этот отрок в зрелом возрасте должен был совершить страшное преступление и сделаться неверующим в бога и тем обесславить своих добродетельных родителей, то этого Хизра не только не следует признавать сведущим в науках, но его нужно считать просто сумасшедшим, потому что на основании каких аргументаций, умственных или религиозных, он решился на убийство невинного отрока, если у него был рассудок? Заслуживает ли бессмертия такой глупый изверг?

Удивляюсь, что наш аллах, невидящий в чужестранности этой сказки, повествует ее в Алкоране в похвалу этого убийцы. Оказывается, что наш аллах в наших мозгах не полагает ни малейшего дара понимания и нас, своих рабов, считает просто дураками, впрочем, имеет на это полное право, потому что разве он не видит ахунда моллы Мамеда Багира Меджлиси? Полагает, что и мы все подобные ему глупцы; в таком случае зачем не дурачить нас и не повествовать нам о такой небылице; да чем же мы докажем, что мы не собраты ахунду

приведению всех их не предостоят надобности. Посланники скрывшегося имама во время кратковременного его затворничества доставляли ему от приверженцев разные просьбы и передавали последним его ответы, скрепленные собственноручно священного его подписью; принимали от приверженцев пятую часть барыша под названием хумс и прочие добровольные приношения и по повелению имама раздавали их потомкам пророка и бедным шинитам. Посланники всегда представляли различные чудотворства.

Кратковременное затворничество имама продолжалось 70 лет. Первый из посланников назывался Осман бин-Сеид Асади, которого честность и нравственность признаются свидетельствованием одиннадцатого имама Гасана Аскери; второй из посланников, сын первого, по имени Абу-Джафар Мамед бин-Осман, которому отец перед смертию передал посланничество и свою должность; он после смерти своего отца о назначении своем посланником имама представил и грамоту от последнего.

Второй посланник перед смертью передал посланничество Абул-Касиму Гусейну бин-Роха Новбехти, который более 20 лет занимался посланничеством; к нему постоянно

молле Мамеду Багиру Меджлиси в умственном отношении? Если мы не собраты ему, то почему от летосчисления хиджры до сих пор не замечаем нелепости приведенной сказки, напротив, постоянно превозносим похвалы этого сумасшедшего человека, известного у нас под именем Хизра, по уверению наших улемов, и восхищаемся миною его мудрости и учености, как будто он равен Копернику, открывшему движение земного шара, или как будто равен Ньютону, нашедшему силу тяготения небесных планет; даже смеемся над простотою ребячества Моисея, что он приходил в ужас от его поступка, не понимая его тайного смысла, тогда как бедняга Моисей вправе был считать его чисто сумасшедшим?

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Беда еще в том, что нет возможности дать этой сказке какое-нибудь иносказательное толкование, дабы можно было некоторым образом скрыть ее неправоподобность. Только господин арабский историк Абдурахман ибн-Халдуи понял, что бессмертие Хизра — совершенная чуждость; он в четвертом томе своей истории в опровержение слов наших шинитских улемов относительно бессмертия Хизра, приводящего ими в пример к бессмертию двенадцатого имама, пишет: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что Хизр, кто бы он ни был, также имел обыкновенную человеческую жизнь и умер естественно же смертию. Наш аллах подобно Хизру рекомендует нам в Алкоране и другого ученого мужа, состоявшего на службе у пророка Соломона, который по повелению Соломона будто в одно мгновение ока привез силою своих познаний трон царицы города Себа Букаейсы из Йемена в Иерусалим в при-

делаем дурно, раскаяемся; не знали тебя, прости нас». Он вовсе не обратил на нас внимания; мы в трепете возвратились. Метезид ждал нас; когда мы рассказали ему все случившееся и виденное нами обстоятельство, тогда он воспретил нам говорить об этом кому-нибудь под страхом смертной казни. Пока Метезид был жив, мы не смели сообщить кому-нибудь об этом».

Один из авторитетов веры, называющийся Кулейни, рассказывает, что Исхак бин-Якуб написал доклад о двух вопросах и вручил второму посланнику скрывшегося имама Мамеду бин-Осман[у], и сей последний передал его имаму. Исхак в этом докладе спрашивал имама: «Владыка мой, что именно служит причиной твоего скрывательства и какая именно польза существует для народа от того, что ты скрываешься?»

(Любезнейший Джелал-уд-Довле! Вопросы очень дельные, посмотрим какой основательный и удовлетворительный ответ воспоследует.)

Имам в ответ написал: «Великий аллах в Алкоране говорит: «О правоверные! Не спрашивайте о тех предметах, которые если откроются, то вам будет неприятно; следовательно, спрашивать о причине моего скрывательства не следует; что же касается до пользы для народа от моего скрывательства, то польза от того такая же, какая бывает от солнца, когда оно находится под облаками; знайте, что я заступник земных обитателей перед богом и спаситель их от его гнева, подобно тому как звезды суть защитники небесных обитателей; итак, закройте двери неуместных вопросов, разрешение которых не принесет вам ни малейшей пользы; не дерзайте разузнавать тайны, которых не велено открывать вам, только молитесь, чтобы аллах неукоснительно даровал вам спасение.

Вот в чем состоит истинная ваша польза, да будет с тобою, о Исхак, благословение божие и с теми, которые покорствуют божьей воле...»

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Что из этого вышло? Ровно ничего! Разве это ответ на те вопросы?

Шестой имам Джафар Садых предсказал: «Будущему имаму, божьему наместнику, будут два отсутствия: одно — кратковременное, называемое малым отсутствием, другое — продолжительное, называемое большим отсутствием; во время первого отсутствия с ним будут видаться только некоторые избранные шииты, но во

время второго отсутствия место его никому не будет известно, исключая угодников божьих». Итак, коль скоро непрерывные предания свидетельствуют о существовании скрывшегося из виду и живущего до сих пор двенадцатого имама, божьего наместника, то отрицать его существование, собственно, по неестественности столь продолжительной жизни не может иметь основания; разве народ не признает пророка Хизра живущим доселе? Разве не приписывает он 1000 лет жизни Ною и 3000 лет мудрецу Логману?»

И спрашивать о пользе затворничества имама также неуместно, потому что во время его затворничества такая же польза подразумевается, какая была от затворничества некоторых древних пророков; разве это не польза, что

* Любезнейший Джелал-уд-Довле! Я не понимаю, какой дурак может верить, что пророк Хизр до сих пор живет, что пророк Нои жил 1000 лет и что мудрец Логман существовал на земле 3000 лет!

Если бы это было возможно, в таком случае, конечно, нельзя было бы спорить о столь продолжительной жизни нашего имама, но дело в том, что 3000 лет и даже 1000 лет — такой период времени, что имеет даже влияние на изменение нескончаемых неспеш в своем течении, до какой степени человек должен быть глуп, чтобы не признать влияния этого периода времени на разрушение человеческого организма. Если Мамед Багир Меджлис с убеждением утверждает бессмертие пророка Хизра, тысячелетнюю жизнь пророка Нои и 3000-летнюю жизнь мудреца Логмана, то он должен быть чистый дурак; если он с лицемерием утверждает это, то он должен быть явный шарлатан! Что касается до истории пророка Хизра, то это чистая басня; откуда мог бы взятись жизненный эскиз, могущий даровать бессмертие Хизру, будто его выпившему; кажется, в греческой истории пишут (впрочем, за достоверность не ручаюсь, потому что я только слышал так), что Александр Македонский будто отравился в царство черных (вероятно, негров), в Африку, с целью посетить обитающие Юпитера, дабы быть помазанным или усыновленным им и получить бессмертие, разумеется, духовное, а не телесное, подобно тому как мы добродетельных людей величаем прозванием бессмертных; например, персидский поэт Саади говорит: «Нушйраван получил духовное бессмертие, хотя тело его давно истлело».

Может быть, Александра Македонского в том путешествии сопровождал какой-нибудь мудрец, по имени Хизр, муж добродетельный и праведный, который за похвальный образ жизни получил от всех современников прозвание бессмертного; итак, зачем мы должны быть такими глупцами, чтобы на основании мусульманских преданий утверждать, что именно этот Хизр, сопровождавший Александра в царство тьмы, где солнце никогда не сходит, достиг его пределов, нашел там источник жизненной воды и, выпив из нее три горсти, получил бессмертие телесное! Если же наши улемы утверждают, что этот Хизр не тот, а другой безымянный субъект, о котором повеству-

но обращались все шиниты, и до такой степени он был мастер в притворстве, что сунниты всегда считали его принадлежащим к их секте. Он скончался в 326 году хиджры и по воле скрывшегося имама передал посланничество шейху джалилу Али бин-Мамеду Семери, который только три года носил звание посланника и умер. Перед смертью он показал некоторым шинитам, присутствовавшим при нем, одну грамоту от скрывшегося имама; она была следующего содержания:

«Во имя аллаха, прощающего и милосердного.

О Али бин-Мамед Семери, да увеличит аллах возмездие за добрые дела твои и твоих собратьев; ты через шесть дней должен скончаться; ты не должен передавать никому посланничество после себя, потому что отныне начинается продолжительное и полное затворничество; оно долго будет продолжаться, именно до тех пор, когда сердца человеческие окаменеют и земля наполнится насильем и тиранством. Если во время этого продолжительного затворничества кто-нибудь из шинитов станет выдавать себя за моего посланника, уверяя своих собратьев, что он видел меня, то ему не должно верить, потому что он в таком случае никто больше, как лжец и клеветник».

(Любезнейший Джелал-уд-Довле! Из содержания этой грамоты оказывается, что была возможность ложно выдавать себя за посланника скрывшегося имама; в таком случае, чем можно убедиться, что и названные посланники также не были лжецами? Исповедующие секты Кейсани в Йемене также верят, что сын Али не от дочери пророка, по имени Мамед Ганифе, скрылся из виду и живет до сих пор.

Вы скажете, что они врут; нет, вы сами врете; для утверждения истинности затворничества двенадцатого имама ведь вы не имеете умственного и естественного доказательства! Вся ваша вера в этом отношении основывается

на существовании повелителя! Наш аллах в Алкоре, вместо того чтобы известить нас о существовании Америки и открыть нам силу пара и силу электричества, рекомендует нам только подобных выше-названных дураков и также повествует, что известие о городе Себа в Йемене и его царице Булкейсе принесла к Соломону птица кукушка... Bravo! Гляди на нашего аллаха, что он плетет: кукушка сказала Соломону: «Я узнала то, о чем ты вовсе не ведал, и пришла к тебе с вернейшим известием о городе Себа в Йемене; я нашла там женщину, которая владеет тем городом и которая имеет великолепную обстановку во всем и большой трон...»

только на свидетельстве некоторых плутов-надувателей простого народа; разве Кейсаниды не имели таких же плутов? Откуда знать, что наши плуты свидетельствуют по правде, а их плуты лгут? Но как бы ни было, будем продолжать проповедь ахунда моллы Садыка!»

Вот какие чудотворства являлись от посланников скрывшегося имама. Абу-Али Багдадский рассказывает: «Я однажды носил от Эмира ибн-Джавешира 10 золотых слитков для передачи в Багдаде третьему посланнику Гусейну бин-Роуху; на дороге я потерял один слиток, тогда купил другой слиток на базаре и положил на место потерянного; когда я представил слитки Гусейну бин-Роуху, тогда он велел мне взять себе слиток, купленный на базаре, объяснив, что потерянный слиток им получен, и, вынув из кармана потерянный слиток, показал его мне. Другой раз одна женщина в Багдаде из шинитов искала посланника имама; ей указали на Гусейна бин-Роуха, она, пришед к нему, сказала: «Узнай, что я принесла тебе?» Гусейн сказал ей: «Брось, что принесла, в Тигр, после я скажу, что оно такое»; женщина бросила все, что принесла; затем Гусейн обратился к слуге и велел представить шкатулку. Слуга представил ее; тогда Гусейн сказал той женщине: «Принесенная тобою вещь была эта шкатулка, в ней одна пара золотых браслетов, несколько жемчугов, несколько бирюзовых перстней и несколько сердоликов». Женщина от изумления упала в обморок!

Однажды в беседе принца Гасана бин-Ахмед Насирудудовле рассуждали о затворничестве и бессмертии двенадцатого имама; принц отзывался с насмешкою об этом и говорил, что это сушая ложь; вдруг дядя его Гусейн вошел в комнату и слышал, что племянник его сомневается в этом; тогда он, обратившись к принцу, сказал: «Любезный Гасан! Ты не сомневайся в затворничестве двенадцатого имама и не смейся над этим; я же подобно тебе в первых порах сомневался в этом, но когда я, быв назначен начальником Кума, ехал в сопровождении конной к месту назначения, тогда на пути я увлекся одною дичью, поскакал за нею подальше от конвоя и наконец, потеряв его из виду, очутился в неизвестной мне местности и никак не мог отыскать дорогу и примкнуть к конвою, — пришел в отчаяние. Вдруг передо мною предстал всадник на сером коне, с зеленою чалмою на голове, с красными сапогами, и он, не называя меня эмиром,

просто сказал: «Гусейн, зачем ты сомневаешься в моем затворничестве? Зачем ты пятой части своего барыша не уделяешь моему посланнику и приверженцам?» Я от страха стал дрожать и доложил: «Да буду я жертвою твоею, отныне буду свято исполнять твою волю». Тогда он велел мне следовать по указанному им направлению, прибавив: «Хотя жители Кума уже восстали против власти халифа, но ты по нашей милости без сопротивления вступишь в город и осчастливишься, и из всего, что ты приобретешь, удели моему посланнику пятую часть, хумс». Я доложил ему, что свято исполню его волю. Затем он вдруг исчез из моего вида. Тогда я поехал по указанному им направлению, настиг свой конвой, был в Куме, начальствовал там несколько времени и, получив, наконец, увольнение, возвратился в Багдад с громадным состоянием. Друзья мои в Багдаде приходили ко мне с визитами и уходили; между ними однажды пришел ко мне и Мамед бин-Осман, но он долго сидел, ничего не говоря: все приходили и уходили, а он все продолжал сидеть; мне в душе стало досадно, что он не уходит; когда посещение друзей прекратилось, тогда Мамед встал, подошел ко мне, сказал, что он имеет сказать мне пару слов; я отвечал, что готов его слушать. Он объявил мне: «Всадник на сером коне, которого ты помнишь, приказывает, чтобы ты исполнил свое обещание». Я отвечал: «С душевным удовольствием». Встал с места, взял его за руку, отвел его во внутреннюю комнату, открыл в его присутствии свои сундуки, вынимая из них следующий ему хумс и передавал ему. Из некоторых моих вещей я забывал отделять хумс, он напоминал мне об этом и из них тоже принимал хумс».

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Я не понимаю: зачем чудотворства этих посланников проявлялись только по случаю обстоятельств, касавшихся до хумса и других приношений? Пусть будет так, пока ты и твои единоверцы не знакомы с естественными науками и астрономиею; пока ты и твои единоверцы относительно невозможности сверхъестественных явлений и чудес не руководствуетесь никакими научными указаниями, до тех пор постоянно будете верить сверхъестественным явлениям, чудесам, знаменаниям, откровениям, чародейству, волшебству, колдовству, джиннам, добрым и злым духам, дивам, пери, нимфам и прочим им подобным мифическим предметам и

существом и будете оставаться в заблуждении и невежестве.

Естественные науки и астрономию растолковать тебе и другим твоим собратиям в этом письме невозможно; здесь же возможно указать тебе только одно научное суждение, по которому, быть может, ты и твои собратия в состоянии будете получить какое-нибудь развитие и понятие об истине*.

1-е. Мы видим, что вселенная существует; если мы признаем, что она существует сама по себе, со своими законами, то есть она в своем существовании не нуждается в другом, постороннем, отдельном и разном существе, то в таком случае мы согласимся в этой теории с одною партией верующих в пантеизм подобно Будде, Абдурахману Джами**, шейху Махмуду Шабустари, Ксенофану греческому, Петрарке итальянскому и Вольтеру французскому и скажем: вся вселенная есть одно существо¹, могущественное², совершенное, всеобъемлющее, проявляющееся во множестве, в бесчисленном разнообразии, без воли под своими законами, то есть под своими условиями; например, закон его состоит в том, чтобы мужчина имел сообщение с женщиной, чтобы зародились человеческий пометался в чреве матери, девять месяцев продержался там, получил сперва растительную жизнь, потом родился и получил животную жизнь, стал дышать воздухом, сосал молоко, подрос, дошел до возраста отроческого, юношеского, возмужалого и старче-

* Один из европейских философов и мудрецов, историк цивилизации в Англии, по имени Бюкль, в знаменитом своем творении между прочими высокими суждениями пишет: «Великое Светило небесное при всем своем величии далеко не может сравниться с человеческим умом».

Итак, любезнейший Джелал-уд-Довле, ты в разборе и понимании суждения, которое я сейчас изложу пред тобою, должен исключительно руководствоваться одним умом, а не преданиями, несмотря на то что авторитеты веры всегда дают преимущество преданиям против ума для различных эгоистических своих целей и тысячелетиями держат ум под вечным замком и лишают человечество всевозможного блага от этого драгоценного божьего дара.

** Абдурахман Джами в одной своей поэме говорит по смыслу пантеизма: «Душа моя! Ни в материи, ниже в пространстве нет ничего, кроме одной субстанции: эта субстанция проявилась во множестве, бесчисленном разнообразии. Бог есть эта субстанция, а вселенная — ее проявление. Пантеизм есть только это, а прочие предположения суть заблуждения».

ского, наконец, скончался, организм его разрушился, разложился и перешел в царство ископаемое.

В животном царстве закон таков, то есть условие такое, а в царстве растительном закон, или условие, такое, чтобы семечко древесное было посажено в землю, чтобы в свое время дана была ему вода, чтобы солнце и воздух влияли на него, чтобы оно выглянуло из-под земли, подросло, сперва в виде трости, потом стало большим деревом, жило годами, давало плоды, наконец, состарилось, подсохло, подгнило, упало и также обратилось бы в ископаемое царство.

Здесь ты замечаешь мне: «Любезный Кемал-ул-Довле! Откуда же взялись первоначально зародыш человеческий и семечко древесное?» Ответ: эта вселенная есть одно существо, могущественное¹ и совершенное, начало ему не предшествовало, конца ему не последует; оно было, есть и будет, то есть небытие ему не предшествовало и небытие ему не последует, подобно тому как ты воображаемому божеству начала и конца не полагаешь; время также есть одно из его требований; пространство также есть одно из его необходимых принадлежностей, то есть как время, так и пространство суть атрибуты этого существа. Если ты скажешь, что вселенная как существо сама собою произойти и проявиться не может², она непременно должна произойти и проявиться вследствие воли какого-нибудь другого существа; в таком случае я возражу тебе: это другое существо на основании этого же твоего аргумента в своем проявлении должно зависеть от третьего существа, и это же третье существо от четвертого и так далее до бесконечных непрерываемых цепей существ, и никогда не остановится.

Если ты скажешь, что другое воображаемое тобою существо, которое ты полагаешь причиной вселенной, могущественно, то это значит, что ты могущество признаешь возможным атрибутом для этого существа; в таком случае пусть это могущество, то есть атрибут, присвоится самому этому видимому существу, которое мы называем вселенною; зачем ты признаешь его за [фантастическим], воображаемым розным существом, принимаемым тобою за божество, и не допускаешь его в этом видимом и осязаемом существе? Итак, оставь в стороне твое замечание и выслушай меня, потому что

ты своими пятью чувствами более этого знать не можешь. Итак, всякая частица этого единого могущественного совершенного существа, хотя бы она состояла из небесных планет и из земной планеты или из какой-нибудь другой материи, в индивидуальности есть почти атом, а все атомы в совокупности суть единое, целое существо, которое и есть всеобъемлющая вселенная. И она же сама есть и творец, и творимое.

Не забудь, что вселенная состоит из атомов, что атомы ни в индивидуальности, ниже в совокупности в своем проявлении не имеют воли; только проявляются и существуют под своими естественными законами, и всякая кажущаяся воля некоторых разумных атомов в деяниях также подчиняется естественным законам вселенной; и наперекор этим законам воля разумных атомов¹ в деяниях также немыслима; в таком случае, какой атом может просить другой совершить какое-нибудь дело помимо существующего естественного закона вселенной и какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу? Для большей ясности поясню это примером: какой атом может просить другой, чтобы последний приставил отрубленную голову одного индивидуума к его туловищу и воскресил его? Может ли этот другой исполнить подобную противоестественную просьбу? Какой атом может просить другой, чтобы последний даровал первому тысячелетнюю жизнь? Какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу?

Солнце и луна также ничто больше, как атомы, и имеют свои законы; например, они должны восходить и сходить по определенным своим законам; какой атом может просить другой, чтобы последний уничтожил солнце или рассек луну пополам? Какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу? На нашей планете — Земле — существует такой закон, что некоторые животные дышат воздухом, а некоторые водою.

Какое земное животное, дышащее воздухом, как атом может просить другой, чтобы последний возносил его до высоты небосклона вне пределов воздуха? Или погрузил его на дно морское без опасности [для] жизни? Какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу? Какое животное земное, дышащее

водою, как атом может просить другое, чтобы последнее поддержало его жизнь вне воды, на воздухе? Какой атом может исполнить эту противоестественную просьбу?

На нашей планете — Земле — существует закон, что все тела должны быть видимы или осязаемы. Если ангелы, джинны, духи, дьяволы, дивы, демоны, пери, нимфы суть существа с телами, принадлежащие нашей планете, то они должны быть видимы или осязаемы; а если они принадлежат другим планетам, то не могут спускаться на нашу планету, потому что сила притяжения всякой планеты не допустит никакого тела удалиться с ее поверхности в какую-нибудь другую постороннюю планету; в таком случае какой атом может просить другой, чтобы последний прислал к первому какого-нибудь ангела из другой планеты на нашу? Какой атом может исполнить эту противоестественную просьбу?

На основании этого научного суждения все сверхъестественные явления (как-то: чудеса, откровения, знамения, также чародейство, волшебство, колдовство, отгадывание тайнства, предсказание будущности и философский камень для превращения низких металлов в благородные* — должны считаться невозможными, а все ангелы, джинны, духи, дьяволы, дивы, демоны, пери,

нимфы и тому подобные существа должны считаться мифическими, воображаемыми существами на нашей планете*.

Иначе освобождается от нее как после потери всего имущества и после совершенной нищеты. Наконец он оканчивает печальное существование в бредях о эфире.

Теперь я скажу несколько слов о том стихе, который ложно приписывается имаму Али; если этот стих от имама, если он знал философский камень, то зачем он открыл этот секрет Муавию, который сделался смертельным его врагом и узурпатором его халифата? Муавий 20 лет до своего халифата неограниченно властвовал в Сирии, влажа себе громадное богатство; это вовсе не касалось философского камня. Если знанием этого секрета представлялась возможность обладать западом и востоком, то почему имам Али, знавший по уверению шарлатанов этот секрет, не мог обладать даже одной Аравией, несмотря на то что страсть его к верховной власти с самого начала его воцарения до конца его жизни походила на страсть любящего человека к предмету своей любви? Зачем он не имел денег для раздачи своим партнерам, которые, не ожидая их от него, отвернулись и прикнули к Муавию?

Имам Али был благородный и правдивый человек; он всегда желал благоденствия и счастья своей нации и всему даже человечеству; если он знал секрет философского камня, то следовало бы ему для пользы всего человечества открыть его поскорее, в выраженных понятных, а не загадочных, как в приведенном стихе, к величайшему заблуждению и недоразумению простолудия. Сохрани божь, чтобы этот стих был от имама Али; шарлатаны клеветают на него. Стих этот слетен, вероятно, каким-нибудь плутом и приписан имаму Али для того, чтобы дать своей роли вид важности. Странно, что этот стих помещен в поэме имама Али в числе других его стихов; что же касается до существования философского камня, то ныне помощью науки химии положительно доказано, что простое, то есть медь, железо, свинец, олово и тому подобные металлы не могут превращаться в серебро или золото никакими средствами.

* Некоторые плуты из дервишей разными фокусами уверяют слабоумных людей, что в нашем мире существует философский камень, посредством которого можно превращать простые низкие металлы в благородные; и в подтверждение этой лжи, прежде чем представить своей жертве имеющийся у него в готовности фокус, читают ей этот стих, будто сочиненный благочестивым имамом Али: «Возьми ртуть и еще нещестно, называемое тьяка, она походит на молнию; когда смешаешь их вместе посредством стирания, тогда ты можешь обладать западом и востоком»; и подкрепляют значение этого непонятного стиха ложным рассказом, будто Али знал этот секрет, будто он открыл его Муавию, будто Муавий посредством этого секрета нажил себе несметное богатство, раздавал подарки народу и успел отторгнуть арабское халифатство из рук имама. Простолудия, как только слышат имя имама, тотчас без всякого рассуждения сам кидаются в сеть безжалостных плутов и, поверив существованию философского камня, просят их открыть ему этот секрет; тут-то начинается роль фокусников, и простолудия собственными глазами свидетельствует, что ртуть действительно в глиняной чашке на огне превратилась в чистопробное золото, вовсе не понимая, что ртуть давно уже улетела из чашки, а образовавшиеся на ее дне золото не из ртути превратилось и образовалось, а брошено туда в порошок магической ловкостью шарлатана без ведома своей жертвы. Отныне он уже со всем своим состоянием во власти бестии и не

* «Ангел есть чистое и простое существо; он может воплощаться и переоблекаться в различные организмы, кроме организма собаки и свиньи. Джинн есть чистое и простое существо; он может воплощаться и переоблекаться во всякие организмы даже в организмы собаки и свиньи!» Это изречение наших улемов в разных их сочинениях о логике; оно не имеет никакого смысла, и перевод его на каком угодно языке не может быть понимаем; один только арабский язык способен для выражения подобных пустяков подобрать пышные и величественные слова. Что такое чистое, простое существо? Означает ли оно, что ангелы и джинны суть существа эфирные и нежные? Имеют ли они в таком случае жизнь? Если имеют, в таком случае должны иметь и организм [в этом же случае должны быть видимы; коль скоро они имеют жизнь и организм], то каким же образом могут переменить этот первобытный организм в организм какого-нибудь другого существа и в одно и то же время, бросив новый организм, воспринять опять первобытный? Разве организм их подобен воску, из которого

2-е. Эту объясненную теорию оставим в стороне, скажем, что мир существует в зависимости от единого целого существа; это целое существо есть источник, и все творения истекают из него, и все творения относятся к целому существу, как относятся частицы к целому, подобно волнам к морю, пузырькам к воде, почерку к чернилу и прочее; все частицы произошли от целого. Существо целое есть корень, существо частицы есть ветвь, оторвавшаяся на время от корня, и опять должна возвратиться к корню, то есть море будет волноваться, волны будут подниматься на его поверхности, опять рассыпаться и соединяться с морем; вода будет колебаться, пузырьки будут образовываться на ней в виде маленьких сводиков, опять будут рассыпаться и возвращаться к воде. Стихи персидские:

1. «Поток стремительно бежит с горы и с шумом направляется к морю,

А как только соединится с ним, прекращает свой шум».

2. «Зерно пшеничное заметно всякому муравью,

Но когда оно смешается с массой пшеницы на гумне, тогда теряется из виду»² (поток и зерно пшеничное аллегорически означают частицы, а море и масса пшеницы — целое).

можно сделать фигуру верблюда, потом, раздавив ее, можно сделать из него фигуру быка или барана? Кажется, подобный фокус и самого творца вселенной поставит в тупик, потому что сам творец же не может вопреки своим естественным законам творить что-нибудь необыкновенное. Следовательно, непостижимая вещь, чтобы ангелы и джинны могли перемещать первобытный организм в организм какого-нибудь другого существа, а потом по прихоти бросить последний и воспринять опять первобытный.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Я не понимаю этого изречения наших улемов, полагаю, что и ты не понимаешь; в таком случае зачем это изречение упоминается во многих важных сочинениях наших улемов? Я скажу зачем; дело их с самого начала основано на системе надувательства простого народа и на всевозможных способах обмана, и это изречение есть один из тех способов. Странно, что до сих пор никем не замечено, что это изречение не имеет естественного смысла; сам же пророк наш в отношении образования был одним из числа своих современных арабов; сам же он подобно прочим арабам не знал естественных, физических наук; сам же подобно другим своим единоплеменникам верил в существование ангелов, джиннов и возможность всех сверхъестественных явлений и был убежден, что во всем мире не найдется человека, который бы отвергал их возможность, и по этому именно своему убеждению без малейшего колебания сердца рассказывает в Алкоране историю так называемых персидских праведников и божьих угольников, которые, убежав от безбожника-тирана царя Даг-Януса, скрылись в одной пещере, и по

Но в сущности как целое, так и частица суть единое существо, которое проявилось без воли* во множестве, бесчисленным разнообразием, опять под своими законами, то есть под своими условиями. В таком случае мы согласимся в этой теории с другою партией верующих в пантеизм подобно браминну, Шамсу Тавризскому, Моллайи-Руми, еврей Спиннозе и прочим их сотоварищам.

Моллайи-Руми в своей поэме говорит: 1-й. «Выслушай флейту, как она повествует, как жалуется на разлуку». 2-й. Она произносит: «С тех пор, как меня разлучили из тростниковой рощи, мужчины и женщины стонут о моей участи» (флейта аллегорически означает

воле божией заснули там, и проспали несколько столетий без пробуждения; только по временам ангелы поворачивали их с одного бока на другой. Потом через несколько столетий они пробудились, встали, направили совершенно другую эпоху, другие народы и пр. Так же смело он рассказывает историю кукушки, принесшей пророку Соломону известие о принцессе Букайсе; так же объявляет о веровании ему общества джиннов и тому подобные басни. И никак не воображал, что через многие века естественные и физические науки, с большим успехом распространившись в человечестве, изобличат ложность этих выдумок и вымыслов и обнаружат их нелепость и сделают их предметами посмеяния.

Если бы нелепость этих выдумок была известна нашему пророку в той же степени, как нам она известна, то он отнюдь [не осмелился бы повествовать о них и отнюдь] не решился бы через их повествование сделать себя предметом насмешек грядущих народов. Он думал, что если противники его будут сомневаться в чем-нибудь, то сомнение это может относиться лишь до точности его рассказа, а вовсе не до существования ангелов и джиннов, вовсе не до возможности сверхъестественных явлений, а это не беспокоило бы его и не уронило бы его достоинства, потому что и прежние пророки также повествовали о подобных легендах и несколько не считали их причинами унижения для себя. Следовательно, пророк наш также подражал им.

* Вот доказательство проявления частиц целого без воли; ты иногда бываешь свидетелем, что младенец в чреве матери образуется с закрытыми веками, или с закрытым естественным проходом, или с двумя головами! Это значит, что какая-нибудь внешняя причина уклонила образование его от пути естественного закона природы; в таком случае ни младенец, ниже воображаемый творец не имеют ни устранить эту причину и это уклонение, то есть ни частица, ниже целое не имеют в том воли, и таким образом, младенец явится уродом без всякой цели и пользы.

Я мог бы приводить тысячу доказательств для этого, но объем моих писем не позволяет мне этого. Стих из поэмы шейха Махмуда Шабустари: «Сам пророк сказал: «Кто не поверит в безволие, тот равен неверному огненотклоннику». Здесь безволие относится только до проявления целого в разных видах, а не до деяний некоторых

частицу, тростниковая роща — целое). По этой же теории происхождение частиц из целого и проявление их обуславливаются теми же законами, которые были упомянуты в первой теории, и ни целое, ни же частицы в своем проявлении не имеют воли; в таком случае каким же образом целое скажет частице, то есть само себе: знай меня? Какую разницу имеет целое от частицы, кроме того, что первое есть только целое, а вторая есть частица подобно голове и руке, и какое имеет преимущество целое пред частицею, когда они оба составляют одно существо, могущественное только в отношении проявления в кругу своих определившихся законов и условий? Если частица попросит целое о чем-нибудь, то целое каким образом может исполнить ее желание? Наоборот, если целое попросит частицу о чем-нибудь, то каким образом частица может исполнить его желание? Потому что ни целое, ни же частица воли не имеют. Каким же образом целое может предложить частице: почитай меня, поклоняйся мне; каким же образом голова может требовать от руки: молись мне, то есть единое существо каким образом может требовать само от себя поклонения и моления? Итак, творец и творение есть одно существо могущественное¹ и совершенное под своими законами и условиями без воли. По этой же теории все сверхъестественные явления, чудеса, открытия и знамения, колдовство, чародейство, волшебство, отгадывание тайнств, предсказание будущности, алхимия, ангелы, джинны, духи, дьяволы, демоны, пери, нимфы и тому подобные мифические воображаемые существа не могут быть возможными.

Большинство верующих в пантеизм между исламскими мудрецами придерживается этой теории, вот на этом основании в ислализме существует фраза: «Бог всевышний вместилища не имеет», то есть единая вещь сама для себя не может быть вместилищем; другими словами, единое целое, которое принимается за божество

разумных частиц... Стих из поэмы Гафиза: «Где мудрец, который понял бы язык фиалки и спросил бы ее: «Зачем ты пришла и зачем ты ушла? Действительный мудрец понимает язык фиалки и слышит от нее этот ответ: «Я сама не имела воли ни в приходе, ни же в уходе, следовательно, неуместно делать мне вопрос о цели моего прихода и ухода».

ство и, кроме которого, ничто другое разное немислимо, само в себе помещаться не может. Вот значение этого стиха в Алкоре: «Бог к человеку ближе артерии горловой», то есть сам человек есть частица божества². Вот значение этого стиха в Алкоре: «Не ты, о Мухаммед, бросил горсти песка в глаза идолопоклонникам в разгаре сражения с тобой, когда бросил его, напротив того, сам бог бросил его», то есть ты сам бог, хотя тебе кажется, что ты совсем розный от него.

Вот значение этого предания: «О Мухаммед! Если бы тебя не было, то не созданы были бы мною и небеса», то есть частица существует неразлучно с целым, и целое с частицею вместе составляют единое существо; если бы не существовала частица, то не существовало бы и целое, если бы не существовало целое, то не существовала бы и частица. Вот значение этой фразы: «Кто познал самого себя, тот познал и своего творца», то есть между ним и творцом разницы не полагается; если он познал свою субстанцию, то это значит, что он познал субстанцию своего творца; наоборот, если он познал субстанцию творца, то это значит, что он познал субстанцию самого себя.

Вот значение фразы, произнесенной Мансуром: «Я емь бог», то есть он, как частица, и бог, как целое, вместе составляют единое совершенное и могущественное существо, и могущество есть одно из необходимых атрибутов этого единого целого существа со всеми его законами, точно так же, как жар есть необходимый и

¹ Стих персидского поэта Саади:

1. Любимец мой (то есть божество в аллегорическом смысле) ко мне ближе меня самого, странно то, что я полагаю себя вдали от него.

2. Что мне делать? И кому сказать можно, что он в моих объятиях, а я полагаю себя в разлуке с ним.

Стих из поэмы Гафиза:

1. Годами сердце мое требовало от меня чашки Джемшидовой (баснословное предание будто в ней все тайнства отражались и разгадывались, здесь же она аллегорически принимается в значении божества). Между тем само имело у себя эту чашу, а ее требовало от постороннего.

2. Требуется оно от заблудившихся на морском побережье того жемчуга, который находится ни в материи, ни в пространстве (жемчуг также аллегорически означает божество).

3. Тупоумец, которым божество было во всех положениях, не замечал его и издали звал его болезненно.

неразлучный атрибут огня. Стих шейха Махмуда Шабу-стари в его поэме: «Коль скоро ты терпишь от дерева, произнесшего эту фразу пред Моисеем на горе Синае: «Я есмь бог израильский», то почему не терпишь этой же самой фразы от счастливица Мансура?» Впрочем, слова Мансура не должно принимать в том значении, что субстанция бога розна от его субстанции, а только она воплощается в Мансуре или соединяется с ним. Стих из поэмы шейха Махмуда Шабу-стари: «Воплощение и соединение в пантензме немислимы, это значит двойственность, и верующий в него суть в заблуждении»¹.

Вот значение *фенд*², то есть когда частица признает себя ничтожной или доведет себя до уничтожения, тогда она поглощается в целое, другими словами, когда индивидуум доведет себя до уничтожения, тогда он поглощается в божество. (Мнение индийских мудрецов, и этому мнению также последовал знаменитый мудрец Газали³.) Он говорит в своей поэме по случаю вознесения нашего пророка на небо: «1. Последний из пророков поднял знамя и вознесся на небо к звездам. 2. Пошел в такое место, которое не значится местом; поход его был не с обыкновенными ногами. 3. Он пошел — это значит, что он уничтожился и пошел вперед без ног. 4. Где тут перед и зад, он был просто субстанцией самого творца вселенной. 5. Тайна любви с обеих сторон разоблачилась. Напротив, пронизителем и слушателем слов он был сам один. 6. Любовь давно уничтожила двойственность; я уже решился высказать тайну, которая была под занавесом».

Как эта вторая теория, так и первая в сущности одна, но терминология разных мудрецов представляет между ними некоторую кажущуюся разницу.

И эту вторую теорию оставим также в стороне, и обратимся к мнению шиитских богословов, и скажем: вселенная существует; она не есть вечная; она может измениться, может разрушиться, она имеет творца, ко-

^{*} Этот мудрец Газали не тот, который был современником Низам-уль-Мулька — министра Мелик-шаха Сельджукского, а он — тот мудрец Газали, о котором упоминает Лутфели-бек в сборнике биографий персидских поэтов и который был современником шахов Сефевидской династии.

торый превечный, которого субстанция есть розная от субстанций творений; этот творец невидимый, могущественный и имеющий волю. «Ни один листок не упадет с дерева без его воли» (стих из Алкорана). Он создал вселенную своим могуществом из ничего^{*}, он волен опять обратить вселенную в небытие. Затем мы начнем чувствовать и замечать в нем повеле, как в себе самих, эгоизм, любовь, ненависть, честолюбие, славолюбие, мстительность и приходим к заключению, что славолюбие побудило его создать вселенную, как он сам собственными словами, дошедшими до нас, по преданию от пророка, утверждает это: «Я был неведомая сокровищница, полюбил быть прославляем, создал человечество, дабы оно прославляло меня; что эгоистическая цель, состоящая в том, чтобы мы поклонялись ему и почитали его, побудила его создать нас, как [он] сам утверждает это собственными словами в Алкоране: «Я не создал рода человеческого и рода джиннов для какой-нибудь иной цели, кроме той, чтобы они поклонялись мне и почитали меня»; что он будет наслаждаться от нашего поклонения ему, почитания его, и в воздаяние за то наслаждение, которое мы своим поклонением и почитанием будем доставлять ему, он воздаст нам раем и райскими гуриями, то есть девами; что когда мы не будем поклоняться ему и почитать его и, напротив, признаем ему соперника и товарища в могуществе, в символе дуализма или политеизма, тогда он страшно разгневается на нас, отвернется от нас, возненавидит нас, велит своему ангелу трубаку Исафилу¹ трубить и трубу, предвещающую страшный суд, затем он разрушит мир, восстановит светопреставление, учредит страшный суд, начнет судить нас, развесит весы для взвешивания наших грехов против добрых дел, потребует от нас отчета в деяниях, растянет над пропастью ада мост, называемый сират, тоньше волоса, острее меча, заставит нас плясать по этому мосту, как канатных плясунов, бросит нас в глубочайшее адское отделение, не выпустит нас оттуда до немислимо бесконечных времен, утолит жажду своего мщения и успокоится... А после того? Как после того? «После того не знаем, что будет,

^{*} Я нарочно умалчиваю от возражения, что из ничего невозможно производить ничего, из небытия невозможно производить бытие.

только до сих пор знали» (отвечают шариятские богословы). А как же? Какое же будет наконец последствие этой страшной комедии, какое же будет заключение? «Мы более ни о каком последствии и заключении не ведаем». Хорошо, почтеннейшие шариятские богословы, если субстанция создателя во всех видах розна от вашей субстанции, то по какому праву и на каком основании вы полагаете в нем такие качества, которые вы сами имеете? Коль скоро вы считаете его субстанцию розной от вашей субстанции, то каким же образом он в качествах тождествует с вами? Имеете ли вы на это какое-нибудь разумное доказательство? Субстанция создателя розна от вашей субстанции, вы никогда не можете постичь ее и определить ее, а в таком случае не можете постичь и определить ее качества. Вы в состоянии определить только свои собственные качества, а все, что вы припишете субстанции божией, не есть ей присущее. Само предание имамов гласит об этом: «Все, что вы припишете богу своим воображением, принадлежит разряду творений, подобных вам самим, и отвергается опять к вам самим».

Следовательно, вы не имеете права утверждать, что создатель избрал из арабов, сирийцев, турков или из франков одну личность и приказал, чтобы вы во всех отношениях плясали по дудке этой личности, потому что подобное желание и действие находятся в человеческой натуре, и нет основания полагать, что сам создатель также имеет подобное желание и действие; но допустим, что это третье мнение верно в смысле монотеизма, что вы с субстанцией создателя ничего общего не имеете, то все-таки вы не вправе подчинить создателя вашей воле и повелевать им повсюду, без сопротивления с его стороны. Например: когда вы велите ему расцеловать луну пополам¹, он тотчас исполнит ваше желание; когда вы велите ему воскресить мертвеца², то он вопреки естественным своим законам тотчас же воскресит его; когда вы велите ему даровать вам тысячелетнюю жизнь, он тотчас исполнит ваше желание; когда вы велите скрыть вас от взора людей, он тотчас скроет вас³. Но если сам создатель изберет вас своими любимцами и в угоду вам без вашего заявления произведет через вас сверхъестественные явления, в таком случае вы скажите мне, имеет ли он в этом какую-нибудь цель? Если

имеет, значит он эгоист, а эгоистическое свойство есть принадлежность человеческой натуры...

Ну, любезнейший Джелал-уд-Довле! Если ты придержишься этого третьего мнения, в таком случае лучше молчать, не рассуждать, а объявить, что ничего не знаешь, и перестать сплетать разные вздоры; если скажешь, что вовсе непредсудительно полагать цель в создателе, коль скоро мы признаем его творцом вселенной с волею, то сотворение мира не доказывает ли его цели? Почему не согласиться, что создатель имеет цель, имеет желание? Что тут предсудительно? В таком случае, любезнейший Джелал-уд-Довле, ты должен отрицать правосудие в создателе. Разве подобает его правосудию сделать Ивана или Василия пророком, а меня его последователем? Не доказывает ли это пристрастия? Сделать Франца имамом, а меня позорным его рабом? Василий и Франц до создания их какое преимущество имели против меня, что удостоились такого предпочтения? Разве подобает правосудию создателя, что он в день два-три раза с удовольствием рассылает своего ангела Гавриила к тем и другим избранныкам, а ко мне ни разу не посылает его? Разве подобает правосудию создателя рожать имамов через ляжку материнскую, а меня — через гнойник, нечистое материнское влагалище? Создать одного бараном, а другого волком, одного фазаном, а другого ястребом? Еще должно отрицать в создателе величие и божественную важность: разве здравый рассудок позволит нам признать создателя с теми страстями, с которыми он рекомендуется нам в Алкоране нашим пророком? Например: «Да рассекутся обе руки Абу-Легаба» (целая глава в Алкоране о проклятии Абу-Легаба, дяди Мухаммеда и его противника). Да рассекутся обе руки Абу-Легаба! Гляди на нашего аллаха; как он доходит до такой низости, что подобно сварливым бабам бранит Абу-Легаба за то, зачем он имел разум и рассудок и понимал, что его племянник намерен выдумать систему надувательства простолудинов, ради пятидневных плотских наслаждений в настоящем тленном мире принести в жертву миллионы людей, разрушить достойные монархии в Азии, уничтожить навеки священные династии, погрузить в бездну невежества и несчастья все племена на востоке и свою собственную нацию!..

Можно ли, имея мало-мальски рассудок, признать в божестве такую низкую страсть, о которой свидетельствует приведенная глава об Абу-Легабе в Алкореане? Можно ли признать божество с такою низостью творцом вселенной?

Если мы в самом деле признаем существование верховного розного и личного божества и единого и безравного творца в смысле монотеизма, то, без сомнения, оно не должно быть то божество, которое рекомендуется нам нашим пророком в Алкореане. Глава об [Абу]-Легабе ниспослана в Мекке, где пока пророк наш не имел партии, не имел приверженцев, сподвижников и силы, оттого аллах наш ограничивается там лишь одним проклятием и одной бранью против его гонителей; но, когда же пророк наш убежал в Медину, к нему собралось множество приверженцев и сподвижников, дело его приняло благоприятный оборот, он приобрел средства и могущество, тогда аллах наш совершенно переменял свой тон, покинул совсем чувство правосудия и справедливости, принял на себя роль кровопийцы и террориста, ниспослал стих в Алкореане: «Убейте беспощадно всех тех, которые верят во многобожие»; и после похода Хандека прислал своего ангела Гавриила к нашему пророку и приказал безотлагательно осадить замок общества евреев, известных под названием Керизитян; пророк наш тотчас двинулся на них со страшным своим ополчением, взял их замок, разграбил все их имущество, жен и детей их обрек в рабство и всех мужчин до единого числом до 700 приказал резать с завязанными руками в течение трех дней!.. Каким же образом мы назовем правосудным того бога, который решается на подобное бесчеловечие и зверство? Каким образом не сочтем его эгоистом, безнравственным и жестоким? Каким образом будем признавать в нем величие, божественную важность, великодушие и милосердие? И наконец, каким образом можем объявить такого страшного бога источником всевозможных благ и милостей? Что это [за] бог, который с такою жестокостью обрекает созданных им людей истреблению?

Одним словом, любезнейший Джелал-уд-Довле, я никакого оправдания не могу придумать нашему аллаху; знаю и не сомневаюсь, что ты заочно говоришь мне: «Аллах наш мудрый, мудрость его вне всякой критики».

Разве это не значит, что ты [не] можешь опровергать эту критику? В таком случае советую тебе молчать и отказаться от своих претензий на всякий богословский диспут, не уместовать в отношении законов создателя, не уверять людей на основании глупых и пустых аргументов, что создателю необходимо прислать пророка к человечеству, дабы он направил его на путь спасения! Нет, создателю вовсе не нужно прислать пророка; ты не знаешь, спасение и неспасение, поклонение ему или подлам в его глазах одинаково равны. Тысячелетиями Америка оставалась на другом полушарии, миллионы людей также из человеческого рода, как ты, в тамошних лесах жили, как дикие животные, в совершенной наготе; создатель решительно не думал прислать к ним какого-нибудь пророка, об них мы узнали только недавно, когда Христофор Колумб открыл Америку. Теперь народонаселение Америки в разных науках и искусствах едва ли не превосходит народы Старого Света.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Если ты умен, то согласишься, что создатель в угоду какого-нибудь Ивана или Василия не изменит естественных законов своего творчества; он в силе своим божественным могуществом и мудростью создать глаза в то самое время, когда зародыш младенца утвердился в чреве матери, — таков его естественный закон; когда же младенец родится и подрастет и случится, что его глаза выкололи и выпули из орбит, тогда творец в угоду какого-нибудь Ивана или Василия своей творческой десницей не положит те же самые выколотые глаза в их орбиты и не обратит их в первобытное зрячее состояние, потому что это противно естественным его законам; эти выколотые глаза уже вышли из-под влияния одного естественного закона и поступили под влияние другого закона, именно под влияние закона гниения, и после совершения его действия поступят под влияние других законов превращения. Если создатель в угоду какого-нибудь Ивана или Василия решится на сверхъестественные явления, тогда произойдет сумятица во всех его законах; на этом же основании всемогущий создатель в угоду какого-нибудь Ивана или Василия отрубленную голову какого-нибудь индвидуума своею творческою десницею не приставит к его туловищу и не воскресит его; в таком случае в тегеранской газете не пиши и не осрами себя барабаном

и трубою пред народами всего мира, что в Индустане имама Али недавно с соизволения божиего приставил отрубленную голову мужа одной индианки-язычницы к его туловищу и воскресил его, потому что индианке в отчаянии против разбойников, убивших ее мужа на пути следования [его] с нею в деревню, пришло в голову призвать на помощь имама шиитов с обетом принять его веру; также не скажи, что создатель в угоду какого-нибудь Ивана или Василия вознесет какого-нибудь индивидуума на небо, потому что сила притяжения земли не допустит, чтобы этот индивидуум вознесся слишком высоко от ее поверхности; так же и сам индивидуум вне воздушного пространства не может дышать. Если создатель своим могуществом позволит себе такое сверхъестественное явление, тогда он должен прежде отнять у земли силу притяжения и даровать индивидууму возможность дышать вне воздушного пространства; в таком случае мир наш разрушится, произойдет величайший беспорядок во всех законах творчества и, бог знает, что может еще случиться.

Коль скоро ты понял эти доводы, то не говори впредь, что какой-то Иван показал какие-то сверхъестественные явления, или чудеса, или знамения, или откровения, потому что это невозможно. Если в настоящую нашу эпоху какой-нибудь Иван, выдавая себя за пророка или имама, вздумает приписать себе силу чудотворства, то не поверь ему, потому что он пускается на попрание надувательства простолудин и хочет играть роль шарлатана.

Теперь нужна одна наука, которая ведет к цивилизации, а религия, основанная на суеверии, — пустой призрак; она даже и недолговечна и подвержена беспрепятственному изменению. После нашествия арабов на Персию образовалось множество различных сект в религии ислама; сами персияне долго проклинали Али с мечетских кафедр во время Омандов; они приняли прежде учение Генефи, потом учение Шафии, потом учение исмаилидов, потом недавно чуть-чуть не сделались все верующими в божественность субстанции Али по милости сектатора шейха Ахмеда Бахрейнского; потом, днях, чуть-чуть не обратились в бабистов¹, верующих, между прочим, и в переселение душ; можно ли поло-

житься на прочность и долговечность верования, которое основано не на разуме и философии?

Религия ислама в таком только случае может быть прочною и долговечною, когда исповедующие ее помощи наук в состоянии будут выискнуть в сущности религии и знать, что такое она, какая в ней необходимость и в какой форме она должна быть? Тогда произведут в ней изменение и реформу, удержат в ней легкие обряды, некоторые постановления, относящиеся до народных прав, с необходимыми в них же изменениями, уничтожат в ней смертную казнь, изуечение тела и вообще все тяжкие обряды, установленные в пользу божества, и подобно европейским и американским протестантам будут называться протестантами только в исламизме для отличия от других наций. Точно так же как за шестьсот с лишком лет тому назад, царь исмаилидов в одной части Персии, называемой Дейлем, по имени *Гасан, сын царя Мамеда Бузург-Уммида*, прозванный *Алазикрихи-асселам*^{*}, когда достиг юношеского возраста, полюбознательствовал узнать философию и, окружив себя современными мудрецами и мыслителями, неутомимо стал заниматься изучением тогдашних наук, особенно философских, и наконец достиг такого совершенства в умозрениях и богословских воззрениях, что превзошел всех авторитетов по этой части из своих мусульманских современников, и начал писать книги и излагать свои мысли ко благу своих соотечественников, и положил начало протестантизму в исламизме, хотя не удержавшемуся по несочувствию к его похвальному предпринятию фанатических народонаселений других соседственных мусульманских держав.

Стремление пылкого Алазикрихи-асселама к реформации в исламизме началось еще при жизни его отца,

^{*} Слова «алазикрихи-асселам» на арабском языке означают: да будет благословенной его память. Собственное имя Алазикрихи-асселама было Гасан, а так как основатель секты исмаилидов также назывался Гасан бин-Саббах, то Алазикрихи-асселам являлся тезоименитым основателю секты исмаилидов, а так как последние боготворили этого основателя их секты и почитали его память всякий раз при произнесении его имени, то всякий раз при произнесении имени молодого Гасана сына Бузург-Уммида стали посылать благословения памяти основателя их секты словами «Алазикрихи-асселам». Наконец эти слова от частого употребления обратились в прозвание молодому Гасану.

по получило сильный отпор от Бузург-Уммида, который яростно разгневался на сына и выказал страшную суровость против него, лишив его права на престолонаследие; он был весьма простой и неграмотный персиянин; суждения и воззрения сына привели его в ужас; он разослал указы повсюду, чтобы со всех концов его царства собрались в его столице Аламовте¹ народные депутаты, и в присутствии их он встал и объявил себя противником всех воззрений своего сына, потом чрезвычайно строго поступил с теми из своих подданных, которые разделяли мысли молодого Алазикрихи-асселама и были его адепты, частью истребил их, частью изгнал из своего царства. Алазикрихи-асселам серьезно испугался. Обстоятельство, по которому Бузург-Уммид разведаль о воззрениях своего сына и пришел в ярость, рассказывает следующим образом.

Неджмеддин Рудбарский был одним из популярных улемов исмаилитян и, поселившись в их столице Аламовте, занимался преподаванием лекций студентам исмаилитов в мусульманском богословии и в комментариях Алкорана.

Однажды Алазикрихи-асселам случайно пошел слушать его лекцию и, явившись в камеру его училища, застал его занятым в толковании этих стихов Алкорана своим ученикам: «Когда ты (о Мухаммед!) говоришь тому, кто облагодетельствован аллахом и облагодетельствован тобою самим, «удержи свою жену для себя самого и остерегись аллаха», тогда как ты скрываешь в душе то, что аллах не преминет его открыть, то ты боишься людей; тебе подобает бояться одного аллаха; когда Зейд отрекся от нее (своей жены), тогда мы сочетали ее с тобою, дабы и правоверные вперед не затруднялись сочетаться с женами своих усыновленцев, когда последние отрекутся от них, — такова воля аллаха»².

Шестой имам Садах говорит: «Посланник и пророк божий однажды пошел в дом усыновленного им Зейда бин-Гариса бин-Шерахила из племени Келби за одним встретившимся ему делом, застал его жену в совершенной наготе купающуюся и произнес ей: «Премудрый есть тот аллах, который создал тебя!» Когда же Зейд вернулся домой, жена его объявила ему о приходе пророка и передала ему слова его. Тогда Зейд поспешил

к пророку и предложил ему свою жену, но пророк отказался и сказал ему: «Удержи свою жену для себя самого и остерегись аллаха».

По поводу этого случая аллах ниспослал вышеприведенные стихи Алкорана через ангела Гавриила. Затем Неджмеддин, обратившись к своим ученикам, заключил свое толкование следующим изречением: «Это событие доказывает особенную близость нашего пророка к аллаху и беспримерную благосклонность аллаха к нему; мы, его последователи, обязаны возблагодарить аллаха, что он удостоил нас великой чести и великого счастья причислением нас к сонму исповедующих его религию; итак, благодарение аллаху, сотворившему нас мусульманами, верующими его посланнику и избраннику между его творениями и признающими пресвятыя потомков пророка имамами... Алазикрихи-асселам при этом случае ни одного слова не вымолвил, вышел из камеры училища и пошел себе в свои покои. На другой день он, увлекшись своею пылкостью, по неопытности и непредусмотрительности написал следующее критическое письмо против вероучения популярного улема Неджмеддина и послал к нему.

«Высокопочтенный наш отец! Вчера я присутствовал в камере вашего училища, имел случай выслушать с начала до конца толкование священных стихов Алкорана, которые вы объяснили. Сомнения, которые по этому поводу родились в моей душе, и недоразумения, которые являются в моем уме по смыслу вашего толкования, побуждают меня адресовать к вам это письмо. Моему уму кажется весьма неуместным, чтобы всевышний творец при всем своем величии и божественной важности снизошел до того, что послал своего ангела Гавриила к своему пророку и требовал от него, чтобы он непременно взял к себе жену Зейда только ради утоления плотской своей страсти, несмотря на то что сам пророк по некоторым соображениям считал это невыгодным для себя в своем положении, что оправдывается тем, что он и до сих пор не очищается от упреков за этот поступок и сам повторял Зейду: «Удержи свою жену для себя самого и остерегись аллаха». Разве двадцати двух жен и невольниц его мало было для него? Разве непременно было необходимо, чтобы он наслаждался и женою Зейда?

Разве у божества нет других дел? Разве необходимо было божеству заниматься подобными дрязгами?

Положим, что Зейд от страха, или излишней преданности, или из видов корысти отрекся от своей жены и уступил ее пророку; откуда же известно, что и жена его Зейнаб была согласна на это? В разводе согласия жены не требуется, а в браке ее согласие ведь обуславливается. Когда же, через кого же ваш аллах добыл согласие Зейнаб на брак с пророком, что сочетал ее на небесах с ним? А может быть, молодая женщина Зейнаб вовсе не желала сделаться женою старика, державшего 22 жены и невольниц?

В истории пророка положительно говорится, что Зейнаб после отречения Зейда от нее первоначально упорно не соглашалась быть женой пророка, но она покорилась тогда только, когда ангел Гавриил вмешался в дело и принес весть, что создатель уже сочетал ее с пророком после отречения Зейда от нее; иначе она не могла бы поступить. Мы очень хорошо знаем, что и пророческое достоинство не может изгнать чувства ревности и зависти от женской натуры; каждый день Аеше и прочие жены пророка по побуждению ревности одних к другим какие огорчения причиняли ему? Однажды они до того огорчили пророка, что он на целый месяц бросил их и не повидался с ними; это было по поводу болтливости Гефезе, дочери Омара, когда пророк на ее очереди, в ее спальне, на ее же постели, воспользовавшись коротковременною отлучкою ее из дому, позволил себе иметь... с египетскою невольницею Мариною, и Гефезе, вернувшись поспешно домой, застала его с нею и подняла страшную свару; пророк для ее успокоения дал себе обет не повидаться более во всей жизни с Мариною с тем условием, чтобы Гефезе никому не рассказывала этой истории. Но Гефезе-то дура не утерпела и на другой же день проболталась об этой тайне Аеше, и последняя в насмешку напомнила об ней пророку при первом свидании; оттого пророк крепко рассердился на всех своих жен и отказался видеть их.

Через месяц опять летит к нему ангел Гавриил с неба, принося ему от аллаха следующий стих Алкорана: «О пророк, зачем ты в угоду своим женам отказываешь себе то, что аллах разрешил тебе (то есть Марию)? Аллах милостив и всепрощающий». Стало быть, обет

в отношении Марии божиею же волею нарушен и более нет причин отказываться от свидания и с прочими женами.

Поступок же Аеше еще более был поразителен для пророка. Она во время обратного похода пророка от замка племени бени Мустелек ночью в одной стоянке под предлогом розыска своего будто потерянного ожерелья из сердоликов решила тайком пробраться к своему любовнику, молодому арабу, по имени Сафван, и целую ночь остаться в его объятиях в степи, оставши от уходявшего отряда¹; одним словом, жены пророка постоянно интриговали между собою, и огорчали пророка, и заставляли вашего аллаха беспрестанно для умирения их посылать своего ангела Гавриила в Медину с разными стихами, сохранными доселе в Алкоране. У бедняжки Гавриила крылья и перья от частых сошествий с неба и восшествий обратно по поводу беспрерывных неблагоприятных поступков этих неугомонных дур уже были избиты и растрепаны. Кстати, говорят юмористы: «Кто сделался пророком, того жена непременно будет или грешница, или безбожница, как, например, были жены Адама, Ноя, Лота, Авраама и Моисея».

Зейнаб была свидетельницею всех этих ежедневных сцен в гареме пророка и, без сомнения, по женской натуре не была склонна лишиться молодого единоженного мужа и сделаться женой истощенного старика и разделять неприятную участь его жен; однако ваш аллах несколько не заботится о ее согласии, сочетает ее с пророком на небесах и, послав своего ангела Гавриила к нему, извещает его об этом сочетании! Коль скоро аллах ваш знает, что мы до такой степени тупоумны, что без малейшего рассуждения одобрим всякое нелепое его действие и слепо поверим всякому вздору, им возведенному, то почему же ему не делать и не говорить все то, что его душе угодно.

Высокоуважаемый наш отец!

Неужели еще не настало время проснуться от сна заблуждения и понимать, что если во вселенной существует бог, то, без сомнения, этот бог не тот, который позволяет себе роль сводника для какого-нибудь араба, по имени Мухаммед, и приказывает ему: «Не бойся людей, возьми жену Зейда для себя, наслаждайся ею, я

стою за тебя, ответу всякому за тебя!» Подобное верование гораздо хуже верования язычников, и творец вселенной далек от подобных нелепых качеств, которые вы ему приписываете; приписывать же ему подобные качества есть чистое безверие. Божество, описываемое вами, есть создание собственного вашего воображения; по истинное божество есть существо верховное, недостижимое вами и другими глупцами.

Оправдание пророка в постыдном взятии жены Зейда тем, чтобы правоверные вперед не затруднялись в сочетании с женами своих усыновленцев, может ли считаться уважительным в общественном мнении? Какая беда в том, что правоверные будут затрудняться в сочетании с женами своих усыновленцев? Приличнее, чтобы они не позволяли себе этого; разве для них не найдется других жен? Кто встречает необходимость во взятии жены своего усыновленца?

Но если во всяком случае это установление было необходимо, то его можно было бы установить каким-нибудь стихом в Алкоране; какая же была необходимость, чтобы сам пророк непременно показал в этом пример и сделал себя целью против стрел людских пересудов? Этот неблагоприятный случай послужил к поколебанию веры многих его последователей в истинность его пророчества; притворно веровавшие в его пророчество стали смелее отрицать его святость и принудили вашего аллаха прислать следующий стих Алкорана для его защиты от людских пересудов: «Мухаммед вовсе не есть отец кого-либо из вас, он только посланник аллаха и последний из пророков». Аллах ваш укоряет пророка, что он боится людей; разве он людей боялся? Люди вовсе не были намерены посягнуть на его жизнь за этот поступок; он просто боялся [людских насмешек, боялся] срама; ваш аллах должен был спасти его от них, однако не мог; противники затрубили везде об этом, и до нашей эпохи его память не освободилась от хулы в летописях по поводу этого его поступка; а вышеприведенный стих Алкорана для его защиты не принес никакой пользы.

Удивительная вещь: все стихи, приведенные здесь из Алкорана, представляют вашего аллаха воображению в таком виде, будто он ощущает какое-то особенное удовольствие и наслаждение от сообщения пророка с жен-

щинами! Например, по случаю истории Аеше* с молодым Сафваном, разглашенной во всей Медине, пророк отослал ее в дом отца Абу-Бекра и отказался повидаться с ней. Вот аллах ваш не утерпел и посылает 12 стихов через Гавриила один за другим в оправдание и очищение Аеше от возведенной на нее будто бы клеветы, как-то: 1. «О пророк! Те, которые клеветают на твою жену, грешат сами к своему вреду; это нисколько не должно считаться злом для тебя, напротив, это послужит к твоей пользе». 2. «О пророк! Порочные жены назначаются к порочным мужьям, добродетельные — к добродетельным, сии последние всегда чужды тех дрязг, которые люди толкуют на их счет, и они достойны божиего благоволения и божиего священного дара». 3. «Вот достойные правоверные, которые, слыша эту историю, говорят: «Боже премудрый, это великая клевета!» После этих стихов пророк отправился лично к Аеше, помирился с ней и взял ее опять к себе домой.

Клеветникам же ваш аллах стихами в Алкоране сулил адскую муку. Чем они, бедняжки, были виноваты? Когда молодая женщина на целую ночь останется с молодым мужчиной в степи, кто не может подозревать тут любовной связи? Только один ваш аллах этого подозрения не имеет, как будто своего Гавриила и Михаила он поставил над этою четою стражею, чтобы они не имели естественного сближения между собою...

Сама Аеше — плутовка! Зачем она ночью вышла из своих посылков и чересчур удалась от лагерной стоянки будто за естественною потребностью без ведома верблюжника, водившего верблюда за поводья, и затем не вернулась под предлогом, что замешкалась по случаю потери будто бы своего ожерелья, оторвавшегося от ее шеи и незаметно упавшего на землю в темноте ночи? Между тем отряд снялся, и она осталась [в] степи. Все это она позволила себе в то самое время, когда уже отряду дан был приказ к движению; она встала, что ожерелье незаметным образом упало с ее шеи, оттого она мешкала для его розыска; вероятно ли, чтобы оже-

* Она была молода и красавица, пророк страстно любил ее и предпочитал всем своим женам.

** В арабской истории Тебери говорится, что Сафван был молодой человек с красивым станом, с милою и восхитительною физиономиею.

релье, такая тяжелая вещь, упало перед ее глазами, и она, будучи не во сне, не могла бы заметить этого? Ведь оно не перстень и не серьги.

Предлог этот выдуман был ею после происшествия. Откуда же взялся только Сафван, который будто следовал за отрядом и, найдя ее одинокой в степи, посадил ее на своего верблюда и доставил на другой день в отряд? Если она была невиновна, то зачем честный и мужественный Али не соглашался, чтобы пророк другой раз привел бы ее к себе домой, советуя ему так: «Отпусти эту порочную любодейку, пусть она пойдет к своим любовникам; для тебя отыщутся жены почище ее». Все эти обстоятельства наводят сильное подозрение на честность Аеше. Впрочем, если она виновата, то более виноват ее отец Абу-Бекр, что выдал молодую свою дочь за старика, имеющего кроме нее целый табун жен, по милости которых едва ли в месяц раз доходила до нее очередь; между тем по климату Аравии тамошние мужчины и женщины чрезвычайно сладострастны.

Вот причина, по которой пророк, не доверяя более женской добродетели, в порыве сильной ревности к Аеше и для удержания ее от дальнейшего прелюбодеяния решился на веки веков погубить женский пол во всем мусульманском мире и для их затворничества выпросил у аллаха следующие стихи Алкорана: «О Мухаммед! Скажи правоверным, чтобы они закрывали свои глаза всякий раз при встрече с женщинами и сохраняли целомудрие; скажи правоверницам, чтобы они закрывали свои глаза всякий раз при встрече с мужчинами и сохраняли целомудрие, чтобы не показывали им своих женских украшений, исключая тех, которые скрывать невозможно, чтобы скрывали свои шеи покрывалами; они могут показываться и с украшениями только своим мужьям, отцам, тестям, сыновьям, пасынкам, братьям, племянникам по братьям и сестрам, рабам, старикам, лишившимся возможности к естественному общению с женским полом, и мальчикам, не достигшим зрелого возраста.

Чтобы они также не ударяли одною ногою о другую во время ходьбы пред мужчинами, чтобы производить чиканье от своих ножных браслетов; пусть правоверные повинуются аллаху велению для спасения души».

Впрочем, не одна Аеше имела любовные шалости, и

другие молодые жены пророка не чужды были чувства любви. Не рассчитывая на продолжительность жизни пророка, как уже пожилого старика, они заблаговременно старались жеманством нравиться молодым правоверным, чтобы они по смерти их мужа женились на них, и постоянно кокетничали и любезничали пред ними. По поводу подобного их жеманства влиятельный из правоверных, молодой Телхе, неоднократно в кругу своих друзей позволял себе говорить: «Когда же старик этот (пророк) умрет, чтобы мы могли завладеть его женами, держать их в своих объятиях и заставляя их чикать свои ножные браслеты пред собою?» Заметим, что, так как жены пророка между прочими ужимками жеманства всякий раз во время ходьбы пред правоверными нарочно ударяли свои ноги одну о другую, чтобы производить приятный звук от ножных своих браслетов, оттого и эта женская ужимка в числе стихов Алкорана о затворничестве получила запрещение.

Когда же шпIONS донесли пророку о непристойных словах Телхе относительно его жен, он сказал в душе своей: «Подожди, сын собаки, я приму меры, чтобы ты никогда не мог достичь своего желания».

Вот он сперва выпросил у вашего аллаха следующий стих Алкорана: «Пророк для правоверных должен быть дорожкой собственной их жизни, и его жены суть их матери», полагая, что правоверные после его смерти, вероятно, не решатся взять его жен, как нареченных своих матерей; но потом он убедился, что по праву арабов этот стих не мог удержать их от женитьбы на его женах после его смерти лишь по тому уважению, что они их нареченные матери; тогда он решился выпросить у вашего аллаха другой стих, заключающий в себе положительное запрещение о взятии его жен после его смерти, а ваш аллах, состоявший в безусловном повиновении его воле, тотчас послал следующий стих Алкорана: «О правоверные! Вы не должны обижать пророка и никогда не должны жениться на его женах после его смерти, это был бы величайший грех пред аллахом». После этого стиха Телхе и другие правоверные, мечтавшие о женах пророка, окончательно отчаялись в обладании его женами после его смерти. Все это доказывает, что по случаю старости пророка жены его имели к нему отвращение.

Вот другой пример этому.

В шиитских книгах одна аравитянка, по имени Асма бинт-Немана, известна под прозванием *Мустеизе*, что значит прибегающая к защите аллаховой; она была молодая и красивая девушка. Пророк, слышав о ее красоте, просил ее родителей выдать ее за него, и родители исполнили его волю, вовсе не спросив на то согласия своей дочери; когда же пророк в свадебную ночь в спальне протянул к Асме свою руку, тогда она, содрогнувшись, вскрикнула в испуге и произнесла: «Прибегаю к защите аллаха против твоего насилия! О старик, чего ты от меня хочешь? Зачем ты без моего согласия выпросил меня у моих родителей. Отвяжись, откажись от меня и уволь меня, я не в состоянии без трепета сносить твоё присутствие и никогда не покорюсь тебе». Пророк отчаялся от обладания ею и поневоле сказал ей: «Удались в отцовский дом, о поганая девушка». Она тотчас же вышла из спальни пророка и пошла в отцовский дом и объявила родителям, будто пророк по доброй воле отпустил ее. Пророк же на другой день послал ей разводный акт. По случаю этой сцены другие жены пророка стали завидовать счастью Асмы, потому что и они также желали избавиться от его когтей по той причине, что многие из них не по доброй воле попали в его жены; некоторые из них были невольницы, некоторые же были вырваны из объятий их мужей, как жены сражавшихся с ним неверных, как жена Зейда, уступившего ему свою сожительницу, бывший уверен, что в противном случае и его постигла бы та участь, которая постигла Урию от пророка Давида. Молодым женам пророка простиительно было подобно Асме выходить из круга добродетельной жизни и, подумав о своей будущности, вовремя расположить к себе молодых правоверных.

Пророк часто отправлялся на грабеж и разбой под предлогом похода против неверных и оставлял их в Медине; кто может ручаться, что они в его отсутствие вели добродетельную жизнь и не имели любовников? Тем более, что пророк в последние годы своей жизни до такой степени чувствовал немощь от сония, что однажды жаловался на нее своему другу ангелу Гавриилу, как пишет мудрец Газали, современник Низам-уль-Мулька, в своем знаменитом сочинении под заглавием «Возрождение наук»: «Перешло к нам по преданию, что

посланник божий однажды сказал: «Я пожаловался ангелу Гавриилу на свою немощь от сония, он посоветовал мне кушать часто герысе»*. Как же им поступать иначе против потребностей природы при такой слабости пророка от сония? Если бы пророк был покоен с их стороны и не тревожился сомнением относительно [их] добродетели, то почему же он так жестоко поступил в отношении женщин и лишил их на веки веков величайшего права человечества, то есть свободы? Итак, аллах ваш повелевает пророку непременно взять себе жену Зейда, потом пророк отсылает Асме в отцовский дом и не хочет иметь ее.

Вот аллах опять не терпит и повелевает ему примириться с ней, послав для ее оправдания и очищения 12 стихов; потом пророк по данному им обету отказывается от египетской невольницы Марии. Вот опять аллах не терпит и повелевает ему непременно нарушить свой обет. Потом пророк сердится на своих жен, не хочет их видеть. Вот опять аллах не терпит и повелевает ему поладиться с ними.

Алкоран полон подобными нелеными стихами, свидетельствующими о чрезмерной страсти пророка к женскому полу, и мы обязаны читать эти нелености на могилах наших покойников для спасения их душ.

Теперь спрашивается, как должен представляться воображению ваш аллах, принимавший столь живое и горячее участие в удовлетворении сладострастных похотей пророка?

Впрочем, страсть к женщинам, по мне, вовсе не порок для пророка, потому что человеческая натура так создана, и потомство в человечестве сохраняется только по милости этого закона природы, и поступающий против этой страсти или болен, или нарочно поступает против естественного закона создателя.

Изречение это в ислализме — «нет монашества в исламской религии» — есть бесподобное изречение; но дело в том, что предаться этой страсти выше всякой меры, пожелать обладание чужими женами, потом ко-

* Пшеничная каша, варимая с крошеным мясом, весьма вкусная; она, по уверению правоверных, выдумана ангелом Гавриилом, который по смыслу мусульманских преданий является практичным сводником женщин для особ, избранных аллахом.

варством скрывать это желание в душе*, наконец, для обладания желанною женою чужого считать мнимую волю создателя вселенной верным средством — не согласуется с достоинством пророчества. Почему сам пророк не последовал точному смыслу стиха о затворничестве, по которому всем правоверным повелевается закрывать глаза при встрече с женщинами, когда он увидел жену Зейда купающейся? Напротив, он досыта разглядел ее в совершенной нагоде и даже расхвалил прелесть ее талии громкогласно, потом установил следующее узаконение, признаваемое и суннитами, и шиитами в шариятских книгах: «Если пророк увидит какую-нибудь женщину и полюбит ее, то муж ее обязан развестись с нею и уступить ее пророку». Вот до чего простирается позор! Что скажет друг и недруг при чтении подобного узаконения относительно вашего пророка и вашего аллаха?

Божество других народов занято важными делами, а божество ваше занимается глупостями. Высокоуважаемый наш отец! Я не удивляюсь, что простой народ верит подобным глупостям и сладострастие пророка считает доказательством близости к верховному существу — творцу вселенной; но я удивляюсь тому, что такой бесподобный в учености муж, как вы, гордитесь историею жены Зейда и считаете ее за особенное счастье для себя и других собратьев и обязываете себя и других благодарностию аллаху за это мнимое счастье.

Если вы действительно по убеждению, а не по лицемерию приписываете творцу неба и земли поступки, о которых я упоминал в этом письме, то я не соглашаюсь с вами, и не верю такому божеству, и не верю такому же его пророку; прошу отвечать на мою критику аргументами, основанными на разуме, и удовлетворить меня; а если сочтете себя не в силе опровергать ее на основании разумных доказательств, то прошу не обманывать более бедный простой народ, пользуясь его невежеством, и не погрузить его еще более в бездну суеверия, и не лишить его совсем достоинства человека...**

* Смотри стих Алкорана: «Скрываешь в душе то, что аллах не оставит обнаруживать».

** Вся эта подробность о гаремной жизни жен пророка важна, потому что она раскрывает причину затворничества женского пола в ислализме.

Неджмеддин по получении такого страшного письма от Алазикрихи-асселама пришел в величайшее негодование, тотчас встал, отправился к Бузург-Уммиду, и, получив аудиенцию, жаловался ему на его сына, объяснив ему смысл полученного им от него письма, и в заключение присовокупил, что скоро царство Дейлема по милости такого сына еретика и безбожника отойдет от его рода.

Бузург-Умид был весьма простой человек, до фанатизма преданный религии ислама; он пришел в бешенство от воззрений своего сына и поступил, как сказано выше.

Алазикрихи-асселам, страшась гнева отца, не только перестал продолжать свои философические проповеди в кругу своих друзей, но даже совсем переменял образ своих мнений, и стал писать брошюры, и подкреплять разными доказательствами истинность исповедуемой его отцом исламской религии, и вел такой образ жизни, что, наконец, успел опять возвратиться к себе благосклонность отца.

Бузург-Умид совершенно успокоился на его счет и по простоте своей от души поверил, что Алазикрихи-асселам будто от чистого сердца обратился на истинный, по его мнению, путь; тогда он восстановил его право на престол, разослав повсюду новые указы в отмену прежней своей воли, коею он лишил было сына этого права.

Как только Бузург-Умид умер, Алазикрихи-асселам, восшел на престол, объявил себя царем и вместе с тем имамом народа и в 559 году хиджры собрал всю знать своего царства и народных депутатов в столицу Аламовт, приказал на южной стороне Аламовтской праздничной площади поставить под открытым воздухом один мунбер (кафедру)¹ и четыре больших знамени красного, зеленого, желтого и белого цветов [водрузить] вокруг мунбера; это было 17 числа рамазана, месяца голодания мусульман.

Затем Алазикрихи-асселам в присутствии собрания взошел на мунбер, произнес прежде приличествующую сборищу язвущую речь, потом объявил: «О мой верный народ! Знайте, что в настоящую эпоху я есмь ваш имам; во внушении разума я считаю себя обязанным указать вам то, что вам полезно, то, что вам вредно, то, что заключает в себе ваше счастье, то, что считается для вас

заблуждением; знайте, что мир существует без предшества ему небытия, ему и конца не последует; время есть превечное, точно так же как пространство бесконечно и беспредельно, и тому, и другому нет ни начала, ни конца. Рай и ад есть вымыслы человеческого воображения; светопреставлением для каждого человека считается смерть его; всякому умному человеку по указанию священного дара человечества — разума следует быть добродетельным, благотворным и безвредным. Такой человек считается на истинном пути. Он может избрать себе какой ему угодно образ жизни, который найдется для своего существования полезным; я ныне снимаю с вас обязанности шариа, относящиеся к правам божества; отныне вы свободны от всех постов, молитв, пилигримств в минюветные места и вообще от всех запрещений и приказаний, собственно для пользы божества установленных в шариа; отныне ведите только добродетельную жизнь, посвятите ваши труды наукам и познаниям, наслаждайтесь дарами жизни, приобретайте богатства, средства, не оковывайте себя пустым и безобразным суеверием, старайтесь возвышаться во мнении народов земного шара науками, познаниями, искусствами, добрыми и нравственными делами и вообще всякого рода доблестными поступками.

О мой верный народ! Знайте, что затворничество женского пола кроме того, что считается величайшим тиранством в отношении этой половины человечества, имеет неисчислимые невыгоды и для самого мужского пола; отныне не держите женщин в затворничестве, дайте им воспитание и образование, не угнетайте их. Так же более одной жены не берите себе подобно мне; ибо я и сам более одной жены не имею. Если отныне кто-нибудь из вас не позаботится о грамотности маленькой своей дочери, как заботится о грамотности маленького своего сына, если отныне кто-нибудь из вас, богатых или бедных, позволит себе брать лишних жен кроме одной, тот подвергнется страшному наказанию от меня».

После этой проповеди Алазикрихи-асселам сошел с мунбера, сел тут же, потребовал закуски, в присутствии собрания сам первый нарушил пост голодания, и все собрание последовало его примеру. Этот великий день великого события установился достопамятным

праздником для исмаилов, в который они ежегодно устраивали великолепные пиршества и праздновали его с великою радостью и с великим торжеством.

В воспоминание этого великого события и в прославление беспримерного подвига Алазикрихи-асселам исмаиридские поэты сочинили превосходные оды, панегирики, из которых уцелели в истории следующие пять стихов: 1. «Снял цепи шариа с божиею помощию гордость своей эпохи Алазикрихи-асселам». 2. «Отменил он стих Алкорана о затворничестве женского пола, заслужил благословения божьего и благословения высшего и низшего сословий». 3. «О народ мой, — сказал он, — каждому мужчине одна жена достаточно, лишние жены запрещаются». 4. «До тех пор пока солнце будет распынять свои лучи по всему миру, до тех пор пока луна будет служить украшением для голубоцветного небосклона». 5. «До тех самых пор этого добродетельного падишаха будет вспоминать с благословением человеческого родленно и ночью».

На другой день, когда реформация объявилась в Персии, Алазикрихи-асселам в десятом часу утра, взяв за руку великую царицу Дурретуд-таж (Жемчужина короны), свою супругу, принцессу из рода Дейлемидских шахов, вышел из гарема, и великая царица с открытым лицом изволила прогуливаться пешком по гульбищам Аламовта вместе с мудрым и гениальным своим супругом и возвратилась в гарем. Затем всякий день, когда погода благоприятствовала, Алазикрихи-асселам повторял прогулку вместе с своею супругою. Вся знать в Аламовте, все жители его последовали его примеру относительно свободы женского пола и выходили из дома вместе со своими женами на гуляние, без покрывала на их лицах, и это обыкновение установилось во всех частях его царства.

Существует предание, что хотя мусульмане других соседственных царств начали порицать Алазикрихи-асселам за его реформацию, называя его безбожником и еретиком, но никто из них не дерзал называть его развратником, безнравственным, тираном и деспотом, потому что Алазикрихи-асселам был беспорочный человек; никогда не пил вина, прелюбодеяниями не занимался, никого не обижал и не угнетал, никогда на чью-либо смерть и на чью-либо пытку приказаний не давал, по-

стоянно занимался делами о спокойствии и благосостоянии своего народа, всегда держал беседу с людьми учеными, мудрыми и развитыми, всегда пекся о распространении наук, о воспитании юношества и всему миру доказывал, что одни науки и воспитание только суть надежные средства к искоренению разврата, порока, бесчестия, корыстолюбия, алчности, насилия и угнетения, а не религия, рождающая невежество и суеверие. Именно по этому достоинству своему качеству и по этой достохвальной своей нравственности он имел право называть себя всенародно на Аламовтской площади имамом своей эпохи, путеводителем народным и главою всех добродетельных людей, о чем свидетельствуют персидские историки, хотя враждебно отзывающиеся об нем, не понимая благородных его побуждений...

Честь и слава тебе, о Алазикрихи-асселам, что в течение летоисчисления хиджры среди мусульманской нации не явился подобно тебе ни один венценосец с разумом, с мудростью, с ученостью, с энергиею, с предприимчивостью и с нравственностью, который направил бы эту нацию на путь цивилизации, освободил бы ее от невежества, суеверия и несчастия!

Если бы нация понимала твою цель, твои побуждения, то реформаторы европейские ныне считались бы твоими подражателями, потому что ты предпринял реформуцию в то время, когда европейцы еще жарились на инквизиционных кострах. Прошло несколько лет от мудрого царствования Алазикрихи-асселам; произведенная им реформация была принята народом во всех частях его Дейлемского царства, и его подданные день ото дня чувствовали благодетельный результат реформации; но, к величайшему сожалению, по наущению Сельджукидов или Буидов шурин Алазикрихи-асселам принц Гасан, названный в истории Намивер (Имени-тый), убил Алазикрихи-асселам одним ударом кинжала в грудь и погасил светильник исламской нации, в особенности же светильник персидской нации*.

* Гасан Намивер был [глупейший] фанатик и по старой привычке не терпел, чтобы сестра его, супруга Алазикрихи-асселам, прогуливалась с открытым лицом пред глазами посторонних мужчин; за это он питал к ее супругу сильную злобу, считая его поступок бесчестием для своей фамилии, наконец по чувству злобы решился на его убийство.

После смерти Алазикрихи-асселам сын и преемник его Мухаммед, воспитанный в его духе, по мере возможности поддерживал реформуцию своего отца, но после смерти Мухаммеда сын и преемник его Джелаледдин Гасан, прозванный в истории *Новымусульман*, то есть новый мусульманин, увидел, что нация мусульманская не сочувствует реформации, произведенной его дедом, что со всех сторон поднялись на его царство с враждою невежественные соседи, особенно Абасидские халифы и другие мусульманские цари и владетели, стали порицать и проклинать исмаилидов, называя их еретиками и безбожниками, начали враждебные действия против них, а потому по необходимости принужден был опять сделать реакцию и восстановить все прежние обряды и установления, существовавшие до реформации между исмаилидами Дейлема, и вновь вверг себя и жителей Рудбара и Кухистана в бездну тьмы.

Жаль, что сочинения Алазикрихи-асселам, существовавшие тогда в рукописях, истреблены тогдашними невежественными мусульманами; может быть, какие-нибудь из них найдутся у маскатских исмаилидов или у других единоверцев их в разных частях Азии и Африки. Но пока ни одно из них не встречается, а если отыщется, то могут считаться яхонтами и изумрудами мусульманской литературы и драгоценным подарком для мыслителей. С вероучением Алазикрихи-асселам имеет некоторое сходство вероучение индийского народа чарвак; хотя чарваки чересчур резко рассуждают о религиозных вообще убеждениях (см. персидскую книгу под заглавием «Дебистан-уль-Мезаггиб», то есть школа религиозных воззрений). Они утверждают, что нет творца, то есть нет причины мирозданию; что зависит от игры случая проявляться в каком-нибудь виде; что на существование розного, отдельного [и личного] по теории монотенистов создателя нет положительного и основательного доказательства; что не следует считать себя рабом воображаемого и вымышленного божества, которого нет вне вселенной; что не следует мучить себя служением и поклонением мнимому, вымышленному божеству в мечетях и храмах; что нет ангелов; что нет рая и ада; что не следует по узости ума рассчитывать и надеяться на райские наслаждения и вследствие такой пустой надежды отказываться от пользования дарами и

удовольствиями здешней жизни и променять существенное и настоящее наслаждение на мнимую, несомнительную будущую перспективу радости; что не следует верить лживым предвещаниям в том красноречивых честолюбцев*, которые систему надувательства простого народа находят вернейшим способом для достижения разных эгоистических своих целей, и по низости души считать их своими повелителями, а себя их позорными рабами, и почитать, и боготворить их. То, что не видимо, не ощущаемо и не осязаемо, не существует. Организм наш устроен от влияния четырех стихий; пока держится организм, держится и жизнь, когда разрушится организм, тогда пропадает и жизнь; в промежутке су-

* Любезнейший Джелал-уд-Довле! Относительно честолюбия и властолюбия нашего пророка я встретил в четвертом томе истории Ибн-Халдуна следующий эпизод: один арабский поэт, по имени Имаретун-Иемени, современник исмаилидского халифа Адфандиллаха в Египте, сочинил похвальную оду принцу Шемсуд-Довле Туран-шаху, брату известного Салахеддина, между прочими стихами своей оды подстрекал Туран-шаха к завоеванию Йемена и к абсолютной независимой власти тремя следующими стихами: 1. «Приобретай для себя владение, по которому ты не находишься бы в чей-либо зависимости, и воссламени огонь славы в мире». 2. «Чтобы народ говорил: вот сын Томерта, который имеет власть и владение; вот он, который покори себе народы». 3. «Первый, кто оказал такой подвиг, был тот муж из арабов, который не переставал трудиться, до тех пор пока не провозгласили его владыкой народов».

Вот как хорошо понял этот поэт характеристику нашего пророка. Действительно, наш пророк до высшей степени был честолюбив, властолюбив и славолюбив; умом, талантом и энергиею он превосходил всех своих современников; в красноречии никто с ним соперничать в состоянии не был; он сам же немножко педантически гордился этим своим ораторским даром следующим изречением: «Я между арабами красноречивее даже тех, которые правильно могут произносить букву пад, не говоря еще о том, что я курейшитанин».

Алкоран с начала до конца есть произведение собственного его воображения. Ошибочно полагают, что он будто был безграмотный. Нет! Он был грамотный, только не знал наук, не имел понятия о современной цивилизации, только умел читать и писать, с умыслом приписывал все свои действия божьей воле, чтобы самому быть свободным от нарекания за несообразность, погрешность, неуместность и преступность своих действий. Например, для успеха в своем предприятии иногда позволял себе именем божьим такие постыдные поступки, к которым невольно почувствуешь омерзение, как-то: не довольствуясь открытым нападением на безвинные племена, мирно жившие в своих замках, в своих шатрах, нередко подсылал молодых арабских ловких тайных убийц убивать тех из арабских старшин, которые казались помехами в его деле, и эти убийцы в ночное время подкрадывались в покои несчастных жертв и убивали их в постели.

существования и разрушения организма мы должны пользоваться всеми теми удовольствиями, от которых никому вреда не предвидится, а когда организм разрушится, тогда мы опять обратимся к стихиям, и после разложения организма нет более высшей жизни, высшего наслаждения, нет страдания и мучения. За неисполнение обрядов и обязанностей, относящихся к богопочитанию, никто не подвергнется ответственности. Грешники в отношении богопочитания никогда не будут мучимы, напротив, отшельники, посвящающие жизнь постоянным молитвам и постам, сами находятся в мучениях¹.

Итак, благоразумный человек не должен отказывать себе ни в каком позволительном удовольствии, потому что как скоро обратишься в прах, то другой раз не вернешься... Стих персидский: «Другой раз не вернешься; уж коли пошел, пошел безвозвратно».

Бесполезность обрядов, относящихся к богопочитанию, утверждает и известный Абу-Али Синий, как видно из следующего персидского стиха: «Прославленный в медицине мудрец Абу-Али Синий сказал, что месяц голодания не имеет иного смысла, как искусственное вызывание различных недугов».

Об этих бесчестных его поступках подробно повествуется в истории пророка на турецком языке под заглавием «Снеру-аннеби» с величайшими похвалами и одобрением, потому что он решался на эти поступки по аллаху будто бы повелению.

Доказательством же его грамотности служит это предание от девятого имама Мухаммеда Таги, приведенное в сочинении Абу-Джафара Мухаммеда, сына Али Гусейна Бабуейха Кумского, под заглавием «Бесаир-оддереджат», то есть «Развитие умственных степеней», в той его главе, где идет рассуждение о грамотности или неграмотности пророка: «Дошло до нас, что Джафар бин-Суфи однажды спросил девятого имама: «Почему пророк называется «уммы» (слово это имеет двоякое значение — неграмотный и материнский)? Имам спросил: «Что говорят люди?» Джафар отвечал: «Люди говорят, что он был неграмотный». Имам сказал: «Врут, да будут они прокляты, каким же образом пророк может быть неграмотным, когда великий аллах говорит в Алкоране: «Он тот аллах, который прислал к неграмотным арабам пророка, дабы он читал им его заповеди, очищал их от грехов и учил их мудрости»; как же он будет читать заповеди и учить мудрости, если он неграмотный? Напротив, он умел читать и писать, он назывался «уммы», потому что родился в Мекке, а Мекка считалась матерью аравийских городов, как утверждает стих Алкорана: «О Мухаммед, мы послали тебя, чтобы ты проповедовал страх божий матери Мекке и ее соседям», то есть меккийским жителям и соседственным им племенам».

были допускаемы на Аравийский полуостров. Ныне всякому известно, что иноверцы, то есть европейцы, во всех отраслях наук и искусств превосходят все народы других частей Старого Света, но они из страха лишиться жизни не смеют носа показывать на том полуострове ни под предлогом торговли, ни под предлогом путешествия. Следовательно, обитатели Мекки, Медины и других ближайших к ним местностей от кого же могут заимствовать познания и развитие? Они поневоле должны оставаться [в] вечно невежестве, должны вечно пребывать в нищете, должны вечно жить или подавляемыми, или разбоями. К ним только имеют доступ их единоверцы, но эти последние также не уступают им [в] невежестве, многому ли они [вы]учатся от них? Со дня существования исламизма произошла ли хотя бы какая-нибудь перемена в их положении от их единоверцев? Реформация могла бы спасти и этих несчастливцев от жалкой их участи.

Еще другая ошибка нашего пророка состоит в том, что он, приписывая себе все основание мусульманской юриспруденции и считая себя умнее и мудрее всех человеческих законодателей, прошедших и будущих, не допускает малейшего изменения в этой юриспруденции.

Юриспруденция мусульманская еще до возникновения исламизма известна была между арабами, особенно между обитателями Йемена. Арабы постоянно решали свои споры и тяжбы между собою на основании этой юриспруденции. Во время жизни самого пророка много было законоведов из жителей Мекки и других местностей. Пророк наш только сделал изменения в старой арабской юриспруденции по собственному разумению и соображению, а он вовсе не есть основатель мусульманской юриспруденции, как полагают наши улемы. Он есть только преобразователь ее, как знает, к лучшему или к худшему. Точно так же как свою новую и сухую религию* он преобразовал частью из сказаний библии

* Потому я говорю сухую, что обряды богослужения его религии не имеют того церемониала и великолетия, той торжественности и разнообразия, которые встречаются в христианской религии; напротив того, обряды богослужения его религии состоят из повторения одних и тех же сухих, однообразных, утомительных и скучных земных поклонов, с одними и теми же молитвами, не производящими никакого впечатления и восторга ни на молящегося, ни на зрителя,

и евангелия, частью из вероучения огнепоклонников. Юриспруденция такая наука, что она без течения веков, без явления неисчислимых опытов, без участия многих умов основываться не может и за всем тем никогда полного совершенства не может достигнуть; беспрестанно она требует изменения, отменения, прибавления, убавления, судя по новым обстоятельствам, по новым требованиям всякой эпохи. Коль скоро наш пророк раз навсегда запретил допускать малейшее изменение в этой науке — значит он окончательно запер дверь для своей нации ко всякому прогрессу; между тем он сам в 23 года своего пророческого поприща беспрестанно отменял постановления и узаконения Алкорана и заменял их новыми, сообразно с обстоятельствами и потребностями. Как же в таком случае, в течение 1280 лет от хиджры юриспруденция его, полная тысячи погрешностей, недостатков, несообразностей, не может нуждаться в изменении и преобразовании? Странно, что пророк эпоху, предшествовавшую исламизму в Аравии, считает эпохою невежества, а не знает, что он сам еще хуже, связав руки и ноги своей нации, бросил ее в бездну невежества после исламизма, потому что от невежества до исламизма можно было бы освободиться, но от невежества после исламизма никакая возможность к тому пока не предвидится.

И до тех пор пока будет закрыт путь всевозможным изменениям, нововведениям и дополнениям в мусульманской юриспруденции для разумных и мыслящих представителей исламских народов, эти народы вечно будут отсталыми и считаться самыми несчастными среди всех народов мира и никогда не смогут вступить на путь прогресса.

Кроме тех трех теорий, изложенных мною выше в этом письме, из которых две первые относятся к пантеизму, а третья к монотеизму, есть ли еще четвертая теория? По крайней мере органы твоих чувств более этого знать не могут, как утверждает гениальный Фирдовси следующим стихом: «Настоящими органами человеческих чувств, настоящими разумом, душою и вообра-

тем еще более, что слова молитвы обязательно должны быть произносимы молящимися на не понятном для большинства арабском языке.

жением невозможно распознавать и воспевать творца как следует».

Быть может, с течением миллиона веков существо целое проявится в ином виде, и во вселенной произойдет великий переворот, и на место тебя явится другое существо не с пятью, а с десятью чувствами; тогда это новое существо с десятью органами, может быть, узнает еще что-нибудь более тебя, может быть, оно тогда разгадает, [что такое творец], что такое душа? Ты не можешь понимать, что такое душа, точно так же, как не знаешь, что такое свет, [что такое теплота], что такое магнитная сила и тому подобное; только можешь утверждать, что она, что бы ни была, является в живом организме после его устройства и сложения согласно с законами творчества. Например, когда человеческий зародыш утвердился во чреве матери, тогда образуется из него организм младенца, вдруг явится в нем жизнь, или душа*. Пока организм этот не рушится, жизнь, или душа, неразлучна с ним; когда же организм разрушится, то исчезнет и жизнь, или душа. Это одно из таинств существа целого, единого, совершенного и могущественного. Это обстоятельство можно вразумить тебе пояснее примером: несколько разнородных веществ по правилам науки ты соединяешь вместе, вдруг образуется в них сила электричества, обращающая проволоочное железо в магнит, когда же разразишь эти вещества, тогда исчезнет и сила электричества, ими произведенная, и пропадает; таким же образом и душа после разрушения организма исчезает и пропадает. По этому именно умозрению мнение наших улемов, будто души после разрушения человеческого организма еще продолжают существовать в особых хранилищах или обиталищах, не может выдержать критики, потому что душа, чем бы она ни была, не может продержаться без тела, то есть без организма, точно так же, как разум не может продержаться без мозга после разрушения мозга; где разум, там и душа после разрушения организма. Нет даже основания думать, что душа после разлуки с земным

телом существует, поместившись в каком-нибудь эфирном, нежном и неземном теле, как полагает шейх Ахмед Бахрейнский бездоказательно.

Приведенный пример электрической силы есть для тебя удовлетворительный аргумент; да, ты, любезнейший Джелал-уд-Довле, и твои соотечественники, к сожалению, не имеете понятия об электричестве и не захотите даже иметь его, потому что к чему вам знать, что такое электричество; ведь оно не поведет вас в рай и не спасет от адского огня; для вас нужно знать только описание будущей загробной жизни, чтобы, сообразуясь как-нибудь с ним, попасть в рай и собственными глазами удостовериться в осуществлении значения этой ежедневной вашей молитвы, взятой из Алкорана: «Боже, сочetaй нас в рай с прелестнейшими гуриями», и тем достичь цели постоянных ваших душевных желаний.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Пора тебе и твоим соотечественникам опомниться и знать, что все это пустая мечта; пора вам знать, что вам нужны науки и познания и после них — свобода и средства. Пора вам знать, что вы принадлежите человечеству, создавшемуся быть свободным, а не позорным рабом пророков, или имамов, ниже деспотов, и достичь цивилизации. Пора вам знать, что сны и толкования их нелепы и не имеют никакого значения и влияния на мирские дела, потому что сны не что иное, как работа мозга во время неглубокого почивания. Пора не верить никаким чудесам, сверхъестественным явлениям, знаменам и откровениям, потому что в настоящую эпоху физика и естественные науки дошли уже до такого совершенства и в Европе, что по их указаниям невозможность подобных явлений становится для каждого здравомыслящего человека очевидною и доказательством об их невозможности принимаются в разряд аксиом. Если в настоящую эпоху кто-нибудь без сознания станет приписывать себе силу чудотворца, то мы сочтем его помешанным и сумасшедшим. Если с сознанием он станет выдавать себя за чудотворца, мы невольно почувствуем к нему отвращение, потому что такой человек, знающий невозможность сверхъестественных явлений, а решающийся уверять и надувать простой народ в их возможности через себя для достижения разных честолюбивых своих целей, без сомнения, лжец и подлец.

* Знаменитый мудрец Газали в своем сочинении под заглавием «Благоухание» говорит: «Душа человеческая проявляется в организме младенца в тот самый момент, когда организм его в чреве матери получает устройство и способность принять ее».

[Однако в древние времена мир находился в другом состоянии, не было прогресса упомянутых наук. Философы, обладавшие возвышенной моралью, не были в состоянии с убедительностью доказать свои положения, с тем чтобы показать народу все, что полезно и вредно для него. И они вынуждены были, используя недалекую природу людей и выдавая себя за избранных творца, называть себя пророками и чудотворцами и этим путем, подчинив народ своим печальным деяниям, высказали народу свою позицию].

Если бы бедный народ в древности верил только одним благоразумным пророкам, то это было бы еще простительно; но он, к сожалению, поверил и таким сумасшедшим из них, которые установили для него страшные обряды, как-то: пророки язычников и огнепоклонников, поощрявшие их, например, к добровольному обречению себя на всю жизнь пыткам и истязаниям, мучениям, к бросанию себя под колеса идолов, бросанию детей в священную реку, сожжению живым на костре и тому подобному; но в настоящем веке прогресса согласится ли с здравым смыслом, чтобы человечество оставалось в прежнем заблуждении неподвижно?

Довольно, я уже устал, завтра 21 число рамазана, и я намерен отправиться в главную мечеть слушать рассказы трагика моллы Джаббара о плачевной участи наших имамов и об них сообщу тебе в третьем своем письме.

Я намерен из Тавриза отправиться в Решт, оттуда же в Мазандаран — на родину дивов и пери (демонов и имф). Какие хорошие подзорные трубы продавали в Египте, жаль, что я позабыл и не купил, а здесь, в Тавризе, мне понадобилось иметь подзорную трубу, не мог найти хорошую. В Каире за домом Риза-Паши в магазине одного европейского негодяя продавали отличные трубы; прошу тебя зайти туда, купить для меня одну подзорную трубу и прислать в Решт на имя Гаджи Абдуллы Багдадского, продавца жемчуга, который доставит ее ко мне. Прощай.

Кемал-уд-Довле

Любезнейший мой брат Джелал-уд-Довле!

Сегодня я вместе с знакомыми отправился опять в главную мечеть слушать рассказы трагика моллы Джаббара. Мечеть была полна народу. Прежде моллы Джаббара взошел на мунбер другой духовник и рассказывал обстоятельства кончины нашего имама Али; после него молла Джаббар взошел на мунбер, сперва рассказал некоторые предания о достоинствах наших имамов; потом о награде в будущей жизни за сотование о плачевной и трагической их смерти, затем приступил к рассказам о событиях.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! У всех народов, у всех наций вожди и главы религии испытывали менее или более бедствия. Но бедствия вождей шиитской секты действительно более страшны. Причина к тому была та, что Оманды похитили престол халифатства у Алевидов, признаваемых шиитами за святых вождей, то есть имамов, и последние часто пытались возратить себе потерянное право на халифатство; но прежде Оманды, потом Абасиды были могущественнее их, и истребили каждого из них при первом покушении на восстание, и халифатствовали себе преспокойно, не опасаясь этих неугомонных претендентов; наконец и Оманды, и Абасиды подверглись общей участи всех земных властелинов и сошли со сцены и сделались совершенно забытыми. Таков закон нашего мира: один всходит на трон, другой нисходит с трона. Оманды были истреблены Абасидами. Абасиды же монголами, как всем известно; история мира нашего полна подобными событиями. Когда Алевиды были лишены светской власти над правоверными, тогда они решились приобрести духовную власть над ними. Такое предприятие требовало благочестия, нравственной и добродетельной жизни; они на это были очень способны, даже до ханжества, и успели составить себе партию приверженцев, называвшихся шиитами, и эти приверженцы обеспечивали их существование уделением им пятой части всякого своего приобретения от торговли, земледелия и от других трудов и разными другими приношениями. Наконец и Алевиды сошли со сцены, и следа

не осталось ни от них, ниже от их врагов. Стих из поэмы Гафиза: «Это (то есть мир) та необозримая пустыня, где погибло без следа воинство Сельма и Тура (сыновей Фиридуна, воевавших между собой)». Обряд сотования по погибшим от рук Омандов имамам первоначально установлен в Персии шахами из династии Деблемидов, исповедовавшими шиитскую секту; впоследствии Сефевиды, считавшие себя отдаленными потомками Алевидов, из политических видов придали обряду сотования более обширное значение и большую важность.

Теперь и Сефевиды не существуют; но обряд сотования сохраняет всю ту форму, которая была дана ему Сефевидами; даже сопровождается еще большей торжественностью повсеместно, чем при Сефевидях. Обряд этот ежегодно соблюдается только в первых десяти днях месяца магеррама¹ каждого года, а теперь он соблюдается во многих местах по крайней мере раз в неделю; говорят, что в Тегеране каждый день бывают собрания по обряду сотования; ну, это уж чересчур выходит из меры. Что такое? Разве мало у нас самих горя, чтобы еще тратить время на воспоминание события, которое совершилось за 1000 лет и более тому назад? Какая же польза от этого, кроме вреда? Мы тратим время, отвлекаемся от житейских занятий, кормим дармоедов-рассказчиков, ничем не занимающихся, кроме выдумок отвлратно нелепых басен и легенд, необходимых им для украшения своих рассказов.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Ты знаешь, что и я сам считаюсь в шиитской секте; сохрани боже, разве я питаю ненависть к имамам? Разве я не расхваливал вам передко их благочестивый образ жизни, их добродетель и нравственность? Но я говорю: «Примись за дело, через которое распростился бы ты с печалью» (персидский стих). Я говорю, что от сотования по имамам нет никакой пользы ни им, ни тебе; напрасно не трать своего времени на пустяки, гонись за важнейшими делами, посмотри, какие успехи оказывают народы вокруг тебя на пути прогресса и цивилизации. Пора и тебе проснуться от сна безбесечности и сделать шаг вперед.

Я не опишу тебе сцены плача по рассказу моллы Джаббара, а расскажу те предания, которые слышал от него до плача, дабы содрогнулся ты от удивления, что персияне до такой степени суеверны и в каком они нахо-

дятся ребячестве, что не чувствуют отвращения к рассказываемым басням.

Вот входив в мечеть; народ сидит на разостланной по всему полу ее рогоже, поджавши ноги; в одном углу замечаешь одного господина в суконном плаще, с кушаком на бедре из кашемировой шали, шерстяною шапкою на голове из бухарской мерлушки, с длинною, крашеною хинною и индиго бородою; думаешь, что, вероятно, порядочный человек; спрашиваешь соседа: кто он таков? Отвечает: он такой-то гаджи; лицо и глаза его выражают вид человека, находящегося в трауре по случаю смерти какого-нибудь своего ближнего; он, вперив глаза в мунбер, ждет, что произнесет глупый шарлатан оттуда.

В другом углу замечаешь, что сидит преважный господин с перетнем из блестящего яхонта на пальце; спрашиваешь соседа: а это кто такой? Отвечает: это такой-то помещик. Подходишь к нему, начинаешь с ним разговор, спрашиваешь: грамотен ли он? Получаешь отрицательный ответ с добавлением, что он благодарит аллаха за то, что ему не суждена была грамотность, потому что грамотные люди часто впадают в ереси и безбожие! Положим, это не без некоторого основания; да оправданные ли это неграмотности? Попробуй разуверить глупца в ошибочном его мнении? Невозможно. В третьем углу замечаешь, что один вертит в руках четки, лепечет про себя слова известного символа исламизма: «Нет божества, кроме аллаха», повторяя это по числу шариков в четках. Сосед же, протянув к нему шею, спрашивает: «Сколько поклонов земных каждому из нас следует совершить в эту ночь 21 числа месяца голодания и какие молитвы мы должны читать?» Тот не прерывает своего лепетания, потому что это противно правилам шарната, пока шарики в четках до единого не перевертятся; наконец шарики все переверчены, он обращается к соседу и отвечает: «Зачем ты так торопишься, после моллы Джаббара должен взойти на мунбер ахунд Джафар и объявить нам весь обряд богослужения, требуемый от нас в эту ночь согласно указаниям книги под заглавием «Зад-уль-Мead» («Запас для загробной жизни»). Боже премудрый! Какое положение! Все младенцы целого мира дошли уже до зрелого возраста, а

младенцы Персии теперь только начинают ходить на четвереньках.

Молла Джаббар взмолился к мунбер и начал*. «Автор книги под заглавием «Месанбул-Аббар» («Бедствия праведников») на основании достоверных преданий рассказывает: «В ночь рождения имама Гусейна великий аллах приказал одной райской гурни по имени Лейя сойти в Медину и принять на себя роль акушерки при рождении святой дочери пророка, матери имама, от родов».

Любезнейший Джелал-уд-Довле!² Лейя из породы райских дев, во всей жизни не испытавшая брачного ложа, никогда не рожившая и не принявшая младенца при родах, откуда могла бы знать акушерское искусство? Впрочем, это не серьезная критика, а говорится только в шутку.

«Лейя сошла из рая в Медину, исполнила обязанность акушерки при рождении имама, отрезала пупочную кишку ему и, поздравив святую дочь пророка, возвратилась в рай».

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Я пишу сокращенно. Ты не думай, что этот вздор кончается пятью или шестью словами: для подкрепления истинности этого вздора приводятся разные цитаты, столь же нелепые, как и самый рассказ, не говоря еще о божьих про его верность, я только захотел показать тебе степень умственного состояния персиян, которые возлагают на творца вселенной и заботу о присылке повивальной баб-

* Если бы народ персидский имел чувство амбиции и патриотизма, то он сеговал бы о падении древней персидской монархии, об уничтожении учреждений Махадания, об опустошении своего отечества, о своем унижении, о своей жалкой участи, а не сеговал бы о бедствиях той нации, которая ему вовсе не сродна, которой язык иной, [которая чужда ему по праву и по образу жизни], которая, наконец, есть виновница его вечного несчастья. Хотя Ахемениды уже сошли со сцены, но персияне по любви к их памяти и по ненависти к памяти их врагов и до сих пор испытывают различные бедствия. Сколько родов погибло вследствие любви к памяти Ахеменидов и теперь гибнет! Сколько фамилий исчезло с лица земли за них и теперь исчезает! За что персияне толпами попадают в рабство туркменам — за любовь к памяти обратившихся уже в прах арабов и за ненависть к почитаемым туркменами их врагам? Пока предводители арабов были живы, сами они разорили и опустошили Персию, а теперь персидский народ за любовь к их памяти постоянно претерпевает несчастье, а к исходу из этого положения не предвидится другого средства, кроме образования во всех слоях персидского народонаселения¹.

ки к дочери пророка при ее родах; в таком случае зачем мы и мазандаранцы упрекаем юродивого моллу Рамазана Гезарджерибского за сочинение полустихий для аллаховой печати следующего содержания: «Раб потомков Мухаммеда, аллах». Еще молла Джаббар сказал: «Однажды поворожденный имам Гусейн почивал в люльке; святая мать его за каким-то делом вышла из дома; между тем младенец начал плакать в люльке, плач его на седьмом небе был услышан великим аллахом; он тотчас приказал ангелу Гавриилу сойти на землю, качать люльку возлюбленного младенца и убаюкать его следующей песнею на арабском языке: «В раю течет одна молочная река для святого Али и двух возлюбленных его сыновей Гасана и Гусейна». Еще молла Джаббар рассказывал: «У великого аллаха был один ангел по имени Фитрис; он пользовался особенною благосклонностью аллаха и считался в ряду первостепенных ангелов. Однажды аллах возложил на него исполнение какого-то поручения, но как-то случилось, что Фитрис немного допустил медленность в исполнении возложенного на него поручения. Аллах яростно рассердился на него за это, сокрушил его крылья и перья и бросил его на какой-то остров. Фитрис 700 лет оставался там, Аллах предоставил ему избрать себе наказание или в здешнем мире, или в другом, будущем. Фитрис согласился на наказание в здешнем мире. Тогда великий аллах повел его за ресницы на том же острове, и он находился в всяком положении. Когда родился возлюбленный имам Гусейн, тогда аллах велел ангелу Гавриилу сойти в Медину и поздравить пророка с рождением его внука. Случилось, что Гавриил во время сошествия пролетел через остров, где висел Фитрис; он заметил своего собрата, подлетел к нему, спросил о его положении и объявил ему цель своего посольства; Фитрис умолял Гавриила взять его с собою; Гавриил взял его с собою и рассказал пророку в Медине о его положении; пророк сжалился над ним и посоветовал Гавриилу вести его к поворожденному младенцу. Фитрис подошел к его люльке и коснулся своим телом его тела; тотчас крылья и перья его по-прежнему возобновились, и он вместе с Гавриилом полетел на небо и принял прежний свой сан».

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Если это правда, в таком случае ваш аллах является хуже любого тирана

и деспота, хуже Чингиза и Гулаку! Разве можно так жестоко наказать первостепенного ангела за самую маловажную вину?

Потом молла Джаббар заключил, что о достоинстве наших имамов существует множество подобных достоверных преданий. Сетующих и плачущих об них ожидает на том свете великая награда, и того, кто будет погребен в той местности, где находятся их гробницы, и того, кто пилигримствует туда для поклонения их праху, не коснется адский огонь в страшном судилище. Затем приступил к рассказу одного плачевного эпизода из их жизни и сошел с мунбера.

После него ахунд Джафар с книгой «Запас для загробной жизни» вззошел на мунбер, раскрыл ее и объявил: «Пред закатом солнца вы должны совершить купание, целую ночь не спать, а бодрствовать, совершить сто обязательных земных поклонов, читая за каждым поклоном одну маленькую главу Алкорана о единстве аллаха, затем должны вы совершить сто добровольных земных поклонов с чтением после них великой молитвы под названием «Джовшен-Кебир» («Великий панцырь»).

Сцена¹ кончилась, и народ вышел из мечети. На дороге я сказал товарищам, что мне чрезвычайно было скучно и на сцене проповеди, и на сцене сетования; тотчас один из товарищей отвечал: «Причина скуки очевидна, потому что ты каждый раз ходишь на проповедь неразвитых молла, они все принадлежат к старой секте *исули*, уже изношенной и более не уважаемой и пренебрегаемой; в их проповеди ты не можешь ощущать удовольствия. Завтра пойдем в мечеть на улице Миер-Миер, где будет говорить проповедь молла Рагим, который принадлежит к новой секте шейхи²; выслушай там предметы, от которых пернатые в небесных рощах будут приводимы в энтузиазм и от которых душа твоя почувствует истинный восторг. Теперь почти целая половина тавризского народонаселения исповедует секту шейхи, все порядочные и развитые люди, все образованные и

проницательные личности принадлежат теперь к секте шейхи; одни баккалы и лавочники только остаются в старой секте».

Я сказал, с большим удовольствием завтра готов я присутствовать на проповеди ахунда моллы Рагима.

На другой день все мы собрались к условленному часу и пошли в известную мечеть на улице Миер-Миер.

Ахунд молла Рагим вззошел на мунбер и прежде всего прочел этот стих Алкорана: «Я создал породы человека и джина не для иной цели, как для того, чтобы они поклонялись мне»; но умные люди должны рассудить, что поклонение не иначе может иметь значение как после познания того существа, которому должно поклоняться; следовательно, слова «чтобы они мне поклонялись» должно понимать «чтобы они меня познали».

Но может ли быть познание божества без знакомства с учением шейха Ахмеда и без понятия о достоинствах святых имамов? Неужели воображаете вы, что в старой секте было бы возможно познание божества? Совсем нет! Великий аллах для счастья шиитской нации вразумил истину шейху Ахмеду Бахрейнскому и вдохновил его для того, чтобы он руководил своих единоверцев к познанию божества и спас их от невежества множеством своих сочинений, раскрывающих их сокровенные тайны шиитского вероучения». Затем он продолжал: «Великий аллах создал все живые существа согласно требованиям способности каждого из них».

(Любезнейший Джелал-уд-Довле! Не забудь, что способность существа по этому выражению должна иметь бытие прежде, чем само существо создано. Непонятная вещь.)

«То есть великий аллах прежде создал вселенную атомами только с сознанием и волей; тогда человечество не разделено было на верующих и неверующих, как утверждается это одним стихом в Алкоране. Оно разделилось после предложения им воли аллаха относительно [исполнения его] заповедей и признания его пророков. В мире атомов, превосходившем настоящий мир обширностью в 70 раз¹, великий аллах предложил человечеству: не есть ли я ваш творец? Не есть ли Мухаммед пророк ваш, не суть ли Али и 12 его потомков ваши имамы? (Непонятно, чем же эти господа, только что созданные в мире атомов вместе и в одно время с прочими

* Секта основана в начале настоящего столетия знаменитым авторитетом из шиитских улемов шейхом Ахмедом Бахрейнским, арабского происхождения, который во множестве своих сочинений пытается и усиливается доказывать, что Мухаммед, Али и 12 его потомков, называемых имамами, суть посредники между божеством и творением.

индивидуумами человечества, заслужили такое предпочтение пред другими и такую привилегию!) Тогда человечество разделилось на две партии: одна признала с сознанием то, что было предложено, а другая также с сознанием объявила, что аллах не есть творец, Мухаммед не есть пророк и Али с 12 потомками не суть имамы. (Было бы желательно, чтобы она отвергла бы и других пророков и имамов, тогда всем подобным господам, к счастью человечества, дорога была бы заграждена.) В числе же первой партии иные имели первенство в признании, а иные были только их последователями; тех, которые [имели] первенство в признании, аллах хвалит в Алкоране и обещает им великое блаженство в раю, и те, которые им последовали, также хвалятся, только в меньшей степени, и им же обещана награда, а тех, которые отвергли волю Божию, аллах порицает в Алкоране, грозит им адским мучением».

«Субстанция первенствовавших в признании создана из чистой райской глины, а субстанция последователей их создана также из райской глины, только меньшей чистоты против прежней, а субстанция отвергателей создана из адской глины. В настоящем же мире возобновилось предложение, сделанное в мире атомов через посредство пророков, и обе партии остались при первоначальных своих мнениях, отчего ныне существует разделение между верующими и неверующими. Всякий предмет имеет состав и форму; примером возьмем свечу: состав ее есть огонь, а форма — пламя, а действие ее есть лучи и тени; значит свеча [не может быть свечою] без огня; и лучи, и тени не могут быть без пламени; стало быть, лучи и тени зависят от пламени, следовательно, лучи и тени не могли бы проявляться без пламени, а пламя не могло бы проявляться без огня; огонь представляет [божество, пламя же представляет] Мухаммеда и Али с 12 его потомками-имамами. Лучи представляют их приверженцев, тени же представляют их врагов, не признававших в мире атомов их преимущества, следовательно, вселенная состоит из лучей и теней, лучи и тени произведены пламенем, пламя же произведено огнем, это значит: лучи и тени созданы пламенем, а пламя создано огнем.

Но не думайте, что пророк и имамы абсолютны и самобытны; напротив, они нуждаются в огне, который

один есть абсолютен и самобытен, то есть они рабы божества, которому и должны поклоняться».

После чего молла Рагим продолжал проповедь чтением и объяснением разных цитат из Алкорана и преданий в подкрепление мнимой истинности выдумки шейха Ахмеда, придавая им произвольное значение и толкование, непонятное ни на арабском, ни на ином языке. Наконец проповедь кончилась, и он сошел с мунбера.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Рассказ ахунда моллы Рагима совершенно дикий для нас; выходит, что шейх Ахмед Бахреини¹ признает единство между божеством и пророком с имамами вместе, точно так же как египетские халифы из Алевидов, исповедовавшие секту исмаилидан, имели такое же вероучение; в числе их замечательным был Эль-Гаким Биллах, величайший чудак, который, признавая себя прямым потомком Али, требовал от своего народа признания его творцом жизни и смерти всему человечеству по примеру своих предков, будто бы имевших такую же силу².

Впрочем, учение шейха Ахмеда Бахреинского на основании приведенного ахундом моллою Рагимом примера некоторым образом подходит к пантеизму³, потому что вся вселенная состоит из лучей и теней; лучи и тени получили бытие от пламени, а пламя от огня, который один абсолютен и самобытен, следовательно, огонь является как существо целое, абсолютное и самобытное, от которого истекают и проявляются частицы в различных видах, как-то: пламя, лучи и тени⁴.

Когда мы вышли из мечети, то наш товарищ, исповедующий секту шейхи и пригласивший меня на проповедь ахунда моллы Рагима, обратился ко мне с видом самодовольствия: «Ну, что же, насладились ли твоя душа от проповеди ахунда моллы Рагима?» Я отвечал: «Каким же образом душа моя могла бы насладиться, когда я ровно ничего не понял, да будут благословляемы проповедники старой секты, по крайней мере их слова для меня были понятны».

С удивлением он взглянул на меня и сказал: «Заклиная тебя богом, правду ли ты говоришь?» — «Ей богу, правду говорю, как я мог бы понимать такой птичий язык?» «Удивляюсь, — сказал он, — что ты, такой остроумный человек, не мог понимать такие ясные вещи!»

«Любезнейший мой знакомец, — сказал я ему, — для

понимания этих вещей одного остроумия недостаточно; с ним вместе нужно и родиться, и воспитываться в Тавризе, и нужно подобно тавризцам иметь большое умственное развитие, тогда только можно понимать эти вещи; я, к несчастью, не тавризский уроженец и через пять или шесть дней должен выехать отсюда в Решт; если бы я мог оставаться здесь по крайней мере года два, может быть, ум мой просветился бы от влияния собеседничества с тавризцами и я наострился бы еще более и тогда понял бы проповедь ахунда моллы Рагима. Но что делать, не суждено было мне аллахом оставаться здесь долго; впрочем, я должен винить самого себя, зачем я в мире атомов добровольно и с сознанием отверг пророчество Мухаммеда и имамство Али с 12 потомками и тем причислился к разряду теней, а не лучей? Иначе я не лишился бы теперь наслаждения от проповеди ахунда моллы Рагима.

В эту минуту один из товарищей подхватил: «Может быть, по твоему вкусу тебе понравится вероучение Рукни-раби (четвертой подпоры)?»

«Кто такой Рукни-раби? — спросил я. — Что это за поность?» «Ведь Рукни-раби тоже есть, — ответил добрый товарищ. — Он живет в Кермане, называется Керим-хан; он уверяет, что мир держится на четырех подпорах: первая из них есть сам аллах, вторая — пророк, третья — имамы и четвертая — этот Керим-хан — их наместник, знаменитейший среди современных улемов; что вся вселенная поддерживается его духовною силою, что все человечество обязано ему повиноваться и что после него опять должен явиться Рукни-раби из достойнейших улемов веры, потому что Рукни-раби, по уверению его, необходим, иначе мир разрушится без него»*.

«Знаешь ли что-нибудь из предметов его вероуче-

* Он происходил из Каджарских аристократических фамилий, оттого назывался Керим-ханом; с малолетства отказавшись от светских почестей и знаний, он посвятил себя изучению арабского языка и мусульманского богословия; по окончании учения принял духовный сан, стал сочинять разные книги по своим бредням и получил большую популярность, приобрел много приверженцев и последователей; наконец в 1872 г. умер от расстройства желудка в городе Керманшахе на пути пилигримства в Кербалай, не могши поддерживать даже своей жизни, умевши поддерживать существование целого мира. После него неизвестно, кто принял звание Рукни-раби, а может быть, вакансия еще не запята и мир пока шатается на трех ножках.

ния?» — спросил я товарища. «Я сам ничего о том не знаю, — отвечал он, — говорят, что в его сочинениях много заключается высоких предметов; особенно в одном его произведении под заглавием «Руководство к спасению простого народа», и он во многих персидских провинциях имеет миссионеров для распространения его вероучения...»

К сожалению, я не нашел никого спросить о религиозных воззрениях Баба; сказывали, что в Тавризе много есть бабистов, но никто от страха не смеет рот разинуть.

Я уверен, что и Баб облек суеверие в иную форму и явился на попрание пророчества! Как бы ни было, только два постановления его в его книге под заглавием «Бейан», как рассказывали товарищи, казались мне весьма философскими; первое состоит в том, что женский пол во всех правах человечества равняется с мужским полом, что и женскому полу необходимо давать воспитание, как мужскому; что и женский пол должен жить без затворничества с открытым лицом, как мужской. Известная историческая проповедница его религии Гуррат-уль-Эйни (Свет очей) на основании этого постановления ходила с открытым лицом, проповедовала на мечетях мунберах без покрывала*, и такое же постановление о правах женского пола с единоженством вместе было сделано и Алазикрихи-асселамом**, второе состоит в том, что в природе ничто не должно считаться нечистым в религиозном смысле, а нечистоту должно принимать в смысле, противоположном опрятности. Признаться, эти

* Она была племянницей главного Казвинского муфтия, весьма хорошо изучившая арабский язык, удивительно пылка и энергичная девица, даже и красавица; она познакомилась с Бабом во время путешествия в Кербалай для поклонения праху имама Гусейна, и приняла его учение, и посвятила себя миссионерству для распространения его религии в Персии; история ее весьма замечательная и романтическая; она является героиней во многих случаях, принимает участие в разных восстаниях; наконец по время последнего заговора бабистов в Тегеране была схвачена в Казвине, привезена в Тегеран и тайно предана смерти по приказанию шаха.

** По свидетельству Алазикрихи-асселамы, стихи Алкорана о затворничестве женского пола присланы аллахом после истории Аеше с Сафваном. Вред, приносимый этими стихами человечеству в мусульманском мире, никаким пером не может быть описан в точности; благодаря им мужской пол полудикарь, груб, лишен удовольствия женского общества, пристрастен к мужеложству, по немнению возможности встречаться с женщинами, до того даже пристрастен к

два постановления бесподобны в отношении своей громадной пользы для человечества в ислализме. Если бы мусульмане, особенно шиниты, не принимали нечистоты в религиозном смысле, они тогда не гнушались бы сообщения с иноверцами, не стали бы отказываться от их пищи, не стали бы мучиться мнительностью о воображаемой нечистоте в их платье или теле, могущей будто уничтожить пользу их моления и богослужения; таковая участь досталась бы в удел одним только евреям, исповедующим Моисееву религию, предписывающую избежание всех чужих наций, что принято от них и нашим пророком, к нашему несчастью.

этому гнусному пороку, что таковой уже принял вид обыкновенных непостоянных явлений в житейской жизни и никто не гнушается им и не стыдится, хотя шариа́т строго наказывает и преследует этот порок. Даже персидские поэты в своих поэмах воспевают красоту милых юношей, а не девушек и не стыдятся соблазнять читателей к такому разврату. Кроме того, мужской пол, живущий постоянно в одиночестве от женского пола, становится жестоким, немилосердным, почти зверем; между тем женский пол остается всегда без воспитания, без образования, без свободы, постоянно подвергается различным болезням от сидячей жизни взаперти, без всякого движения в одном спертом воздухе. За всем тем хоть бы преобладание искоренилось по милости затворничества, в вознаграждение за громадный вред, им приносимый, но оно не искореняется несмотря на то, что только ради искоренения этого порока Алкоран предписывает не держать при гаремах мужских прислуг, не предвидя, что этим установлением родится бесчеловечное ремесло евнухо-промышленности. Натура человеческая все-таки берет свое: против нее в отношении этого зла нет преград. Европейские философы, осуждающие затворничество женского пола, осуждают вместе с тем и многоженство, считая это также одной из величайших ошибок нашего пророка. Они говорят: кроме явной несправедливости к женскому полу, этой слабой половине человечества, два зла от многоженства очевидны: одно состоит в том, что существует вечная вражда и вечная ненависть между братьями и сестрами, родившимися от различных матерей, и между сродниками обеих сторон; другое состоит в том, что численность народонаселения между мусульманами уступает численности народонаселения тех стран, в которых многоженство не в обычае.

Первое зло не нуждается в доказательстве, потому что всякий человек без него уверен в том, но второе зло доказывается следующей аргументацией. Европейцы говорят: Иван, один человек, берет четырех жен; допустим, что каждая жена дарует Ивану пять детей, следовательно, Иван от четырех жен имеет двадцать детей. Теперь скажем наоборот: каждая из четырех жен Ивана выходит за одного мужа и каждая из них дарует своему мужу десять детей, следовательно, четыре жены несут сорок детей, когда каждой из них муж принадлежит исключительно; еще часто случается, что Иван, взявши четырех жен, преждевременно теряет способность производить детей,

Пока науки не будут распространены в Персии, пока народ не избавится от невежества и суеверия, до тех пор каждый день будут являться сектаторы подобно шейху Ахмеду Бахрейскому, подобно Рукни-рабину Керим-хану и Бабу и каждый день Персия будет театром всевозможных смут через подобных честолюбцев; когда же народ перешагнет на дорогу прогресса и цивилиза-

а каждая из его жен еще сохраняет способность рожать; но под властью Ивана эта способность не приносит никакой пользы до самого конца ее жизни, вследствие чего в Европе, где многоженство не в обычае, несмотря на необширность ее территории, народонаселение прибавляется; напротив, в Азии, несмотря на обширность ее территории, оно не увеличивается; между тем согласие семейное в единоженстве будто имеет влияние на благоустройство края, средства нации и могущество государства.

Любезнейший Джелал-уд-Довле! Этот вопрос весьма тонкий; я не могу ни утвердить, ниже отвергнуть мнение европейцев о том, будто причиной неувеличения в Азии народонаселения есть полигамия; она ли его причина или к тому существуют другие причины, разрешение этого вопроса требует больших сведений во всех отраслях познаний, в знании статистик всех стран земного шара; те, которые в ислализме, пусть обратят внимание и на этот вопрос; если тогда потомство наше относительно вредности полигамии признает мнение европейцев основательным, пусть отменит оно стих Алкорана и о полигамии. В Алкоране говорится: «О правоверные, вам разрешается брать до четырех жен, но если побонетесь нарушить правосудие, то берите только одну жену»; коль скоро в случае нарушения правосудия запрещается брать более одной жены, то оно нарушено в то самое время, когда муж решает взять вторую жену в обиду первой; следовательно, после нарушения правосудия бесполезно остерегаться правоверных, чтобы они не нарушили его, когда оно уже нарушено. Правосудие в отношении женского пола в точности соблюдается европейцами, которые сравнивают женщин во всех правах человечества с мужчинами; говорят даже, что в иных странах Европы допускаются они к государственным должностям, не говоря еще о том, что они в иных государствах занимают и престол, если по рождению имеют на то право; этот обычай существовал и в Персии до появления владычества арабов.

Европейцы! подкрепляют свое мнение относительно предпочтительности единоженства еще тем, что мужчина, имеющий многих жен, лишен сладости душевной любви, потому что у него удовлетворяется только плотская страсть.

В Алкоране кроме четырех жен разрешается аллахом еще многоженство невольниц, которыми собственники могут обладать даже без брака; право, удивляешься такому божеству, которое так тиранически поступает с этими несчастными невольницами, как будто они не им созданы; улемы наши говорят, что собственники невольниц кормят и одевают их и потому имеют право пользоваться ими.

Да зачем же они собственники их? Зачем божество допускает рабство? Оно противно правам человечества; один только мусульманский бог может позволить это, а не человечество.

ции, [тогда всем подобным сектаторам путь будет загражден, тогда народ освободится] и от деспота, который примет другой титул, другой образ жизни, будет возлюблен народом, освободится от беспокойства через разных претендентов, узурпаторов, врагов внутренних и внешних и насладится радостями прочного царствования, как он сам, так и его потомство.

Через неделю я отправляюсь в Решт, оттуда же поеду в Мазандаран. Прощай.

Кемал-уд-Довле

**ОТВЕТ ПЕРСИДСКОГО ПРИНЦА ДЖЕЛАЛ-УД-ДОВЛЕ
НА ПИСЬМА ИНДИЙСКОГО ПРИНЦА
КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ**

Зикаде¹ 1280 г.

Любезнейший брат Кемал-уд-Довле!

Я получил все три твои письма, прочел их все и понял их содержание. Увы, увы, Кемал-уд-Довле! Увы, потомок великого Темурлана! Ты уже помешался? Ты уже стал меланхоликом? Увы, увы!

Пишешь, что древние персидские государи имели превосходные законы и превосходные постановления, что персы в их эпохе блаженствовали; что арабы появились, уничтожили этих государей, разрушили их царство, их законы и постановления и лишили персов блаженства и счастья.

Бедняжка, подумай ты: какую веру имели все персидские государи и все персы во время появления арабов! Не были ли они огнепоклонниками? Не они ли позволяли себе жениться на своих родных матерях, сестрах, дочерях и тетках?

Найдется ли на всем земном шаре, даже между дикарями, народ, который имел бы подобный гнусный обычай? Может ли быть несчастнее выше того, чтобы человек женился на своей матери, сестре и дочери? Женский пол создан слабым существом, а его покровитель есть отец, сын, брат и дядя, но как же они могут быть покровителями при существовании такого отвра-

тельного обычая? Ты говоришь, что путешествовал по Европе, познакомился с европейскою медициною; зачем не спросил европейцев: вредно ли кровосмешение для народного здоровья или нет?

Ты воображаешь, что персы в ту эпоху блаженствовали. Можно ли считать блаженство там, где существует такой постыдный обычай?¹ Великий премудрый аллах был столь милостив к персам, что покорил их арабами, дабы последние уничтожили между ними это омерзительное преступление. В подкрепление основательности своих бредней ты приводишь стихи Фирдовси, который соболезнует, скорбит о падении древней персидской монархии; да и сам Фирдовси такой же безбожник и еретик, как ты; разве не он² за безбожие лишился благосклонности султана Махмуда? Разве это безверие³ не видно из следующих его стихов:

«1. Взгляни на этот быстро движущийся свод (небо), от которого ты получаешь и болезнь и лекарство.

2. От которого ты получаешь печаль и радость, довольство и нужду.

3. Течением времени он не изменяется, и его заботы не уменьшаются.

4. Он не остановится от своего движения и не разрушится, как мы (то есть мир всегда был, есть и будет)».

Не сам ли Фирдовси сознается в сатире [на] султана Махмуда, что последний считал его безбожником.

«1. О шах Махмуд! Если ты не боишься меня, то бойся бога.

2. Ты называешь меня безбожником и безверным, но я лед, а ты называешь меня бараном».

Султан Махмуд никогда бы не называл Фирдовси безбожником, если бы он не был таким на самом деле.

Кроме того, Фирдовси соболезнует о древних персах, и хвалит их учреждения, и хулит арабов потому именно, что сам же был из персидской нации, и предпочитал огнепоклонство и звездопоклонство исламу, и более уважал древних персидских монархов и их пророка Зороастра, чем нашего арабского пророка. Когда в его поэме речь идет о нашем пророке, он отзывается о нем с насмешкою, имя его произносит вместе с именами джинов и предсказание его считает за бредни, например в ответе Саади-Ваккаса к Рустему:

«1. Он начал письмо речью о джинах и о предсказаниях гашиндского пророка.

2. О единстве божием, об Алкоране, о наградах, об угрозах и о новых учреждениях.

3. О дегте, об огне и страшном холоде, о вишней и молочной реках.

4. О камфаре, о мускусе, о холодной воде, о райском дереве, о винах и меде.

5. С уверенным, что трон, и венец царский, и все радости земные не стоят одного взгляда на райскую деву (гурью).

Когда же речь идет о Зороастре, тогда он отзывается о нем с величайшим благоговением и появление его признает величайшим благом для персидского народа.

Вот его стихи, которые он декламирует от собственного имени, а не от имени постороннего лица:

«1. Прошли века, вдруг взросло дерево счастья и радости.

2. На террасе Кештияба, пред его дворцом, дерево с крепким корнем и множеством ветвей.

3. Все листья его полны назидания. Плод его был полон ума. Кто вкусил бы этот плод, тот получил бы бессмертие.

4. Это значит: явился святой муж, держа в руках благоухающую кадильницу.

5. Муж благочестивейший, называемый Зердушт, который уничтожил царство Ахремена (злого демона).

6. Он объявил царю, что он пророк, что послан воззывать его к богу.

7. Показал ему кадильницу с огнем, объявил, что она дана ему свыше.

8. Что творец вселенной повелевает ему принять его религию пред небом и землею.

9. Как только [у]слышал царь его предложение, тотчас принял истинную его веру.

10. Со всеми своими вельможами, мудрецами, воинством и народом.

11. Явился этот божий свет Зороастр, исчезло все зло в сердцах.

12. Поглощено язычество и восстановилось поклонение истинному божеству».

Если бы Фирдовси был истинным мусульманином, то он никогда не дерзнул бы говорить в насмешку арабам следующие два стиха: 1-й, «О боже! Араб, который питается верблюжьим молоком и ящерицами, дошел до того, 2-й, что он теперь мечтает о короне Каянов! Тыфу на превратность судьбы, еще раз тыфу!» И он не дерзнул бы сказать, что пророк арабов для разграбления народов предлогом выдумал новую веру.

«1. Они истребляют народы для удовлетворения своей алчности; настанет эпоха бедствия и несчастья.

2. В сущности цель их составляет грабеж, а предлогом к тому представляют они какую-то новую религию».

[Те несколько строф, которые он сложил в честь Хазрата Али, да будет мир над ним, восхваляя членов его семьи, после того как он пал в глазах Султана Махмуда, включил в свою книгу, с тем чтобы правиться Фахр-уд-Довле Дейлеми, потому что Дейлеми был шиитского толка и враждовал с Султаном Махмудом. Однажды Фахр-уд-Довле послал Фирдовси тысячу золотых монет в качестве подарка и пригласил его к себе. Строфы, которые сочинил Фирдовси относительно священных имамов, вызваны не искренностью, а лицемерием!]

Следовательно, насмешка Фирдовси насчет арабов для меня нисколько не может служить доказательством их порочности.

Ты приводишь цитату и из истории Абдурахмана ибн-Халдуна; он происходил из рода Омаидов; Абу-Суфьян — его дядя, Муавие — его двоюродный брат. Разве не видишь, как он в своей истории пристрастно судит об Омаидах, о Муавие, считая его из великих будто бы сподвижников пророка? Предки Ибн-Халдуна во время несчастья Омаидов убежали из Сирии, очутились в Африке, потом в Испании; он, как и все Омаиды, чистосердечно не верил нашему пророку; он и другие Омаиды суть кровные враги потомства Гашима; следовательно, и приведенная из его истории цитата относительно характеристики арабов также для меня никакой важности не имеет. Имаретул-Иемени также был развратник и безбожник. Все поэты вообще народ беспокойный и вредный; на кого они не нападают? Они порицают и бога, и пророков, и царей, и людей, просто всякого, кто подпадет под их перо, иногда даже без цели и без нужды; кто им поверит? Имаретул-Иемени также был поэт беспокойный; оттого он за измену против Селахеддина во время крестовых походов был повешен им в числе некоторых других влиятельных египтян, приглашавших франков на завоевание Египта из приверженности к исмаилидским халифам, сверженным Селахеддином. Еще ты приводишь цитату из действительного Алазкрихи-асселама, и этого негодяя-еретика и безбожника ты считаешь в разряде людей! Отец его Мухаммед Бузург-Умид, да будет с ним благодать божия, знал, что сын его какой-то ублюдок, оттого всенародно порицал его

воззрения, 250 человек из его адептов и приверженцев предал смертной казни, 50 человек изгнал из Аламовта.

Пока¹ жив был Бузург-Умид, этот подкидщик не смел пикнуть от страха²; только по смерти его он открыто обратил рудбарцев и кухистанцев в ересь и безбожие. Что касается до Абу Али-Синайского, придавшего, по твоему мнению, месяцу голодания смысл искусственного вызывания недугов, то, черт возьми его совсем, он не только был безбожник, но и характера спокойного не имел.

Не видишь в истории, как он за безбожие преследуем был султаном Махмудом Газневидским? Не видишь ли, что он в Гемадане во время скитальческой своей жизни, попавшись в милость Дейлемского царя Шемсуд-Довле, сделался его министром и своими крутыми и бесхарактерными мерами довел военное сословие его царства до такого ожесточения, что оно восстало против него и чуть-чуть его не убило, если бы он не успел скрыться в доме своего друга шейха Абу-Сенда.

По усмирении восстания он второй раз принял министерство и хотя днем занимался делами по своему званию и в известные часы читал лекции студентам, но по ночам проводил время в музыкальных беседах и в пьянстве*.

Браво тебе, о Кемал-уд-Довле, браво, о внук Бабер-шаха и Гимаюн-шаха!

Если в крови потомков Темурановых был такой космополитизм³, такое философство и такой анализ, то почему твои предки, царствовавшие более 300 лет в Индостане, не замечали страшного суеверия индусов? Неужели, по твоему мнению, религиозные убеждения мусульман гаже религиозных убеждений индийских народов? Зачем предки твои не позаботились спасти индусов

* Из образа суждения Джелал-уд-Довле оказывается, что, по мнению персians и вообще всех мусульман, не мысли имеют силу доказательства и убеждения, а личность и авторитет. Если у Фирдовси, Алазирхри-асселама и Абу Али-Синайского мысли самые высокие, то они в грош не ставятся потому, что личность этих мыслителей не пользуется хорошо репутацией в общественном мнении; а если мысль у имама — величайшая нелепость вроде того, что имамы рождаются не чрез материнское влагалище, а через ляжку материнскую, то она принимается беспрекословно и без рассуждения за великую истину, потому что личность имама пользуется высокою репутацию в общественном мнении.

от невежества? Зачем они не внушили им постыдности уступки собственных жен посторонним лицам для временного удовлетворения естественной нужды ради спасения своих душ? Зачем не сказали им, что стыдно держать публичных женщин в разных сборных местах и предлагать их даром охотникам будто в угоду богу? Зачем не сказали им, что брать девушек в жены против собственной их воли есть насилие? Зачем не сказали им, что вдовам добровольно жечь себя на кострах по случаю смерти мужей есть более чем сумасшествие? Зачем не сказали им, что сушить человеческий кал, потом, обратив его в порошок, выпить с водой есть омерзительный обычай? Зачем не сказали им, что усилие удерживать дыхание по какому-то глупому религиозному обряду и подобные вещи вроде истязаний и бичеваний, вроде молчания семь лет и вроде держания руки на голове неподвижно годами есть выше всякого невежества? Зачем не сказали им, что поклоняться половым органам и сонитне с матерями, сестрами, дочерьми и тетками есть гнусный обычай? Зачем не сказали им, что душировать людей будто в угоду божеству по обряду шакетиянцев не добродетель, а преступление? Зачем не сказали им, что питаться человеческим мясом, продержав труп его до гниения под землей, по какому-то глупейшему религиозному обряду более чем отвратительно? Зачем не сказали им, что вести нерожающих жен к духовным учителям и просить их сообщаться с ними пред собственными глазами мужей для дарования им детей более чем глупость? Зачем не сказали им, что вести дочерей к брашманам и просить их сообщения с ними пред глазами отцов хуже всякого бесчестия, не говоря еще о поклонении идолам и о других бесчисленных глупостях, существующих доселе между индийцами?

А ты, не замечая всего этого на своей родине, только изволил обратить внимание на наше будто суеверие во время кратковременного пребывания своего в Персии с выражением своего о том соболезнавания; и еще ты изволил найти достойным уважения воззрения индийских чарваков^{2*}.

* Толкование Кемал-уд-Довле о возникновении исламизма на ложных началах не имеет никакого соотношения с верованиями индийских язычников. А потому нарекание, сделанное принцем Джелал-уд-Довле в ответе к автору, почему предки последнего не озаботи-

Молодец ты какой! Явился ты соболезновать о нас, браво, нечего сказать!

Я тебе сказал: ступай в Персию, несколько дней побывай среди своих единоплеменников, чтобы сколько-нибудь рассеять свою грусть и печаль, но не сказал, чтобы ты пошел и поколебал основание нашей веры и разрушил ее. Во всем мире всякий народ избрал себе какую-нибудь религию. [Если религии] других народов истинны, то почему же не быть истинною нашей религии? Если же все религии ложны, то, делать нечего, арабская послонца говорит: «Когда беда бывает общая, тогда она становится спосною». Великий бог при всем своем величии и божественной важности каждую неделю соблаговолял за одним деревом на горе Синае лично присутствовать и разговаривать с Моисеем, то почему же не прислать ему своего ангела к нашему пророку? Что тут непристойного и неприличного?

Другие народы верят в воскресение одного умершего индивидуума из мертвых и в вознесение его на небо, а если мы сочтем одного живого индивидуума не умершим, но скрывшимся из виду, то неужели от этого небо разразится громом и земля придет в колебание?

Ты ставишь мне в упрек образ обращения персидских принцев с народом! Подобного образа жизни прежде не бывало в Персии; обычай этот введен монголами, то есть сначала Чингизхановыми потомками, потом Темурановыми. Хорош ли этот обычай, дурной ли, он достался нам от твоих предков.

Браво тебе, Кемал-уд-Довле! Я не знал, что ты такой философ и такой политик, который находит деспотизм вредным, считает полезным для нации учредить масонство, устраивать митинги, советует монарху соединиться с народом, заслужить его любовь своими добрыми деяниями¹, открыть парламенты, установить законы, произвести реформы и образование в своем царстве для его благоустройства и прочности, то зачем же ты не читал подобные проповеди и правоучения своему отцу Оверенгу Зибу, дабы он последовал твоим советам и

лишь уничтожить в своем государстве варварские суеверные обычаи индийцев, есть не что иное, как увертка от прямого ответа, облеченная в форму упрека за равнодушие царей Великого Могола к преобразованием своих подданных язычников, но не критическое возражение на все приведенные и разъясненные автором идеи о пагубном влиянии ислама на прогресс и развитие человечества.

удержал бы свое владение от похищений и не допустил бы тебя и твоих братьев скитаться по чужим краям, по чужим порогам?¹

Ради бога, любезнейший Кемал-уд-Довле, не оставайся долго в Персии, воротись и приезжай². Боюсь, чтобы ты не произвел более беспорядков и бесчинств; ты совершенный агитатор против мусульманской религии. Да осквернятся могилы отцов тех франков, с которыми ты два дня или три имел сотоварищество и сообщество и выучился у них разным бредням и вздорам; мне кажется, что ты совершенно рехнулся. Я отныне не буду звать тебя Кемал-уд-Довле (Совершенство державы), а буду звать Нукасан-уд-Довле (Недостаток державы). Ради бога, воротись, примись за собственные дела, подумай о собственном горе, сокрушайся по собственной печали и не перешагивай за черту собственного круга.

Я получил присланную тобой связку ширазского табаку, подозрную же для тебя трубку купил и послал в Решт на имя Гаджи Абдуллы Багдадского — продавца жемчугов. Прощай.

Джелял-уд-Довле

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМАМ КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ОДНОГО ИЗ АДЕПТОВ КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ К ОДНОМУ ИЗ ЕГО СОМЫСЛИТЕЛЕЙ, ПИСАННОЕ В 1280 Г.

Любезнейший мой брат, да продлит аллах твоё счастье! Согласно твоему желанию, я получил один экземпляр писем Кемал-уд-Довле от автора; посылаю его к тебе на следующих условиях:

1-е. Ты должен показать эти письма всем тем, на честность, благородство и здравомыслие которых вполне можешь положиться.

2-е. Всем тем, которые пожелают иметь их у себя и которым ты можешь доверять, должен давать с них копии.

3-е. Всем тем, которые, по твоему мнению, считаются глубоководными в мусульманском богословии, ты должен предложить, чтобы они написали критику против содержания этих писем как относительно политики, так и относительно религии, потому что это желательно и самому Кемал-уд-Довле, который готов или признать ее основательность, или отвергнуть ее доказательствами, но в критике аргументации, основанные не на разуме, а на преданиях и сказаниях авторитетов религии, отнюдь не будут приняты в уважение и не будут заслуживать внимания.

4-е. Если кто-нибудь из ученых богословов не найдет себя в силе написать против содержания этих писем критику, в таком случае пусть он письменно выразит впечатление, которое произведет на него чтение этих писем, и передаст его тебе для отправления ко мне, дабы я показал его автору.

Теперь я нужным считаю сказать несколько слов об авторе писем Кемал-уд-Довле: он писатель, имеет много сочинений: космополит, любитель человечества; он от сочинения писем Кемал-уд-Довле вовсе не имеет никакой враждебной цели ни в отношении Персии, считающейся почти его же отечеством, ни же в отношении персидской нации, находящейся с ним в одной вере. Во всей Европе и Америке известен этот вопрос: суеверие¹ полезно ли благоустройству государств и благодеянию народов или вредно?

Все мыслители этих стран единогласно утверждают, что суеверие вредно благоустройству государства и благосостоянию народов. Знаменитейший из них английский мыслитель Бокль, которого сочинение под заглавием «Цивилизация Англии» распространено по всему миру, более других углубляется в основательности мнения о вредности суеверия; один из его аргументов есть то, что Исландия, Швеция и Папское владение, в которых народы суеверны, и живут в зависимости от духовенства, и верят всевозможным легендам и басням, отстаивают от прочих государств Европы и Америки в отношении наук и искусств и совершенно неподвижны на пути прогресса; между тем Англия, Франция, Америка и другие государства, в которых народы освободились от оков суеверия и живут внушениями и указаниями разума и здравого рассудка, постоянно движутся

вперед на пути прогресса и цивилизации и оказывают быстрые успехи во всех частях наук и искусств и тем не только оказывают великую пользу самим себе, но и всему человечеству на поверхности земного шара.

Упомянутый достопамятный мудрец говорит: «Истинно благородный и добродетельный человек тот, которого страх утраты имущества и жизни не удержит от раскрытия истины в религиозных воззрениях и от стремления к уничтожению суеверия; во всяком случае он должен бросить хоть тень скептицизма на ум своих соотечественников в отношении истинности религиозных убеждений; после того само изображение разрабатывает дело и наконец направит скептика на путь истины, спасет его от невежества и выведет его из мира тьмы и мир света».

Автор писем Кемал-уд-Довле также придерживается мнения европейских мыслителей! по этому вопросу и жаждет цивилизации в Азии между его же единосверцами, а потому и решился разрушить здание религиозных воззрений и убеждений, на разрушение которого никто не решался со времени возникновения исламизма, исключая Алазихрих-асселама. Вот единственная причина, побудившая его к сочинению писем Кемал-уд-Довле и к изменению мусульманской азбуки по особому составленному им проекту на образец европейских алфавитов с выбором латинских букв; он изложил в этом проекте громадный результат для пользы своей несчастной нации².

Любезнейший брат! Исламизм со времени возникновения своего доселе не принес нашему отечеству ни малейшей пользы, кроме вреда. Арабы не только уничтожили тысячелетнюю нашу монархию, погубили наше могущество и славу, опустошили и разорили наше отечество, но внесли к нам и навязали на нас даже азбуку, по которой изучение самой поверхностной грамотности требует неимоверных долготелесных трудов. Какие бедствия мы перетерпели от этого народа! При воспоминании этих бедствий всякий благомыслящий человек не может не прослезиться.

Когда вожди этого народа были в живых, мы от страха их мечей приняли их власть, а теперь они все обринулись в прах, но мы все-таки пребываем в рабстве их

памяти и даже гордимся этим рабством! Посуди теперь сам, до какой степени мы глупы и идиоты.

Во многих городах, в которых народонаселение преимущественно исповедует шиитскую секту, народ во время обряда сетования о плачевной судьбе потомков Али кроме различного рода постыдных истязаний и бичеваний, вроде ударов железною цепью по голой груди, драки на палках, насыпания пепла и песка на голову и тому подобного, втыкает в тело острые сабли, кинжалы и ножи; никто не смеет сказать им: «О дураки! сами единоплеменники и родственники этих арабов, которых вы теперь считаете своими владыками и святыми основателями вашей веры, во время их жизни совершенно презирая их, вовсе не смутились истребить их, забрать их жен и детей в позорный плен, а вам что за охота через 1280 лет вылезать из кожи в сетовании об их участи и, как бешеным, приходить в неступление?» Разумеется, все это происходит от необразования, от неразвития умственных способностей. Образование и развитие немислимы при настоящем мусульманском алфавите.

Теперь единственное желание автора состоит в том, чтобы хоть этот ненавистный алфавит у мусульман был изменен! Не только одни мусульмане обижены арабами чрез этот алфавит, заграждающий дорогу к наукам, но и все народы мира недовольны арабами за истребление египетской Александрийской библиотеки и за уничтожение всех рукописей и памятников в Персии. Вследствие их невежественного поступка погибли все следы древних наук и искусств, могущих служить, по их глупому мнению, будто помехою к распространению исламизма, основанного на чистом обмане. Вожди исламизма были не без ведома о его ложности и не желали, чтобы в глазах простого народа каким-нибудь поводом изобличилась его ложность, что подтверждается автором книги «Милал и Нихал»², где говорится, что Гасаи бин Саббах, основатель секты исмаилидов в Дейлеме, запрещал простому народу посвящаться в тайны наук, известных у древних народов, опасаясь чрез них изобличения ложности исламизма.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Любезнейший брат, да продлит аллах твое счастье! Кроме того что звероподобные варвары-арабы истребили Александрийскую библиотеку, уничтожили все рукописи, хартии и все законы и учреждения древних персидских монархов, они ввели в Персию деспотизм и свою религию, похожую на еврейскую! Мы, глупцы, считаем этих врагов наук и искусств своими религиозными владыками по той глупой мечте, что творец вселенной по заступничеству этих кровопийц на том свете подарит нам рай и будет поить нас холодною водою. Если на том свете есть холодная вода, то пусть эти кровопийцы сами пьют ее, так как они в здешнем свете никогда ее не имели и всегда ее жаждали. Творец вселенной в здешнем свете вовсе не удоставал их своей благодати, предназначил им родинную землю, аду подобную, определил их пищу из тараканов, ящериц и различных гадов, не соизволил даровать им чашу холодной воды и многих из них отправил на тот свет в мучениях жажды в песчаных степях и пустынях.

Неужели этот самый же творец вселенной во внимание к их заступничеству на том свете будет поить нас холодною водою? Как мы жалки!

Может быть, некоторые мои соотечественники, не одобряя такого резкого моего отзыва относительно веры, возражают мне, что без веры на свете невозможно жить. Я в ответ им прочту этот стих из поэмы Гафиза: «Уже наскучили мне шум и тревожения школьные; несколько же времени решаюсь посвятить себя служению любознательности и богу вина». 1280 лет мы жили с верою, и день ото дня положение наше становилось хуже и хуже; несколько же времени будем жить без веры, с развитием и философиею; посмотрим, каково будет наше положение; улучшится ли оно или нет?

В последнем случае мы опять можем вернуться к вере. Мы — персияне; мы не отвернемся ни от кого, кто призывает нас к вере.

Разве ты не был свидетелем, что мы недавно едва не покинули исламизм и не сделались бабистами? Нам только безверие и развитие трудно, а гоняться за баснями и сказками и сделаться рабами баснописцев и сказочников — наша характерная черта.

Еще, может быть, некоторые из моих соотечественников скажут мне: арабов нельзя считать совсем врагами наук и искусств: разве не багдадские и испанские халифы способствовали возрождению наук и искусств? Возможно ли отрицать это? Правда! Арабы на первых порах истребили науки и искусства в Египте и Персии; потом 200 или 300 лет спустя от хиджры раскаялись в своем поступке и начали вознаграждать потерю, но потеря была непоправимая. Кроме того, стремление арабов к наукам не имело характера обобщения; они были доступны одному только привилегированному сословию духовенства и сосредоточивались только в багдадских и кордовских университетах, а нация все-таки оставалась в невежестве. Я говорю, что если бы арабы не явились и не уничтожили бы науки Африки и Азии ради своего Алкорана, то обитатели этих стран были бы теперь в числе цивилизованных народов; польза, принесенная наукам багдадскими и испанскими халифами, в сравнении вреда, нанесенного им Амру-Асом, Саади-Ваккасом и Тагиром в Египте и Персии, есть капля против пруда.

Еще и то надобно иметь в виду, что арабы вовсе не были основателями наук, а основателями их были древние греки, византийцы, египтяне, персы и индийцы. В средних веках христианского летоисчисления науки эти между христианами по причинам, известным историкам, находились как бы в усыплении; арабы только пробудили их, потом как сами они, так и их последователи окончательно лишились этого дара, который сделался уже достоянием христиан.

Зло уже сделано, теперь нам следует признать, что мы 1280 лет, то есть со дня возникновения ислама, были в величайшем заблуждении¹; теперь по крайней мере должны опомниться, что мы потомки древних, самых добродетельных, добродушных и умных персов, о правосудии и нравственности которых свидетельствует Фирдонс этими двумя стихами: «1. Благочестивый Фирдун не был ангелом, его организм не составлен был из мускуса и амбры; 2. Правосудием и щедростью он достиг вершины славы, окажи и ты правосудие и щедрость, тогда ты сам Фирдун»². Итак, мы отныне не должны мучить и обижать небольших остатков наших предков, зороастровых последователей, которые ведут мирную

жизнь в персидских городах Кирмане, Езде и Тегеране, как обижали и мучили их доселе в угоду арабам, врагам нашего отечества, и ради исламизма силою заставляли их часто отказываться от отцовской религии и жестокими гонениями и преследованиями принуждали многие семейства их, то есть собственных своих соплеменников, покинуть отечество наше и поселиться в разных частях Индии, преимущественно в Кежрате, и не угнетать их по крайней мере теперь, как угнетает их безразлично всякий из нас, начиная от властей до самого последнего бродяги.

ТРЕТЬЕ (ПИСЬМО ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ)

Любезнейший брат, да продлит аллах твое счастье! Ныне несчастье всего человечества состоит в том, что [у] все[х] племен Азии без исключения и част[и] европейских народов по случаю появления пророков и их наместников, распространивших религию первых в качестве проповедников и миссионеров и приобретших в общественном мнении достоинство святых мужей, человеческий разум — этот божественный дар, выше которого ничто не воображается ни на небесах, ниже на земле, заключен в тесную рамку, без всякого движения и участия в духовных делах, в которых предания и сказания авторитетов веры всегда ставятся ныне и предпочтительно ему. Например, разум не признает вознесения нашего пророка на небо и раздвоения им небесной луны, но авторитеты нашей веры утверждают истинность подобных неестественных явлений и требуют, чтобы мы в этом отношении не подчинялись внушениям и указаниям разума.

Человечество во всей Азии и в некоторых частях Европы тогда только может достигнуть полного счастья, когда разум его в духовных делах высвободится от некоего своего заточения.

Любезнейший брат! Большая часть народонаселения Турции и Персии исповедует исламскую религию; ты не должен придирается к их религии и пытаться доказать ее ложность. Ты подобною непредусмотрительностью навредишь себе множество врагов, которые не только не обратят внимания на твои внушения и указа-

ния по своим предубеждениям, но сочтут тебя сумасбродным и пустомелей.

Если ты хочешь обратить их на путь истины, то скажи им, что до появления истинных пророков, представивших от божества письменные заповеди, на земле существовало множество ложных религий в различных видах идолопоклонства; почему божество терпело эти ложные религии на земле в течение столь бесчисленных тысячелетий и почему не посылало к народам, исповедовавшим их, своих истинных пророков?

Неужели божество спало в те века и только впоследствии пробудилось от сна и увидело, что ложные религии гадят созданный им мир, и вздумало посылать истинных путеводителей? По этому соображению турки и персияне могут судить¹, что божество отнюдь не принимало участия в возникновении каких бы ни было религий и они ничто больше, как вымыслы разных предпринимчивых честолюбцев, выдумавших их для достижения своих эгоистических целей².

Любезнейший брат! Величайшая наша ошибка ныне состоит в том, что мы всегда смешиваем два противоположных положения одно с другим и считаем их за одно положение. Одно из них есть наука, а другое — вера; например, наука (то есть знание) утверждает, что Наполеон I существовал, пошел на Москву и имел такой-то конец; тут уже не требуется вера, потому что положение основано на положительных и естественных фактах (то есть знании). С другой стороны, авторитеты религии утверждают, что Моисей на горе Синае разговаривал с божеством; что он ударил свой посох о сухую скалу и оттуда открылись водяные ключи и тому подобное. Тут требуется доказательство, и если оно даже представится, то вовсе не может считаться аксиомою. Следовательно, это положение не может называться наукою (то есть знанием), это просто произвольная вера, но наши улемы и подобные положения причисляют к разряду наук и говорят: наука о толковании Алкорана; наука о преданиях; наука о богословии; наука о шарнатских обрядах и тому подобное; потом также говорят: наука о физике, наука о математике, наука о географии, наука об астрономии, о медицине, о химии и так далее, как будто пер-

вые также равны последним, тогда как разность первых от последних очевидна, как солнце.

Любезнейший брат! Ты должен знать, что всякая религия заключает в себе три предмета: веру, богослужение и нравственность. Главная цель всякой религии есть последний предмет, а два первые суть только средство для их приобретения¹. Во многих частях Европы [и Нового Света] науки и образование служат еще более надежнейшим средством к приобретению чистейшей нравственности; следовательно, тут совершенно исчезает необходимость в вере и богослужении. Но в Азии науки и образование не существуют, а потому первые два предмета, именно вера и богослужение, приобрели уже столько бесчисленных различных разветвлений, что самая главная цель религии — нравственность — совершенно забыта чрез них и дорога к наукам и образованию совершенно заграждена ими.

Любезнейший брат! Все то, что я сообщаю тебе в этом и в первых двух письмах, замешивано мною от внушений самого автора писем Кемал-уд-Доуле, и одно из его объяснений есть следующее воззрение, которое я решаюсь сообщить тебе в этом последнем письме, относительно ошибочности теории о признании причинности бытия. Вот оно: всякое бытие предполагает какую-либо причину, потому что никакое бытие не могло бы произойти само собою. Следовательно, мир, как бытие, в своем происхождении нуждается в причине, и эта причина есть создательница его. Шарнатские богословы употребляют эту формулу против натуралистов и доказательство существования божества.

В опровержение этого мнения натуралисты возражают: в таком случае сама же причина, как бытие, должна нуждаться в другой причине и другая же в третьей, третья в четвертой и так далее до бесконечно непрерываемых цепей причин; это невозможно по здравому рассудку. Цепь причин где-нибудь должна остановиться, при остановке же разрушается теория причинности бытия, принятая шарнатскими богословами.

Шарнатские богословы говорят: «Действительно, цепь причин где-нибудь должна остановиться, но мы бытие считаем двоякое, одно из них не нуждается в причине и абсолютно и самобытно; это есть божество; другое нуждается в причине, потому что оно не абсолютно

[и не самобытно], это есть мир. Доказательством тому служит то, что мы видим своими глазами, что все частицы вселенной нуждаются одни в других, служащих причинами их производства; например, зародыш человеческий нуждается в отце и семечко древесное нуждается в дереве, как в причинах их осуществления; следовательно, отец и дерево суть причина человеческого зародыша и древесного семечка, а подобное бытие нельзя считать абсолютным и самобытным. Но божество — абсолютное и самобытное бытие, потому что оно не нуждается в причине для своего осуществления, как зародыш и семечко, а само служит причиной существования частиц вселенной и всего неабсолютного бытия, и на этом абсолютном бытии мы остановим цепь причин и признаем его причиной неабсолютного бытия и творцом мира».

Натуралисты возражают и уничтожают основательность этого мнения следующей аргументацией: «Мы замечаем пучку одних частиц вселенной в других в отношении процесса проявления и превращения их из одного вида в другой, а вовсе не в отношении их субстанции. Спор наш идет не о процессе проявления и превращения частиц из одного вида в другой, а о субстанции бытия; субстанция же бытия есть противоположность небытию, следовательно, она в своем происхождении не нуждается в каком-либо другом бытии и есть единое, целое, могущественное, совершенное, всеобъемлющее существо, источник множества бесчисленных разнообразных частиц вселенной относительно их субстанции, а эти частицы в процессе проявления и превращения их из одного вида в другой нуждаются одни в других. Итак, единое, целое, могущественное, совершенное и всеобъемлющее бытие есть абсолютное и самобытное и не нуждается в причине для своего осуществления, иначе пошла бы вереница бесконечно непрерываемых цепей причин, и в таком случае мир не мог бы произойти и был бы хаос, потому что самой последней точки вереницы причин, на которой цепь их могла бы остановиться, еще нет; следовательно, последовавшие точки причин не могли бы осуществиться и мир не существовал бы, а существование мира доказывает, что цепь причин останавливается на какой-нибудь точке, и эту-то точку мы признаем за самый видимый мир, и нет необходимости и основания помимо этого существующего мира вообра-

зить сперва какое-то другое невидимое бытие, затем дать ему исключительное название божества, розного и личного, и считать его причиной настоящего мира».

Эта теория по крайней мере имеет более реальности, чем теории шарнатских богословов, но придерживающихся этой теории считают обыкновенно атеистами, не имеющими никакой веры, и многие из наших соотечественников укоряют автора, говоря, что безверие есть безотрадный быт и отчаянное положение по случаю утраты всякой надежды на блаженство в загробной жизни и что неужели доля наша от жизни состоит только в нескольких днях существования в здешнем мире?

Что же делать? Автор чем виноват, что вера и наука — две противоположные вещи, уничтожающие одна другую и не могущие соединяться вместе в одном индивидууме? Если ты имеешь веру, то это значит, что ты науки не знаешь. Если ты знаешь науку, то это значит, что ты веры не имеешь. Если кто желает сохранить веру, то он не должен образовываться и развиваться, а кто желает образования и развития, тот поневоле должен распрощаться с верою.

С одной стороны, наше духовенство и наши улемы с величайшею строгостью требуют, чтобы мы непременно сохранили нашу веру, дабы не лишились надежды на загробное блаженство; с другой стороны, европейские мыслители кричат, что мы варвары, дикари и невежды, что мы должны познакомиться с науками, образоваться, развиваться и цивилизоваться. Если мы исполним требование своих улемов, то вечно останемся в невежестве, как остаемся доселе. Если исполним требование европейских мыслителей, то прощай тогда наша вера и сладкие мечты наши о райских девах!

Впрочем, автор вовсе не желает, чтобы народ наш сделался атеистом и впал в совершенное безверие и безбожие; он только полагает, что, судя по требованиям настоящей эпохи и культуры, исламизм нуждается в реформации, реформации радикальной, сообразно с духом прогресса и цивилизации, устанавливающей свободу и равноправность обоюбого пола в человечестве, умеряющей восточный деспотизм мудрыми политическими учреждениями и предписывающей поголовную и обязательную грамотность всех мусульман и мусульманок.

Конец

[РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ И ИМЕН]

В процессе переписывания «Писем» с оригинала был обнаружен целый ряд слов, имеющихся в европейских языках и трудно поддающихся правильному переводу на языки мусульманских народов. И поэтому переписчик «Писем» написал эти слова, как они есть, только арабским шрифтом. Именно по этой причине понадобилось поместить разъяснение этих слов вначале, с тем чтобы читатели были осведомлены относительно их значений.

Первое: *Деспот* — так называют того правителя, который в своих действиях не подчиняется никаким законам и не соблюдает их, безгранично властвует над имуществом и жизнью народа, всегда поступает так, как ему заблагорассудится. Народные массы, находящиеся под властью таких правителей, превратившись в подлых и презренных рабов, полностью лишаются всяческой свободы и человеческих прав. Слово «деспотизм» может быть верно выражено арабским словом «истибдад». У арабов есть даже такая поговорка: «Всякий, кто будет действовать по своему произволу, непременно погибнет».

Второе: *Цивилизация* — означает высвобождение народа из состояния невежества и дикости, приобретение необходимых познаний в бытовых делах, овладение научными знаниями и успехи разума в области промышленности, а также в моральной и духовной жизни, наконец, возможно более высокую ступень в различных областях культуры.

Третье: *Литература* — всякое произведение — будь то в прозе или в стихах — называется литературой.

Четвертое: *Фанатик* — лицо, которое настолько привязано к религиозному учению или же настолько сильно переживает национально-религиозную нетерпимость, что питает острую вражду и ненависть к тем, кто противоречит его религии или не принадлежит к его нации, кто не упускает удобного случая посягать на имущество, жизнь и честь этих людей и вовсе не допускает их помилования.

Пятое: *Философ* — лицо, которое преуспевает в

теоретических науках и определяет причину целесообразного устройства всех вещей в согласии с законами природы. Философ совершенно не верит в сверхъестественные силы, чудеса, откровения и чудодействия, гаданиям, заклинаниям и заговорам, а также превращениям цветных металлов в благородные металлы, то есть алхимии и тому подобным пустым словам. Он не верит в существование ангелов, джиннов, шайтанов, дивов, пери и считает тех, кто верит подобным вымышленным вещам, глупыми, безмозглыми и ничтожными особями человечества. По мнению европейцев, в мире не может быть человека более совершенного, чем философ.

Шестое: *Революция* — так называется событие, когда народ, доведенный до отчаяния противозаконными действиями деспотического и жестокого правителя, объединяется, восстает и свергает угнетателя. А затем он создает законы и претворяет их в жизнь в целях обеспечения своего спокойствия и счастья. Или же, когда народ, поняв пустоту своих прежних религиозных воззрений, выступает против духовных лиц и на основании указаний философов избирает и принимает для себя разумную новую религию.

Седьмое: *Прогресс* — это такое состояние общества, когда народ, будучи сторонником постоянного движения вперед и развития в науке, промышленности, во взглядах и пр., неустанно трудится, для того чтобы избавиться от пережитков невежества и варварства.

Восьмое: *Поэзия* — состоит из волнующих и высококачественных стихотворных произведений, описывающих состояние, мораль и традиции какого-либо лица или племени в соответствии с действительностью, или разъясняющих тот или иной вопрос, или же, наконец, изображающих явления природы.

Девятое: *Патриот* — так называется человек, который ради любви к родине и народу не пощадит своей жизни, трудится во имя свободы и благосостояния своего отечества и народа и готов на этом пути переносить всякие мучения и страдания...

Десятое: *Шанжеман сюби*¹ — так называются великие события и перевороты, подобные столпотворению во вселившей, всемирному потопу во времена Ноя или же подобные таким событиям в положении государств и

жизни человечества, как падение Римской империи и пагубность Чингис-хана.

Одиннадцатое: *Политика* — так называются все дела, связанные с государственным управлением и управлением страной, учитывающие интересы и полномочия государства и страны, а также наука о них.

Двенадцатое: *Протестантизм* — вера, согласно которой всецело устраняются божественное право и обязанности рабов божьих и предполагается только человеческое право. Первым, кто распространил это учение среди мусульманских народов, был Алазикрихи-асселам Немани. Один из поэтов так сказал о нем:

Великий предводитель эпохи Алазикрихи-асселам с помощью бога разорвал цепи Шарната.

За последнее время часть европейцев также последовала этому учению и приняла его.

Тринадцатое: *Либерал* — так называется человек, который совершенно свободен в своих воззрениях, вовсе не обращает внимания на религиозные устремления, несколько не замечает и не верит уму непостижимым, сверхъестественным вещам, если даже подавляющее большинство живущих на земле людей, собравшись, будет свидетельствовать об истинности последних, если даже исторические книги будут наполнены тысячами повествований по этому поводу.

В то же время название «либерал» дается так же тем людям, которые в государственных делах обладают мудрыми взглядами и свободны в своих поступках.

Четырнадцатое: *Электричество* — это сила особой энергии и теплоты, скрытая во всяком теле.

Пятнадцатое: *Панзор*¹ — так называется философ или человек, обладающий философской натурой, широким кругозором и воображением. Исходя из здравого смысла, он ищет произведения по вопросам политики и религии, в которых стремится показать народу его благо и зло.

По убеждению современных европейских философов, истинный панзор достоин уважения. Носить это имя достоин лишь тот, кто, показывая добро и зло человечества, не страшится никаких наказаний и вражды и, высказывая свои мудрые мысли, не склоняется перед угрозами.

Шестнадцатое: *Шарлатан* — это двуличный, лживый и лицемерный человек.

Семнадцатое: *Парламент* — это учреждение, состоящее из двух палат. В одной из палат собираются и ведут заседания представители низших сословий, а в другой — представители высших слоев общества. Все государственные законы составляют в первой палате и передаются на обсуждение второй палате. Утвержденные обоими палатами законы приобретают исполнительную силу после подписания их монархом. Монарх не имеет никакого права выступать против этих законов.

Восемнадцатое: *Химия* — так называется наука химия в терминологии иранцев. При помощи этой науки изучаются и определяются особенности природы, вещества, в том числе металлов. Выяснение состава сложных веществ возможно путем овладения этой наукой, что полностью противоречит убеждению иранцев, видящих сущность химии в превращениях качеств металлов.

Девятнадцатое: *Естествознание* — это наука, изучающая сущность и природу всех предметов.

Двадцатое: *Коперник* и *Ньютон* — оба являются знаменитыми европейскими философами и астрономами.

**КОПИЯ ПОСЛАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА
«ПИСЕМ КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ»
ОДНОМУ ИЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ШАРИАТА
ИСЛАМСКИХ НАРОДОВ (в 1280 г.)**

Обладающим знаниями и мудростью ясно и очевидно, что ни в прошлых веках и ни в будущее время мир не был и не будет свободен от неверующих и еретиков. Гневаться и наказывать подобных людей не принесет никакой пользы, ибо их не один и не два, и к тому же они не живут в пределах какой-либо одной страны и выступают не одновременно, чтобы можно было легко справиться с ними. Этих людей бесчисленное множество. Как же мы можем справиться с ними?

Даже французские, русские и другие европейские авторы в своих многочисленных сочинениях, распространенных по всему земному шару, объясняют также причину мятежа бабидов недостатками иранского царствования, шаткостью его основания и неправомерностью исламской религии. Они клеймили едкой иронией и то усердие, которое проявили иранцы в целях уничтожения бабидов-отщепенцев, выдавая это усердие за проявление отсталости и невежества, за отсутствие способности отличать добро от зла.

С того дня, как каждому индивидууму на европейском континенте было разрешено свободно распространять свои мысли, будь они ошибочными и вредными или же правильными и полезными, во всех уголках мира безбожники, подняв голову, провозглашают свои идеи. Однако никто не пренятствует им и не помышляет о том, чтобы их преследовать.

Всему миру известно, что французские безбожники Вольтер, Рено и другие писали книги, отвергающие христианскую религию, и распространяли их среди самих христиан. Тем не менее светские и духовные власти не позволили себе прибегнуть к репрессиям, дабы заставить их отказаться от своих убеждений. Они хорошо понимали,

что выход из положения и способ предотвращения влияния, оказанного на народ ошибочными идеями этих безбожников, заключаются не в устрашении и угрозе, а в том, чтобы отвергнуть их разумными суждениями, основанными на научных и логичных доводах. Именно так поступил высокопоставленный имам Али ибн-Абу-Талиб, мир праху его, когда он, поспорив с неким безбожником, вовсе не гневаясь, заставил того смолкнуть, опровергнув его ошибки мудрыми речами. Именно после этих речей возражения того безбожника, часть которых сильнее возражений Кемал-уд-Довле, окончательно потеряли свой вес в глазах народа. Подробности этого спора освещены в книге шейха Саид абу-Мансура Ахмеда Табарси, которая начинается так:

«Один из безбожников подошел к Правителю правверных и сказал: «Если бы не расхождения и противоречия в Коране, я принял бы вашу религию» и т. д. ... Те, кто читал книгу шейха Табарси, осведомлены относительно подробностей этого спора.

Точно так же и Али ибн-Мусар-Риза, мир праху его, на собрании одного из могущественных халифов, Мамуна, не горячась, дал поучительный ответ нескольким безбожникам и еретикам, которые и потерпели поражение. И другие имамы и религиозные предводители в разное время также, ввязавшись в дискуссию с еретиками и безбожниками, показывали народу необоснованность их возражений и своими логичными суждениями заставляли их смолкать.

Если беспутный сын Овренга Зибя задумал распространением своих вредных мыслей нанести урон догмам ислама, то, несомненно, его также надо считать одним из еретиков и безбожников, которые существовали и будут существовать впредь.

Нельзя несколько сомневаться в том, что его пустые соображения не причинят никакого вреда внутренней мощи обладателю шариата — исламской религии, и он сам подобно другим еретикам и безбожникам канет в Лету, в море забвения, а сияние блестящего шариата, словно лучи солнца, озаряющего мир, будет излучаться, пока стоит мир, и освещать горизонты. Но это только при условии, что будет дана достаточная отповедь его вредным мыслям, чтобы в глазах народа они потеряли цену, свою действительную силу.

Однако если перед ним хранить молчание или прибегнуть к озлоблению и жалобе, то такое положение вещей во всяком случае будет свидетельствовать скорее о беспомощности духовных ученых и руководителей народа. А это еще более воодушевит безбожников.

Допустим, что Эмр или Зейд беспомощны написать ответ на его суждения; так неужели не найдется среди знаменитых ученых такой человек, который, написав разумный и мудрый ответ на эти небылицы, лишит бы их притягательной силы?! Ведь написали же повсюду в Европе ответы на произведения Вольтера и Рено, лишив их силы воздействия и опозорив их авторов. В результате христианская религия не только не потерпела никакого ущерба от критики и возражений этим безбожникам, а, наоборот, чем дальше, тем больше оказывалась под эгидой прогресса и процветания. И высокопоставленные имамы, отклоняя поучительными ответами утверждения еретиков и безбожников, всегда лишали их доверия в глазах народа. Чтобы предотвратить распространение подобных произведений и не допустить влияния их на убеждение непросвещенных масс, не было и не будет никакого иного средства, кроме указанных выше мероприятий.

Как только в моих руках оказался экземпляр «Писем Кемал-уд-Довле», я сперва настолько разозлился, что чуть было не изорвал и не сжег его. Но потом подумал: а какая польза от того, что я буду горячиться? Допустим, я порвал или сжег один экземпляр этих «Писем»; что же, можно ли этим предупредить распространение других экземпляров? После глубокого размышления по этому поводу я отказался от своего намерения.

Теперь по просьбе Вашего духовного наставника я посылаю этот экземпляр на Ваш суд. Только с условием, чтобы Вы написали ответ с целью опровержения имеющихся в этом произведении положений. В начале прилагаю настоящее письмо с тем, чтобы Вы не предавали забвению выполнение указанной задачи во имя отстаивания чести исламской религии. Если в результате Ваших стараний будет написан и опубликован удовлетворительный ответ на эти небылицы, то возможность нанесения какого-либо вреда религии, вере, обычаям и стране от их пустых убеждений полностью может быть устранена. Вот и все.

Милостивый государь!

Неоднократно слы[ша] лестные отзывы о добрых Ваших качествах, я помимо других издателей книг в Петербурге обращаюсь прямо к Вам о следующем предмете. Я собственник одной персидской рукописи под названием «Письма индийского принца Кемал-уд-Довле». Переведа эту книгу на русский [язык], ныне посылаю мой перевод вместе с оригиналом на Ваше рассмотрение и покорнейше прошу Вас прочесть мой перевод с начала до конца, и если, по Вашему взгляду, книга эта может интересовать русских читателей, то прошу сообщить мне: на каких условиях Вы пожелаете приобрести у меня право на издание этой книги как в оригинале, так и в переводе, один раз и [ли] несколько раз по мере успеха в [рас]продаже. Если по получении Вашего извещения я соглашусь на Ваши условия, то попрошу Вас телеграммою прислать формальную доверенность [на] почтенного N. N. Вартанова на тот конец, чтобы он заключил со мною контракт. Еще имейте в виду, что я желаю перевода этой книги на французский, немецкий и английский языки и право издания их также готов представить Вам в Петербурге по условию, а потому прошу сообщить мне: на каких условиях пожелаете Вы приобрести у меня право перевести эту книгу на те языки, затем издавать их один раз и [ли] несколько раз?

Если я соглашусь на Ваши условия, то попрошу Вас распорядиться поручить имеющимся у Вас в виду переводчикам начать теперь же перевод этой книги на те европейские языки с русского перевода.

Персидский оригинал необходимо должен быть издан, иначе я не соглашусь на издание лишь одних переводов без оригинала. Персидский оригинал может быть распродаваем во всех российских мусульманских владениях, даже в повопорокшей Средней Азии, где преобладающий литературный язык есть персидский, также во всех частях англо-индийских владений, особенно в Бомбейском губернаторстве, без малейшего стеснения и затруднения, по в Персии и в Турции нельзя рассчитывать на открытую его продажу; он может быть распродаваем в тех государствах через доверенных людей; автор, предвидя, что мусульмане не решатся приобретать и читать его произведение, придумал хитрость и поместил в начале своей книги великодушное и красноречивое письмо¹, как будто от имени издателя, который, отзываясь в нем между прочим с негодованием о Кемал-уд-Довле, приглашает глубоководных улемов и мусульманских богословов, как ревнителей и защитников веры, не сжигать и не истреблять попадающиеся [в] их руки экземпляры этой книги, убеждая их, что подобная мера несколько не может загораздить путь идеям Кемал-уд-Довле к распространению в массе народа, когда миллион экземпляров его произведений находится в разных руках и советует им уничтожить силу и влияние мыслей этого безбожника умною и основательною критикою, на которую, издатель совершенно уверен, высокопочтенные улемы очень способны, точно так же, как святейшие имамы при многих диспутах с еретиками и безбожниками, отвергавшими истинность исламской религии, уничтожили силу их аргументов основательными опровержениями, сопровождавшимися полнейшею их кротостью, которая одна при их могуществе на всякую жестокость обезоруживала еретиков и безбожников и обращала их опять [в] лоно святой веры; напротив того, ожесточение и преследование против Кемал-уд-Довле без дельной критики, а лишь грубою бранью докажут только бессилие высокопочтеннейших улемов против его доводов и не достигнут цели. Письмо это для европейских читателей было совершенно лишнее, а потому и не перевел его. Вы можете приложить к русскому изданию предисловие от себя, упомянув в нем, что со времени возникновения исламизма до настоящего века никто не разгадал причины застоя наук, появления страшного деспотизма на Востоке и вообще причины равнодушия и

анатии к цивилизации и прогрессу в азиатцах, исключая Фирдовси, который своей гениальностью вполне постиг, что виновниками столь великого несчастья восточных народов суть арабы¹ и их ненавистная и неприемлемая к человеческой жизни и религии! Так как Фирдовси был стеснен страшным фанатизмом окружавших его в той эпохе современников, то он выразил свое убеждение сдержанно и как будто не по своему взгляду, а по взгляду Рустема, сына Гурмизд-шаха, бывшего полководца последнего царя персидского Иездигерда против арабских полчищ; по этому именно обстоятельству убеждение Фирдовси до нашего времени не могло обратить на себя внимание мыслителей; только Кемал-уд-Довле в настоящем столетии понял мысль Фирдовси и развил ее в ярком свете.

В предисловии также нужно сказать, что нет ни одного крупного политического или религиозного вопроса, которого бы не коснулся Кемал-уд-Довле в своем произведении; что хотя из перевода видно, что он между прочим проповедует мусульманам и такие мысли, которые давно известны европейским читателям, но они не должны казаться лишними для европейских читателей потому, что книга его написана не для европейцев, а для мусульман, а сим последним те мысли совершенно новы, и переводчик обязан был показать их в переводе, дабы европейцы узнали, что именно автор проповедует своей нации; зато из перевода же видно, что множество тайн в исламизме равно не было известно доселе ни европейцам, ни же самим мусульманам; только по прочтении этой книги те и другие могут получить ясное понятие об исламизме, который равномерно был замкнут тем и другим.

Может быть, в этом произведении, по Вашему взгляду, некоторые места покажутся слабыми, но они не должны быть тронуты, во-первых, потому, что автор душевно желает вызвать через них критику на это сочинение, ввиду того что одна критика только может распространить эту книгу по всему миру, во-вторых, потому, что слабые места могут свидетельствовать о наивности² автора, который³ через них надеется заслужить снисхождение глубокомысленных европейских философов и мудрецов. Автор не философ и не мудрец — он [образованный мусульманин в европейском либеральном духе и] филолог в языках персидском, арабском и татарском.

Для издания оригинала надобно выбрать самые кра-

сивые, разборчивые и немелкие шрифты, выноски же в оригинале могут быть набраны мелким разборчивым шрифтом, и корректура должна быть тщательная; не знаю, вместе ли Вы в виду человека из христиан, знающего персидский язык, который мог бы держать корректуру на оригинале. Я полагаю, что цензура не будет препятствовать изданию этой книги и ее переводов, потому что в ней ни одного слова нет против нашего правительства и против христианства¹; напротив того, по моему мнению, она даже не без пользы для нашего правительства, потому что она с начала до конца восхваляет образ жизни европейцев, их нравственность, гуманность, правосудие, законы и обычаи и осуждает грубость, жестокость, безнравственность и варварство мусульман; следовательно, если мусульмане в российских владениях будут напитаны идеями Кемал-уд-Довле, то они непременно почувствуют отвращение к мусульманскому деспотизму, убедятся в явном превосходстве христианства перед исламом², ибо первое проповедует кротость, гуманность и равноправность обоего пола в человечестве, следовательно, чистейшую нравственность; второй же проповедует жестокость, мстительность и кровожадность, следовательно, совершенное варварство! Тогда мусульмане перестанут дичиться и чуждаться русских, под покровительством которых их жизнь, собственность и честь совершенно гарантированы, между тем как их собратья в Персии и Турции находятся в жалком положении и величайшей нищете; они сольются с русским народом, исчезнет навсегда между ними дух фанатизма и мюридизма³, происходящий из религиозных убеждений, и дух стремления к эмиграции в Турцию, где мусульмане по слепому фанатизму предполагают спасение души под владычеством мусульманского государя⁴; равно исчезнет охота к пилигримству в Мекку, куда ежегодно шляется миллион из Кавказского края без всякой пользы⁵; родится в кавказских мусульманах охота к грамотности, стремление к познаниям, улучшится их нравственность, уменьшится между ними воровство, разные преступления, особенно разбой, происходящие по большей части не из нужды, а из страсти к удалству вследствие безграмотности и необразованности; до сих пор только религия удерживает большинство от изучения русского языка⁶, с знанием которого, по уверению духовенства, спасение души немислимо. Вы не думайте, что

века должны протечь, пока мусульмане будут напитаны идеями Кемал-уд-Довле и достигнется предполагаемая цель; напротив, подобные идеи о ложности исламизма очень быстро обобщаются в массе, несмотря на неграмотность ее большинства, потому что один грамотный мусульманин читает книгу и понимает, в чем дело, потом он сотнями заражает своих собратьев словесными рассказами об ее содержании; одна только инквизиция могла бы удержать его от подобных рассказов, так велико увлечение в еретических рассуждениях против какой-нибудь религии, особенно устаревшей, и Вы скоро увидите, что слух об этой книге быстро распространится по Персии и Турции, и кавказские книгопродавцы беспрестанно будут получать от скептиков в тех государствах тайные заказы о присылке к ним экземпляров этой книги. По моему мнению, не только одной России, но даже и другим европейским державам из политических видов и из сострадания к человечеству на Востоке подобает снабжать эту книгу мусульманское юношество в учебных заведениях для развития их понятия относительно человеческих обязанностей, относительно цивилизации и для сближения их с европейцами, следовательно, с христианами. До спасения души автор не имеет дела: оно несколько не занимает его; он дает предпочтение только той религии, которая делает человека счастливым и свободным в здешнем мире. Но если сверх чаяния цензура вздумает допустить в оригинале или в переводе какие-либо изменения, то в таком случае я прошу Вас возвратить их мне в том же виде, в каком Вы получили их от меня, потому что я ни на какие изменения не согласен.

Еще повторяю, что я только собственник этой книги, а не автор¹, а потому прошу Вас отнюдь не упоминать обо мне ни в оригинале, ни же в переводе, потому что я не желаю обратить на себя злобу и вражду моей нации, которая в настоящем своем невежественном состоянии не понимает еще, что я для ее же пользы хлопочу. Автор оригинала — Кемал-уд-Довле, для переводчика же выдайте какой-нибудь псевдоним.

По выходе перевода из печати Вы можете составить оглавление его содержанию по своему соображению, и Ваше оглавление может перевести на персидский язык для оригинала кто-нибудь знающий персидский язык по Вашей диктовке; затем Вы можете публиковать несколь-

ко раз в газетах о появлении этой книги и ее перевода в выражениях, пробуждающих любопытство читающей публики, как обыкновенно у Вас водится.

Не признаете ли уместным украсить издания оригинала и перевода портретами Кемал-уд-Довле, Джелал-уд-Довле и других замечательных личностей, как Фирдовси и прочие; так же рисунки разных сцен по своему выбору и сочинению, как, например, рисунок мечети с кафедрой, проповедником и публикой, особенно рисунок той сцены, где Алазакрихи-асселам на Аламовтской площади, подрузив четыре разноцветных знамени вокруг кафедры, всходит на нее и оттуда торжественно провозглашает реформу своему народу, [также] и рисунок обряда сегования по святым потомкам пророка, при котором народ оглашает воздух рыданиями и пр.¹?

В заключение не лишним считаю на всякий случай сказать Вам, что если по каким-нибудь неизвестным мне обстоятельствам Вам не представится возможность издать эту книгу и ее перевод, то прошу уведомить меня об этом; тогда я попрошу Вас передать их в Петербурге тому лицу, которое будет указано мною и которое предложит их кому-нибудь из других петербургских издателей книг.

С истинным почтением, и совершенною преданностью имею честь быть покорнейшим Вашим слугою.

М. Ф. Ахундов

[12 февраля 1875 года. Тифлис]

[ОТВЕТ ФИЛОСОФУ ЮМУ]

В 1768 г.¹ один английский философ, по фамилии Юм, выдвинул перед мусульманскими учеными Индии и Бомбея следующий философский вопрос и пожелал получить от них ответ. Но по настоящее время на этот вопрос от мусульманских ученых удовлетворительного и исчерпывающего ответа не поступало.

Вопрос следующий.

Всякое бытие предполагает какую-либо причину, ибо никакое бытие в существующем мире не может произойти само по себе; следовательно, эта вселенная, как бытие, в своем существовании нуждается в причине, и эта причина есть ее создатель.

Основываясь на этом положении, как шариятские, так и все другие богословы выставляют перед философами доводы к доказательству существования божества.

В опровержение этого положения философы дают следующий ответ: в таком случае и сама причина, представляющая собою также известное бытие, должна стоять в зависимости от другой причины, а эта последняя — от следующей (причины) и так далее до бесконечности. Такое положение, однако, противоречит разуму, ибо по его повелению цепь причин в конце концов должна иметь место остановку; в противном случае должно быть бесконечное² следование и сцепление причин. Таким образом, выводы толкователей шарията о том, что всякое бытие должно находиться в зависимости от причины, являются на основании доводов разума недействительными.

И действительно, слабость доводов толкователей

шариата в отношении доказательства причинности бытия ясна, как солнце.

Философы говорят толкователям шариата:

Беспрерывное сцепление причин или должно продолжаться бесконечно, или же Вы должны остановиться на каком-либо месте и признать, что одно из существ не предполагает причины. В первом случае является необходимость в беспрерывности и бесконечности причин; во втором же случае причинность бытия отпадает и становится доказанным, что бытие может существовать вне зависимости от причины.

Так почему же мы не можем утверждать, что это беспричинное бытие именно и есть видимая и осязаемая вселенная, а не то воображаемое и предполагаемое существо, которое известно под прозвищем «создателя»; и, на чем основываясь, вы, мусульманские богословы, будете говорить, что бытию вселенной должна предшествовать какая-то причина?

Исходя же из того, что остановка на каком-либо месте, как по нашему, так и по вашему убеждению, неизбежна, не подобает ли пылливому уму и прозорливому рассудку остановиться именно на бытии самой этой вселенной?

Будучи бессильны опровергнуть это возражение, шариятские богословы все же вынуждены ответить: мы признаем два рода бытия: одно из них — «возможное бытие», каковым является эта вселенная, и это бытие предполагает причину; а другое — «необходимое¹ бытие», каковым является божество, бытие которого не нуждается в причине.

Из опасения впасть в беспрерывную цепь причинности мы принуждены остановиться на каком-нибудь пункте. И вот мы останавливаемся не на явлении «возможного бытия», каковым является вселенная, ибо она находится в зависимости от причины, а на явлении «необходимого бытия», каковым является всевышний бог, который служит причиной возможного бытия, но сам не нуждается в причинности. Итак, этим аргументом нетрудно доказать существование божества — создателя.

Этот довод возможно было бы признать приемлемым, если бы формула подразделения на «возможное» и «необходимое» бытие была авторитетна.

Посмотрим, на основании какого соображения мусульманские богословы подразделяют бытие на «возможное» и «необходимое». Они говорят: мы видим, что вещи нуждаются в причине, например сперма нуждается в производителе, а зерно — в дереве; следовательно, вселенная, представляющая собою совокупность веществ, предполагает причину.

В таком случае вселенная есть явление «возможного» бытия и останавливаться на ней нечего. По этому соображению мы утверждаем, что должно существовать явление, которое не стояло бы в зависимости от причины, и это явление есть «необходимое бытие», которое в своем существовании не нуждается в другом бытии; напротив, оно само является причиной «возможного бытия», каковым является вселенная. На этом-то «необходимом бытии» мы и останавливаемся, так как признаем его причиной всего существующего.

Философы лишают подобное верование авторитета следующими аргументами: «О шариятские богословы! Вещи нуждаются в причине при своих превращениях из одного вида в другой, из одной формы в другую и из одного состояния в другое, а не в своей сущности и субстанции. Например, сперма и зерно в процессе родового и видового изменения¹ и перехода из одного состояния в другое нуждаются в производителе и дереве, а отнюдь не в своей сущности и субстанции.

У нас идет спор не о разновидностях и переходах из одного состояния в другое. Говоря о бытии, мы имеем в виду сущность и субстанцию вещей. Эта сущность в смысле индивидуальном противоположна абсолютному небытию; в смысле же всеобщем она является единым, совершенным и всеобъемлющим бытием, т. е. совокупностью материи всех множеств, которые в своих родовых и видовых изменениях и переходах находятся в зависимости друг от друга. Таким образом, сущность вещей есть «необходимое бытие», и вселенная, составляющая совокупность вещей, с точки зрения сущности не нуждается в другой сущности и не находится в зависимости от какой-либо причины. Вселенную в смысле сущности нельзя признать «возможным бытием», нуждающимся в причинности, так как иначе предстанут перед глазами сцепление и бесконечность; сущности вещей, представляющей

собою единое и необходимое бытие¹, не предшествовало и не последует небытие, и эта сущность вещей не имеет ни начала, ни конца, но видоизменения и переходы ее в своем множестве в материи бесчисленны и непрерывны и так же достоверны, как прилив и отлив моря».

Выслушав эти доводы, мусульманские богословы становятся безмолвными и оцепенелыми от изумления в споре с философами.

[ИСТОЛКОВАНИЕ И ПОДРОБНОСТИ ВОПРОСОВ В БЕСЕДАХ С МЕЛКУМ-ХАНОМ]

ПЕРВЫЙ

Во-первых, предоставление государством автору изобретения патента в целях получения этим лицом выгод от результатов его изобретения не должно считаться милостью, ибо патент дается для охраны прав владельца изобретения и государство, которое дает подобное свидетельство, не проявляет милосердия к этому лицу и не делает его своим должником, а только выполняет условия справедливости.

Во-вторых, если государство расследует и подтвердит моральное состояние и полноценность изобретателя, хорошие и плохие качества изобретения и обнаружит все это, то это будет большая ошибка с его стороны, ибо может оказаться, что государство в своей деятельности по расследованию и подтверждению, допустив ошибку и оплошность, собьет с толку народ в вопросе об этом изобретении, что не раз наблюдалось и являлось причиной большого ущерба для народа. Как показывает опыт, подобные происшествия наблюдались неоднократно. Например, французское государство несколько лет тому назад расследовало и утвердило изобретение одного банкира и объявило подданным о положительных качествах этого изобретения. Народ же, поверив словам государства и мечтая разбогатеть, ссудил этому банкиру крупную сумму денег.

Однако когда встал вопрос о проверке этого изобретения на деле, то оказалось, что это нерациональное изобретение, а государство допустило ошибку в расследовании и ввело народ в заблуждение. И эта ошибка причинила большой убыток народу.

Если же государство, вновь допустив ошибку в своих расследованиях, не подтвердит ценности изобретения, то опять-таки лишит своих подданных выгоды от него и она может достаться другим. Подобные случаи также наблюдались неоднократно. Например, изобретатель парохода о своем изобретении в первую очередь сообщил Наполеону I. Созвав совещание и проверив, пришли к решению, что предложенное изобретение автора ошибочно и бесполезно, и объявили его бессмысленным. Изобретатель обратился к государству Нового Света и показал там свое изобретение. Изобретение было принято, и идея изобретателя была осуществлена. В результате французское государство долгие годы вздыхало и сокрушалось по поводу того, что отклонило изобретение, лишившись выгоды от него и упустив возможность широко прославиться.

Таким образом, оказывается, что расследование и подтверждение рациональности или иррациональности всякого изобретения не должны входить в обязанности государства.

В-третьих, точно так же государство не должно, прежде чем дать патент, расследовать подлинность предъявленного ему изобретения, то есть не должно проверять, не украдено ли оно. Потому что, во-первых, довести до конца подобное расследование ему никак не удастся; во-вторых же, задержка предоставления патента по указанной причине может дорого обойтись изобретателю.

Ведь весьма возможно, что в другой стране какой-нибудь другой изобретатель создаст это же самое изобретение и ему удастся осуществить свою идею раньше вследствие задержки продвижения изобретения первого.

Нельзя забывать, что если изобретатель украл предъявленное им изобретение, то истинный автор его вопреки выданному патенту имеет право всегда привлечь к судебной ответственности вора и восстановить свои авторские права.

Раньше в европейских странах было такое правило, что выдача желаемого патента считалась милостью государства по отношению к изобретателю, и оба приема расследования, указанные выше, применяли ко всем изобретениям. Но в последнее время раскрылась истина. Теперь поступают совершенно иначе. Патент выдается

по желанию изобретателя сразу же, в тот самый час и в ту же минуту, беспрекословно, будь то хорошее или плохое изобретение.

В настоящее время во Франции в распоряжение государства ежегодно поступает 14 или 15 тысяч изобретений. Государство дает патенты всем этим 14 — 15 тысячам владельцев изобретений, а нужными и полезными из них оказывается приблизительно тысяча.

С момента своего образования до сегодняшнего дня Османское государство не видело соискателя патентов из среды своего народа. Там не было ни одного изобретателя, и никому не выдавался патент на изобретение. Первым изобретателем и соискателем был я. Я потребовал права на создание типографии и печатание книг и газет на основе алфавита, изобретенного мною. Однако мудрые министры Османского государства, выдавая себя за людей знающих, стали проверять, какой результат — хороший или плохой — даст это предприятие. Затем они отклонили мое прошение, ссылаясь на то, что это изобретение принадлежит другому, тогда как прошение было подано самим изобретателем.

ВТОРОЙ

Азия является родиной религий, которые позднее через пророков проникли и в Европу. Впоследствии проповедники, папы и халифы старались распространить религию своих пророков, выдавая себя за посланников божьих на земле и став святыми в глазах народа. Из корыстных интересов в результате их проповедей среди народов как Азии, так и Европы человеческий разум — продукт божественного сияния — опустился до низшей степени и человеческий ум, выше которого нет другого создания, совершенно лишился величия и доверия. Все это в наши дни грозит крушением мира. До настоящего дня человеческий разум держится в вечной темнице. Его не принимают за основание и аргумент в мышлении и в опыте. Хадисы¹ считаются выше и убедительнее человеческого разума. Например, разум не может постигнуть на основании наук, протекающих от человеческого сознания, что пророк Иисус является сыном бога, рожденным от девы Марии, и будто он воскрешал мертвых, а Мария родила его, не будучи

близкой ни с одним мужчиной, в состоянии девственности, забеременев от самого бога.

Однако апостолы и религиозные деятели говорят, что нельзя верить показаниям и свидетельству разума. Истина — это лишь то, что написано в Евангелии, рассказано нашими предшественниками и стало нам известно благодаря хадисам. Конечно, вы слышали о том, что в средние века множество людей было беспощадно сожжено на кострах из-за того, что по велению разума выражали свои сомнения в религиозных учениях. В одной лишь Андалузии число подобных жертв достигло четырех миллионов человек. Там и в других странах Европы были учреждены карательные организации для сжигания неблагонадежных, подозрительных людей. Эти учреждения назывались инквизицией.

Однажды в Андалузии сжигали на костре одного красивого и обаятельного юношу, окончившего тамонийский университет и получившего прекрасное образование, за то, что посмел сомневаться в религии. По правилам глава европейских христиан — так называемый папа — и сам король вместе со всем народом должны были созерцать зрелище сожжения.

Королем в то время был Фердинанд. Когда палачи подводили того юношу к костру, король случайно наблюдал эту церемонию, являвшую собой пример сожжения человека в аду. Юношу поместили над костром и подожгли его. Пламя со всех сторон приближалось к юноше. Послышался душераздирающий крик, вызвавший о помощи. По зову человеческой природы сердце короля Фердинанда сжалось над участью юноши, и вдруг он непроизвольно произнес: «О бедняжка!»

Монахи и старший епископ — глава инквизиции — услышали этот глас королевского сострадания. Архиепископ рассердился и объявил короля неверным за сострадание к нечестивцу. В противном случае как же могло быть, чтобы в душе короля пробудилась нескра жалости по отношению к юноше, достойному проклятий? Но поэтому на основании религиозного догмата и папских законов сам король достоин наказания и обязательно должен быть сожжен.

Население страны, присутствовавшее на этой ужасной церемонии, выкрикивало гневные слова в лицо королю и расходилось по домам с проклятиями на устах.

Было решено схватить и заточить короля в темницу. Оказавшись в безвыходном положении, король ночью пешком отправился к архиепископу. Со слезами на глазах он целовал ноги безжалостного архиепископа, каялся, умолял, просил о пощаде; наконец после долгих упрямствований и слез король был пощажён.

Затем архиепископ позвал цирюльника, велел ему взять кровь из руки короля и налить ее в колбочку. Набрали дров, сложили костер и в присутствии народа поместили колбочку с кровью на костер и сожгли. Таким образом смыли грех короля.

Итак, счастье и победа станут уделом потомков человечества только тогда, когда как в Азии, так и в Европе человеческое сознание полностью и навеки высвободится из религиозной темницы и во всех делах и мыслении единственным аргументом и абсолютным авторитетом будут не хадисы, а человеческий разум.

ТРЕТИЙ

Османское, персское и кавказское население по трем верам распределяется на иудеев, христиан и мусульман. Эй, Мирза Фатали, ты не должен задевать религию ни одной из этих трех групп и не должен говорить никому из них, мол, «ваша религия ничтожна, вы идете по ложному пути, ваша вера должна быть такой-то или такой-то».

Правило наставления людей на путь истины и указания им правды заключается не в этом. Таким грубым путем ты можешь создать себе тысячи врагов и недоброжелателей и не добиться своей цели. Каждый из них из упорства и упрямства будет считать твои слова бесполезными, а твои доводы пустыми. Твой труд будет напрасным и бесплодным.

Ты не подымай руку на их религию! Оставь в стороне их религию и не говори о ее тиретности. Ты агитируй другим способом!

В иапсаннх до нас религиозных книгах говорится, что история этого мира насчитывает 7 тысяч лет. Но по неопровержимым данным, имеющимся в нашем распоряжении в настоящий момент, со времени сотворения мира прошло несколько миллионов лет.

До религии Моисея, Иисуса и Мухаммеда на земле было бесчисленное множество ничтожных религий. Например, идолопоклонство, огнепоклонство, брахманизм, политеизм греков и т. д. В таком случае человеческий разум недоумевает, почему же бог, сотворивший мир, прежде чем создать эти три считающиеся истинными религии, позволил существовать несколько тысячелетий стольким ничтожным религиям? В итоге этого непостижимого представления человеческий разум волей-неволей постигает смысл и приходит к такому решительному выводу, что в деле создания и существования тех пустых религий всевышний бог совершенно не принимал никакого участия. Скорее всего, их выдумали ловкие и тщеславные люди для достижения своих целей.

Как только верующим в три указанные религии, считающиеся истинными, станет вполне ясной и очевидной никчемность древних религий, эти верующие сами невольно поймут ничтожность и их религий, в которые они веруют. Они поймут, что если бы в мире нужна была религия, то почему же бог вселенной в течение нескольких тысячелетий не посылал справедливого пророка, чтобы тот очистил землю от пустых религий, а сделал это лишь при пророке Моисее?

Разве до того времени этот мир и эти люди не находились в его распоряжении? Разве до того времени бог спал и, лишь наконец проснувшись, увидел, что ничтожные религии засорили его мир, после чего решил послать пророка Моисея и его собратьев?

ЧЕТВЕРТЫЙ

До сегодняшнего дня в деле отличения истины от лжи и отделения кривды от правды наша ошибка заключалась в том, что мы всегда считали одним два совершенно различных вопроса, которые не только не тождественны, но прямо противоположны друг другу. Один из них — наука, другой — вера. Например, наука говорит, что был Наполеон I, который пошел на Москву, и его конечная судьба сложилась так или этак. В этом отношении нет уже нужды в вере, ибо вопрос полностью основан на фактических данных. Всякий вопрос, не нуждающийся в аргументации и доказательстве, или всякий вопрос, имеющий неопровержимую аргументацию

и доказательства, входит в компетенцию науки. Но такой вопрос не имеет отношения к вере.

С другой стороны, по внушению религиозных вожakov распространяется такая вера, что пророк Моисей пошел на гору Синайскую, разговаривал там с богом вселенной, ударил своим посохом о камень, из камня пробилась роднички и т. д. и т. п. Этот вопрос нуждается в аргументации и доказательстве. Если даже он содержит доводы, то они никогда не могут быть обоснованными и прочными. В подобных случаях мы не можем считать наукой этот вопрос, а должны отнести его к вопросам веры и подходить к нему не с точки зрения науки, а с точки зрения веры.

Однако наши религиозные вожаки считают подобные вопросы одной из отраслей науки. Например, они говорят: наука толкования Корана, наука хадисов, наука догматического богословия и пр. И после этого они говорят о физике, математике, географии, астрономии и пр.

Все это они называют наукой, считают, что первые являются такой же наукой, как и последние, тогда как отличие последних от первых ясно как божий день. Мы, относя первые к вопросам веры, должны назвать наукой лишь последние.

ПЯТЫЙ

Доказательством несостоятельности алхимии является то, что химическим способом невозможно превращение какого-либо простого вещества в другое простое вещество. Иначе со сложным веществом. Например, квасцы мы можем превратить в жидкость, затем выделить из нее газы и снова эти составляющие части соединить, получая из них другие вещества, отличающиеся существенным образом от исходного. Мы можем превратить в жидкость и газ и такие простые вещества, как серебро, золото, свинец и т. п., то есть мы можем менять их состояния, однако не можем изменить их суть. И таким образом, оказывается, что свинец никогда не превратится в серебро, а медь — в золото; а так называемый элекси́р, якобы превращающий свинец в серебро и медь в золото, является такой же небылцей, как феникс и жар-птица, то есть представляет собой нечто, имеющее

название и не существующее в действительности, одним словом, мнимое и воображаемое явления.

ШЕСТОЙ

Всякая религия складывается из веры, культа и морали. Основной целью религий является мораль. Вера и культ считаются вспомогательными по отношению к ней условиями.

Мы должны иметь в виду такое воображаемое существо, которое обладало бы самой прекрасной моралью, величием, красотой, мощью, великодушием, стойкостью и было достойно поклонения и обожания, чтобы мы также старались приблизить себя к нему в моральном отношении и называли бы такое существо богом всей земли и творцом вселенной. Имея в виду такую личность и считая ее достойной поклонения и обожания, мы должны исполнять ритуалы поклонения и обожания, как-то: намазы, посты, паломничества, зикаты¹ и т. д. После того как мы будем иметь в виду подобное существо и совершать церемониальные обряды в его честь, мы должны надеяться на его милость, страшиться его гнева и подражать его прекрасной морали. И поэтому мы не должны допускать никакого греха, чтобы быть достойными его милосердия и не подвергать себя его гневу.

В случае же если мы найдем средство обладать прекрасной моралью, не имея в виду существа, достойного поклонения и обожания, то тогда отпадет необходимость и во второстепенных условиях религии — в вере и в культе. Пока же не найдено такое средство, то и оба второстепенных условия не отделяются от основного вопроса, то есть от цели, состоящей из прекрасной морали; если они отделяются, то не будет достигнута основная цель.

Распространение наук в большинстве стран Европы и Нового Света избавило людей от второстепенных условий всякой религии — от верования и богослужений во имя приобщения к прекрасной морали. Однако в Азии науки не получили распространения, и поэтому здесь сохраняются указанные условия как средство приобщения к прекрасной морали, являющейся един-

ственным смыслом всякой религии, — одно из неизменных религиозных предписаний.

СЕДЬМОЙ

Животный мир делится на две части. Одна из них претерпевает развитие. Например, человек, который, ступив из мира дикости в мир цивилизации, достиг высокой степени развития и в дальнейшем постепенно движется по пути прогресса.

Вторая — не подвергающаяся развитию. Верблюд, лошадь и т. п. со дня сотворения мира по сегодняшний день остались такими, какими были, и впредь останутся такими же.

Люди имеют семь обязанностей. Если человек выполняет все эти обязанности, то он считается полноценным человеком, если выполняет только часть их, то считается неполноценным; если же он не выполняет ни одной из этих семи обязанностей, то выходит из сферы человечества и входит в сферу собственно животного мира.

Первая обязанность состоит в том, чтобы человек избегал дурных поступков.

Вторая обязанность его — творить добро.

Третья обязанность — бороться с угнетением.

Четвертая — жить в обществе в союзе со своими братьями.

Пятая обязанность — следовать науке.

Шестая — стремиться всюду распространять науку.

Седьмая обязанность заключается в том, чтобы человек по мере своих сил и возможностей вел борьбу и защиту законов и прав в союзном ему обществе среди своих соотечественников и единомышленников.

Каждая из этих семи обязанностей нуждается в широком толковании и разъяснении. О них я писал в книге «Человеческая природа» («Адемият»). Здесь я не имею возможности на них останавливаться. Эти семь обязанностей составляют настоящее содержание книги «Адемият».

Вопрос Мирзы Фатали:

— По-видимому, эти же вопросы рассматриваются и в масонстве (Ферамуш-хане)?

Ответ Рухуль-Гудса:

— Да, во время бесед в Ферамуш-хане изредка обсуждаются и эти вопросы. Но вопросы Ферамуш-хане гораздо шире и выходят за рамки, указанные выше.

Мирза Фатали Ахунд-заде

28 марта 1872 г.

БАБИДСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ

Относительно бога у Баба убеждение таково: «Постоящий творец, создатель вселенной подобно солнцу есть абсолютный свет. Божье сияние всегда может воплотиться в отдельных индивидуумах человеческого рода. Отсюда тело, в котором это сияние нашло свое проявление, есть воплощение самого творца, то есть тело, в которое вселилось сияние, есть зеркало, освещаемое лучами солнца».

В таком случае все, что возникает от воплощения, от зеркала, должно считаться отражением солнца. Сеид Али Мухаммед Баб являлся воплощением солнечного света и зеркалом. После того как тело его превратилось в прах, появились другие воплощения (света) вроде Моллы Гусейна Буниреви, Моллы Мухаммеда Али Зеиджани, Сеида Яхья и Гуррат-уль-Эйи. Они появлялись последовательно, укрепляли и популяризировали веру Баба.

После них воплощением и зеркалом стал живущий в данное время Мирза Гусейн Али Мазандарани. Когда и его тело превратится в прах, до бесконечности будут появляться другие воплощения, и земной шар никогда не останется без воплощений.

По словам почитающего внешне веру Баба, по не имеющего полного представления о его взглядах и в то же время не относящегося к числу ученых Марди-Сейяха¹, Баб о своих убеждениях написал на арабском и персидском языках книгу под заглавием «Беян», [в которой] полностью уничтожал веру ислама. Каждое его положение противоречит догмам ислама.

Например, первое: Мужчина может жениться на трех женщинах. Он может жениться на дочери своей сестры, своего родного брата.

Но может ли он, как это делалось у маджусов¹, сделать своей женой собственную мать и собственную сестру? Марди-Сейях признавал, что по этому вопросу он не компетентен.

Второе: Стихи «хиджаб»², имеющиеся в Коране, целиком не исключены из «Беяна» Баба, но только сохранены с изменением, то есть женщина, исповедующая веру Баба, при мужчинах той же веры может ходить с открытым лицом, но при посторонних, то есть при мужчинах чуждой ей веры, она должна ходить с закрытым лицом.

Третье: В «Беяне» допускается употребление спиртных напитков, но имам, он же толкователь сегоднешнего дня, Мирза Гусейн Али³ не одобряет употребления спиртных напитков, то есть имам считает неудобным употреблять напитки, но чтобы открыто наложить на это запрещение — этого он не делает.

Четвертое: В «Беяне» считается дозволенным все съестное, даже свинина, собачье мясо и им подобное. Великий может употреблять и пищу все, что захочет.

Пятое: Согласно убеждению Баба, изложенному в «Беяне», никакая вещь не может считаться поганой; наоборот, все вещи ритуально чисты, но чувствовать отвращение к некоторым вещам нужно только вследствие грязи в них и их зловония.

Шестое: Нужно мыть то место, откуда исходят моча и экскременты не потому, что это место становится поганым от испражнений, а исходя из соображений чистоты, и это хорошо. Гусел и дастамаз⁴ введены не для очищения от прегрешений, а потому, что применение их признано полезным с точки зрения чистоты и опрятности.

Седьмое: Если женатый мужчина будет иметь связь с другой женщиной, то жене такого мужчины тоже дозволяется вступать в связь с другими мужчинами. Во всяком случае незаконные связи могут быть допустимы лишь с обоюдного согласия, в противном случае это считается запретным и недозванным.

Восьмое: Женщины, не состоящие в браке, и холостые мужчины являются сами хозяевами своих жела-

ний и вожделений. С обоюдного согласия они могут находиться в половой связи между собою, и для этого вовсе не нужно заключать между ними временный брак («сигя мут'а»).

Девятое: Все земное владычество принадлежит бытию, считающемуся живым доказательством и воплощением [света]. Для того чтобы законы этого бытия превратились в жизнь среди населения и для того чтобы управлять людьми в соответствии с совестью и справедливостью, сделать их равноправными, со стороны воплощенного [свет] будут назначены уполномоченные.

Десятое: Душа — вещь существующая, но познать ее зрением нельзя. Кто примет веру Баба, кто будет посвящен в сущность его убеждений и признает их, душа того после смерти не вестится в другое тленное тело, а вступит в мир убеждений «небат», а «небат» — это чистое ложе избранных, где душа познает гораздо более возвышенное наслаждение, чем то, которое она извлекает из инстинкта или от тех напитков, яств и кушаний, которые получит его тело в раю.

Но кто не примет веру Баба и умрет в темноте и неведении, душа того попадет в отрицание («сафи»), туда, где обитают души не признающих веру Баба. Душа такого неверующего будет блуждать в этой темноте до тех пор, пока в другом периоде или различных периодах опять вернется в этот мир и, познав на этот раз истину, попадет в «небат».

Одиннадцатое: Согласно вере Баба, его последователи свободны от оруджа, намаза, хумса, зяката и хаджа¹. Но посещение места рождения Баба — Сенда Али Мухаммеда — в Ширазе для его имущих последователей обязательно. Этот дом считается Киблой² бабидов.

Двенадцатое: Баб запрещает убийство и похищение чужого имущества. В догматах его веры нет также джихада³. Но Баб считает необходимой самозащиту против тех, кто обижает бабидов. Войны Моллы Мухаммеда Али в Зенджане, Моллы Гусейна Бушруни в Мазандаране были предприняты именно по этой самой причине.

Также запрещается в воспитательных целях подвергать детей телесному наказанию. Каждый должен получить воспитание в соответствии со свойством его нату-

ры. Наказание розгами не приносит детям никакой пользы, разве только вредит телу, уму и сердцу.

Тринадцатое: Обучение как мальчиков, так и девочек постоянно необходимо — это есть добродетель.

Четырнадцатое: Пророки прошлого времени, согласно вероучению Баба, являются воплощениями [света], но между ними есть разница. Каждый из них имел свою степень и достоинство.

Некоторые из них, по мнению Баба, были «совершенством», другие — «низшей степенью».

Баб считает стремления тех, кто называет себя последним пророком, неверными, следствием тщеславия, ибо обновление, совершенствование и сокрушение религии, по Бабу, являются необходимыми мерами. Он говорит: «А разве Иисус не был разрушителем веры Моисея, а Мухаммед — разрушителем веры Иисуса? Баб дал повод и право последующим воплощениям [света] вводить усовершенствования и делать изменения в религии. И Баб вовсе не считал мир свободным от проявлений [пророков в будущем].

По учению Баба, считающийся в данное время живым проявлением [света] Мирза Гусейн Али имеет право изменить некоторые догмы Баба и вводить новые в его вероучение.

Пятнадцатое: Отличительным знаком бабидских ученых является не тяжеловесия, пятнадцатипалочная чалма, как у исламского духовенства, а легкая, как у дервишей.

Шестнадцатое: Из слов Марди-Себяха не видно, чтобы сам Баб — Сенд Али Мухаммед — верил в сверхъестественные явления и в чудеса, но живое воплощение [света] — Мирза Гусейн Али говорит, что он может разъяснить силу чудес и сверхъестественных явлений. Однако не в присутствии одного или двух, а лишь в присутствии представителей всех народов земного шара он может показать образцы чудес. Пусть эти народы обещают, что если Мирза Гусейн Али действительно покажет какое-либо чудо, то они тут же примкнут к вере Баба. И в этом случае живое проявление [света] — Мирза Гусейн Али обязан показать любое чудо, какое потребуют представители народов.

Семнадцатое: Согласно вероучению Баба отда-

вать деньги в рост на проценты в размере одной десятой части ссуженной суммы запрещается.

Восемнадцатое: Имущие бабиды обязаны оказывать материальную помощь немущим.

Девятнадцатое: По учению бабидов, число девятнадцать почитается почетом. Но по какой причине? Это остается непонятным. Каждый месяц, по их учению, состоит из девятнадцати дней, каждый день нужно совершить девятнадцать рикетов¹ намаза, ежегодно в течение девятнадцати дней нужно держать уразу². Раньше это соблюдалось простонародьем, а теперь совсем не соблюдается. Для каждого из бабидов намаз и орудж необязательны.

[О НЕУЖНОСТИ МОЛИТВ И ОБРЯДОВ]

В «Арбан»¹ Бахан говорит: «Многие ученые, специалисты и неспециалисты думают, что если служение [богу] преследует цель получить награду или избежать наказания, то оно недействительно. Газали также в своем «Эхтя-иль-Улум»² говорит: «Искренняя преданность [богу] — это забвение человеком своих удовольствий и [личных] интересов при служении [ему]».

Смысл слов Бахан и Газали противоречит стиху из Корана: «Веди нас прямым путем, путем тех, к кому ты благоволешь, а не тех, на которых ты гневаешься, и не [путем] заблуждающихся»; смысл их слов противоречит также и смыслу молитвы «Кунут»³: «Господи наш, дай нам в этой жизни хорошее и в будущей жизни хорошее и храни нас от мук адекого огня», так как цель обоих коранических стихов — просить для себя пользы и отворотить от себя вред, так как в главе Корана «Хвала» мы просим у бога всевышнего направить нас на такой путь, который привел бы нас к благодати и избавил нас от гнева, подобно тому, как он привел к ней праведных людей, а не тех, на которых лежит его гнев. В молитве [«Кунут»] мы просим милости в этой и будущей жизни и избавления от муки огня. Но из этого следует, согласно словам Бахан и Газали, что подобное служение богу недействительно. Это же следует и из слов имама (да будет над ним мир!): «Поклоняющийся погибает за свое служение, а не за свои грехи, ибо он не совершает ни противосущественного разврата, ни блуда, но служит богу ни усердно молится, за что и называется служащим богу («абид»), а следовательно, единственная причина его гибели — это его служение». Разве это не противоречие между мнением мудрецов, приведенным выше, и мнением законоведов, которые приказывают нам совер-

шать молитву днем и ночью и ежегодный пост рамазан? Под мудрецами мы в данном случае разумею Бахан, Газали и имама, над ними мир, а под законоведами — ахунда Молла Али Акбера и ему подобных. Последнему следует для облегчения понимания того, о чем мы спорим и дискутируем, или устранить это противоречие при помощи убедительных доказательств, или оставить нас в покое и не обязывать нас служить [богу], от чего нет никакой пользы, будь то молитва или пост, ввиду отсутствия в них искренности бескорыстия. Ведь не был бы я искренне предан эмиру, если бы стал хвалить его в надежде на его милости или из боязни прогневить его.

Если ахунд Молла Али Акбер не в состоянии привести доказательства для устранения вышеупомянутого противоречия и будет и после этого продолжать обязывать нас совершать молитву и [исполнять] пост, то мы его ни за что не послушаем.

Я оставляю до другого времени взаимные любезности, теперь же необходимо мне и Шейх-уль-Исламу, председателю (духовного) правления, подумать об этом трудном вопросе и постараться осмыслить противоречие между двумя противоположными мнениями, чтобы иметь ясное представление о требовании веры. Ведь противоречие между двумя этими точками зрения ясно и нет надобности разъяснять его другими средствами, ибо всякий здравомыслящий человек понимает его при малейшем размышлении. Если же ахунд Молла Али Акбер скажет, что имам подразумевает тех, которые не чисто-сердечно, а лицемерно служат богу, то на это мы ответим: твое утверждение было бы правильным, если бы слова имама имели в виду частные случаи, но они, наоборот, имеют общее значение.

Если бы указ, изданный блистательным русским правительством в адрес Духовного правления для руководства, позволил мне, то я бы для решения этого вопроса обратился к ученым Кербалы, так как они муджтахиды⁴, народ же им подражает. А кто такой подражатель? Подражатель — это тот, который должен проглотить, не прожевав, всякий кусок, который муджтахид приказывает ему проглотить, будь этот кусок из вкусных кушаний или из вызывающих тошноту приностей.

О верующие, проснитесь от беспечного сна, быть может, вы будете счастливы, ибо все ваши соседи в че-

тырех частях света уже проснулись и достигли высокой степени культуры, вы же остались во тьме невежества, связанные узами рабства и лишенные благодати свободы.

Знайте, что устранение противоречия между этими двумя мнениями заключается или в отказе от мнения философов, вообще отрицающих бескорыстное религиозное настроение, или в отвержении текста о необходимости поклонения богу, в совершенном отрицании молитвы и поста. И то и другое крайне трудно. Если бы вы предоставили мне право выбора одного из этих двух решений, то я бы выбрал второе, отказался бы от молитвы и поста и удовлетворялся бы искренней преданностью богу всевышнему, избегая всякого распутства, прелюбодеяния, несправедливости по отношению к слабым и больным и оказывая милостыню и помощь бедным и нуждающимся. Вот что предпочитают западноевропейские ученые и философы в наше время, ибо бог всевышний не нуждается в нашем служении, поклонении и преклонении, в которых нет никакой пользы, а лишь одна потеря времени, столь необходимого для приобретения средств к существованию как нашему, так и наших семейств.

Из книги «Арбани», составленной уважаемым шейхом Бахлуудином Амили (да осветит бог его тайну!), назидание. Многие ученые, специалисты и неспециалисты считают служение богу недействительным, если этим преследуется цель получить награду или избавиться от наказания. Они говорят, что такая цель исключает бескорыстное служение («ихлас»), то есть стремление к одному лишь богу, и тот, кто преследует подобные корыстные цели, стремится лишь доставить лично себе пользу и отвести от себя вред, а вовсе не ради самого бога, хвала ему, подобно тому, кто возвозносит кого-либо и хвалит его с целью получить от него деньги или из боязни, что тот обидит его, не считается искренним в своем возвышении и восхвалении. К тем, кто придерживается крайности в этом вопросе, относится высококочтимый господин, обладающий даром достигать («макамат») и совершать («карамат») Риза-аддин Али ибн Тауса, да осветит бог его дух!

Из слов нашего шейха-мученика в его «Правилах» («Гаванд») можно вывести заключение, что [вашеука-

занная точка зрения] есть мнение большинства наших представителей, да почнет на них благоволение божие! Фахраддин Рази в своем «Большом Толковании» (Корана) («Тефсир-уль-Кебир») передает, что мутакаллимы были согласны в том, что тот, кто служит богу из страха наказания или с целью получить награду, его служение считается недействительным. Об этом он, Рази, говорит при толковании слова божия: «Призывайте господа вашего со смирением и тайно»*, а в начале толкования «Фатиха» он категорически заявляет, что, если кто скажет, что молится из-за награды от бога или чтобы избежать его наказания, у того молитва теряет силу. Тот же, кто утверждает, что подобная цель несколько не портит молитвы, тот, несмотря на эту цель, считается служащим богу бескорыстным. (Некоторые) говорят, что желание получить награду от бога и страхование от его гнева не противоречит стремлению к богу, хвала ему, так как (сам) бог, прославляя своих избранников, говорит: «Они спешили (творить) добрые дела и призывали нас со страстью и страхом**», то есть желали получить награду и страшлись наказания. Он же, хвала ему, говорит: «И призывайте (бога) со страхом и надеждой***». Он также говорит: «О верующие, преклоняйтесь, и припадайте, и служите господу нашему, и делайте доброе; быть может, вы будете счастливы****», если заслуживаете этого и если получите счастье как награду. Так об этом говорит шейх Абу-Али Табарен.

Вот что дошло до нас из высказываний этих лиц, но [здесь] много места для спора. Что касается их мнения, что желание [получить награду и т. д.] не противоречит желанию [бескорыстно] служить богу, — это пустые и поверхностные слова, ибо большая разница между подчинением любимому и следованием за ним из чистой любви к нему и желанием заслужить его благоволение и награду подчинением ему из (личных) интересов. Это ясно, как солнце в полдень.

Второй (взгляд) не заслуживает никакого внимания у рассудительных людей.

* Коран, VII, 53.

** Коран, XXI, 90.

*** Коран, VII, 54.

**** Коран, XXII, 76.

Дорогой мой!

А теперь поговорим немного о «Ек-кельме».

«Ек-кельме» я прочитал с начала до конца. Незамеченная книга, хороший сувенир, полезное наставление, но написано для вымершей нации. Разве кто-нибудь в Иране прислушивается к наставлениям? Раньше и в Европе предполагали наставлять угнетателей для предотвращения его тирании, но пришли к заключению, что нотация не оказывает никакого действия на характер угнетателя¹. Поэтому сама нация² путем преодоления тормоза религии начала развиваться в науках, осознала пользу единодушия и, сплотившись воедино, обратилась к угнетателю со словами: «Удались из сферы государства и правительства». Затем сама нация создала для всеобщего управления и отправления правосудия конституцию, о которой говорится в Вашей книге.

А разве наша нация способна сказать тирану: «Удались из сферы государства и правительства?» Никогда!

Далее, Вы, касаясь вопроса справедливого правления, опираетесь на повеления шариата. Очень хорошо. Посмотрим, представляет ли собою сам шариат источник справедливости или нет? Если шариат действительно является источником справедливости, то в процессах судебных он должен применять главную основу конституции, заключающую в себе равенство в правах. Но неужели принцип равенства в правах относится исключительно к мужскому полу? На каком основании шариат, опираясь на стихи Корана «хиджаб»³, осуждает

женщин на вечное угнетение, делает их несчастными на всю жизнь, лишает их жизненных благ?

По повелению этих стихов Корана служба лиц мужского пола в гаремах не допускается. Поэтому зажиточные владельцы вынуждены покупать для своих гаремов евнухов. А это дает повод разным злодеям в интересах паживы оскотлять невинных детей и продавать их в мусульманских странах. Не будь стихов о хиджабе, эти злодеи никогда не совершали бы такого гнусного дела, ибо ничего не получали бы от этого.

Далее, один иноверец предъявляет к мусульманину иск в десять туманов⁴. Ответчик не признает иска. Оба они являются к казню (духовному судье) для разбирательства дела. Казий требует от иноверца свидетелей. Тот приводит четырех почтенных свидетелей-иноверцев из известных купцов. Однако казий не принимает свидетелей-иноверцев и требует от истца свидетеля из мусульман. Иноверцу не представляется возможным выполнить это требование, и на этом основании он лишается своего законного иска. С воплем и рыданием он выходит из суда, возглашая: «Боже, что это за закон, что это за суд!»

Разве такое разбирательство можно назвать правосудием?

Если шариат является источником справедливости, то он должен соблюдать третью основу конституции, заключающуюся в свободе личности.

В таком случае почему же шариат допускает куплю и продажу невольников и невольниц из язычников и политенстов и даже после перехода их в мусульманство? Разве эти действия не есть явное угнетение, разве они не противоречат свободе?

Раньше и в Европе христиане, опираясь на разрешение Библии, допускали куплю и продажу невольников и невольниц из язычников и политенстов и говорили, что Моисей считает допустимым, даже обязательным, куплю и продажу язычников и политенстов. Но англичане, подняв голову, сказали, что Моисей не понимал того, что язычники и политенсты в человечестве являются также нашими братьями. По различию убеждений нельзя лишать род человеческий прав свободы. Поэтому они строго воспретили куплю и продажу невольников и невольниц по всем углам Старого и Нового Света. Даже

недавно первым условием соглашения, заключенного Россией с узбеками в Хиве, стоял вопрос о прекращении купли и продажи невольников и невольниц и вопрос о воспрещении смертной казни.

Если шарият является источником справедливости, то он должен соблюдать четвертую основу конституции¹. В таком случае что означает стих из Корана о наказании прелюбодее и прелюбодейки сотней ударов розгами? Предположим, что свободный мужчина и свободная женщина, не связанные брачными узами, с обоюдного согласия имели между собою плотскую связь. Спрашивается, по какому праву шарият бичует каждого из них ста ударами розог? Разве это не противоречит свободе и, следовательно, полной неприкосновенности личности человека и не противно принципам справедливости? Если шарият руководствуется при этом стихом из Корана в целях обеспечения чести, то изречение это скорее всего может относиться к профессиональному прелюбодейству. Применение этого закона к свободным мужчинам и женщинам есть тирания. Если честь означенных мужчины и женщины опорочивается их поступком, то об этом должны подумать они сами; вмешательство же шарията с целью охраны чести лишает их прав свободы и неприкосновенности личности.

Если же шарият желает, чтобы наказание их было примером и уроком для остальных людей и способствовало охране чести, то почему же в Коране дано разрешение на временный брак (*сигя мут'а*)? Разве обоюдное согласие сторон не есть временный брак? Почему же в этом случае наказывать людей? Если шарият скажет, что брак (*«мут'а»*) требует выполнения известной обрядности, а сближение означенных мужчины и женщины произошло не по предписанной форме, то будьте справедливы — из одного лишь несоблюдения какой-то формы тяжело переносить наказание и его ударов розгами. При этой тирании какая может быть свобода и что за неприкосновенность личности?

Далее, во всех богословских книгах в отношении пророка написано, что если взоры последнего остановятся на женщине и она ему поправится, то мужу необходимо выдать ее ему во временный или даже постоянный брак. Разве это не есть посягательство на чужую честь? Неуже-

ли источник справедливости вправе был нарушать эти справедливости?

Далее, предположим, что я в поте лица, с трудом заработал пять туманов денег. Почему же шарият повелевает мне выдать одну пятую часть этой суммы дармоседам? Или же допустим, что я заработал сто туманов. Почему же шарият повелевает мне, взяв эти деньги, отправиться в паломничество (хадж) и тратить таковые на нужды очерствелых в разбоях арабов?

Разве все эти законы шарията не нарушают полностью неприкосновенность собственности людей? Разве все это не есть присвоение чужого имущества? С требованием выдачи «хумса»² и совершения паломничества сам шарият допускает посягательства на имущество людей, так как выгода от этих треб не идет в пользу самой нации, между тем как доходы от «заката»³, «фитры» и «садага»⁴ поступают в общее пользование нации. Однако во имя соблюдения имущественного обеспечения отдельных лиц шарият применяет закон: «Отрубите руки у вора и воронки» хотя бы даже за кражу четверти динара⁵. Известно, что вор совершает кражу, так как сам не добывает средств существования. С отрубленной рукой он становится вовсе не способным к приобретению жизненных средств и вынужден или вновь взяться за воровство, или умереть с голоду. Итак, рубить руки в сущности представляет из себя некоторый вид убийства личности. Если же в наказание за кражу четверти динара не отрубят у вора руки, а подвергнут его какому-нибудь другому наказанию, то, возможно, он раскается, приспособится к зарабатыванию средств пропитания и воспользуется таким образом своей жизнью. На свете нет блага, равного жизни, и она не должна быть отнята во имя какой бы то ни было справедливости по мелочным поводам. Изречение шарията как источника справедливости «Не убивайте никого, ибо это не дозволено богом» очень хорошее.

Но что означает заключительная часть этого изречения — «кроме случаев по праву»?⁶ Предположим, что я победил какого-нибудь язычника. Согласно требованию этого стиха Корана: «Убивайте язычников везде, где их найдете», я должен его убить. Разве это не тирания, и не противоречит ли это 4-й основе конституции относительно неприкосновенности личности?

Если богоотступничество язычника противно богу, то

пусть он пришлет своего архангела Азраила и через него отнимет душу грешника, зачем же возлагать на меня гнусную роль палача и моей рукой проливать кровь невинного человека?

Словом, лишение жизни, отрезывание частей тела и бичевание составляют обычай варваров и дикарей, не подобающие достоинству божества.

Для наказания преступников и обеспечения спокойствия среди людей в Европе практикуются совершенно иные меры, ибо исследованиями английских философов доказано, что лишение жизни в наказание за убийство не только не прекращает подобного рода преступлений, но даже и не уменьшает таковых. Таким образом, убийство преступника является совершенно излишним, не прочным и не достигающим цели. Поэтому философы не думают, что это наказание может служить для успокоения людей и способствовать прекращению или уменьшению подобного рода преступлений; поэтому в Европе очень редко встречается признание виновного к смертной казни.

Неужели на Востоке нет возможности к отмене этих стихов Корана?

Если шариат есть источник справедливости, то он должен соблюдать 17-ю основу конституции. Я не соблюдаю поста и не совершаю намаза. За это меня может карать сам бог. Почему же наказывает меня шариат, приговаривая к истязаниям и даже к смертной казни?

Во всяком случае дело не уладится наставлением, поведением и советами: необходимо всецело и в корне изменить самое суть вещей.

Вместе с тем Ваша книга заслуживает одобрения. По крайней мере всякий мало-мальски разумный читатель узнает, что Вы поняли вопрос и что Ваша скорбь происходит от ревностной любви к народу и патриотизма.

Вам кажется, что с помощью шариата можно будет применить и на Востоке французскую конституцию, то есть прекратить угнетение. Никогда! Это трудно и невозможно. Оманлы и Абасиды были близки к эпохе возникновения шариата, но они же первые положили начало угнетению и деспотизму в исламе. Почему же предписания шариата не удержали их от этой тирании и деспотизма и с того времени по сей день гнет продолжает существо-

вать среди мусульманских народов рядом с этими предписаниями шариата?

Соблюдение справедливости и прекращение тирании возможны только при упомянутых мною выше условиях, то есть сама нация должна быть проникательной и благоразумной, сама должна создавать условия союза и единодушия и затем уже, обратясь к угнетателю, сказать ему: «Удались из сферы государства и правительства»; после этого сам народ должен издавать законы соответственно положению и требованиям эпохи, выработать конституцию и следовать ей. Лишь тогда народ найдет новую жизнь и Восток станет подобен раю!

А впрочем, какое мне дело до этого?

Ни на верблюде не сижу,

Ни подобно ослу под поклажей не нахожусь,

Не являюсь ни господином рабов,

Ни рабом властелина¹.

Клянусь аллахом, я жалею, что написал все это. Но что делать, увидел «Ек-кельме», и изыграла кровь, потерял рассудок и стал бредить; каюсь; молю господа бога о прощении и каюсь!²

[8 ноября 1875 г.]

Угнетать (масдар¹). Имя существительное от этого глагола — угнетатель, испытывающий его действия — угнетенный. Чтобы устранить угнетение, являющееся основным злом в обществе, нужны две вещи:

Либо угнетатель должен отказаться от угнетения, либо же угнетенный должен, не примиряясь с угнетением, ликвидировать его по велению своего разума. Кроме этих двух путей, невозможно представить себе какой-либо другой путь.

...До начала нашего столетия в течение почти десяти тысяч лет все пророки, философы и поэты, горя желанием устранить угнетение, считали, что для этого нужно читать проповеди и давать наставления угнетателю. Из почитому в течение этого длительного времени каждый из них по-своему претворял в жизнь свои убеждения. Например, пророки обещали рай тому, кто устранит угнетение, и пугали угнетателей адом. Философы же, считая угнетение причиной распада и гибели государства, советовали [угнетателю] быть справедливым в целях сохранения государства.

По этому поводу пророки сочинили много легенд и преданий, философы написали бесчисленное множество произведений, а поэты как в Азии, так и в Европе в своих произведениях порицали угнетение и восхваляли справедливость, как это делал Саади, с тем, чтобы угнетатель отказался от угнетения и стал справедливым. Однако многочисленные опыты совершенно ясно показали, что труды этих людей, славнейших представителей челове-

ства, в течение многих веков во имя устранения угнетения оказались совершенно безрезультатными и бесполезными. Угнетение так и осталось на земле. Проповеди и наставления, направленные на устранение угнетения, абсолютно не действовали на природу угнетателя.

Наконец незадолго до нынешнего века Вольтер, Руссо, Монтескье, Мирабо и другие европейские философы, подобные Сохбану, красноречивые поэты, ораторы и ученые поняли, что для устранения угнетения вовсе не следует обращаться к угнетателям, а, может быть, напротив, нужно сказать угнетенному: «О пребывающий в неведении, ты же ведь во много раз превосходишь угнетателя своей силой, числом и умением, так почему же ты примиряешься с угнетением? Пробудись от векового сна и задай угнетателю такого жару, чтобы чертям стало тошно».

После появления на свет божий этого второго воззрения европейские философы разъяснили народу свои новые идеи. Угнетенные, ознакомившись с этими новыми идеями умных людей, разом проявили энергию и рвение. Устранив угнетение, они создали такие законы в целях улучшения своего положения, благосостояния и сохранения спокойствия, что ни один человек по этим законам не был в состоянии угнетать людей, работающих под его руководством.

Конституционный государственный строй существующий в настоящее время во многих странах Европы, является воплощением идей тех философов...

...Одно совершенно ясно здравомыслящим людям, что проповеди и наставления совсем бесполезны и не могут оказать никакого воздействия на природу людей.

* * *

Прошу Вас¹ сообщить моему дорогому брату Мирзе Магомед-Джафару следующее:

Причиной большого влияния критики на природу грядущего поколения является то, что в глазах этого поколения критик уже принадлежит к старому поколению.

Таким образом, нет никаких оснований будущему поколению не следовать словам критика из-за упорства и упрямства и питать вражду к нему, ибо ирония и насмешки автора направлены против его же современников и не

имеют никакого отношения к будущему поколению; как раз поэтому они и будут сожалеть о том, что современники автора своими недостойными делами и дурными поступками удостоились его недовольства, упреков и проины. И в результате этого они в своих делах и помыслах не будут подражать недостойным делам и дурным поступкам современников автора, а будут считать слова автора справедливыми во всех отношениях и принимать их всем сердцем...

Дополнение. По мнению наших ученых, Хизр — тот самый человек, о котором аллах упоминает в Коране. Этот Хизр, друг пророка Моисея, без всякого основания убил некоего невинного ребенка, приведя в оправдание своего поступка верую, будто родители ребенка хотя и очень хорошие люди, но ребенок, став взрослым, вызвал бы смуту и богохульство и этим бы скомпрометировал своих родителей, поэтому необходимо было умертвить его. Этому Хизра приходится считать не только глупцом, но и сумасшедшим.

Может ли из рассудочных соображений, в грязных целях или из бессмысленного коварства умный и сострадательный человек убить невинного ребенка? Ясно, что этот человек был угнетателем. Но я удивляюсь, нашему аллаху, закрывшему глаза на этот возмутительный случай и восхвалявшему в своем Коране этого убийцу. Очевидно, и сам аллах понял, что в мозгу его рабов нет ни капли силы разума... и он прав. Что я еще могу сказать?

Следует сообщить Мирзе Юсеф-хану и следующее:

Мой дорогой брат Мирза Могомед-Джифар и обиде на Кемал-уд-Довле за то, что тот выражал свои мысли язвительно. В таком случае почему же Кемал-уд-Довле не обижается на Джелал-уд-Довле, который очень гневно отвечал ему и считал его идеи бессмысленней? Почему же он не обижается на человека, который, заимствуя из его произведений, в одном из своих писем к догматикам шириата называл Кемал-уд-Довле еретиком, безбожником, недостойным потомком Овренга Зибя, а произведения его считал вздором и чепухой?

Подобные пронические и едкие выпады тяжело и трудно слышать от чужих людей. Но услышанное от друзей не должно печалить и мучить человеческое сердце, возбуждать в нем чувство вражды и недоброжелатель-

ва. Такова критика. Критика только-только начинает применяться в литературе исламских народов. Пусть кто-нибудь из умных и достойных людей, опровергающих воззрения Кемал-уд-Довле, напишет свой критический ответ такими же язвительными и едкими словами, какие употреблял тот, будь то о политических делах иранского государства или по религиозным вопросам. Кемал-уд-Довле примет эту кару. Но никто не имеет права изменять идеи его произведений, выхолощивать из них всю соль и сердцевину. Следует особенно подчеркнуть, что впредь бесполезно изменять их, потому что они уже размножены и распространены в том виде, каковы они есть.

* * *

Следует написать Мирзе Юсеф-хану и это сообщение: ...Единственный способ пресечь доктрины бабизма в Иране — это распространение среди народа идей писем Кемал-уд-Довле. В противном случае все население Ирана станет сторонником бабизма и династия Каджаров прекратит свое существование.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЯХ

Лет шестьдесят тому назад в Европе, и особенно в Англии, философы написали ряд произведений, в которых разъясняли народу сугубую необходимость труда и старательности. Сила логики, убедительность доводов и жизненность их суждений были до того правдивы, что народ ревностно принялся за изучение наук и приобретение знаний. Результатом этого явилось то, что французы и англичане лихорадочно стали строить фабрику за фабрикой, стали развивать свою промышленность. За короткое время появилось такое изобилие товаров и мануфактуры, что все это стало превышать потребное для населения количество¹. Базары и рынки городов Франции и других стран Европы оказались заваленными всякого рода товарами. Но они (англичане и французы) недопонимали последствий гонки производства. Им и в ум не приходило, что в результате такого интенсивного производства капиталисты будут иметь дело с кризисом, что это приведет их к банкротству, к краху, ибо в жизни рода человеческого имеется тройка рода потребность. Первая человеческая потребность — это потребность физическая, вторая — умственная, а третья — духовная.

Человек в продолжение всей своей жизни стремится к тому, чтобы удовлетворить все эти три потребности и получить удовольствие от всех благ своего существования.

Что способно удовлетворить физическую потребность? Одежда, питание, жилище и обеспеченность.

Умственная потребность удовлетворяется изучением наук, познанием законов и тайн природы (если же че-

ловек не будет стремиться к удовлетворению этой второй потребности, то между ним и животным не будет никакой разницы).

Духовная потребность человека удовлетворяется чувством любви к семье, чувством любви к родственникам и друзьям, любовью к своей родине. Любовь к семье и к родине до такой степени воздействует на душу человека, что разлука с семьей и родиной приводит даже к гибели человека.

Средства, нужные для удовлетворения первой, то есть физической потребности, как было сказано выше, являются первостепенной, важной жизненной необходимостью. Поэтому существенно важно, чтобы каждый занимался добыванием средств для удовлетворения этой потребности. В этом случае если кто уделит внимание и приложит энергию, чтобы добыть, положим, только некоторые средства для удовлетворения своих насущных потребностей, то это вызовет недостачу других средств для его существования...

[1 сентября 1865 г.]

Английский философ Джон Стюарт Милль, объясняя, что такое свобода, в своем произведении пишет:

Человек есть одна из разновидностей животного мира, постоянно стремящаяся к прогрессу, а прогресс немалым без свободы мышления.

Результат нашего прогресса в наш век принято называть цивилизацией.

Цивилизация — это понятие общее, и в его содержание вкладывается все: искусство, науки, величие государства, благополучие нации и другие достижения культуры. Поэтому подобный прогресс может иметь место лишь тогда, когда индивидуумы общества в процессе своего мышления не будут чувствовать зависимости: пусть каждый индивидуум высказывает то, что он думает, и делает то, к чему у него есть влечение, что он умеет делать. Если его слова и дела получают оправдание в глазах других индивидуумов общества и будут восприняты ими, то последние извлекут из них пользу. Если же этого не случится, то его несостоятельность кто-нибудь поймет и объяснит ему.

Вот этот метод и называется критикой. Если будет иметь место свобода мысли, то польза критики будет заключаться в том, что в результате столкновения мнений и мыслей постепенно будет выявляться правда и в области культуры возникнет прогресс.

Если общество не даст своим отдельным индивидуумам свободы мысли и потребует от них, чтобы они замкнулись в рамках всего того, что унаследовано от предше-

дов и установок, данных духовными руководителями, если общество воспретит им искать приложения своего ума в делах культурных, то тогда индивидуумы превратятся в автоматов, которые, не прилагая собственного ума, своего соображения, по трафарету будут сеять, собирать урожай и отправлять другие функции. Они превратятся в мельничных лошадей: с утра двигаясь по определенному кругу и в положенный час поев свой ячмень и саман, выпив воду, успокоятся. На следующий день с утра они вновь начнут двигаться по тому же кругу, и так до последнего своего дня. И эти обездоленные, обреченные лошади так никогда и не узнают о существовании земных благ, лугов, прекрасных пастбищ, благоухающих цветников, журчащих родников, о существовании гор и прекрасных долин.

Не будь они обречены на эту лямку и круг, то ходили бы свободно по свету, видели бы эти даскающие душу пейзажи и пользовались бы всеми благами мира.

Сегодня на нашем земном шаре последователи индийских браминов, последователи монессовой религии и люди, окованные законами Китайского государства, — это те же мельничные лошади, в жизни которых не произошло решительно никакого изменения с тех пор, как появились на свете эти религии и сложились эти законы. И если мир будет идти по этому руслу даже тысячелетия, опять-таки в жизни этих обреченных не будет никакого изменения: что было в начале его, то будет и в конце. Можно даже сказать, что они будут регрессировать и отупеют больше, ибо прогресс человечества — это есть продукт ума, а путь к движению ума для этих обездоленных накрепко закрыт.

Европейские народы тоже в средних веках христианского летоисчисления под влиянием христианских попов и пенетовой католической церкви находились в положении, подобном положению тех несчастных, о которых у нас говорилось выше.

Но произошло другое. В середине века христианского летоисчисления появились мыслители, философы, сбросили ярмо, надетое на их шею попами, встали против католической церкви, несущей мрак и невежество, вышли из слепого повиновения попам, пошли революционным путем и смело заявили: что это значит, что мы, принадлежа к человеческому роду, имея права на знание и ум, превра-

тили себя одни в рыболовов, другие в прачек?¹ Почему это мы сами себя превратили в рабов невежественных пап и их последователей?

Если в наш век встретятся нам подобные обманщики простого народа, выезжающие на его невежестве, то не станем считать их достойными нашего общества. Исходя из уровня их интеллектуальных знаний, не станем считать возможным общение с ними. И как можно допустить преклоняться перед ними?

Пусть сам читатель по совести скажет, кто из них может сравниться с Ньютоном, с Уаттом?

Разве мыслимо, чтобы Ньютон и Уатт и тысячи таких же друзей человечества, двигатели сегодняшнего прогресса европейских народов, философы и мыслители были бы рабами этих мракобесов? Мыслимо ли, чтобы они признавали попов своими господами, чтобы они слепо следовали за попами, исполняя их приказания и решения, будь это правда или неправда, чтобы они считали возможным повиноваться попам?

Допустим, что некоторые из слов и законов этих проповедников догматов и веры бесполезны для благополучия человечества. Но так как поны, запрещая свободу мысли, прибегают к насильственному их внедрению, то неизбежно и необходимо целиком их отвергнуть. Потому что в сравнении со злом, которое несут эти законы в условиях недонущения свободы мышления, польза от них так ничтожна, как капля в отношении моря...

*эстетика
и литературная
критика*

В природе человека заложены два главных свойства: одно из них — горе, другое — радость. Слезы — выражение горя, смех — выражение радости. Эти состояния возбуждаются в людях порой появлением горя и возникновением радости, порой же устным рассказом о них, либо письменным их описанием. Главной воздействующей силой устного рассказа или письменного описания, вызывающей, горе или радость, слезы или смех, является способ изложения. Изложенное неудачным способом, горе в большинстве случаев не оказывает действия на человека, однако то же горе, переданное в выразительном рассказе, вызывает сильную реакцию, так мы постоянно наблюдаем оба эти случая при слушании способного и неспособного рассказчика (марсене-хана).

Когда рассказ о горе или радости, правильно отражая человеческую природу и характеры, хорошо воспринимается и воздействует на чувства слушателя, тогда сочинителя и исполнителя такого рассказа называют выдающимся мастером и знатоком человеческой натуры, а умелого рассказчика — мастером речи.

Польза рассказа о горе и радости заключается в изображении человеческой природы и характеров, с тем чтобы слушатель радовался и подражал хорошему, страдал и отворачивался от дурного, а также чтобы человек, одолеваемый низменными страстями, получая удовольствие от слушания подобных рассказов, не становился на путь порока.

Во Франции передовые здравомыслящие люди, при-

зная всю пользу этого мероприятия, еще с древних времен построили в каждом значительном городе большие здания под названием «театр», в которых показывают путем представления то состояние горя, то состояние радости.

Среди мусульманских народов распространены до сих пор лишь рассказы о страданиях, которые либо читаются, либо представляются, и то с большими недостатками и погрешностями, заключающимися в том, что, во-первых, «зарождение страданий не обосновано ни действительностью, ни природой человека, во-вторых, исполнители этих рассказов, не получив наглядного воспитания, занялись этим искусством, не зная ни его условий, ни его требований», в-третьих, среди мусульманских народов не подготовлено никакой почвы для этого высокого искусства, поэтому процесс представления, являющийся одним из приятнейших благ мира, протекает чрезвычайно слабо; например, не нашли средства для устранения чтеца во время представления вместо того чтобы каждая роль произносилась соответствующим образом наизусть, смотришь, исполнитель держит в руке лист бумаги и читает высокопарным слогом, словно это послание. Как может представление подействовать на чувства человека при подобном исполнении?

Передача же чувств радости посредством представления вовсе не производится, до сих пор не написано ни одного произведения, касающегося этой области человеческих чувств, несмотря на то что «рассказы, вызывающие радость, могут заключать замечательные поучения и полезные наставления; однако если эти поучения и наставления не будут представлены в виде радостного и веселого исполнения, то они никогда не захватят внимания народа, не получат его сочувствия».

Если внимательно проследить за исполнением веселых представлений, как они проводятся во Франции, то нельзя найти в них ничего такого, что противоречило бы нравственности и приличию.

Его сиятельство князь Воронцов, наместник его императорского величества на Кавказе, построил в 1266 году¹ в городе Тифлисе большое здание для театра, затратил большую сумму денег на достижение указанной выше огромной пользы и оказал неизмеримую помощь и покровительство всем людям науки и

практики для содействия распространению этого полезного дела.

Поэтому и я, желая познакомить мусульман с этим замечательным делом, написал в виде опыта шесть комедий и один рассказ. Представляя теперь их все в одном сборнике просвещенному обществу, я подобно другим авторам прошу не закрывать глаза на их достоинства и недостатки; напротив, просьба моя заключается в том, чтобы, познакомившись с этим новым искусством, они по мере силы своего воображения приступили к созданию произведений, чтобы их стараниями это замечательное искусство распространилось и среди мусульман.

Мне надлежало лишь показать образец, подать пример и быть начинателем.

[1851 г.]

Обыкновенно устная и письменная речь в каждом языке имеет форму прозы. Но иногда, чтобы более возбудить эстетическое чувство, как устная, так и письменная речь облакаются в стихотворную форму.

«Стихотворение должно вызывать у читателя эстетическое чувство, если в нем говорится о горе или радости, то оно должно оставлять сильное впечатление, возбуждая эмоции. Если стихотворение не в состоянии возбуждать чувства, тогда оно не что иное, как простое стихоплетство». Стихотворение становится эмоциональным, впечатляющим и возбуждающим в читателе эстетические чувства, когда сложено в словах и выражениях, близких к природе и законам речи. Отсюда огромное значение имеют изящество слога, сравнения, ясность объяснения и другие достоинства речи. Если стихотворение не отвечает этим требованиям, оно не вызывает у слушателя абсолютно никакого ощущения. Именно по этой причине многие газет¹ не вызывают никаких эмоций. Из сказанного становится ясным, что хотя каждое стихотворение и рифмовано, но все же не каждое рифмованное произведение есть стихотворение. Например, чтобы легче запомнить и хорошо передать некоторые суждения, их иногда излагают в стихотворной форме. Конечно, называть такие произведения стихотворениями, а их творца — поэтом было бы большой ошибкой.

В продолжение эры хиджры по сей день никто из исповедующих религию ислама не проводил разницы между стихом и рифмою, и поэтому вопреки действи-

тельности каждого рифмоплета называли поэтом. Творчество поэта — исключительный дар божий, поэтическое умение — врожденный талант. Воспитание, образование, эрудиция являются лишь украшением поэта и его творений.

Но таланты рождаются редко. Из персидских поэтов яркими талантами можно считать только Фирдоуси, Низами, Джами, Саади, Моллаи-Руми и Хафиза. Лишь их можно считать поэтами. Недостатком в их творениях является то, что они порой для показа своей эрудиции прибегали к вычурным выражениям, которые нельзя называть стихами, но можно считать приемлемыми как творения истинных мастеров художественного слова, чего нельзя сказать в отношении других, не имеющих поэтического таланта. Последние являются лишь ремесленниками. Орудия словами, они рифмуют их, но в рифмах этих нет глубокого содержания и эстетического чувства они не вызывают. Наоборот, у многих из этих рифмоплетов нельзя найти даже правдоподобного содержания, и рифмоплетство их настолько легкая вещь, что большинство персов, окончивших школу, после некоторой тренировки могут стать рифмоплетами. Конечно, таких людей называть поэтами по меньшей мере грешно. А среди тюрок во всяком случае с древних времен до наших дней, кроме Вагифа и Касим-бека, почти не было поэтов. Физули не поэт¹, он только мастер, его творения не имеют никакого воздействия.

Во время своего путешествия я напел в Карабахе ряд творений Молла Панаха Вагифа. Отмеченные мною поэтические требования некоторым образом касаются его творчества. Я имел еще встречу с Касим-беком Саруджалинским Джаванширом. Его стихотворения, написанные на турецком языке, поистине называли во мне удивление и восторг, потому что все необходимые поэтические требования в достаточной степени отражены в его творчестве. По моему мнению, со дня летоисчисления хиджры и до настоящего времени среди тюрок если и можно говорить об истинных поэтах, то лишь только об этих двух. Кроме них был еще Масих, но из его произведений очень мало что сохранилось.

Разница же между этими двумя поэтами заключается в том, что если Молла Панах Вагиф и появился на свет раньше Касим-бека и, следовательно, может считаться

в этой области предшественником, то произведения Касим-бека все же оказывают больше воздействия на эстетическое чувство слушателя и обладают большей стихотворной красотой. Касим-бек в своих стихотворениях так красиво, так одухотворенно говорит о своей возлюбленной, так искренне беседует с ней, что читатель просто диву дается. События, моменты, дух современности, нюансы молодости он передает так живо, так образно и так красочно, что читатель невольно приходит в восторг и экстаз. Его творчество бесподобно. Когда читаешь его стихотворение, только тогда можешь действительно убедиться в том, что стихотворение может быть предметом духовного наслаждения.

Таким образом, для того чтобы разъяснить исповедующим ислам разницу между поэзией и прозой и познакомить их с этими двумя поэтами, я собрал, поскольку это было возможно, их стихотворения и издаю их в одном томе. Я хочу, чтобы данная книга в будущем послужила руководством для поэтов, обладающих талантом, а с другой стороны, чтобы после ознакомления со стихотворениями названных поэтов некоторые возманившие себя поэтами рифмоплеты поняли, что они вовсе не поэты, и в дальнейшем не утруждали бы себя зря и не тратили бы попусту время на рифмование бессодержательных стихов.

[КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

В 1862 г., в летний сезон, три месяца я жил в дачном месте Коджоры, близ Тифлиса. В свободные от служебных обязанностей часы иногда занимался чтением «Ровзатусса-файи-Насирийе» Риза-Кули-хана, известного тегеранской газетой Гидаят. В связи с этим я прошу редакцию тегеранской газеты напечатать в своей газете «Дарудхилафе» спор, возникший между мною и Риза-Кули-ханом, с условием не перепутать высказывания каждого из нас в нашем диалоге.

РАССКАЗ ОБ ОСАДЕ ГУРЬЯНА ВО ВРЕМЯ ПОХОДА ПОКОЙНОГО ХАГАНА МУХАММЕД-ШАХА КАДЖАРА НА ГЕРАТ

«Как только пользующийся славой подобной Искендера его величество Хаган отдал приказ об осаде и занятии Гурьяна, десятого шабанулмуаззама¹, войско, приводящее весь мир в содрогание, двинулось для боевых действий, и от этого горам и пустыням стало тесно. Разбиты были разноцветные шатры и кибитки, и внешняя часть Гурьяна стала более благоустроенной, чем внутренняя часть Гурьяна и Газнейна. Некоторые смельчаки взобрались на крепостные стены, но под градом снарядов, способных сокрушать крепости и разрушать башни, спустились обратно. Окрестности Гурьяна были распределены между эмирами и отважными полководцами, которые должны были занять город. Исполняющий обязанность командующего величественной артиллерией сын Али-Гули-хана — Габидулла-хан Шахсаванский расположился в порученной ему северной части Гурьяна. Южная часть города была поручена Гаджи-хану из Карабаха, известному под прозвищем

Бахадур-джаиг¹, сартибу², командующему двумя соединенными отрядами паганицев. Западная сторона была поручена Вели-хану Гилянскому из Тунгабина, Мухаммед-Гусейн-хану Арджуманди из Фирзукуха, соединенным Савадкуха и Бендалей и военачальникам Мазандарана. Восточная сторона была доверена Эмир-Туман Мухаммед-хану Эриванскому и его людям. Со всех сторон начали вести подкопы. Осажденные в крепости возлагали свои надежды на неприступность крепости и на помощь гератского властителя. Они и не подозревали, что их твердыня вскоре разлетится в пух и прах. Санерные работы и подкоп были завершены в течение десяти дней. Славный, небесной высоты шахиншах огласил приказ взять крепость приступом.

Соединения и отряды, словно волны океана, пришли в движение.

Барабанный дробь, звон литавров и звуки труб, отразившись от скал, лишенных слуха, подняли грохот, а гром пушек осаждающих крепость пригнул землю в содрогание. Подкопы, сделанные под башнями, заполнили порохом и дровами, обложили их нефтью, чтобы взорвать башни; рвы, вынутые из них воду, засыпали землей для прохода наступающим войскам.

Под непрерывными ударами дробящих гранит пушечных снарядов башни и крепостные стены содрогнулись и дали трещины. От силы удара ядер, взрывающих камни, ни одна из стен башен не уцелела...»

Фатали. Риза-Кули-хан, ради алаха, возьми свои стихи, не мешай, дай узнать, как возьмут штурмом крепость. Не время и не место для стихов. Я их прочту в другое время.

Риза-Кули-хан. Удивительный у тебя характер! Почему же ты пропускаешь мои стихи?

Фатали. Дорогой, это ведь не сборник стихов. Меня занимает большая история. Дай дочитать до конца. Ради бога, оставь меня в покое. Не притупляй моих чувств. Я потерял уже нить из-за твоих стихов.

Риза-Кули-хан. Ты отрицаешь, что стихи развивают в человеке эстетическое чувство? Ты придержишься убеждения, что стихи вообще притупляют чувства?

Фатали. Послушай, друг! Откуда ты берешь, что я придерживаюсь мнения, будто стихи везде и всегда

расстраивают чувства человека? Я только считаю неуместным сейчас читать стихи. Кругом войска перешли в наступление. Вот-вот крепость должна пасть. От волнения даже сердце бьется учащенно, а ты стоишь с дубинкой над головой и требуешь: прочти раньше мои стихи, а потом уже следы за действиями войск, штурмующих крепость!

Это же своего рода насилие, Риза-Кули-хан! Клянусь, я дал себе обет — после этого прочесть все твои стихи. Разве я не знаю, что ты не только историк, но и поэт. А пока что дай посмотреть, что делается.

Риза-Кули-хан. Нет, не дам. Ты должен прочитать, и все! Я трудился, писал. Я их включил в историю. Так как же ты хочешь пропустить их?

Фатали. Риза-Кули-хан! Кто же просил тебя сочинять стихи и включать их в историю? В книге по истории нет никакой надобности в стихах. Клянусь, ты ошибаешься.

Риза-Кули-хан. Много не рассуждай. Ты сам ошибаешься, читай, и все!

Фатали. Почему ты схватила меня за горло? Оставь меня. Хорошо, прочту. Клянусь алахом, я прочту твои стихи, поверь мне.

Риза-Кули-хан. Нет, ты говоришь неправду, ты не хочешь их читать. По твоим глазам вижу, что ты игнорируешь мои стихи. Ты просто хочешь вернуть упущенную нить предстоящего действия.

Фатали. Клянусь, что я не вру. Ну ладно, раз обещал, придется читать! Все равно, пока я не прочту, ты же не отстанешь от меня. Но я надеюсь, что содержание твоих стихов по крайней мере будет близко к теме. Надо полагать, что ты в своих стихах описываешь наступление войск на такую-то башню или как конница вторглась в крепость через такие-то крепостные ворота. Ну вот, читаю:

Как будто диск звезды Меррих
Постепенно поднимался к небесам!

Что это значит?

Что такое Меррих? А где же о крепости? Помилуй, Риза-Кули-хан. Ты меня прости, но у меня нет терпения читать остальные твои бейты. Что хочешь делай, хоть убей! Дело твоё, но ты будешь в ответе.

Риза-Кули-хан. За что же я должен отвечать?

Фатали. К примеру: я не лишен ума. Мало или много, но у меня он есть. Я здоров, и у меня физических недостатков нет. Если же ты заставишь меня читать твои стихи, то я наверняка заболею, и тогда сказанное тобою относительно понятия «недолговечное владычество» («мюльки-эгим») для меня останется непонятым. А разве это не значит, что ты потерпишь ущерб?..!

Риза-Кули-хан. В данном случае я не думал о содержании. Целью моей являлось соблюдение рифмы. Вообще и нездравомыслящие тоже поймут значение слов «мюльки-эгим». Даже ты, будучи больным, обладая умом большим или малым, все же поймешь смысл этих слов.

Фатали. Выходит, что ты пишешь ради рифмы? Теперь я понял. Хорошо, Риза-Кули-хан, но что заставляет тебя совершенно игнорировать содержание, только ради рифмы применять столько лишних и ненужных слов?

Риза-Кули-хан. Кроме этого места, где я еще и ущерб содержанию, только ради рифмы, применял лишние слова?

Фатали. А вот, например, описывая восстание Мухаммед-хана, сына Азам-хана Афгани в Нарманире и Баме, ты пишешь:

Когда до Мухаммед-хана дошло известие о приближении каджарского сардара, он очистил Бам.

Со стенами низкими
Он занял дорогу нарманирскую

Риза-Кули-хан. Ты не понимаешь. Тут уже не без содержания. Стенания могут быть низкого и высокого тона. Вот в данном случае Мухаммед-хан бежал из Бама с низкими стенами. Это сделано для того, чтобы получилась рифма с Нарманиром. С другой стороны, не следует скрывать, что именно низкий тон здесь более подходит.

Фатали. Молодец, Риза-Кули-хан, я действительно не имел представления об этих тонкостях. Это суждение не лишено и других связей, ибо слово «низ» по-ирански означает и «зад»².

Известно, в каком положении был Мухаммед-хан во время бегства. Прости, я тут ошибся. Человеку свой-

ственно ошибаться. А что ты скажешь на то, что в другом месте ты пишешь: «Описание войны иранской армии с саракскими туркменами с помощью шах-заде Мухаммед-Вели-мирзы. Разъяснение этих слов и различение этих выражений заключается в том, что...»

«Разъяснение этих слов» — это понятно. «Различение этих выражений», если не является тут излишним и не употреблено ради витиеватости, так что же это тогда?

Вань духовный наставник Мирза Мехти-хан Астрабадский в таких случаях пишет только «разъяснение этого слова». Тогда как он мог бы сказать:

Разъяснение этого слова
И шлифовка этого черенка.

Риза-Кули-хан. Ха! ха! ха! Какой же ты неграмотный! «Шлифовка этого черенка» — что это такое?..

Фатали. Риза-Кули-хан! Почему ты смеешься? Что я сказал такого, что вызвало у тебя смех? Моя вина заключается только в том, что и я допустил рифмованное выражение. Почему же другим так говорить дозволяется?

Риза-Кули-хан. Не в этом дело.

Фатали. А в чем же тогда дело? Разве «софал» («черенок») не может быть рифмой для «мгал» («слово»)?

Риза-Кули-хан. Рифмой-то служить может, но содержания тут не видно.

Фатали. Риза-Кули-хан! Если слово «шлифовка» подходит к фразам, то к слову «софал» («черенок») оно подойдет еще ближе. Почему же в таком случае не видно содержания? Ты имеешь право для разрешения изшедшего спора привлечь третье лицо. Если оно найдет, что ты прав, тогда побежденным буду я. Если же наш арбитр найдет, что прав я, тогда побежденным окажешься ты, Риза-Кули-хан! Поверь, что рифма в прозе просто лишает фразу стройности, делает ее сырой. Эта манера досталась нам в наследство от арабов. Около восьмисот лет в Иране она является общепринятой. Но это несомненная ошибка. Пришла наконец пора отказаться от этого, ибо ради рифмы приходится употреблять ненужные слова, в результате получается бессмыс-

лица. Ясность речи теряется, люди чувствуют к ней отвращение, и произведение не может стать популярным. Такая участь постигла «Тарихи-Вассаф» и «Дурре».

Ты в конце своей книги сообщаем, что некто пишет историю государств рифмованной прозой. Скажи ему, что его труды пропадут даром. Никто не станет читать его книгу. По-моему, и ты во многих местах своей истории пишешь рифмованной прозой.

Риза-Кули-хан. Зачем клевещешь? Где же это я прибегаю к рифмованной прозе?

Фатали. Нет, я не зря говорю. Ты по поводу восстания Гусейн-Кули-хана II пишешь: «Гусейн-Кулихан торжественно и победоносно направился в область Фарс и землю Джемшида. И эмиры и вся знать явились к нему с изъявлением покорности. Двигаясь дальше, он постепенно покорил и подчинил своей власти всю страну...»¹.

Спрашиваю тебя, ибо я сам не совсем сведущ в подобных вещах, разве такое изложение не есть рифмованная проза?

Риза-Кули-хан. Пожалуй, на то похоже. Но некоторые вещи ты, Мирза-Фатали, преувеличиваешь. У меня этого не так уж много, и, кроме того, слова у тебя тоже не связаны.

Фатали. Связать нетрудно. Ты говоришь, что я преувеличиваю. Но это я сделал, конечно, не без нужды...².

Риза-Кули-хан. Но нет никакой надобности в тех добавлениях, которые ты сделал.

Фатали. Но и ты написал лишнее. Как и в других местах, ты тут написал ряд очень трудных, лишних фраз, не имеющих ничего общего с историей. Этим самым ты, несомненно, обременяешь и читателя, и переписчика.

Риза-Кули-хан. Что ты говоришь? Где это я написал лишние и трудно понимаемые фразы?

Фатали. Например, там, где жизнь Надир-Мирзы приходит к концу, ты пишешь...³.

Затем ты очень хорошо сделал, что, жалея нас, читателей, занялся нанизыванием на палочку объяснений некоторых тонкостей изысканного изложения. Если, не дай бог, ты на эту сторону вопроса не обратил бы внимания, тогда мы, несчастные, встретили бы невероятные за-

труднения в уяснении себе твоих писаний. С какой бы то целью ни было, в истории не допускается поднимать подобные вопросы. В особенности не допускается изложение, не соответствующее истине, историк должен ограничиться изложением лишь самих событий. В некоторых случаях ты не обращаешь внимания на неправдоподобность содержания. Например, повествуя о ректоре университета, ты говоришь: «Согласно светлому, как солнце, мнению шахиншаха, не следует судьбу молодежи вручать молодым людям. Это дело нужно поручать старцу, закаленному большим жизненным опытом. Необходимо, чтобы старец этот славился прекрасным поведением, был честным, безукоризненным во всем, верующим, чтобы он не был алчным, был милосердным и сердечным, не был бы пьяницей и чуждался всяких низких дел. Такой именно старец сможет по-отцовски, как своих родных детей, воспитать молодых людей благородного происхождения. Он сумеет внушить им правила морали, отвратить их от грязных деяний и выработать в них отвращение к непристойным вещам. Недавно я, раб божий, после путешествия в далекий Хорезм, длившегося восемь месяцев, с чувством восторга вернулся, чтобы облобызать пороги его величества шахиншаха. И, несмотря на то, что я не обладаю ни одним из вышеуказанных качеств, его величество шахиншах Ирана, преисполненный высокого желания оказать милость и честь, призвал меня, недостойного старика, к себе и предложил мне этот высокий пост — пост ректора университета».

Ты сознаешь, что, по совести говоря, не обладаешь ни одним из вышеперечисленных качеств? Человек не может не обладать одним из двух качеств: или он обладает наилучшими чертами характера, или он ими не обладает. Средний нет. Ты не обладаешь хорошими чертами характера, положительных качеств у тебя нет, и все же университет поручают тебе. Если так, то откуда же тогда видно, что его величество шахиншах имел благое намерение поручить руководство университетом человеку, обладающему высокими моральными качествами? Ты мне скажешь, что я, мол, все это говорил из скромности. Но, голубчик, слышал ли ты, чтобы кто-нибудь когда-нибудь из скромности сам обозвал себя предате-

лем, безбожником. Содержание твоего рассуждения неправдоподобно, подумай об этом.

Посылая эти беседы в редакцию тегеранской газеты, сообщая, что так принято в Европе, и в этом заключается огромная польза. Например, предположим, что кто-нибудь написал книгу. Другой человек пишет на эту книгу критику, показывает положительные и отрицательные стороны этой книги. Конечно, в этой критике не должно быть ни одного оскорбительного слова по адресу автора книги. В критике не должно быть абсолютно никаких выпадов. Все в этой критике должно быть написано в рамках исключительной вежливости. Вот такое писание, называется критикой — от французского слова «критик».

Автор может ответить на такую критику. После ответа автора, возможно, выступит и третье лицо, которое может стать в этом вопросе на позицию автора или же подтвердить мысли критика.

Результатом такой критики явилось то, что на языках народов Европы поэзия и проза все более и более отшлифовывались и сейчас очищаются от ненужного балласта и лишней фразеологии. Критика дает авторам и поэтам возможность еще лучше понять свою высокую миссию, поработать над собой и своим стилем.

Если при посредстве тегеранской газеты такая литературная форма привьется в Иране, то это окажет значительную помощь будущему поколению Ирана в деле усвоения восточных языков. Если критика как литературная форма найдет себе применение в Иране, тогда газеты и касиды¹, ныне широко развитые в Иране и в то же время бесполезные, начнут отмирать и появятся повести и стихи, отображающие действительную жизнь народов, стихов, написанные в стиле месневи, подобные «Шах-намэ» Фирдоуси и «Бустану» Шейха-Саади. Кроме того, такие нежелательные и смехотворные явления, как рифмоплетство в прозе и детские наивные гиперболы, а также глупые сравнения, больше не будут иметь места в литературе. Наши писатели и поэты с развитием критики будут искать себе более жизненные сюжеты, не оторванные от действительности и неотвлеченные. Сюжеты, фабулы должны быть взяты из действительности и настолько насыщены ею, чтобы читатель получил подлинное наслаждение от литературы и чтобы слушатель

приходил в восторг. Только такие произведения способны поднять престиж автора, принести ему славу. Если произведение будет полноценное, содержательное, его не только не раскритикуют, а, наоборот, автор получит от своих читателей лестные отзывы и благодарственные письма. Умение отыскать красивый, привлекательный сюжет — это дар божий, это доказательство исключительной одаренности автора. Но рифмоплетство — вещь неестественная, надуманная и совершенно излишняя. Она приносит вред также и другим видам искусства.

Теперь пусть Риза-Кули-хан ответит на мое послание на страницах газеты и пусть какое-нибудь третье лицо будет судьей в нашем споре.

Майор Мирза Фатали Ахундзаде

28 августа 1862 г.
Урошце Коджоры, Тифлис

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ ВЫСОКОГО ИРАНА «МИЛЛЕТ»

Уважаемый брат мой!

Иранская газета «Нация» («Миллет») от четырнадцатого Раби-ал-Ашвала 1283 г.¹ (пятница) была получена и в городе Тифлисе. Постараюсь описать, что она собой представляет.

Прежде всего бросилось в глаза следующее:

«Приказано высочайшим и светлейшим шахиншахом, да сделает бог его землю и царствование вечным, чтобы газета «Миллет» печаталась, следуя по пути свободы, так, чтобы и знать, и простой народ извлекали бы из нее пользу».

Эта фраза по существу показывает, что обо всем том, что полезно для иранского народа, каждый может писать так, как он думает, без боязни и без опаски.

Хотя я и гражданин Кавказа, но все же я брат иранцам, ибо все мы исповедуем одну веру, все мы приверженцы ислама. Коль скоро это так, значит, я могу, опираясь на вышеприведенной фразе, смело изложить тебе свои мысли.

Первое. Как символ иранского народа, ты поместил в своей газете изображение мечети. Я придерживаюсь такого мнения, что это совершенно неуместно. Если ты, употребляя слово «народ», имеешь в виду в данном случае только иранский народ, то помни, что мечеть вовсе не есть эмблема только иранского народа. У всех народов, исповедующих ислам, есть мечети.

В доисламский период эмблемой иранского народа служил престол Джемшида, крепость Истахр² и другие

памятники древних иранских шахов. После внедрения в Иране ислама самым знаменитым периодом страны был период царствования шахов из династии Сефевидов. Они-то и содействовали распространению в Иране шиитства. При Сефевидах разрозненные племена Ирана были объединены в единый народ. Таким образом, честь создания единого самостоятельного Иранского государства принадлежит Сефевидам.

Поэтому, чтобы популяризировать иранскую нацию, тебе необходимо в своей газете изобразить иную эмблему, например что-нибудь вроде двенадцатигранной короны Сефевидов, шитой на красном сукне. Такая эмблема, с одной стороны, будет относиться к древним персидским шахам, а с другой — будет напоминать сефевидских падишахов.

Во-вторых, прочитав газету, я заметил, что две страницы, и даже больше, посвящены родословной и биографии некоего поэта, носящего псевдоним Суруш и имеющего прозвище Шамс-аш-шуара¹. Там же помещены его касыда² и газель³.

Дорогой брат! Ты сам же пишешь, что и знать, и простонародье должны извлекать пользу из твоей газеты «Миллет». Просто, но совети спрашиваю тебя, что даст твоему читателю знание родословной и биографии поэта, имеющего псевдоним Суруш, да еще и прозвище Шамс-аш-шуара? Какая же польза от того народу, что ты заставляешь своих читателей обязательно знать все это?

Если бы этот Суруш был человеком образованным и хорошим поэтом, тогда ты был бы совершенно прав, считая, что народ от его философских стихотворений получает духовное, нравственное удовлетворение. Конечно, ты был бы прав в этом случае, утверждая, что народ должен знать этого человека. Но касыда этого поэта Суруша показывает, что поэт он самый заурядный. У него нет ни призвания, ни даже умения писать стихи. И напрасно он избрал себе в качестве псевдонима имя ангела небесного, а название великого святителя небесного превратил в свое прозвище. Он это сделал, будучи убежденным в том, что свет его сверкающего таланта подобно солнцу способен озарить весь небосклон.

Претензия и притязание без конкретных доказательств никем уважаемы не будут. Я оспариваю талант Суруша и утверждаю, что он бездарен. И чтобы доказать это утверждение, я должен привести пример. Но прежде чем привести примеры и доказательства (о чем ниже), уделим несколько слов родословной этого «Солнца поэтов».

Дорогой брат мой! По-дружески прошу тебя, собери у себя в Тегеране человек двенадцать образованных, понимающих, с тонким вкусом людей и в их присутствии спроси у «Солнца поэтов»:

— Эй ты, господин! С какой целью ты доводишь свою родословную до Наджми-Сани?¹

И если он тебе ответит, что целью его является черпать от него славу себе и гордиться его именем, тогда скажи ему на это так:

— Господин добрый! Это удивительно, что сам ты, будучи солнцем, в звезде, да к тому же потухшей, ищешь свет, ея избираешь источником своей славы! Планеты — это Юпитер, Сатурн, Марс, Меркурий, Венера и другие. В толковании Чегинни написано, что все планеты темны, они получают свет от солнца. Коль скоро ты сам именуешь себя солнцем, освещающим вселенную, тогда по какому закону астрономии ты сам, будучи солнцем, от планеты хочешь получить свет?

Если он скажет, что он такое солнце, которое не дает ни света, ни сияния², и сам стремится вобрать в себя свет и ищет его у Наджми-Сани, в таком случае скажи ему:

— Господин! Не трудись напрасно. Ищи себе прадеда среди таких светил, как Низам-уль-Мульк — визирь Мелик-шаха Сельджукского, Хадже Насир Туси — визирь Хулагу-хана или Амир Алишер — визирь Султана Гусейна Байкары, которые были передовыми учеными своего времени, и тогда ты достигнешь своей цели. По признаку общности твоего места рождения с Наджми-Сани не выдавай его за прадеда своего! Помни, что Наджми-Сани подобно тебе также никакими талантами не отличался. У него тоже не было никаких личных достоинств, и напрасно он узурпировал себе прозвище Наджми-Сани. Если ты своего прадеда не знаешь, так мы познакомим тебя с ним.

При установлении достоинств людей былых времен

мы опираемся на свидетельства истории. В «Хабиб-ус-сияре»¹ написано так:

«После смерти Амир Наджми-Заргяра, человека справедливого и отважного, государь благонамеренный, то есть Шах-Исмаил, осчастливил Амир Ярахмеда Исфаганского тем, что возвел его в сан советника. Он дал ему название Наджми-Сани и поднял до небес. Он приказал всем визирям, эмирам и государственным людям подчиняться лично Наджми-Сани».

Действительно, Наджми-Сани достиг высокого сана, но историк не отмечает в нем никакой личной доблести и достоинств, какие он видел у Наджми-Аввала. Таким образом, становится понятным, что возвеличение Наджми-Сани не явилось результатом его доблести, личных достоинств. Это было только следствием личного радения и благорасположения к нему Шаха-Исмаила. Согласно мнению ученых и философов, согласно убедительным доводам, указанным в философском произведении современного нам писателя, да продолят аллах жизнь его, призванного толковать значение и смысл слов и положений пророка нашего, да будет с ним мир, и почтенного Рухуль-Гудса², трактующего об этих вопросах в своей книге «Разговор визиря со своим товарищем», без личных достоинств, таланта и умения достижение высокого сана вовсе не служит к чести такого человека. Это лишь способствует падению и унижению его. Как явствует из данных истории, Наджми-Сани достиг своего высокого сана и почетного положения вовсе не своими знаниями, умением и тому подобными достоинствами. Но, подобно тому как некоторые из рядовых людей силой своего природного ума, общительностью и личным обаянием делают карьеру и достигают высокого сана и величия, может быть, и он имел природный ум и достоинство, чем и снискал себе почет и уважение?

По этому поводу мы тоже обратимся к истории и посмотрим, насколько был остр природный ум, каким светлым талантом был одарен и в какой степени были обаятельны личные качества Наджми-Сани.

«Хабиб-ус-сияр» говорит так:

«После того как оплот религии, шах, то есть Шах-Исмаил, сделал Наджми-Сани всепильным и облек его неограниченными правами, резиденция Наджми-Сани — надежды и упования народов — сделалась местом покло-

нения правителей адамовых чад — знати, высокопоставленных лиц вселенной. Сан, популярность, внимание, которым был он окружен, средства, богатства, величие, которые ему сопутствовали, высокое положение и значимость его личной персоны в государстве, наконец, то огромное влияние, которое он имел, и его указы сделали его куда сильнее и влиятельнее любого султана его времени. Количество его личных слуг возросло до пяти тысяч всадников. Его личная казна и имущество до того возросли, что самые маститые экономисты и бухгалтеры не в состоянии были вести их учет. Ежедневно для его пышного многолюдного стола закалывалось до ста баранов. Количество потребляемой в его дворце птицы, риса, приправ для плова, количество масла было в полном соответствии с потребляемой бараниной. Во время своего туркестанского похода хотя через встречную реку нельзя было переправить всю утварь, но все же ежедневно в его кухне ставились на огонь для изготовления пищи тринадцать котлов из чистого серебра. И эти разнообразные кушанья в золотой, серебряной, хрустальной и фарфоровой посуде постоянно демонстрировали перед населением. От одного уважаемого правдолюбца должно повествование о том, что в Зарчье во время пиршества присутствовал в лагере этого эмира посторонний человек, который с удивлением спросил управляющего хозяйством: «В чужой стране откуда ты достанешь столько видов продовольствия?» И тот ответил: «Божьей милостью, баранов, птиц, сахара, леденцов, муки, рису и другое потребное для плова мы имеем при себе в достаточном количестве. Однако помимо всего этого необходимо еще иметь ежедневно десять батманов инбиря, корицы, шафрана и тому подобных приправ. Вот с доставкой их я испытываю трудности».

Мы не думаем, что отец Наджми-Сани был настолько богат, чтобы оставить сыну в наследство такое огромное, достойное властелинов богатство. Производя такие огромные расходы, Наджми-Сани не кто иной, как расточитель. Не говоря уже о том, что у богословов имеется определенное мнение насчет изготовления котлов из серебра и употребления иной серебряной посуды, что ими запрещено, помимо этого, такая его расточительность граничит с глупостью, идиотизмом. Если он делал такие издержки за счет недозволенных, чужих

средств, тогда он является злодеем. Относительно визиря, стремящегося заявить о себе не благими деяниями, а роскошью, обилием украшений, правильно говорится в упомянутой книге Рухуль-Гудса.

Но образ визиря, достойного уважения, знающего и авторитетного, Рухуль-Гудс рисует так:

«Пусть в Иране величие и пышная жизнь будут делом того визиря, который смело может сказать: «Это я привел дороги Ирана в надлежащий порядок для того, чтобы арабы могли свободно передвигаться. Это я в разных пунктах Ирана открыл школы. Это я распорядился полностью обратить доходы от вакуфа¹ на нужды учащихся. Развитие и прогресс торговли и сельского хозяйства целиком обязаны мне. Это я пустил в ход рудники Ирана. Безводным пустыням дал жизнь, я вырыл там артезианские колодцы, а казну Ирана я довел до 50 куруров».

Смысл и нравственное удовлетворение визиря от занимаемого им поста заключаются именно в этих деяниях, а не в глупом самодовольстве, не в бесшабашной расточительности.

Опять-таки автор «Хабибуссияр» пишет: «Когда роскошь и пышность этого незаменимого, бесподобного визиря (в смысле потребления в громадном количестве шафрана, корицы, инбиря) дошли до высокой степени, то он, возгордившийся неимоверной пышностью, без распоряжения и не получив разрешения от знающего, толкового шаха-победителя, взял на себя покорение Мавераннахра². Взяв на себя ведение войны с узбекскими войсками, он счел это опасное дело за пустое и легкое. Перейдя Аму-Дарью, он встретился с его величеством Бабер-шахом, а затем двинул войско на крепость Хазар. Правитель области Агполат-султан, сознавая, что слаб для того, чтобы противостоять крупным полководцам, вместе со своими приверженцами и должностными лицами изъявил желание заключить мир и, получив надлежащие заверения и обещания, открыл крепостные ворота. Тогда Наджми-Сани велел заковать его в кандалы, перебил узбекское население в Готурузбеке и начал чинить насилие над окрестным населением».

Хорошо. Если бы Агполат-султан не сдался на милость победителя, тогда Наджми-Сани мог бы чинить над ним расправу. Но коль скоро узбеки во главе с

Агполат-султаном сдались, а Наджми-Сани дал им обещание в неприкосновенности и уверил их в этом, тогда по какому закону справедливости, мужества и божьего веления нарушил он данное узбекам обещание неприкосновенности, заковав Агполат-султана в цепи и умертвив других узбеков?*

Пусть скажут свое мнение присутствующие на собрании, понимающие и толковые господа.

На каком уровне должен быть ум и нравственные устои такого человека, который вначале из тщеславия и по глупости, вопреки желанию своего повелителя, без его ведома взял на себя задачу покорения Мавераннах-ра, а потом в нарушение божьего веления нарушил свой обет? Разве умный и благонравный человек может пожелать иметь своим предком такого человека?!

И дальше автор «Хабибуссияр» пишет:

«Наджми-Сани оттуда повернул на Гарши и повел наступление. Правитель той области Шыхым-Мирза показал образец твердости в обороне своих позиций. Наджми-Сани распределил окрестности города между эмирами. Каждый в назначенном пункте сошел с коня. Воины пустили в ход стрелы и ружья. Башни и стены крепости от ударов камней пришли в сотрясение. В течение двух-трех дней с огромными трудностями они покорили город. Шыхым-Мирза со своими людьми попал в жестокие руки победителя. Дано было распоряжение начать поголовное истребление населения. Хотя Эмир Гиясетдин Мухаммед и некоторые из знати просили у Наджми-Сани пощадить и не проливать кровь некоторых невинных людей в городе, он все же остался неумолимым и не отступил от своего решения. До пятнадцати тысяч из воинов и вольных граждан были истреблены».

В приложении к «Тарихи-Ровзатуссафа» написано: «По вызову Наджми-Сани пришедший из крепости на помощь кызылбашским воинам Бабер-Мирза просил

у Наджми-Сани пощадить некоторых жителей Гарши, которые были его сородичами-джагатайцами, но, однако, Наджми-Сани был неумолим и наотрез отказался исполнить просьбу Бабер-Мирзы, тем самым обидев последнего».

Автор «Хабибуссияр» дальше пишет:

«После занятия Гарши Наджми-Сани двинул свои войска на Бухару, ибо Джанибек-султан и Убейдуллахан засели там с крупными силами узбеков и твердо решили удержать врага и оказать ему упорное сопротивление».

Когда Наджми-Сани находился в двух фарсах¹ от Бухары, ему сообщили, что с целью грабежа выступил в поход отряд самаркандских войск Мухаммед Теймур-султана и Абусаида-султана. Наджми-Сани, остановившись, двинул против них большой отряд, составленный из прославленных героев, во главе с Байрам-беком Карамани.

Оба упомянутые султана, узнав о выступлении против них отряда Байрам-бека, заперлись в крепости Гадждиван². Байрам-бек сообщил об этом Наджми-Сани, который со всем своим войском подступил к Гадждивану. Мухаммед Теймур-султан и Абусаид-султан укрепили крепость со всех сторон и ежедневно посылали по одному отряду из отчаянных узбеков на борьбу с врагом. Им навстречу выступали отряды из войска Наджми-Сани. Происходили схватки с переменным успехом. То та, то другая сторона выходила победительницей. Через несколько дней войска Наджми-Сани стали испытывать недостаток в продовольствии. Осведомленный о положении своего войска, о состоянии военных сил узбекских султанов и о том, что взять эту крепость приступом невозможно, Ходжа Кемаледдин Махмуд обратился к Наджми-Сани:

«В зимнюю пору осада крепости Гадждиван не даст никакой пользы. Крепость эта известна обилием продовольственных запасов и большим количеством оружия. Два султана укрепились там с большими отрядами отборных и отчаянных людей. Если наши победоносные войска пробудут тут еще несколько дней, они начнут испытывать острую нужду в продовольствии. Для государства будет более целесообразно, если вы прикажете дать войскам барабанным боем сигнал о выступлении

* Относительно нарушения данного обещания имеются следующие стихи из Корана. Первый: «О вы, принявшие веру ислама, исполняйте свое обещание». Второй: «Люди, которые заверили, а потом вероломно нарушили свое обещание, подобны тем, что нарушили веление божье и сеют на земле смуты и раздор. Да будут прокляты они, да будут корчиться они в огне ада». Третий: «Дав обет, свято его исполняйте. Уверив людей, не нарушайте своего обещания. Бог ручается за вас!»

из этого лагеря. Лучше мы проведем зиму близ Гарши и Хазара, чтобы множество купцов и рыночных торговцев привозили из Балха и его округи зерно и другое продовольствие для нашего победоносного войска. Когда зима будет на исходе, продовольствие у узбеков начнет иссякать, и когда для четвероногих на полях появятся корм, мы начнем наступление на крепости и города».

Наджми-Сани, не имевший никакого понятия о способностях ведения войны и руководстве войсками, никогда в жизни не читавший ничего о законах войны, не обладавший умом и здравым смыслом, способным разбираться надлежащим образом в происходящих событиях, а понимание и мудрость которого нечерпывались потребностями его кухни и продовольствия, числом баранов, птиц, гусей и моркови и числом прислуги, обслуживающей в походах его собственную особу, в ответ на это разумное предложение, по свидетельству «Хабибуссияра», заметил:

«Если мы выступим из-под Гадждивана по направлению к реке, узбеки сделают вывод, что мы отступили, как побежденные, гонимые страхом, а это сильно воодушевит и делает их более смелыми».

Еще беседа эта не была окончена, как в это время к Наджми-Сани подошел Бабер и в точности повторил совет Ходжа Кемаледдина Махмуда. Он настаивал снять осаду и направиться к Гарши и Хазар. Хотя Наджми-Сани внешне будто бы согласился с Бабером, но в душе отрицал целесообразность этого предложения. С другой стороны, в Бухаре до Джанибека-султана и Убейдулла-хана-султана дошли сведения о том, что под Гадждиваном дела Наджми-Сани не движутся вперед. Они узнали и о том, что из-за недостатка продовольствия и корма для скота войско Наджми-Сани приходит в расстройство и войны его стали бродить по округе и даже разбегаются. Узнавши об этом, они твердо решили сразиться с Наджми-Сани. Их войска, и конные и пешие, с обнаженными мечами и в панцирях устремились по направлению к Гадждивану. Когда они дошли до этого округа, оба султана, находившиеся в крепости, присоединились к ним и ринулись в кровавую схватку.

Когда Наджми-Сани увидел создавшееся положение, он решил принять бой.

Укрепив правое и левое крыло присутствием влия-

тельных эмиров, он сам стал в центре, а Бабер-шаху приказал со своим отборным войском отделиться и наблюдать за ходом сражения. И если какое-нибудь крыло будет сильно нуждаться в подкреплении, послепить к нему.

Когда узбекские войска построили свои ряды, то из них выделилась конница в двести человек и налетела на войско Наджми-Сани с левой стороны. Находившийся в той стороне Байрам-бек кинулся было на них, чтобы предотвратить их удар, но в это время его сразила стрела, и он рухнул на землю. Это событие еще больше воодушевило узбекские войска. Они налетели на пракские и азербайджанские части.

Грубое, невежливое обхождение, жажда власти и тугоухость Наджми-Сани до того надоели полководцам, что они чувствовали к нему полное отвращение и омерзение. При создавшейся обстановке они, даже не коснувшись рукояти своего оружия, обратились в бегство. Войско Наджми-Сани потерпело поражение, и Бабер-шах с различными силами направился в крепость. Эмир Гиясетдин-Мухаммед и Ходжа Кемаледдин Махмуд следовали за войсками его высокочтимости, Гусейн-бек Дая и Ахмед-бек Софи оглы направились в селение Керки.

Загорелся ярким светом полумесяц на знаменах узбекских султанов над горизонтом победы. Войска Мавэранныхра начали грабежи и убийства. Отряд из частей Убейдулла-хана настиг Наджми-Сани на поле битвы, и его высокочтимость попал в руки победителей. Они доставили его живым к своему государю.

В написанной на джагатайском языке истории узбекских султанов, современником Сефевидов, сказано, что, когда войны доставили Наджми-Сани к государю своему, тот спросил:

— Ты был полководец кызылбашских войск?

Наджми-Сани ответил:

— Да!

Убейдулла-хан тогда сказал:

— После того как ты обещал узбекам крепости Хазар неприкосновенность, обещал сохранить им жизнь, и они тебе сдались, зачем ты нарушил обещание и приказал поголовлю и беспощадно истребить их? Почему после покорения Гарши ты распорядился истребить поголовно все его население, тогда как большинство его со-

стояло из бедных и беспомощных людей, не имевших отношения к войне и не поднимавших на тебя руки? Где и какой закон говорит, что в нарушение обещания сохранить жизнь, если враг сдается, ты вправе продолжать враждебные акты, вправе уничтожать население? Где имеется такой закон? Если это так, как же теперь с тобою должен обойтись враг и в чем может заключаться просьба твоя к нему? Обладая таким умом и подобными представлениями, ты хотел покорить чужую страну? Никакой вероломный нечестивец, никакой злодей не решился бы истребить невинное население, умертвить бедных, беспомощных людей, достойных только жалости, как это было в Гарши. Допустим, что население данной страны согласно вашим убеждениям является гаурами, вероотступниками. Наш аллах всевышний убие-ние таковых считает недопустимым, разве только в исключительных случаях. Знаешь ли ты смысл этого почтаемого стиха или нет?¹

Наджми-Сани молчал. Убейдулла-хан тогда задал ему вопрос:

— Почему молчишь, может, по-арабски не знаешь?

Наджми-Сани ответил:

— Арабским языком я не владею.

— Я поражаюсь шаху кызылбашей. Он избрал визирем, да еще главным военачальником, человека, у которого нет знаний, нет ума и, кроме того, не имеется и доли милосердия!

Затем он приказал своим воинам:

— Отведите и отрубите ему голову!

Наджми-Сани дрожащим и умоляющим голосом сказал Убейдулла-хану:

— Пощади мою кровь! Я дам тебе пятьдесят тысяч динаров. Кроме того, у своего падишаха я получу письменное обязательство, в котором будет сказано, что страна Мавераннахр до границ Хорасана отныне будет принадлежать тебе и потомкам твоим и что войска кызылбашей больше не посягнут на твою страну и скот твой.

Убейдулла-хан на это ответил ему:

— Нет у меня никакой потребности и желания брать у тебя деньги, и обязательство твоего шаха мне не нужно. Страну Мавераннахр я отстою от посягательств с помощью аллаха и силой меча своего. Убив тебя, я тем самым отомщу за пролитую кровь невинных людей, ибо

какого изверга оставлять в живых — это значит посягать на жизнь людей, созданных волей всевышнего. Если ты останешься в живых, ты можешь быть и в дальнейшем причиной пролития крови невинных людей.

После того когда он окончил свою речь, Наджми-Сани отвели и отрубили ему голову.

Дорогой мой друг редактор!

Теперь ты спроси у мудрых людей, тобою приглашенных: достоин ли этот человек наименования святого мученика? Удивительно, что «Солнце поэтов», вместо того чтобы чувствовать к нему отвращение, называет его, да еще с удовольствием, своим прадедом.

Господин «Солнце поэтов» приписывает Наджми-Сани еще один поступок, от которого последний становится в его воображении еще более привлекательным, а именно: Наджми-Сани уплатил некоему поэту, по имени Умиди, вознаграждение в десять тысяч динаров за хвалебную оду, начинающуюся стихами:

Когда ты сидишь на коне, лицо твоё
Сверкает, как метеор в небе...

«Солнце поэтов» хочет, чтобы наши современники эмиры знали, какую надо назначать цену за ложь и лицемерие. Если и не дадут больше, во всяком случае чтобы не платили меньше.

Достойна ли и эта черта хвалебных од или ее надо осудить? Для выяснения этого опять-таки обратимся к истории.

В «Хабибуссияре» написано:

«Во времена халифства почитаемого Омара, да будет аллах доволен им, вследствие доблести Халид ибн-Валида и отваги исламского войска Абу-Убейд ибн-Джаррах одержал победу над сотысячным войском императора ромеев вблизи Хаммаса. Один из арабских поэтов, Аш'ас ибн-Гейс Канди, написал оду, в которой восхвалял доблесть и отвагу Халида, и преподнес ее последнему. Халид подарил Аш'асу десять тысяч дирхемов. Когда молва об этом дошла до почтенного Омара, то вызвала у него недовольство. Он написал Абу-Убейду следующее:

«Позови к себе Халида и прикажи, чтобы, сняв с головы его повязку и привязав ее к его шее, спросили бы его: из каких источников ты взял десять тысяч дир-

хемов, которые подарил Аш'асу? Если он ответит, что «эти деньги я отдал из государственных средств ислама», тогда его преступление будет ясным. Если же он вымолвит, что «эту сумму я подарил из собственных средств», тогда обнаружится его расточительность».

Абу-Убейда согласно приказу халифа вызвал к себе Халида и спросил: «Десять тысяч дирхемов, данных тобою Аш'асу, выданы тобою из государственных средств ислама или это твои собственные деньги?»

Халид ответил не сразу. Билал повесил повязку ему на шею и сказал: «Распоряжение эмира правоверных таково: пока ты не ответишь, держать тебя в таком положении».

Халид тогда ответил:

«Я подарил эти деньги только из моих личных средств!»

Абу-Убейда отослал Халида в Медину».

Если такого человека, как Халид-ибн-Валид, на мече которого укрепилась религия ислама, осудили за выдачу награды в десять тысяч дирхемов, можно ли не осудить Наджми-Сани за выдачу десяти тысяч динаров за одну хвалебную оду? А ведь Аш'ас хвалил Халида за беспримерный в истории подвиг, ведь было за что хвалить! Скажите на милость, какую же отвагу выказал и какой подвиг совершил Наджми-Сани, что ему посвятили хвалебную оду?

Таких лживых и льстивых поэтов, как Умиди, в Иране много. Почему же умный человек должен давать лжецам столь крупные награды?

Такая щедрость ни о чем другом, кроме большой глупости, не говорит, ибо ложь и лесть всегда нравятся глупцам. Спрашивается, почему же эти десять тысяч динаров нельзя было обратить на благие деяния, на полезные вещи? Например, можно было бы на такие деньги открыть школы для воспитания детей мусульман. Для призрения бездомных и лечения больных, не имеющих близких людей, можно было бы открыть на такие деньги больницы. Можно было бы это сделать? Да, можно. Такие памятники остались народу от Низам-уль-Мулька и от Амира Алишера. Почему же взысканные с бедноты путем насилия и принуждения эти десять тысяч динаров из тщеславия и необузданной прихоти должны попасть в карманы лжецов, льстецов, почему?

Зло и произвол остались на его совести, лжецы же и льстецы стали обладателями золота, к чему же это?

Мы познакомились с покойным прадедом «Солнца поэтов». А теперь, как обещали в начале критики, приведем наши доводы в доказательство бездарности поэта.

В поэзии имеются два основных элемента: изящество изложения и красота содержания. Если в поэзии имеется красота содержания, но отсутствует изящество изложения (как, например, «Месневи» Моллаин-Руми), такие стихи приемлемы, но в стихосложении в данном случае имеется недостаток.

Если же стихи обладают достаточным изяществом изложения, но лишены красоты содержания подобно стихотворениям тегеранца Гаани, то такие стихи слабы и наводят тоску. Но все-таки они являются поэтическим произведением, плодом определенного мастерства.

Поэзия, где имеется полная гармония, где наряду с художественным изяществом изложения, красотой имеется и глубокомыслие («Иллах-наме» Фирдоуси, «Хамс» Низами и «Диван» Хафиза), такая поэзия способна вызвать в читателе восторг, она может волновать читателя и может нравиться всем. Таких поэтов можно уподобить пророкам, ибо они стоят выше человеческого рода, обладают философским воображением и пылким вдохновением.

Относительно таких поэтов и сказано:

Когда в божественном мире строятся ряды,
Вслед за пророками следуют поэты.

В касыде «Солнца поэтов» нет изящности изложения, нет также красоты и глубины содержания. Кроме этих двух [изъянов] некоторые его стихи страдают также недостатком в отношении ритма. Таким образом, называть стихами подобный сумбур, а их творца поэтом уж никак нельзя. Содержание касыды Шамс-аш-шуара от начала до конца опирается на некоторые убеждения шейхидов¹.

Правильны или ошибочны подобные его убеждения, мы этого вопроса затрагивать не будем. Это мы относим к компетенции богословов, ибо вмешиваться в религиозные убеждения не наша обязанность. Мы только лишь можем сказать, что подобные убеждения абсолютно не

представляют никакой оригинальности и в них нет ничего нового. Об этом тысячу раз на все лады, в разной форме, в прозаической и стихотворной, писали другие.

В таком случае содержание, не вносящее ничего нового, в особенности в стиль, никогда не может вызвать ни интереса, ни восторга. Наоборот, такое произведение похоже скорее на книгу о скучном и отвратительном образе омовения новоявленного богослова.

У Шаме-аш-шуара в касыде имеется ряд очень слабых и редко употребляемых выражений. Употребление подобных слов и терминов можно допустить в прозе, а в поэзии никак невозможно. Например, «азза ве джалла» — это выражение употребляется проповедниками с высоты кафедр мечети. «Алейхумуссалават» — это выражение употребляется чавушами¹, когда паломники отправляются в Кербалу или в Хорасан на богомолье. В этих случаях чавуш идет перед богомольцами и произносит: «Алейхумуссалават». Кроме того, у него встречаются просто бессмысленные слова, которые совершенно ничего не значат.

Примеры двуступиш «Солнца поэтов», в которых с точки зрения размера имеются недостатки...².

Если «Солнце поэтов» скажет, что тяжесть и легкость в стихе есть своего рода перебой и что если он применяется удачно, то поэты его одобряют, так скажите ему, что подобные поэты грубо ошибаются. По нашему мнению, перебой, примененный где бы то ни было, просто может действовать на нервы, и он показывает только лишь беспомощность самого поэта.

Если подобные перебои допускались некоторыми поэтами при династии Газневидов и Сельджукидов, то постепенно эта форма шла на отмирание, и поэты последнего времени от этого совершенно отказались. Если теперь и встречается в стихе перебой, то невольный, значит, поэт этого избегать не мог. К тому же перебои допускаются не в размере «муджтес», которым написана касыда «Солнца поэтов», а в исключительных, особых размерах, и то не более одного-двух раз, к этому часто прибегать нельзя. Если мы и допустим применение перебои, то во всяком случае к стихам, которые с точки зрения размера являются легкими. Но и тяжелые стихи ни в коем случае нельзя считать правильными, ибо их тяжеловесность представляет собой крупный недостаток.

Суруш, похваля пророка и его родных,
Чтобы этим смыть свои грехи.

У этого стиха с точки зрения размера нет недостатка, но содержание его совершенно ничемно. «Солнце поэтов» хочет обмануть и божьих пророков. Он хочет, чтобы в награду за его дребедень ему отпустили бы грехи.

Нет, милейший, извините! У пророков аллаха ум вовсе не схож с умом редактора газеты, которого так мошеннически обманули, что он целый номер своей газеты предоставил для публикации подобной бессмыслицы.

Нет, «Солнце поэтов», грехи тебе не могут быть отпущены. Ты этого и не жди. Если хочешь, чтобы пророк аллаха остался доволен тобою, тогда свято исполний его заповеди и не причиняй вреда своим единоверцам. Мусульманин — человек, который делом и словом приносит пользу мусульманам.

Разъясню смысл этой неясной фразы. Как-то я сидел дома и читал на русском языке биографию Христофора Колумба и историю открытия Америки. Вдруг послышался стук в ворота. Слуга пошел к воротам и принес мне письмо. Оно было написано первым преподавателем восточных языков в Германии, немецким путешественником генералом Фишером, приславшим его через своего слугу. Содержание письма было следующее:

«Друг мой! Ты знаешь ведь, какое мы испытываем удовольствие от встреч с тобой, и за столько дней нашего пребывания в Тифлисе мы с тобой встретились лишь два раза. Ты нас окончательно забыл. С приезжими гостями так не поступают. Прошу завтра в два часа дня зайти к нам в номер, чтобы пообедать вместе и доставить нам удовольствие твоей милой беседой. Твой друг Фишер».

На другой день в назначенное время я пошел к генералу Фишеру. Из знатных людей города в этом обществе было еще пять человек. Сели за стол, пообедали, потом предались беседе. Во время беседы генерал Фишер спросил меня:

— Что означает на арабском языке слово «хашарат»?

Я ответил:

— Как пишет автор словаря, оно означает — мелкие мошки, насекомые, а по богословским книгам, «к хашарату относятся змеи, крысы, полевые мыши, жуки и прочие мелкие животные». В переносном же смысле оно от-

носятся к глупым, диким, бестолковым, невоспитанным людям, варварам по характеру.

Он заметил:

— Ты хорошо сказал. Теперь во имя дружбы скажи правду: в Коране или в изречениях Мухаммеда имеется ли намек на то, что, кто не исповедует ислама, тот является «хашаратом»?

Я ответил:

— Абсолютно исключено, боже упаси, ни в Коране, ни в изречениях Мухаммеда намек на это не имеется. Но в Коране порою можно встретить термин «ан'ам». Однако это не выражает собою понятия «хашарат», потому что имеется специальная о превосходстве рода человеческого сура: «Мы были благосклонны к роду человеческого, оберегая его и на суше и на море, даровали ему наилучшие яства и отдавали дань его превосходству перед всеми прочими нашими созданиями». По моему мнению, этот стих относится к вам, ибо сегодня и море и суша покорены вами. Вы пользуетесь всякими дарами божьими. По-настоящему с точки зрения могущества вы стоите выше других народов мира. Как же можно называть вас хашаратом? Но мы не исповедующих нашу веру считаем отступниками, гяурами и полагаем, что они будут подвержены мукам на том свете.

На это генерал ответил:

— Это особого значения не имеет. Пусть после смерти уделом нашим будет ад. Мы этого не боимся, и такое ваше убеждение несколько нас не оскорбляет. С другой стороны, мы тоже отрицающих нашу веру считаем заблуждающимися. Никто не скажет, что его пахтанье кисло; но чего мы хотим? Мы хотим, чтобы вы на этом свете нас не считали пресмыкающимися.

Я сказал ему:

— Судары! Когда мы вас называли пресмыкающимися?.. Как можно, чтобы мы говорили о вас «пресмыкающиеся», когда мы так нуждаемся в вас, учимся у вас наукам и искусствам, перенимаем от вас ремесла, пользуемся вашими изобретениями, употребляем ваши товары, мануфактуру.

Клянусь, мы так расположены к вам, что если бы это зависело от нас, то после вашей смерти мы не допустили бы, чтобы вы корчились в огне ада. Что же мне делать, когда это не в наших силах? Я надеюсь, что эту нашу

слабость вы нам простите и не сочтете нашей неучтивостью и нерадивостью.

Фишер долго смеялся и затем ответил на это:

— Я охотно тебе верю, но что ты скажешь на это двустинис?

Всё, кто следует за ним и его родней,

Считаются людьми, а прочие — пресмыкающимися.

Таким образом, выходит, что повинующиеся вашему пророку — люди, а мы — пресмыкающиеся?

Я ему на это заметил:

— Где же вычитали вы это двустинис? До сих пор ни в одном сборнике стихов ничего подобного я не встречал.

Фишер ответил:

— Пожалуйста, вот в этой касыде, — и протянул мне газету.

Это на меня так подействовало, что кровь ударила мне в голову. От стыда я опустил голову. Меня охватило какое-то оцепенение.

После некоторого молчания, слегка очнувшись, я извинился и сказал, что это не поэт. Не обращайтесь внимания на его касыду. Из его касыды легко можно сделать вывод, что поэтическим чутьем он вовсе не обладает.

Фишер ответил:

— То есть почему не обладает поэтическим даром, когда в наш век он именуется Шамс-аш-шуара? Выходит, что он является главой всех поэтов.

Я ответил:

— Нет, не думайте так. У нас таков обычай, мы сами выбираем себе псевдоним, но при этом не заботимся, чтобы значение его соответствовало нашим действиям.

Фишер ответил на это:

— Что это значит? Допустим, что у вас это так водится. Но ваши обычаи не могут быть вашим оправданием перед другими народами. Поэтому современники иранского народа, другие иноземные народы во всяком случае будут придавать соответствующее значение этому псевдониму и скажут, что государственные люди Ирана в наш век настолько еще не сведущи в стихотворном искусстве, что подобного человека называют Шамс-аш-шуара. Будущие поколения иранского народа по сравнению с настоящим временем станут образованными, куль-

турними, приобщается к науке. И когда они в истории литературы нашей эпохи прочтут стихи такого бездарного поэта, они пожалеют о том, что их отцы считали такого поэта главой всех поэтов их времени и даже присвоили ему такое прозвище, которого достойны лишь Фирдоуси, Низами и Хафиз. Если и в самом деле этот поэт, как ты говоришь, сумасшедший, так он в сумасбродстве не одинок. По моему убеждению, и редактор газеты такой же сумасброд, ибо чем объяснить, что такую дребедень и бестолковщину он поместил в своей газете и распространяет не только в своей стране, но даже и за ее пределами?

В настоящее время газета иранской нации «Миллет» рассылается по все государства Европы. Ее читают во всех столицах европейского континента.

Скажите на милость, обзывая нас ханшаратами, какую пользу для иранского народа этот поэт хочет извлечь из подобного оскорбления? Ясно, что вы не имеете в виду буквального значения слова, потому что мы на самом деле не мыши и не ящерицы. Вы употребляете это в переносном значении. Выходит, что в вашем представлении мы безумные, бестолковые, дикие, варвары, недоросли, недотепы. Вот кто мы в вашем представлении. Скажите сами по совести, мыслимо ли, чтобы Вольтер, Монтескье, Руссо, Дюма, Гумбольдт, Луврие, Уатт, Фенелон, Бокль, Шекспир, Вольтер, Байрон и другие философы, ученые, писатели, поэты, историки и изобретатели Европы считались бы варварами? Таких великих людей за людей не считать, а бестолковых, бесполезных, подобных Сурушу, считать людьми высшей категории? Можно ли с этим примириться? Такая характеристика, данная нам поэтом нашего народа, вовсе не роняет нашего достоинства. Скорее, она роняет ваше собственное достоинство, ибо мы ведем на вас будем смотреть как на людей чванливых, мы будем смотреть на вас свысока, будем считать ваш ум неразвившимся, детским и будем смеяться над вами.

На это я ему ответил:

— Вы правду говорите, редактор газеты не должен печатать такую чушь, бестолковщину. Но вы не очень ругайте редактора. Это истукан-поэт просто обманул, подвел его, заставив напечатать такую белиберду и нелепость. Не может быть, чтобы редактор не понял смысла

этого двуступища, но он на это пошел, чувствуя приращение и определенное давление. Это факт, что тегеранские редакторы как-то боялись придворных поэтов, с которыми не могут не считаться. С помощью алаха, я уверен, что со стороны редактора таких упущений в дальнейшем допускаться не будет.

На этом наша встреча закончилась, и, когда я вышел из номера генерала Финера, я всю дорогу твердил:

— Эх ты, Суруш, Суруш, что ты наделал, в какое неудобное положение ты нас ставишь! Как ты сравнишь нас! Чтоб тебе ни дня ни покрывки! Какая тебе польза от твоих нелепых, бестолковых рассуждений? Как ты не понимаешь, что своих единоверцев ставишь, и целое положение, делание их missione для упрёков! Из-за твоей глупости мы должны слышать оскорбительные слова по нашему адресу. Почему? Какая польза от того, если ты наживешь нам врагов? Такие, как ты, просто наш позор, не меньше. С одной стороны, ты изрексяшь проклятия, поносил халифов, издававшихся над ними, печатаешь это и распространяешь в Афганистане, Индии, Туркестане, Руме и на Кавказе и тем самым предаешь наши тайны, нашу кровь и имущество народов этих стран и жителям Дагестана. С другой же стороны, считая все народы мира поганями ханшаратами, считая их вероотступниками, общение с которыми недопустимо шариазом, есть с которыми из общего котла или приготовленную ими пищу запрещено, тем самым прививаешь и нам неприязненное и пренебрежительное к ним отношение. И как будто весь мир — это шиновник, кругом только шины и лишь ты один среди них букет махровых роз.

Даже не знаешь, куда от тебя бежать, куда голову девать. Следствием такого твоего отношения к другим народам будет то, что мы сами изолируем себя от всех народов мира и они вынуждены будут думать, что мы исчезли из этого мира.

Вернувшись домой после посещения генерала Финера, я начал писать эту критику, но так был душевно подавлен, что даже не знаю, что вышло из-под моего пера.

Мой дорогой брат редактор! Чтобы другие извлекали отсюда назидательный урок, тебе надо эту критику поместить в нескольких номерах своей газеты и распространить внутри страны. Но ни в коем случае ни одного

из этих померов не посылать за пределы страны. Сурушу же скажешь, чтобы в дальнейшем он перестал заниматься такими вещами.

Пусть страшится он моего отточенного пера
Как острого меча, что проливает кровь.

Кроме этого, тебе надо понять назначение и цель газеты «Миллет». Например, в газете «Миллет» первым делом ты должен освещать вопросы внешней политики.

Второе: ты должен в своей газете освещать все мероприятия иранских государственных руководителей, касающиеся порядка и дисциплины в стране и пользы народа и иранского государства.

Третье: некоторые телеграфные сообщения ты должен помещать четким шрифтом.

Четвертое: ты должен освещать вопросы внутреннего порядка и события местного значения. Например, на страницах твоей газеты должно быть отмечено, какие размеры приняла холера в Тебризе, чем объясняют врачи причину возникновения холеры, содействуют ли ее прекращению принятые меры, дает ли лечение ощутительные результаты. Надо уточнить и написать, сколько погибло людей от холеры и сколько выздоровело из числа зараженных этой болезнью. Ты должен на страницах своей газеты разоблачать, стыдить всех должностных и высокопоставленных лиц, которые при возникновении этой болезни раньше всех покинули свои места и тем самым вызвали панику и смятение среди населения.

Разоблачать всех, которые в трудные для страны минуты думали лишь о благополучии своей личной особы, бичевать их за то, что, получая громадное жалование, они оставили без призора подданных государства. И наоборот, ты в своей газете должен приносить благодарность тем, кто в опасное время воодушевлял народ; ты должен писать с благодарностью о тех должностных и высокопоставленных лицах, которые в трудные минуты не покинули края, проявляя заботу о народе, и благополучие всего народа предпочли собственному благополучию. Например, нужно отблагодарить и отметить самоотверженность таких людей, как панбульвузара¹ Мирза Абдулвахаб-хан, который, будучи молодым, будучи доволен тем, что наслаждающимся жизнью, в трудную минуту вовсе не побоялся больных и не подумал о благо-

получии своей особы, а показал образцы подлинного героизма и самоотверженности. С самого возникновения холеры вплоть до ее исчезновения он не покидал центра и исполнил свой святой долг перед родиной и народом.

Пятое (самое главное и основное): ты должен печатать свое мнение и взгляды, а также мнения, предложения, советы и мероприятия других, касающиеся прогресса и развития торговли и земледелия Ирана, вопросы, связанные с выявлением и эксплуатацией его несметных неископаемых богатств, вопросы организации орошения до сих пор не орошенных пустынь, мероприятия, касающиеся науки, знаний и промышленности, в особенности открытия школ и воспитания детей, — словом, все это освещать в своей газете.

Согласно утверждению Катиба Челяби европейские народы, опираясь на науки (на самые основные из них — математику и географию), захватили все части света и во всех уголках земного шара проявляют предприимчивость и являются хозяевами положения. Вот в связи с этим вопросом, чтобы заинтересовать читателя, а самое главное, чтобы вызвать живой интерес у молодежи к наукам, надо в своей газете отвести место для жизнеописания виднейших ученых, философов, врачей, поэтов и знаменитых полководцев. Ты можешь писать об их произведениях, мыслях, доблести, отваге, освещать отдельные эпизоды из их жизни. Ты должен помещать критику, написанную тобою или другими лицами по поводу мероприятий государственных людей, высшего начальствующего состава войска, правителей областей и провинций, ибо твоей газете присвоено право свободно выражать свои мысли. Твоя газета по мере возможности даже обязана освещать действия государственных людей, начальствующих лиц, правителей, военачальников, всех людей, занимающих ответственные посты, и ученых. Например, в Мазандаране совершаются убийства подданных шаха еврейского происхождения. Твоя газета должна разоблачать всех тех, кто поддерживает этот произвол².

* Чтобы раздобыть эти новости и сведения о событиях, ты должен во всех областях и городах иметь платных работников. Они в соответствии с твоим заказом должны собирать из всех областей и стран сведения и еженедельно все это отсылать тебе. Таких людей

Пусть такие люди узнают, что их подстрекательства и бесчинства не останутся тайной и что они сделаются предметом общественной гласности. Пусть они в дальнейшем, боясь общественной гласности, поостерегутся самих себя порочить. Пусть они при исполнении своих обязанностей не выходят за рамки законов своего государства, не делают ничего противоречащего воле и желанию своего шаха, своего прямого начальства. Пусть они свои действия и поступки сочетают с истинным патриотизмом. Они не должны выходить за рамки справедливости, а делать все по совести.

Кроме этого, в дальнейшем необходимо, чтобы твоя газета печаталась не литографским способом и разными почерками, как до этого, а в типографии, подобно тому как Манучехр-хан отпечатал несколько своих книг. Литографский способ печатания — это срунда, никуда не годное дело. Не говоря о том, что при литографском способе печатания получается множество ошибок, отметим беду худшего порядка: зачастую слова выходят неясно, а, отпечатав тысячу или более экземпляров, буквы на камне стираются и текет приходит в полную негодность.

Итак, если ты будешь выпускать свою газету таким образом, то с течением времени количество твоих читателей возрастет до десяти и более тысяч. Тогда и ты из этого будешь извлекать большую выгоду и народу сослужишь огромную службу.

Да хранит тебя аллах!

Поляковник Мирза Фатали Ахунд-заде

1866 г.

по-французски называют корреспондентами. Ты должен выпросить у правительства разрешение, чтобы почтовые отделения посылали все письма на твое имя бесплатно.

Дорогой брат Мирза-Ага! Да продлит Вам бог жизнь Вашу!

Я получил Ваше любезное письмо. Полностью прочел Ваши произведения и воздал Вам тысячу похвал. Я в восторге от них. Меня волнует Ваше реченье, Ваш вкус и стиль. Я надеюсь, что Вы посвятите весь Ваш досуг этому благословенному искусству, которое у европейских народов называется драматургией. Надеюсь также, что Вы в дальнейшем достигнете еще больших высот и станете путеводителем для Ваших соотечественников, друзей и единомышленников.

Но дело в том, что это только начало Вашего литературного поприща, и мне следует указать некоторые недостатки в Ваших произведениях, для того чтобы в последующих произведениях они не имели больше места. Я считаю это необходимым, чтобы в дальнейшем не было пробелов в Ваших произведениях, чтобы никто не смог найти недостатки в них и чтобы они нравились и знатым людям, и простому народу.

Прежде чем начать о недостатках, надо уяснить себе, что такое театр.

Театр — это высокий и обширный зал, внутри которого на двух боковых и задней стенах внизу и наверху расположены ложи для зрителей, обращенные к четвертой стене, где расположена сцена. Население страны, представители различных классов начиная от знати, купцов и кончая ремесленниками, мужчины и женщины, уплатив за вход в театр, когда они этого захотят, располагаются в этих ложах и креслах, расставленных в пар-

тере, и созерцают сцену. Иногда и властелин страны со своей женой и детьми тоже приходит в театр и располагается в принадлежащей его особе ложе. Тогда мастера сцены, которых по терминологии европейцев называют актерами, приходят на сцену в различных костюмах и дают заранее придуманные представления. Зрители же слушают их разговоры, которые они ведут между собою.

Поэтому в содержании пьесы нецензурных слов, неприличных выражений, а равно и непристойных движений не должно быть вовсе. Таким образом, в пьесе «Ашраф-хан» такие выражения, как отхожее место, кал и т. д., не должны иметь места, а потому эти выражения должны быть заменены.

Теперь приступим к недостаткам.

Первый недостаток. Условия искусства драматургии требуют, чтобы из разговора каждого действующего лица можно было вынести ясное и определенное представление о его деяниях.

Например, если автор указывает, как должно вести себя в данном случае на сцене какое-нибудь из действующих лиц драмы, то его имя не надо проставлять отдельно над строкой, а следует поместить рядом со строкой, где говорится о действиях данного лица. Когда же передается разговор одного из действующих лиц, тогда его имя должно быть помещено отдельно, над строкой.

Второй. Имя каждого участвующего в пьесе лица, если оно действует или если в пьесе помещены его слова, должно быть упомянуто в начале пьесы.

Например, в Вашей пьесе имя матери Сары — Шерфинсы вначале не значится, а также не упоминается там и имя Фарамерз-бека, по которым можно было бы составить себе представление о том, кто такая Туты-ханум (тетя).

В пьесе «Ашраф-хан» также не упомянуты вначале имена некоторых действующих в пьесе слуг.

Третий. В драматургическом искусстве существует порядок, согласно которому, если возможно, все участники пьесы концентрируются в одном месте, и если всех их в конце представления собрать не представляется возможным, то необходимо собрать по крайней мере две трети всего состава действующих лиц, чтобы они смогли довести до конца свои мысли и закончили пьесу.

Но в Ваших пьесах в конце представления действующие лица не собираются вместе.

Четвертый. Целью драматургического искусства является облагораживание нравов людей, показ поучительных примеров зрителю или читателю. Если это так, то крайне необходимо, чтобы при Ашраф-хане Аравии находился советник, который предлагал бы Ашраф-хану давать нуждающимся деньги, напоминал бы, как следует обходиться с подданными.

Например, в начале Вашего произведения Вы пишете, что ахунд Молла Мохсун является советником Ашраф-хана и учителем его сына и что Ашраф-хан взял его с собой в столицу.

И вот когда Ашраф-хан сетует на первого государственного сановника и мустоуфи Террар-хана за гнет и произвол над населением, то ахунд Мохсун должен сказать ему:

— Хан! Не говорил ли я вам неоднократно, что нельзя обходиться так жестоко со своими подданными, не берите на душу греха. Плач и стелания этих несчастных не останутся без возмездия.

Пользуясь каждой возможностью, необходимо различными средствами, разнообразными выражениями раскрывать перед зрителями деяния Ашраф-хана в Аравии. В ответ на наизидания и наставления Молла Мохсуна Ашраф-хан всячески должен показывать, что глубоко раскаивается в содеянном им зле в Аравии.

Кроме этого, надо построить пьесу так, чтобы Ашраф-хан лишился всех своих средств, чтобы он залез в долги, чтобы он начал даже испытывать нужду. Надо показать, как он от всей души, искренне раскаивается во всем, что сотворил в Аравии, что мысль о допущенном им произволе снедает все его существо, что он испытывает угрызения совести. Надо показать, что он больше не хочет облачаться в одежды властителя. Надо построить пьесу так, чтобы Ашраф-хан отказывался быть повелителем, чтобы он отказался от власти, завершившейся для него горем, тяжелыми переживаниями, раскаянием в своих деяниях.

Пусть он в Вашей пьесе даст обет богу, что если он переживет эту катастрофу, то удалится в свое наследственное имение. Пусть он обещает богу, что с презрением будет смотреть на славу, титул, величие и

пышность двора, столь беспорядочного и не пользующегося у населения доверием, и что он, почувствовав ко всему этому отвращение, будет вести до конца своих дней жизнь отшельника, предаваясь раскаянию. После этого как-нибудь освободите его от отшельничества.

Из этой пьесы нужно выкинуть повествование о Секиншей-Каши. Ашраф-хана надо представить человеком приличным и умным. Посланный от старшины пусть требует у него денег по другим мотивам.

С другой стороны, сделайте в Вашей пьесе так, чтобы шах разгневался по какому-нибудь поводу на первого государственного сановника и на Террар-хана. Пусть шах велит отнять у них все имущество, все земли и угодья, пусть лишит их чести, сделает нищими.

Пусть, как это мы неоднократно наблюдали, они будут лишены благ мира сего и потустороннего.

Кто не знает о печальном конце Мирзы Ибрагим-хана Ширази, Мирзы Абульгасима Фархани, Мирзы Таги-хана, Мирзы Ага-хана и других?

Таким образом, Ваше произведение станет по значимости первым во всем Иране, будет полноценной пьесой, откуда извлекут себе урок как читатели, так и зрители при представлениях.

Пятый. Друг Ваш, который напомнил Вам рассказ Шейха-Саади о лиснице, прав. Писать такие вещи о современниках и распространять их — дело опасное. В особенности это неуместно в такой стране, как Иран, где совершенно отсутствует свобода в деле обнародования произведений лучших мыслителей страны. А что же тогда делать? Это очень важный и сугубо актуальный вопрос. Писать об этом как раз и надо...

С этим легко справиться. Перенесем в отдаленное прошлое это событие, в период правления Шах-Султан-Гусейна Сефевиды, в царствование которого не было ни порядка, ни дисциплины. Мы это представим так, будто Ашраф-хан приезжает из Аравии в его царство и здесь с ним происходит эта катастрофа. Тогда никто к Вам и придираться не сможет, а современники Ваши сделают себе соответствующий вывод.

Предположим, что случайно вокруг этого завяжется дискуссия, найдутся, положим, люди, которые скажут, что Шах-Султан-Гусейн был очень сдержанный, невозмутимый человек и не мог разгневаться на первого го-

сударственного сановника и на Террар-хана; тогда им можно ответить, что, несмотря на свою сдержанность, Шах-Султан-Гусейн все же сделал своего первого сановника несчастным и умертвил многих из знати.

Гнев не всегда является результатом или следствием злобы. Его иногда порождают апатичность, вялость, отсутствие порядка и дисциплины.

Однако если его личность сможет вызвать недовольство, тогда вместо него назовите другого шаха, но только не Шах-Аббаса, ибо в его царствование были дисциплина и порядок.

Если имя Ашраф-хана известно среди его современников, тогда замените его другим. Например, назовите Гейдар-ханом или Рустам-ханом. Что же касается столической знати, пусть это будет Исфаган.

В Вашей пьесе не должен быть забыт и еще один момент — ночная беседа Ашраф-хана со своим слугой.

Тут надо показать и рассвет, и наступление дня для того, чтобы Ашраф-хан мог пойти в канцелярию. Ведь не ночью же он пошел в канцелярию?

Кроме того, всюду и всегда необходимо описывать место и положение действующих лиц в пьесе. Например, Ашраф-хан намеревается отправиться в канцелярию первого государственного сановника. Тут Вы должны дать описание канцелярии, чтобы мастера драматического искусства, то есть актеры, которые на сцене воспроизводят событие, могли бы произвести на сцене изменения согласно Вашему описанию. Надо, чтобы актеры моментально превратили сцену, показывающую апартаменты Ашраф-хана, в канцелярию первого сановника. Вот это Вы тоже должны учесть.

Шестой. Из всех ваших пьес хорошо и очень занимательно повествование о Кевкеб и десятинике Касиме. Вы лучше назовите эту пьесу «Приключения десятиника Касима и Кевкеб», ибо в этой пьесе роль Заман-хана не такая уж большая. Потом сделайте так, чтобы Хаджи-Раджаб раскаялся в своих деяниях, чтобы он совершенно оставил прелюбодеяние и пьянство. Кроме того, вы покажите его несколько более молодым!

С другой стороны, известно, что внимание читателя привлекало к Кевкеб. Поэтому вы еще сильнее и выразительнее подчеркните ее красоту, сделайте ее более привлекательной. Покажите с большей убедительностью,

как она, заподозрив Хаджи-Раджаба в увлечении Тавус, прекратила с ним встречаться. Хаджи-Раджаб не по своей воле удалился от Кевкеб и вовсе не увлекался Тавус. Он переживает, тоскует, изнывает по Кевкеб. В конце концов сделайте так, чтобы Кевкеб, плененная щедростью и доблестью Хаджи-Раджаба, почувствовала стыд и раскаяние, что мучила его, делая вид, что пренебрежала его и будто отдалилась от него как обидевшаяся.

Перестройте свою пьесу так, чтобы Кевкеб, видя бесконечный произвол и злодеяния оголтелых, беззастенчивых туняйцев-правителей, заботящихся только о благополучии своей собственной особы, в отчаянии сказала бы Хаджи-Раджабу:

— Какие эти правители изверги и бесчестные, какие они низкие! Вместо того чтобы содействовать процветанию и развитию торговли, сельского хозяйства, благоустройству сельских местностей, самим извлечь из этого выгоду и другим приносить пользу, они изощряются в удовлетворении своих прихотей и обеспечении своего благополучия за счет населения, за счет нас, несчастных.

После этого пусть Кевкеб обратится к Хаджи-Раджабу с просьбой взять ее в прислуги, оформить свой брак с ней кебином¹, не отказать ей в куске хлеба и избавить ее от оков этих посетителей низких страстей, от этих туняйцев, ибо этим самым Хаджи-Раджаб избавит ее от позора, мук и терзаний в аду. Покажите, что Хаджи-Раджаб этого и желал, что восторгам его не было конца и он с большим удовлетворением соглашается на это. На этом пусть пьеса и кончается.

Все это должно быть изложено занимательно, надо подобрать убедительные выражения, с тем чтобы воздействовать на читателя и на зрителя. Надеюсь увидеть силу Вашего пера в подборе таких слов. Но Кевкеб не должна открывать Хаджи-Раджабу, что она прикидывалась ревнивой и пустила в ход хитрость, иначе любовь перейдет в ненависть.

Если я послужил причиной новых хлопот для Вас, не отчаивайтесь и не стремитесь к тому, чтобы быстрее отделаться и скомкать Ваше произведение. Это ведь труд. Он веками будет жить после Вас. Литературное произведение должно быть отделано четко и стройно,

оно должно быть свободно от недостатков. Оно должно быть привлекательным и по форме, и по содержанию.

Кроме этого, нужно одновременно иметь в виду и житейские моменты — выгоду этого дела. Например, если Ваше произведение будет иметь успех, будет содержательно, художественно, если оно остановит на себе внимание общественности, то оно разоидется в тысячах экземпляров. Какое же другое занятие может быть лучше и выгоднее этого дела?

Разврат, как явление в обществе позорное и низкое, не может быть представлен на сцене, этика драматургии этого не позволяет, но говорить об этом — зло не такое большое, ибо зачастую источником гнусных вожаков правителей Вашей страны служат именно подобные омерзительные явления, и указывать на эти явления и события сугубо важно.

С другой стороны, нельзя себе представить, чтобы эту пьесу можно было поставить в Иране, ибо и театр там еще не создан. Повествование о Кевкеб в особенности написано занимательно и хорошо. С точки зрения хитрости и принятия меры против этой хитрости повествование импонирует драматическому искусству, за исключением одного момента.

Слушайте.

По указанной мною причине приключения Кевкеб нельзя производить на театральной сцене, но так как это ее приключение также написано в виде драмы, то ее необходимо передать в полном и обязательном соответствии со всеми требованиями, какие нам предъявляет драматургия. Избегать и игнорировать эти требования не представляется возможным. Читатель не должен прийти к мысли, что автор не имеет представления о драматическом искусстве.

Что упущено в Вашем изложении в приключениях Кевкеб?

Я это вам сейчас скажу.

Кевкеб пишет письмо Хаджи-Раджабу, но не читает его Агабаджи. А Хаджи-Раджаб это письмо читает в караван-сараях, причем читает про себя, чтобы не расслышали Езданбахш и прочие люди, находящиеся в караван-сараях. Таким образом, сидящие в зале зрители не слышат и не знают, о чем пишет Кевкеб Хаджи-Раджабу. С другой стороны, и Хаджи-Раджаб пишет письмо

Кевкеб и не может прочесть его Агабаджи в караван-сараяе. Агабаджи приносит и передает Кевкеб ответ Хаджи-Раджаба. Но Кевкеб тоже не читает Агабаджи ответа Хаджи-Раджаба. Таким образом, для зрителей опять-таки остается непонятным, что же ответил Хаджи-Раджаб Кевкеб.

Надо внести следующее исправление.

После того как Кевкеб кончила писать письмо, она обращается к Агабаджи:

—Послушай, Агабаджи, что я написала Хаджи-Раджабу.

Она читает написанное ею письмо. Потом Агабаджи удаляется. После ее ухода согласно Вашему описанию сцена меняется и теперь изображает караван-сарай и комнату Хаджи-Раджаба.

Когда Агабаджи приносит ответ Хаджи-Раджаба, Кевкеб опять обращается к ней:

—Послушай, какой ответ написал мне Хаджи-Раджаб!

Кевкеб читает ответ Хаджи-Раджаба. Здесь также обстановка на сцене должна быть изменена. Зритель вновь видит жилище Кевкеб. Таким образом, присутствующие в театре имеют полное представление о том, что писала Кевкеб и что ответил Хаджи-Раджаб. Письмо Хаджи-Раджаба нет необходимости читать в караван-сараяе. Достаточно лишь показать, что Хаджи-Раджаб, написав, передает его Агабаджи, содержание же его становится известным, когда письмо читает Кевкеб.

Обращаю Ваше внимание на то, что слова Агабаджи: «Будь проклят родитель хитрых и коварных женщин», произнесенные ею по дороге, до зрителя не доходят. Этот недостаток можно устранить так.

Например, пусть Агабаджи эти слова произносит не по дороге. Пусть она, входя в комнату Кевкеб, которая в это время находится или во дворе или на кухне, в ее отсутствие произносит: «Будь проклят родитель хитрых и коварных женщин» и пр.

Таким образом, сидящие в зрительном зале слышат слова Агабаджи, а вслед за этим в комнату входит Кевкеб.

В общем такие моменты Вы должны всегда иметь в виду. Вы все время должны иметь в виду зрителя в театральном зале. Например, когда Ашраф-хан входит

в судилище, он произносит: «Бисмиллах» («Во имя бога!»), а потом добавляет: «Боже милосердный, избавь ты меня от этих кровожадных волков», — сидящие в театре должны слышать эти слова.

Таким образом, его действие, заключающееся в том, что он входит в судилище первого сановника, надо дать отдельно от его диалога.

Кроме всего этого, отметьте, что приключение Кевкеб, хотя и написано в форме драмы, все же рассчитано больше на читателя, чем для театральной постановки, ибо по некоторым его свойствам оно не подходит для театрального представления.

Говоря это Вам, я вновь имею в виду требования драматургии, и Ваш читатель и зритель хорошо должны понять то, что известно и Вам, что проституция и разврат — явления аморальные.

Хочу обратить Ваше внимание еще на одно обстоятельство, а именно: в тот момент, когда Кевкеб у себя в комнате пишет Хаджи-Раджабу, а также когда Хаджи-Раджаб в караван-сараяе в своей комнате пишет письмо Кевкеб, на сцене не должно царить молчание. Когда Кевкеб пишет письмо Хаджи-Раджабу, Агабаджи должна вести беседу со служанкой до тех пор, пока Кевкеб не закончит своего письма.

Точно так же, пока Хаджи-Раджаб не кончит писать свое письмо Кевкеб, Вы займите Езданбахша и Агабаджи, пусть между ними завяжется разговор. Это обстоятельство Вы должны учесть. Другими словами, пока занавес на сцене не спущен, зритель не должен видеть сцены, где царит молчание. Зрители постоянно начеку, они прислушиваются ко всем разговорам, а потому молчание и тишина на сцене не могут иметь места ни при каких условиях.

Сельмой. В пьесе «Ага-Хашим» Вы выставляете его бедным, пеннущим. Сделайте так, чтобы он у вас по крайней мере был умным, грамотным и самолюбивым, ибо читатель и зритель — оба должны быть настроены к нему благосклонно. Тогда они захотят видеть его счастливым. Показывать его подвергающимся телесному наказанию, как свихнувшегося, нет надобности, не советую.

Кроме того, не посылайте его возлюбленную к роднику за водой. Устройте их встречу в таком месте, чтобы

это не было оскорбительно для их достоинства. Помимо того, Сара кажется девушкой развязной и вульгарной, как сузманийцы, и даже хуже их.

Такая характеристика, противоречащая природе девушки, вовсе не отвечает и требованиям драматургии. Покажите Сару застенчивой и скромной. В соответствии с этим измените тон и характер ее обращения со своей матерью и остальными окружающими. Вычеркните то место в Вашей пьесе, где она курит опиум, вырывает из своей головы клоч волос и целует ноги Гюльбандабаджи. Это слишком вульгаризует и позорит молодую девушку. Сара может говорить свободно только с Ага-Хашимом и говорить то, что велит ей ее душа.

Дорогой брат мой Мирза-Ага!

Крупная ошибка Ваша, противоречащая основам драматургии, заключается в словах и выражениях Хаджи Пир-Гули, обращенных к Ага-Хашиму. Он говорит: — Я сам женюсь на своей дочери Саре и ни за кого ее не выдам!

Это ужас!.. Может ли на сцене европейского театра отец так говорить о своей родной дочери?! Конечно, измените это выражение!

Кроме всего сказанного, надо же найти в пьесе выход для Ага-Хашима! Сделайте так, чтобы он перестал быть нищим.

Например, устройте ему свадьбу, соберите туда несколько его знакомых и друзей и во время свадебного пиршества пусть придет к нему ферраш от губернатора и скажет:

— Ага-Хашим! Твой дядя, проживающий в Астрахани, скончался.

Так как у него не было наследников, то торговое предприятие, все свое богатство, состоящее из пятидесяти тысяч туманов, он завещал тебе. Все это переведено на имя рещтского консула. Тебе надлежит явиться туда получить это наследство. Поздравляю тебя!

Раздаются радостные возгласы сидящих на пиршестве друзей и знакомых, и пьеса этим заканчивается.

Восьмой. Пьеса Ваша «Приключения Шах-Гули-Мирзы» с начала и до конца не выдерживает критики. Она неудачна. Бросьте лучше ее в камин. Человеку мыслящему и умному вовсе не подобает писать такие вещи.

Иредж-Мирза поступил гадко и опозорил своего дядю. Вот и все.

Подобные вещи не представляют собой общего явления в человеческом обществе. Это просто неуместная и неостроумная выходка и, как таковая, противоречит основам драматургического искусства. Подобные вещи никак не могут отвечать эстетическим чувствам зрителя. К тому же это особенно сильно шокирует одного из членов царствующей династии и даже сопряжено с риском.

Льшу себя надеждой, что Вы внесете исправления в Ваши произведения, напечатаете и распространите их среди населения. Этим самым Вы сослужите службу своему народу; и дальше продолжайте заниматься драматургией. И еще привлекайте молодое, подрастающее и способное поколение к тому, чтобы оно на Ваших произведениях училось писать и само могло постигать драматургическое искусство. Пусть молодые драматурги будущего создадут в этой области искусства, считающегося у европейцев самым почетным из искусств, нечто новое, монументальное. Пусть они совершенствуют это искусство. Может быть, в результате Вашего благого начинания это прекрасное дело, новая форма творчества станет популярной в народе и народ полюбит театр.

В Европе служители этого благородного искусства, каждый согласно своему дарованию, стали знаменитостями. Их имена покрылись ореолом всеобщего почта, и они стали близкими ко двору властелина людьми. Эти драматурги стали дороги для своего народа, в воздаяние за их творчество народ воздвигает им монументальные памятники. Среди таких любимых и почитаемых народом лиц красуются бессмертные имена Мольера, Шекспира и других. Нет возможности перечислить всех.

Времена «Гюлистана» и «Зинат-уль-маджалис»¹ канули в вечность. Сегодня такие произведения не могут уже принести народу пользу. Ныне полезными, отвечающими вкусу читателя и интересам наши произведения являются драма и роман. Роман в свою очередь является частью драматического искусства, всестороннее объяснение которого требует времени. По этому поводу Вы обратитесь к европейцам, в посольствах которых Вы состоите на службе. Они Вам об этом расскажут подробнее.

Сообщите мне, дошли ли мои письма до Вас, и в дальнейшем не откажите в любезности писать мне. Клянусь дорогой жизнью Вашей, я до того рад Вам, до того проникся к Вам любовью, что на расстоянии целую Ваши глаза.

Ваш брат *Мирза Фатали Ахунд-заде*

28 июня 1871 г.
Дача Коджоры, близ Тифлиса

О МОЛЛАЙИ-РУМИ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИИ

Уважаемый мною господин Шейх-уль-Ислам!

Я прочел «Месневи» с начала до конца. Поэтому, придерживаясь метода европейских писателей, я высказываю о Моллаи-Руми и его сочинении свое мнение. Такого рода высказывания не приняты у народов ислама, но в Европе не выйдет ни одно сочинение, чтобы о нем и его авторе не высказаны были должная хвала, или порицание, или то и другое вместе.

Действительно, такая внимательность и тщательность — очень хорошая манера, которая предоставляет возможность читателю относиться вполне прозорливо и проницательно к появившемуся сочинению и к его автору.

Так как в этом крае из народов ислама никого, кроме вас, как человека со вкусом в этом отношении я не знаю, то поэтому сообщаю вам об этой манере, дабы вы были осведомлены о ней и в случае надобности ознакомились бы с ней других лиц, обладающих таким же вкусом.

Теперь перейдем к цели.

Моллаи-Руми — незаменимый ученый и бесподобный мудрец, владеющий в совершенстве персидским и арабским языками, досконально знакомый со стихами Корана и преданиями о пророке; убеждения его сходны с убеждениями индийских философов, то есть он пантеист, он признает вселенную исходящей от единого света. Этот свет он предполагает в виде моря, в сравнении с которым все мироздание и все видимое представляют собой лишь капли и волны.

Это море будто и есть «целое бытие», а все прочие творения и все видимое составляют лишь частицы этого целого, которые, отделяясь на некоторое время от этого моря в виде капель и волн, вновь возвращаются к нему и соединяются с этим «целым бытием».

Но ошибка его заключается в том, что он приписывает этому «целому» волю и желания. Вот один из аргументов его по этому поводу: «Не спадет ни одного листка, чтобы оно того не знало». Будто это «целое бытие» по своему желанию и воле наделило частицы количеством и назначением. Итак, эти частицы должны заботиться о том, чтобы после некоторого странствования опять вернуться к «целому» и слиться с ним, и будто основным средством этого соединения является фенá¹, то есть уничтожение, ибо вечное существование будет происходить через это уничтожение.

Еще другая его ошибка заключается в признании этого фенá. Это пустой, бессмысленный звук. Ни философы Индии, ни философы ислама не смогли постичь смысл его; тот, кто слышал о нем, претендовал, однако, на разумение его якобы смысла*.

Говорят, будто это убеждение впервые было распространено Буддой, который считал фенá средством к соединению с «целым бытием». Но какова должна быть эта тленность (фенá), возможна ли она и что она собой представляет, на эти вопросы никто не в состоянии дать ясный, исчерпывающий ответ.

Точно так же и почтенный пророк говорит согласно верованию индийских философов: «Умирайте, прежде чем умрете». Быть может, сам пророк знает смысл этого выражения, но остальным людям непостижимо его понимание, особенно если оба слова о «смерти» будут употреблены в данном предложении в их прямом смысле.

После того как Англия завладела Индустаном, европейские философы усиленно старались выяснить настоящий смысл фенá, но это оказалось невозможным. Однако они вполне отчетливо разъяснили, как прославлялось это убеждение и каков от него результат. Это разъяснение я выписал в подробности из одной русской книги; при свидании я покажу вам эту выписку.

Еще одна ошибка Моллайи-Руми в том, что он верит

в душу в том смысле, будто душа после разлуки с телом вечно и будет сливаться с «целым бытием».

Европейские философы не признают душу самостоятельно существующей; убеждение их таково, что душа — одна из функций тела и существует вместе с телом, подобно тому как электрическая сила появляется от соединения некоторых химических составов и исчезает при их разъединении.

То же самое и душа; она появляется при формировании тела и исчезает с его расстройством, но никто не может знать, что такое душа или что такое электрическая сила.

Эти ошибки, которые я нахожу у Моллайи-Руми, не только одно мое убеждение, оно является мнением и европейских философов.

Моллайи-Руми не признает рая, ада и дня воскресения мертвых. Раем он считает слияние с «целым бытием», а адом — период разлуки с ним. Но при развитии этих трех идей он поднимает такой шум и крик вокруг согласования с доводами шарията, что человек буквально поражается и стесняется сказать ему: «Слушай, оказываешься, ты неверующий, атеист». Он не признает также пророчества и имамат, что видно из следующего его рассказа об ответе жителей города Себа посланным к ним пророкам.

«Тот народ сказал пророкам: «О высокомерная группа! Где ваши доказательства относительно бесполезности науки медицины? Связанные с потребностями еды и сна, вы состоите подобно нам в числе проживающих и пасущихся в селе. Покуда вы находитесь в сети этой воды и грязи, каким образом вы сможете стать охотниками за симургом¹ сердца? Выдавая себя за пророков, вы в сущности являетесь любителями власти и величия. Мы не можем слушать такую ложь и хвастовство и подвергать себя мучениям».

Они сказали еще: «Назначение Зейда и Бекра якобы заместителями бога на земле является сущим лицемерием и коварством. Посланник шаха должен быть из его рода. Какое же может быть соотношение между грязью, водою и создателем небес? Неужели и мы подобно вам накушались ослиного мозга, чтобы считать муху закадычным другом симурга? Что может быть общего между мухой и симургом, между грязью и богом, между

* Это говорит один из европейских философов.

атомом и небесным солнцем? Что это за соотношение и зависимость, которые не могут быть признаны умом и разумом? Какое может быть соотношение между нами и вашим пустословием?... Что это за лицемерие и обман: что общего между небом и веревкой?

Наш разум не признает подобных басен; во всяком случае у нас хватит ума, чтобы отличить лук-порей от моркови. Это похоже на то, как однажды заяц объявил себя посланником Луны и равным ей», и т. д.

Конечно, всякому известно, что Себа есть город в Йемене, население которого по сей день не вышло из состояния дикости и невежества. Откуда же жители этого города могли взять эти философские слова, которые были высказаны пророкам?

Если спросить Моллай-Руми, такого ли убеждения придерживается и он сам относительно пророков, то, отрицая это, он скажет: «Упаси боже, таково было убеждение жителей города Себа».

Но благоразумный, проникательный человек поймет, что именно свое убеждение он высказывает языком жителей города Себа. Нет сомнения в том, что многие читатели, а может быть, и большинство комментаторов не поняли этой хитрости, тем более что Моллай-Руми после выявления сокровенных тайн своего сердца опровергает жителей города Себа, воюет с ними с большим шумом, подтверждает мысли пророков, а жителей города Себа считает неверными, атеистами. Хотя у него и нет доказательства в пользу пророков и аргументы его очень слабы, но для невежественных и неискушенных его «доказательства» имеют глубокий смысл.

Для самого Моллай-Руми все это, конечно, важно. Цель его заключалась в том, чтобы разоблачить лживость пророков и вместе с тем оставаться целым и невредимым от различных посягательств и покушений со стороны невежественной толпы своего опасного века. Словом, убеждения его целиком противоречат священическому шариау. Но свои убеждения он так ловко скрывает за сказками и баснями о лисицах и шакалах, что догадаться о них трудно.

Так, например, начав рассказывать какую-нибудь небылицу, он вдруг в середине рассказа по какому-нибудь случаю прекращает его и начинает умствовать и рассуждать. Этим он перепутывает главную нить и запуты-

вает мысли читателя. А потом опять неожиданно возвращается к окончанию оставленного на половине рассказа, и простой читатель этому радуется, думая, что наконец-то нашлась нить неоконченного повествования и он спасся от непонятных умствований его и рассуждений. Но ему невдомек, что и Моллай-Руми тоже достиг своей цели, так как главный смысл вопроса уже стал ясным искушенному читателю. Далее, Моллай-Руми начинает вуалировать свои убеждения и высокопарно трактует о проблемах молитвы аскетизма, приводит глупые доводы, необыкновенные свидетельства для доказательства откровения, чуда вроде «Истории Асхаб Кэxf»¹, сказок о Хизре²; приводит стихи и предания для доказательства якобы правоты пророков и святых. Для этого он прибегает к всевозможным ухищрениям, собирая вместе всякую чушь, всех кошек и собак, создает кашу из всех нелепостей и делает вид, будто читает проповедь, дает наставления. Этим он до крайности утомляет простого читателя и ставит его в тупик. Бедный читатель думает, что Моллай-Руми в действительности является настоящим правове́рным, и, таким образом, доктрина Моллай-Руми остается скрытой от взора простого читателя.

Невозможно уличить его в ереси с точки зрения шариа. Видимо, его эпоха была очень опасной эпохой. С наслаждением и увлечением он хотел высказаться. Я не виню Моллай-Руми, нельзя не сказать то, что знаешь. Пусть ахунд Молла Али Акбер прочитает тебе тысячу наставлений [о пользе молчания]³ Но он боялся за свою жизнь и потому прибегал к этим уловкам. Хотя эти уловки и не по вкусу европейским писателям, но со стороны Моллай-Руми это мастерство, которое недоступно другим.

Не находишь слов против гибкости ума, проникательности разума и вкуса его. Но он до такой степени жульничает и вертопрах, что в сравнении с ним мы можем считаться серьезными и степенными людьми. В жульничестве и легкомыслии он очень напоминает покойного бакинского моллу ахунд Молла Абдуллу⁴... Он [Моллай-Руми] до такой степени неутомим и многословен, что надоедает читателю. Большинство повествований, за исключением философских мыслей и юмористических легенд, стары, скучны, а может быть, и бес-

смысленны; излагая их, он докучливо повторяет одно и то же. Перевод таких вещей на другие языки невозможен, так как выводы в них неопределенны и состоят из несообразных, повторяющихся в каждой фразе слов. Произведение, мысли которого непереводаемы на другой язык, несомненно, бессмысленно, и, напротив, такие произведения, как Рухуль-Гудса и Фирдоуси, переведи их даже на китайский язык, то и тогда смысл их будет ясен.

Для наглядности ознакомления вас с Моллаи-Руми я посылаю вам три его басни¹, изложенные мною в стихах на тюркском языке; но я не мог скрыть подобно ему суть вопроса.

Действительно, в деле утаивания сути вопроса Моллаи-Руми является совершенным мастером и бесподобным знатоком своего дела.

Такт стихов в моих баснях на одну альфу меньше такта «Месневи», так как полный такт «Месневи» на тюркском языке не практикуется.

В Коджорах² от нечего делать в течение нескольких дней я занимался разбором произведений Моллаи-Руми.

Прочтите эту рецензию и Молла Али Акберу. Если в имеющихся у вас комментариях к «Месневи» окажутся свободные листы в начале или в конце книги, то дайте переписать на них эту рецензию для будущего, чтобы она осталась в памяти веков, и пришлите мне краткий ответ с вашим мнением по поводу этой рецензии.

Преданный вам
Мирза Фатали Ахунд-заде

*наука
и просвещение*

8 июля 1876 г.
Коджорская дача

МИРЗЕ ГУСЕИН-ХАНУ

Мой высокопоставленный господин! Да продлится Ваше счастье!

До каких пор Вы будете обижаться на меня? Чем я разгневал Вас, в чем провинился? Когда Вы были в Тифлисе, разве я находил себе покой, если только один день не видел Вас? Не я ли в Тифлисе был Вашим постоянным доброжелателем, не я ли при Ваших врагах и недоброжелателях оказывал Вам знаки почета и преданности? Кроме любви и уважения, что видели Вы от меня? Не из-за алфавита ли Вы обижены на меня? Может быть, на Ваше отношение ко мне повлияло то, что я представил свои пьесы, изданные на тюркском языке, Оттоманскому научному обществу через Оттоманского садр-а'зама Фуад-Пашу?

Разве мог я знать, что это не понравится Вам? Ехать в Стамбул не входило в мои расчеты. Вы написали мне письмо и настаивали, чтобы я привез с собою составленный алфавит и остановился бы у Вас в качестве гостя. Я исполнил Ваше желание, приехал в Стамбул и ровно пятьдесят дней пользовался Вашим хлебосольством. По сей день я храню Ваше письмо, и расстанусь ли я с ним?

В письме Вы называете меня любимым братом, но обращаетесь со мною хуже, чем братья Иосифа¹ с последним. Почему же Вы в Вашем письме не предупредили меня: «Мирза Фатали! Не привози в Стамбул своих пьес». В чем же я виноват? Еще до моего приезда в Стамбул я послал в Иран множество экземпляров своих пьес

затем, чтобы мои единоверцы имели представление об этом виде благословенного искусства, то есть о драме.

По моему глубокому убеждению, писать в таком жанре — значит проявлять подлинную любовь к своему народу. Это подтверждается еще и тем, что все европейские народы писали подобные произведения и отражали в них характеры и деяния людей. Они стремились подобными произведениями исправить нравы, характеры людей. Не секрет, что в каждом народе имеются мерзкие, неблагодарные и глупые люди, мошенники и др. В наизидание другим поступки таких людей выставляют, высмеивают в драматическом искусстве. Таким путем мастера драм показывают уродливые стороны и гримасы жизни. Содержание таких произведений не имеет никакого отношения к государству, трону, политике и всему народу вообще. То, что пишется в драмах, относится к отдельным личностям и служит предупреждением для других и для всего народа.

Но Вы, как видно, мои пьесы истолковали как явление, направленное против народа, во вред народу. Я с Вами не спорю, я только лишь могу напомнить Вам, что все эти пьесы написаны еще до Вашего назначения в Тифлис и в Тифлисе я все их читал Вам. Мне помнится, что Вы просто восторгались ими и расхваливали меня. Вы тогда ни слова мне не сказали, что они не соответствуют Вашим убеждениям и противоречат духу Вашему. Вы также не предупреждали меня о том, что их не следует везти с собою в Стамбул. Во всяком случае уже седьмой год, как охладилась наша отношения. Думаю, что такой срок слишком продолжителен и что пора наконец позабыть все обиды и установить прежние теплые и сердечные отношения. Во имя этого было бы желательно, чтобы Вы написали мне приветливое и искреннее письмо и отправили его на имя Али-хана, генерального консула Высокого иранского государства в Тифлисе, для вручения мне.

Для того чтобы доставить Вам удовольствие, посылаю Вам в подарок некоторые из моих произведений. Если на обратном пути проедете через Тифлис, прочту Вам и другие. Прочтите также некоторые из моих вещей, посланных мною в адрес министерства просвещения. Не бойтесь, они Вас не утомят. Уверен, что они доставят Вам удовольствие.

Дело в том, что на сегодня вопрос об алфавите стал крупным вопросом. Об этом повсюду пишут в газетах, печатают книжки. С возобновлением этого вопроса мой погасший было огонь вновь разгорелся. На этот раз я представляю вниманию министерства просвещения Высокого иранского государства ряд произведений, считая их достойными этого большого вопроса. Я вовсе не настаиваю, чтобы министерство приняло именно мой проект или же тот или другой выработанный таким-то лицом проект. Я хочу, чтобы само министерство вынесло какое-либо решение по этому вопросу, дабы завершить это благое дело от имени персидского государства. Вот и все.

Уверен, что стараниями государственных людей Ирана это дело успешно завершится и такое благое начинание будет делом самого иранского государства.

Преданный Вам
Мирза Фатали Ахундзаде

Сентябрь, 1868 г.,
г. Тифлис

Адрес: Тегеран, господину Мирзе Гусейн-хану, полномочному министру Ирана в Константинополе.

МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ (ИРАНА)

Высокопоставленному и высокочтимому принцу, министру просвещения Эттизадуссалтане!

Да продлится его счастье!

Генеральный консул высокого правительства Ирана в Тифлисе Али-хан, молодой человек знатного происхождения, очень внимателен и благоволил ко мне. Он часто говорит мне о высоком происхождении, гуманности Вашего высочества и о Вашей эрудиции, уважаемый принц. По случаю того, что мой доклад о замене старого исламского алфавита новым, направленный в министерство просвещения, был встречен сочувственно, я, воодушевленный этим, осмеливаюсь утруждать Ваше внимание настоящим прошением, свидетельствующим о моей преданности Вашему высочеству.

Из содержания моего доклада, который удостоится Вашего просвещенного внимания, принц, Вы получите представление о целях и задачах, которые я поставил пе-

ред собою. История еще не знает случая, чтобы при мусульманских правителях было учреждено министерство просвещения. Да благословен будет час, когда в царствование ныне великоленно здравствующего шаха, являющегося опорой ислама в Иране, было учреждено министерство просвещения. Не имеющее себе подобия в прошлом, министерство это должно отметить свое существование каким-нибудь крупным мероприятием, которое, как явление значительное, почиталось бы в грядущих веках. Что же касается Вашего высочества, то Вы, принц, стоя во главе министерства и превосходя со стороны родословной всех Вам подобных, а в смысле влияния и могущества будучи вторым после падишаха, обязаны благодарить всевышнего за все то, чем Вас он так обильно наградил.

А благодарить аллаха за все, чем он Вас наградил, по-моему, можно двумя путями.

Во-первых, во имя аллаха Вы должны Вашим подчиненным делать добро и оказывать beneficia.

Во-вторых, Вы должны вечно воздавать должное аллаху, не забывая его.

Так как творец вселенной вовсе не нуждается в нашей хвале и благодарениях за его милости к нам, то для ума нашего более приемлем первый путь.

Благодарение аллаха только на словах, без всяких благих дел предоставим последователям «усули» и «шейхи», занимающимся обманом народа.

Если в период занятия Вашим высочеством поста министра просвещения будет достигнуто должное воспитание народа и, как прямое следствие этого, благоденствие страны, если будет достигнуто процветание родины и улучшится положение страны, то никаких сомнений не может быть в том, что это будет лучшей благодарностью аллаху за все те блага, которыми он Вас так обильно наделил. Я прошу Вас, принц, обратиться к историческим источникам, о которых Вы имете больше представления, чем кто бы то ни было, и посмотреть, что хорошего со дня хиджрата до наших дней сделали венценосцы для народа, который придерживается исламской веры и двенадцати имамов, какие beneficia они сделали Ирану? В каком состоянии находится Иран вследствие их беспечности, вследствие их нерадения, Вам, принц, известно лучше, чем мне. Народ находится

в таком положении, что его можно только оплакивать. Душа разрывается, когда видишь его беспроектное состояние. Ежегодно народ посит траур по имамам, но этот траур скорее есть траур по случаю его собственного несчастья. Это есть печаль народа над собственным несчастьем. Наши бывшие падишахи только и знали хорошо поест, вдоволь попить и пышно одеться, о другом они не думали. Иными словами, они считали целью своего царствования только поддержание собственного благополучия. Наслаждение и блаженство они считали своим призванием. Но, спрашивается, почему каждый из шахов, становясь у кормила власти, должен подражать своему предшественнику? Почему они в смысле процветания родины, благоденствия страны и удовлетворения нужд своего народа не могут подходить на Петра Великого и Фридриха Великого? Почему они не могут стать при жизни любимцами своего народа и украшением страниц истории после смерти? Что же может быть лучше морального удовлетворения в кратковременной человеческой жизни?

Я частица этой нации, но, кроме слова, мечты, чернилницы и пера, ничем не владею. Я сделал все, что было в моих силах. Вы, принц, считающийся родовитым лицом среди народа, полагаю, основательно обдумаете мои доводы в пользу изменения старой письменности ислама и сами представите себе результаты подобного переустройства. Лычу себя надеждой, что в счастливое царствование этого любящего свой народ владыки, ознаменовавшего свое пребывание на троне рядом мероприятий, направленных на просвещение своих подданных и на процветание Ирана, новый алфавит на указанных мною основах будет претворен в жизнь. Я уверен, что по воле любезного властелина, который многое сделал для воспитания народа и благосостояния страны, сжатое в тисках безнадежности сердце мое воспримет, и возгордится душа моя, увидя претворенными в жизнь мои бесконечные мечтания.

Прошу Вас, принц, через Али-хана сообщить мне Ваше мнение по затронутому мною вопросу.

Преданный Вам
Мирза Фатали Ахунд-заде

Сентябрь, 1868 г.,
г. Тифлис

ПРИНЦУ ДЖЕЛАЛЕДДИНУ МИРЗЕ

Основная цель, преследуемая подобными произведениями¹, — улучшение людской морали. Европейские философы поняли, что изжить из человеческой природы пороки и дурные поступки можно только и только путем смеха и издевки над ними. И поэтому было обращено внимание на создание произведений, называемых по их терминологии драматическими. Еще позднее были организованы общественные заведения и собрания под названием «театр» с целью демонстрации этих произведений, бичующих общественные пороки, дурные дела и плохое поведение недостойных людей, с тем, чтобы другие, страшась их примера, отказались от порочных поступков.

Если кто-нибудь из грамотных людей Тегерана — персиян, сносно владеющих азербайджанским языком, — переведет эти произведения на персидский язык² в стиле живого разговорного языка, следуя нормам языка самих персиян, а не литературного письменного языка, и напечатает их, как указано в самой книге, без дополнений и сокращений, без внесения отсечений и рифм, и распространит их среди народа, то он окажет большую услугу народу. Сам же он в результате распродажи этих произведений может получить большую прибыль.

[1870 г.]

[МИРЗЕ МАГОМЕД ДЖАФАР-ХАНУ ГАРАДЖАДАГЕ]

Мой дорогой и любимый брат Мирза Магомед Джафар!

Ваше приятное письмо я получил; оно обрадовало меня.

Прежде всего я хочу просить Вас об одной любезности. Мой величественный повелитель господин Мирза Юсиф-хан в последнем письме вкратце сообщил о том, что свободолюбивый принц Джелаледдин Мирза в настоящий момент болен. Это известие меня очень опечалило. Прошу Вас незамедлительно сообщить мне³, в чем заключается болезнь Его Превосходительства, чтобы я больше не беспокоился и не тревожился.

Мое несчастье, что, найдя было единственного во всем

Иране единомышленника, я теряю его из-за его болезни в самом начале нашей дружбы.

Во-вторых же, хвала Вашему благоуханному перу за то, что Вы так близко к оригиналу и прекрасно перевели комедию «Молла Ибрагим Халил». Перевод абсолютно выдержан в рамках оригинала. Ведь основное требование, предъявляемое к переводу, заключается именно в том, чтобы в нем не было ничего лишнего и ничего недостающего. Лучше, выше перевода быть не может. Постарайтесь обязательно напечатать этот перевод.

Посылаю Вам с этим письмом свою карточку. Если представится возможность поместить в каждом произведении отдельные гравюры с изображением действующих лиц, то это в самом деле явится невиданным доселе сюрпризом и книги приобретут особое изящество.

Теперь уже нет необходимости посылать мне в Тифлис Ваши переводы других моих произведений. Не теряйте времени, напечатайте сразу все! У меня большое доверие и вера в Ваше перо⁴. После выхода из печати высылайте на мое имя 3 — 4 экземпляра!

Вы спрашивали о значении слов «Георг Клиффорд». Должен Вам сказать, что оба эти слова являются именем некоего эмира, то есть они значат: Георг — сын Клиффорда. Подобно тому как у арабов принято вместо Са'д бин-Ваккас, Омар бин-Са'д, Амр бин-Ас писать Са'д Ваккас, Омар Са'д Амр Ас. Смысл предложения заключается в следующем: «Тогда слава моя в этой области затмит славу Георга, сына Клиффорда — покровителя господина Линнса».

Что же касается слова «гыгылджым», то по-азербайджански оно означает «мельчайшие искры огня». По-персидски оно называется «айбиза», «хадра», «ситарча».

Какой же Вы карадагец, что не знаете значения этого слова? Я сам услышал это слово, будучи в Карадаге. С семи до двенадцати лет я жил в Карадаге в селе Хоранд, затем в деревне Велибеил среди жителей Энгут. За год до начала войны между Паскевичем и Набуссаланом⁵ я перебрался по эту сторону реки Аракс — на русскую землю.

«Хэжим Чуллу» же вовсе не значит пустынный («бия-бани»). «Чул» по-азербайджански означает попоны. По преданию, 90 лет назад некий странствующий медик

(хэким) с целью путешествия приехал из Ирана в Нуху и некоторое время пробыл в этом городе. У него якобы были основательные познания в области медицины и в ряде других чудесных наук. Его имя прославлено в этом городе и в его окрестностях. Вследствие того, что он всегда закутывался в понону, то и стал известен как «Чудлу хэким», то есть врач, одетый в понону или войлочный плащ. Нухинские жители и по сей день продолжают считать этого врача человеком, осведомленным в тайнах химии.

В третьих, дорогой мой брат, относительно «Писем Кемал-уд-Довле» Вы заметили, что до сих пор не читали их. Так откуда же Вы знаете, что они написаны со злым умыслом? Здесь нет никакого злого умысла, а есть только критика и ирония. А это очень большая разница. Для разъяснения этого вопроса придется прибегнуть к длинным рассуждениям. Конечно, они не влезут в это письмо. И поэтому я вкратце напишу Вам, чтобы Вы были осведомлены относительно критики и могли разобратся в этом вопросе.

Без иронии, сарказма, насмешки невозможно написать критическое произведение. «Письма Кемал-уд-Довле» — это не проповедь и наставление, а критика.

Раз людям стали привычны дурные поступки, то нельзя ожидать воздействия на их человеческую природу произведением, написанным не в духе критики, а в духе отеческой любви, проповеди и наставления.

Природа людей испытывает отвращение от чтения и слушания проповедей и наставлений, тогда как люди всегда с большой охотой читают критические произведения.

Опыт европейских философов и целый ряд неопровержимых жизненных доводов подтвердили тот факт, что, кроме критики, иронии и смеха, никакими другими средствами нельзя искоренить дурные и отвратительные поступки из человеческой природы. Если бы наставления и проповеди оказывали влияние на людей, то почему же население Ирана, которое вот уже более шестисот лет читает произведения Шейха Саади «Гюлистан» и «Бустан», не придает никакого значения содержащимся в них проповедям и наставлениям — ведь в них все от начала до конца является сплошным поучением! И в кон-

це концов угнетение и деспотизм скорее изо дня в день увеличиваются, нежели уменьшаются.

Одним словом, мы не должны вступать в полемику по этому поводу. Если мы начнем спорить, то несомненно Вы окажетесь побежденным. Наука критики до сих пор не применялась в исламской литературе. Именно поэтому Вы в подобных вопросах быстро оказывались во власти страха. Наконец, не может быть никакого более полезного средства для воспитания народа, благоустройства и улучшения поведения наших единоверцев, упорядочения государственных дел и увеличения силы воздействия государственных указов и запретов, чем критика.

Кемал-уд-Довле не проповедник и не наставник, он критик. Если бы он был проповедником и наставником, то на него смотрели бы так же, как на Моллу Магомеда Рафи Ванза Казвини. И его произведения получились бы такими же безвкусными, банальными и бледными, как и «Аббас-уль-джинан» («Райские врата»). Можно ли найти такого человека, который читал бы «Аббас-уль-джинан» по собственному желанию и без скуки? От одного лишь названия книги испытывалось отвращение.

Однако если письма Кемал-уд-Довле попадут в чьи-либо руки, то это лицо, отказавшись от еды и сна подобно человеку, испытывающему жажду и оцутническому возле родника, постарается прочесть и понять их смысл, взять с них пример и почерпнуть из них знания. Но прочтении волеи-неволеи он придет к выводу, что нужно быть подальше от любого поступка, порицаемого критиком, и обязательно совершать поступки, поощряемые им.

Теперь сами посудите, насколько велика разница между критикой и наставлением. В чем же причины такого превосходства критики над проповедью и наставлением? Откуда происходит столь сильная жажда чтения критического произведения? Причины этого превосходства заключаются в том, что критическое произведение создается путем иронии и смеха. И поэтому столь велик интерес к чтению критики. Эту тайну разгадали европейские ученые. Мой народ до сих пор еще не ведает об этой тайне. Если письма Кемал-уд-Довле будут опубликованы, то и мой народ может вступить на путь воспитания и образования.

Я должен сказать, что природный талант моего на-

рода не меньше, а значительно больше природного таланта всех европейских народов.

Ярчайший пример, свидетельствующий о превосходстве критики над проповедью и наставлением, перед Вами. Незачем идти далеко! Допустим, что некий проповедник, написав книгу в духе отеческой любви, попытался втолковать народу, что химия не является химерой.

Но появилась другая личность, которая даже и не заикается о том, что «есть химия, или что надо верить в науку химию». Он лишь критически, с иронией написал произведение «Молла Ибрагим Халил»¹ и распространил его среди народа.

Теперь скажите сами, какое из этих двух произведений окажет большее и очевидное влияние на природу людей? Безусловно, «Молла Ибрагим Халил», ибо это произведение написано методом критики и иронии.

Есть и другое различие между критикой и наставлением, которое состоит в том, что в деле улучшения поведения и воспитания современников и будущих поколений наставление не имеет никакой влиятельной силы. Напротив, критика, оказывая влияние на улучшение и совершенствование поведения и воспитания современников, в то же время полностью воздействует на улучшение и совершенствование поведения и воспитания грядущих поколений.

В этом отношении она способна давать желаемый результат. И это обстоятельство нуждается в более тщательном рассмотрении. Европейские ученые высказали целый ряд мыслей и написали произведения, подтверждающие справедливость этих слов.

Европейские государства потратили также миллионы на строительство величественных зданий в больших городах, носящих название «театр», чтобы женщины и мужчины, собираясь в них, слушали произведения об их соотечественниках, написанные с иронией и сарказмом, и, видя положение высмеиваемых, брали для себя урок. Потому что европейцы поняли, что проповеди и наставления, кроме бесполезной траты времени и вреда, ничего полезного для человеческой природы не приносят.

Вы и не надейтесь услышать от Кемал-уд-Доуле отеческое наставление. Знайте раз и навсегда, что наставления и проповеди не могут оказать никакого воздействия на человеческую природу независимо от того, бу-

дут ли они произнесены с отеческой любовью или будут грозить адом и другими подобными страшными словами.

Всевозможные воры, разбойники, убийцы, угнетатели, деспоты, мошенники неоднократно слышали описание ада и в той или другой степени слушали проповеди и наставления. Однако, несмотря на это, они все-таки не изменили своих дурных характеров и поступков.

Но критика, ирония, насмешка, разоблачающие их перед ровесниками, знакомыми и друзьями, заставят их отказаться от дурных дел. Если кто-нибудь, вступив с Вами в спор, утверждает противоположное, то Вы сообщите мне его аргументы, с тем, чтобы я, опираясь на произведения самых знаменитых европейских философов, дал ему такой основательный и убедительный ответ, чтобы все его утверждения перевернулись вверх дном.

Почему же мы должны обижаться на критику Кемал-уд-Доуле? Кемал-уд-Доуле не чужой, он наш единоверец, соотечественник. Он сын нашего народа, он является нашим братом, который высмеивает, иронизирует поведение и поступки своих родных братьев.

В четвертых, Вы запросили копию нового алфавита. Должен сообщить, что еще задолго до того я составил проект нового алфавита в такой форме, что все точки выпадали и гласные буквы соединялись с согласными. Затем господин Рухуль-Гуде составил другой проект, на основании которого устраняется слитное написание букв в составе слов и слова пишутся раздельно, без слияния букв. Все точки отбрасываются и все гласные, как и в алфавитах европейских народов, включаются в алфавит наряду с согласными. И, действительно, алфавит Рухуль-Гуде намного легче алфавита, составленного мною. И поэтому я с его согласия и по его совету после некоторых изменений в составленном им проекте послал образцы букв в министерство просвещения и писал, чтобы они либо приняли алфавит Рухуль-Гуде, либо на этих условиях создали другой алфавит с включением одобренных мной изображений и применяли его. И таким образом, у меня не осталось копии алфавита Рухуль-Гуде, чтобы я мог переписать и выслать Вам. Не осталось и копии алфавита, составленного мною в прошлом. Если захотите, то можете обратиться в министерство просвещения, чтобы получить копии как моего старого алфавита, так и алфавита, составленного Рухуль-Гуде, и прочитать их.

Прошу Вас взять у уважаемого Мирзы Юсиф-хана и прочесть книжку господина Рухуль-Гудеа о новом алфавите и о его необходимости. Вот тогда Вы поймете, почему среди пятнадцатимиллионного иранского народа нет по крайней мере и полумиллиона грамотных людей...

Прошу Вас изредка писать мне письма. Я также буду писать об интересующих Вас вопросах и присылать Вам различные сведения.

И еще в своем письме Вы выражали большую обиду на господина Рухуль-Гудеа за то, что он пишет свои сочинения гневно и извительно. Вам хотелось бы, чтобы он писал очень мягко, то есть как проповедник и наставник. Правда, все сочинения господина Рухуль-Гудеа, как и письма Кемал-уд-Доуле, написаны в критической форме, именно поэтому все грамотные люди читают их с неопределимым наслаждением и интересом. Вы хотите, чтобы Рухуль-Гуде писал для Вас сладкие проповеди и отеческие наставления без протеста и насмешки, чтобы Вы могли швырнуть их в угол, не обращая на них никакого внимания, попадешь они случайно к Вам в руки. И таким образом, листы их истлеют бы, а содержание никто так и не узнал бы, не так ли? Ай да молодец! Удивительным же вкусом и прилежанием обладаете Вы!.. Нет, не так. Я не думаю, чтобы Вы обладали прилежанием и вкусом, предпочитающим проповеди и наставление критике.

В общем Рухуль-Гуде и Кемал-уд-Доуле — оба прекрасно знают, как следует писать свои произведения.

Времена Саади и Моллы Рафи Ванза Казвини прошли. Наш век — это уже другой век. Не думайте, как это Вы пишете в письме, что, услышав наставления и проповеди, Вы будете следовать им. Кемал-уд-Доуле и Рухуль-Гуде — оба знают, что, после того, как человеческое общество, миновав младенческий период, достигло зрелости, подобные средства уже не действительны, они противоречат человеческой природе.

29 марта 1871 г.,

Тифлис

ДВУМ ОТТОМАНСКИМ ВИЗИРЯМ

14 октября 1871 года

Мои высокие господа! Да продлит аллах Вашу жизнь! Я не имею чести быть знакомым с Вашими превосход-

тельствами, но мои стамбульские друзья сообщают мне о том, что у Вас сложилось несколько иное [чем у меня], мнение об исламском алфавите. Вам почему-то кажется, что замена старого исламского алфавита будет чревата пагубными последствиями и повлечет за собою гибель исламского государства. Вот такое ваше предвзятое мнение и побудило меня написать вам это письмо.

Присоединяясь к Вашему мнению, я заранее должен предупредить, что замена старого исламского алфавита вызовет большой переполох. Большинство исповедующих ислам народов неграмотно и не имеет представления о мировой истории, а также и о современном положении общества. Еще хуже то, что и наши духовные наставники и богословы не имеют абсолютно никакого представления о мировой цивилизации. Коля скоро народ найдет в власти тьму и в оковах мрака, то наше мероприятие по замене старого исламского алфавита новым и стремление создать этот новый алфавит, похожий на европейский, вызовет целую бурю в народе. Народ поднимет голову и заявит о том, что, мол, руководители исламского государства хотят изменить наше письмо, что они расшатывают основы нашей религии, хотят, мол, уничтожить, опоганить нашу веру, что они хотят внедрить в наш народ обряды, обычаи и веру европейцев.

И вот результатом такого шума, протестов будет то, что во всех уголках и провинциях Османского государства, в особенности в Аравии, Йемене, Египте, в Магриб-Замине, в Азии и в разных местах Африки, поднимутся восстания, скандалы, начнутся смуты и произойдут кровопролития, которые трудно описать. После того как в стране развернутся такие события, конечно, государство и трон будут в опасности. Даже очень может быть, что кровопролитие среди народов ислама будет длиться не одно столетие.

Что такое положение создастся при осуществлении замены старого алфавита новым, это я, Мирза Фатали Ахунд-заде, заранее предвижу.

Если Мелкум-хан и другие сторонники замены старого алфавита будут оспаривать вышеприведенное мнение, то Вы им можете сказать, что Ибн-Мугле, будучи приближенным исламских халифов, то есть визирем, также хотел заменить куфический почерк¹ несхом², но он на это решился не сразу, боясь народного гнева, волнений и бес-

порядков, которые могли бы произойти в связи с нововведением. Ибн-Мугле объявил во всех мусульманских странах, что он якобы увидел во сне Али ибн-Абу-Талиба и что будто бы тот приказал ему в обязательном порядке заменить куфическое письмо пехсом. Ибн-Мугле широко распространил эту версию в народе. Вокруг своего мнимого видения он мобилизовал общественное мнение, и народ поверил в его сон, потому что Ибн-Мугле был переносчиком Корана и человеком набожным. Таким образом, простой народ и духовенство поверили ему. Версия о явлении Али ибн-Абу-Талиба во сне спасла Ибн-Мугле от целого ряда неприятностей и бед при осуществлении своего проекта. Народ поверил тому, что он осуществляет волю великого имама, и в результате эксецессы, волнения и восстания не имели места.

Относительно сна Ибн-Мугле и замены куфического письма пехсом в таком духе, как я пишу, Вы можете прочесть в книге «Сулеймание». Может быть, ученым людям приходилось читать об этом и в других книгах.

Что я, Мирза Фатали Ахундзаде, а также Мелкум-хан и другие сторонники замены старого исламского алфавита новым являемся грешными людьми, это верно. Мы не можем претендовать на знание богословов, представителей религии и даже просто благочестивых людей. Ни духовенство, ни народ не являются нашими поклонниками, и доверия мы у них не имеем. Сон, который видел Ибн-Мугле, не принесется нам никогда. А если даже нам и принесется такой сон, то этому никто никогда не поверит.

Однако, несмотря на это, мы все же хотим заменить старый исламский алфавит европейским. Чем же мы располагаем для того, чтобы при осуществлении нашей идеи не произошло ни эксецесов, ни восстаний, ни волнений? На что мы можем надеяться?

Ни на что!

Выходит, что желание мое — Мирзы Фатали Ахундзаде, Мелкум-хана и других, заменить старый алфавит невозможно и неосуществимо. И если мы приступим к осуществлению нашей идеи, определенно произойдут крупные события. Поэтому-то я и выражаю свой восторг по поводу Вашей дальновидности, патриотизма, доброжелательности, а также и того, что Вы стоите на страже религии.

Но вот что, мои высокие господа! Так как мы являемся руководителями народа исламского вероисповедания, то вам надлежит думать о благополучии и процветании народа. Вам надлежит также вскрыть причины отставания исламских народов в области цивилизации на всем протяжении хиджры, найти корни этого печального явления. Вам надлежит избрать пути, ведущие народ к прогрессу, к преуспеянию, пути, свободные от интриг и зла.

Первая, и самая веская причина — это трудность начертания старого исламского алфавита. Вот по этой-то причине даже один из десяти тысяч людей, исповедующих ислам, едва ли является грамотным. Что же касается женщин, то тут парит сплошная неграмотность. Грамотность среди нашего народа ничтожна, можно сказать, что ее почти нет! Допустимо ли, чтобы представители и руководители государства были безучастны к такому состоянию народа? Допустимо ли, чтобы руководители народа не предпринимали ничего для процветания и счастья народа? Мир этот тленный, и смысл нашей жизни заключается в том, чтобы оставить после себя доброе имя и славу о себе. А этого возможно достигнуть лишь благими деяниями. Если всевышний аллах спросит нас: «Я вам дал 70 — 80 лет жизни в этом мире: какое же добро вы сделали в течение этого срока для людей?» — какой ответ мы сможем дать? Так будем же единомышленниками, будем союзниками в деле отыскания путей, ведущих народы ислама к благополучию, процветанию и благоденствию.

Не говорите: «Какое твое дело, Мирза Фатали, думать о таком положении народа? Какое тебе дело, Мелкум-хан?» Человеческая природа именно такова, что скупится давать другому все, кроме одного — знания. Человеческая природа так уже устроена, что с большой охотой отдает свое знание. Знание — такая вещь, что если его обладатель не передает его другим, то впадает в уныние. Его жизнь будет большой скукой, он может даже впасть в отчаяние.

Я и Мелкум-хан видим болячку исламских народов и знаем, как ее лечить. Исходя из потребностей человеческой природы мы не можем скрыть от народа этот способ лечения. А если скроем, то сами заболеем. По моему мнению, имеется одно мероприятие, которое, исключая в

себе источник интриг и злой умысел, будет способствовать прогрессу исламских народов. Оно заключается в следующем: в Стамбуле необходимо организовать специальное общество. Пусть это общество вынесет решение, что священный Коран, богословские книги и религиозные науки будут по-прежнему пользоваться старым алфавитом. Пусть наше духовенство всегда изучает и преподаёт религиозные дисциплины на этом старом алфавите. Пусть предлагаемое общество разработает новый алфавит и применит его для изучения светских наук и различных профессий, не имеющих ничего общего с религиозными вопросами. Пусть в государственных школах детей ремесленников, военных и прочих служащих обучают на этом новом алфавите. Для того чтобы специальное общество могло подготовить народ к предлагаемой нами реформе, нужно постоянно на страницах газет подтверждать, что, мол, старый алфавит сохраняется, он незыблем и что уничтожение его может послужить причиной нежелательных явлений и эксцессов. Существующее государство и богословы никогда не согласятся изменить алфавит. Но так как обучение старому алфавиту представляет огромные трудности, то пусть дети немущих, ремесленников, военнослужащих и вообще служащих обучаются новому алфавиту, ибо обучиться старому алфавиту у них не хватит ни времени, ни возможностей. Если это специальное общество будет выступать с подобным разъяснением, то упомянутые классы общества с внедрением нового алфавита в течение очень короткого времени станут грамотными и смогут устранять по-новому свои житейские дела. Мы согласны не называть новый алфавит исламским. Пусть этот новый алфавит будет стоять в ряду таких отраслей, как рисование, различные искусства и тому подобное. Абдурахман ибн-Халдун в первом томе своей истории относит алфавит к отрасли ремесла, искусства. Он пишет: «Эта глава говорит о том, что письмо и алфавит относятся к разряду человеческих ремесел. Это есть знаки. Это есть изображение букв и пр.»¹

Далее он пишет: «Знай, что письменность может совершенствоваться, так как она относится к отраслям быта и культуры. Недостатки письменности не имеют отношения к религии и зависят от быта и жизни».

Если подобное мероприятие будет проведено в жизнь, то весь народ в применении нового алфавита не усмотрит

никакой опасности, угрожающей их религии. Равным образом не будет усмотрена также и какая-либо опасность для государства. Даже нет надобности, чтобы я, Мирза Фатали Ахунд-заде, или Мелкум-хан вмешивались в дело изобретения нового алфавита. Пусть упомянутое общество займется само изобретением нового алфавита, но с тем условием, чтобы в изобретенном им алфавите не было бы точек, чтобы буквы могли отличаться друг от друга без помощи точек. Пусть гласные пишутся. Пусть буквы, образующие слова, пишутся отдельно, то есть не сливаются. Такая форма присуща европейскому письму, и в этом нет ничего удивительного или странного. До куфического письма арабскому и гимейрскому народам были известны неслияющиеся буквы, которыми они пользовались. Абдурахман ибн-Халдун об этом так пишет в первом томе своей книги истории, в упомянутой выше главе: «У гимейров имелось в обращении письмо с неслияющимися буквами под названием «меснед».

Так как мы допускаем сохранение старого алфавита для религиозных дисциплин, то новый алфавит мы не собираемся называть исламским. Мы считаем необходимым изучение и внедрение нового алфавита как средства для улучшения жизни и быта народа, только и всего. Поэтому, чтобы облегчить письмо и чтение и сделать их более целесообразными, мы предлагаем писать слева направо. Конечно, это обстоятельство никак не может служить предметом спора или упреков.

Мы считаем, что это общество в ходе создания нового алфавита должно ознакомиться со всеми алфавитами всех народов и взять от них все самое удобное и лучшее. Указанное специальное общество должно иметь в виду и то, что изображения изобретенных Мелкум-ханом букв бесподобны. Они позаимствованы от самых древнейших наших букв, и поэтому они более предпочтительны, чем другие.

Желая длительной и счастливой жизни высокопоставленным государственным мужам, я желаю бы получить от них ответ и соображения по поводу нового алфавита и мероприятий, связанных с внедрением этого будущего алфавита.

Преданный высокопоставленным
государственным мужам
Мирза Фатали Ахунд-заде, полковник

Наш дорогой, свет очей наших Гасан-бек!

В каждом номере своей газеты ты говоришь нам, мусульманам, о благе и пользе науки и твердишь нам: «Учитесь наукам, учитесь наукам...»

Очень хорошо. Слова твои содержательны, наставления полезны и доброжелательство твое постоянно. Мы готовы претворить твои наставления в жизнь, но скажи, где нам учиться наукам, у кого учиться и на каком языке нам приобщаться к наукам?

Если учиться наукам в городах, так в городах нет школ. Если все городское население захочет учиться в государственных школах, то в школах не хватит места. Ты скажешь, чтобы мол «организовали бы сами в городах свои школы». Очень хорошо. Но на какие же средства?

Но предположим, что это мы сделали, а где же нам найти преподавателей? Нет у нас преподавателей, знающих турецкий, арабский и персидский языки, нет также учебников на этих языках. А как же тогда нам быть? Ты скажешь: «Читайте и учитесь на русском языке». Очень хорошо. Положим, что в городах мы открыли школы. Допустим, что начали учиться наукам на русском языке. А как же быть нашим женщинам, что делать сельскому населению? Открывать нам школы в селах и выписывать для них преподавателей или нет?

Если скажешь: «Да, откройте школы», то будь милостив, скажи, на какие же средства?

Русская могущественная держава, имея большие возможности и мощь, все же еще в селах не учредила школ, а как это сделаем мы, бедные?

Если ты скажешь: «Пусть пока сельское население подождет, а городское население пусть приступит к изучению наук», то и тогда не будет осуществлена твоя мечта. Одна ласточка не делает весну. Городское население по сравнению с сельским — это капля по сравнению с морем. Польза науки реальна лишь тогда, когда... науку будут изучать люди обоего пола — и женщины и мужчины.

Коли это так, то не упрекай нас попусту и зря. Оставь нас в покое. Будь благодарен судьбе и за то, что

под покровительством Российского государства мы обрели покой и нет теперь бесконечных войн, сопряженных с грабежами и неурядицами. Мы довольны своей жизнью.

Для изучения наук пущи возможности, единение и средства. Во-первых, у нас нет возможностей. Нет также смелости объяснить причину этого. Нет у нас и единения. Мусульмане, населяющие Кавказ, расчленены на две секты: половина их шииты, другая — сунниты. Шииты ненавидят суннитов, те терпеть не могут шиитов, между ними царствует антагонизм. Никто из них друг друга слушать не хочет, где же быть единению-то?

Нет у нас также и пособий. И это потому, что в течение пятнадцати лет мы располагаем возможностью только кое-как обучаться грамоте на турецком¹, персидском и арабском языках.

Если мы захотим продолжать учебу, то скажи, как же учиться нам наукам на этих языках?

Пусть наставления твои послушают оттоманцы и кызыл-баши. А почему они чужды наук? Вся Аравия — сплошная безграмотность. Арабы — или нищие, или же разбойники на больших дорогах. Вся Анатолия — сплошная безграмотность. Весь Иран безграмотен. Лишь в Стамбуле, Тегеране и Тавризе можно найти пять-шесть грамотеев, умеющих читать и писать. Причина в том, что обучаться на мусульманских языках — дело нелегкое.

Затем ты еще сетуешь, что не покупают твою газету. Ты прав. Верно. А кому же покупать? Если в городах, селах и кочевьях наши хан-заде, беки, купцы, хлебопашцы, чабаны и главари наши не умеют ни писать, ни читать, что в равной мере относится и к женщинам? Допустим, что они купили, а дальше? Что им делать с твоей газетой? Порвать и бросить?

Все население Эриванской губернии не умеет читать. Кое-как разбирающиеся в других местах покупают твою газету. Чего же тебе еще надо?

Мечта твоя сбудется лишь тогда, когда и твои чабаны... и женская половина населения будут грамотны, сумеют читать и писать.

Прошу это мое письмо без корректирования, исправления и сокращения, а также твой ответ на него поместить в твоей газете.

1 января 1877 г.

Гасан-бек!

Не знаю, кому написать раньше ответ — тебе или капитану Султанову? Напишу-ка я ему несколько назидательных слов, выскажу накопившееся на душе и облегчу себя, ибо очень уж он извел меня своей отсталостью. А потом и тебе напишу об интересующем нас вопросе.

Мой дорогой капитан Султанов!

Письмо твое говорит о том, что ты грамотен на тюркском¹ и персидском языках, но ты не можешь почитаться ученым, ибо, судя по содержанию твоего письма, ты находишься на уроне простонародья. Во-первых, напишу тебе о толковании следующего священного стиха: «Не считайте мертвецами тех, кто погиб, следуя по пути, предначертанному аллахом, ибо они живы и у аллаха пользуются благами»².

В таком случае имам Гусейн, да будет ему мир, убитый за дело аллаха, пользуется благами у аллаха, и, вкусив смерть за правое дело, он достиг великого счастья. Теперь каков же смысл нашего траура по имаму Гусейну? Он заключается в том, что мы жалуем, зачем досточтимый имам принял смерть, зачем он погиб. Он должен был прожить до конца свою естественную жизнь, есть, пить, весело проводить время, пользоваться благами жизни и умереть, не достигнув высшей ступени рая мученической смертью за веру.

С другой стороны, проклиная Езида, Иби-Зияда и Шумра, мы твердим: «Сын пса ты, Езид! Сын пса ты, Иби-Зияд! Пса отродье ты, Шумр! Вы стали причиной гибели этого почтеннейшего! Зачем вы сделали причиной того, что этот почтеннейший человек достиг высшей ступени рая?»

Разве не в этом заключается смысл нашего траура? Если мы, шииты, преданы дому пророка, то мы должны быть горды тем, что имам Гусейн, да будет ему салам, погиб в священной борьбе смертью благочестивого и что по этой причине он достиг ступени, приблизившей его к богу, а не держать по высококочному траур, прыгать, стегаться, ударять себя в грудь, по голове, посыпать свои головы землею, пеплом, кричать «шахсей, вахсей!»,

оглашать дикими воплями воздух, воззвать в свое тело пожи, книжалы и такими своими безумными, глупейшими действиями делать себя посмешищем в глазах друзей и чуждых нам людей.

Если логично рассуждать, траур сам по себе с начала до конца во всех его проявлении должен быть, с точки зрения догматиков и богословов ислама, только ересью, и, кроме греха, в нем ничего путного нет. Воззвать в тело книжалы и пожи — это просто сумасбродство.

Но жалко, что твоя эрудиция, твое восприимчивое до того слабое, что ты не в состоянии понять столь разумного дела. Ты по невежеству своему будешь, конечно, твердить, что написавший эти строки или суннит или же богохульник, не верующий ни во что, тогда как пишущий эти строки не суннит и не богохульник, а мусульманин чистейшей воды, настоящий шиит, и то, что он написал, основано на высоком шариате и базируется на приведенном выше почитаемом стихе Корана.

В подтверждение такого нашего суждения достаточно слова Али ибн-Абу-Талиба. Когда Иби-Муджам нанес ему рану, его священные уста произнесли:

«Клянусь богом Каабы, что я познал благодать»³.

Выходит, что смерть от руки нечестивца есть достижение благодати? Если это так, почему же мы должны облечься в траур по случаю падения его священной особы, когда этот трагический случай его самого радует? Значит, мы должны переживать печаль только потому, что его священная особа достигла благодати? Не с имамом Гусейном, да будет ему наш салам, так же обстоит и он рад своей гибели от руки нечестивца.

Дорогой Султанов! Вопрос этот очень щекотливый, так как он противоречит убеждениям всех духовных толка шиизм-испан-аншари⁴. Но по сути своей вопрос серьезный. Если ты способен хорошенько подумать и выкинуть из сути дела, то горючие не станешь. Все улемы шиитского толка в смысле соблюдения условий траура впали в ошибку.

Убеждение богословов испан-аншари правильное. Богословы эти говорят, что имам Гусейн, да будет ему салам, был человеком исключительной доблести и патриотом. С мечом пошел он на противоборство с врагами аллаха, отказался подчиниться Езиду и, мужественно

принимая смерть от руки нечестивца, на поле битвы в Кербале произносил следующие стихи:

О аллах, на поле бедствия спасти свою жизнь не хочу,
От петли аркана твоего шее спасти не хочу.
Умираю, губы жаждут воды, у кувфина воды не прошу.
За друга иду, одолжиться у врага не хочу.
Если все шиш Кербали понизятся в мои ноги и сердце!
Иа-за блага друга и о цветнике не стану мечтать!

Так почему же тогда мы должны считать его священную особу униженной и жалкой и позором его перед всем миром? Жалким считают того, чьи права попраны, на чье имущество посягнули. Верно: там (в Кербале) посягнули на права и имущество имама Гусейна! Но к чему плач, ведь доблестный, отважный юноша с обнаженным мечом в руках героически сразился с врагами аллаха, во имя его и пал смертью героя; а по-нашему, выходит, что мы такого героя должны представлять жалким, считать его обиженным? Разве мы смеем проливать слезы по нему и делать его посмешищем перед всем миром? Где это сказано? Вовсе не так. Наоборот, мы должны восхвалять такого юношу и лишь гордиться его отвагой, доблестью!

Мнение богословов иснаи-ашари таково, что облакаться в траур во имя имама Гусейна, да будет ему наш садом, явной глупость, и даже противоречит желанию его священной особы. Если мы хотим нашими действиями приобрести благорасположение имама Гусейна и этим доказать ему нашу верность и преданность, тогда мы должны отказываться от траура по нему и то, что ежегодно затрачивается на траурный обряд, на эти деньги во всех наших городах открывать во имя этого святого школы для детей шиитов и в них воспитывать этих детей.

На дверях этих школ четким и красивым почерком мы должны написать, что эта школа открыта во имя имама Гусейна. Таким только путем отправление прочей нашей службы, установленной шариятом, не пропадет даром, бесцельно, ибо создатель вселенной в своей священной книге указывает нам: «Тот, кто слеп в этом мире, тот также будет слеп и в загробном мире и будет еще больше заблуждаться»².

Известно, что без науки, без воспитания, без знаний, без грамотности понимание мирских и религиозных дел

невозможно. Глаза таких людей не способны что-нибудь замечать. В таком случае, если мы без знаний, без образования, без грамотности будем творить тысячи благих дел, то согласно смыслу этого священного стиха наши подобные благодеяния никакой пользы нам на том свете не принесут, не сослужат нам службу. Мы все-таки будем в рядах незрячих.

Так вот, мои братья по религии! Сделайте милость: деньги, которые вы тратите на траурные обряды, направьте на открытие в каждом городе школ. Не обращайтесь внимания на слова улемов иснаи-ашари, ибо их слова — это ложь и обман. Их ремесло — обманывать массу. Это духовенство по отношению к вам питает тысячи корыстных вожелдений. Слушайте только философов шиитского толка, ибо у них нет никаких вожелдений, они вас обманывать не хотят и от вас ничего не ждут. Они, преспокоенные любя к вам, думая, более о вас, дают вам советы и говорят вам в назидание, чтобы вы, как и другие нации, приобщались к науке, приобретали знания и, будучи грамотными, стали одной из избранных и передовых наций и чтобы другие нации не называли вас дикими, как они делают это теперь.

Вот еще, мой дорогой Султанон! Считать траур дозугом ислама — это просто грубейшая ошибка. Конечно, велики заслуги того, кто помогает внедрению принципов ислама, но в том-то и дело, что траур не относится ни к одному из принципов ислама. Принципами ислама должны почитаться те, которые легли в его основание со дня его возникновения. Держать траур — это надуманное. Это выдуманно шиитскими властями для поддержания своей династической политики. Этот обряд первыми ввела в обиход через 300 с лишним лет после хиджры династия Дейлемидов, затем династия Сефевидов и духовенство в угоду шиитским властям, и постепенно народ привык к этому обряду, а потом духовенство, учув в этом деле возможность наживы, стало извлекать из него выгоду в свою пользу.

Духовенство изощрялось все глубже внедрять в массы этот траурный обряд по святому имаму Гусейну, с этой целью оно составило и издало ряд трактатов вроде «Месанбул-абрар» и других, полных лжи и обмана. Но каждый умный и здравомыслящий человек, прочтя их, невольно посмеется и почувствует к ним омер-

жение, так как лживым измышлениям там нет границ. Потомкам пророка приписывается столько позорного, недостойного и даже оскорбительного для их святости, что выглядят они в очень непривлекательном виде. Имам Гусейн, да будет ему мир, подобной преданности и подобного поклонения вовсе не хочет. Пусть он созерцает красоты рая, а вы лучше займитесь своим делом. Если вы добиваетесь его благорасположения, так способствуйте же прогрессу шиитов и только.

Называя себя шиитом и утверждая с поверхностной точки зрения, что смерть имама Гусейна по сути трагедия и в этой трагедии мы, его шииты, должны соблюдать по нему траур, что наши вопли и стенания должны оглашать воздух, вот эти самые действия и есть грех, они-то и противоречат велениям всевышнего аллаха, который в своем священном стихе говорит: «Те, которые пережили трагедию, говорили, что мы зависим от воли аллаха и будем уповать только на аллаха»¹. Так только подобает говорить и нам в этом нашем горе.

Если мы, не ограничиваясь этим, будем плакать, бить себя по голове, ударять в грудь, бичевать себя, то все это будет противоречить воле аллаха и священному стиху Корана. В особенности соблюдение траура выглядит скорее всего жалобой на волю всевышнего: почему, дескать, ты допустил гибель имама Гусейна? Мы, мол, против того, чтобы Шумр отрезал голову святому, а почему же ты дал ему возможность совершить это злодеяние?

Султанов! Смилибся, вникни в суть дела. Послушай, о чем мы думаем: ведь, держа траур, этим самым мы вступаем в пререкание, в спор с аллахом — вот ведь какие мы умные. Мой дорогой Султанов! Если ты будешь напрягать свой ум для опровержения этого, основываясь на высказываниях некоторых проповедников, тогда ты не услышишь ответа от меня. Сегодня у меня было настроение, и я подбросил тебе несколько затаенных слов. Больше ты заговорить меня не заставишь. Не подумай, что настроение мое вызвано видом. Ни капли напитка этого не извели мои уста.

Напоследок я хочу тебе дать одно отеческое наставление. Почему ты, дорогой, взял себе прозвище Азраил-да? Народ питает отвращение и к имени, и к прозвищу Азраил. Каждый с удовольствием называет сына своего

Джебраилом, Миканом и Исафилом¹, но слышал ли ты когда-нибудь, чтобы кто-нибудь сына своего назвал Азраилом? Хадим — это прозвище Азраила, ты загляни в «Алиф-Лейла»², посмотри, в нескольких местах написано так: «Неожиданно Хадимул-Леззат, то есть Азраил, пришел и отнял душу». Конечно, снимите с себя это имя и письменно извинитесь перед Ахсан-уль-Гаваном³.

Неизвестное лицо

Гасан-Бек! Я прошу опубликовать это мое письмо, с тем чтобы его смог прочитать Султанов.

Гасан-бек! Если кто-либо из окружающих тебя будет отсоветовать напечатать это мое письмо в твоей газете, ты, конечно, не слушай их. Ты лучше печатай его, дабы в будущем оно дало бы угодные твоей душе результаты. Будь уверен, что в этом письме абсолютно нет ничего затрагивающего веру ислама. Если кто скажет, что есть, так это будет сущей неправдой. Пусть наш народ откроет глаза, откажется от фанатизма и станет, может быть, патриотом. Тогда все благие начинания смогут претворяться в жизнь. В противном случае, пока наш народ находится в плену фанатизма, все наши благие начинания не дадут результатов.

Если это письмо не поместится на одной странице, прибавь в следующем номере лишнюю страницу, с тем чтобы поместить это письмо целиком и в один прием.

15 февраля 1877 г.

[Письмо третье]

Гасан-бек!

Твой ответ, помещенный в третьем номере от 3 февраля, я прочел⁴. Я согласен полностью со всем, что там изложено. Если ты найдешь приемлемым, давай сделаем вот что.

Во-первых, веди кампанию в городе Баку за открытие школы для детей мужского пола и для этого составь краткий проект программы.

Во-вторых, выбери из имущих и из влиятельных среди народа людей человек двенадцать и пригласи к себе на чашку чаю. Пусть в числе этих двенадцати будет глава духовного меджлиса Ахунд Молла Джавад.

В-третьих, прочти им свой проект и логическими доводами, какие ты сочтешь уместными, убеди их в необходимости и неотложности открытия такой школы. Предложи им, чтобы они тоже по примеру армянского народа организовали Общество содействия открытию школ. Пусть первыми членами организуемого общества будут эти двенадцать человек. И пусть они привлекают в члены общества еще новых представителей населения.

В-четвертых, не требуй от каждого члена ста рублей, ограничься пятьюдесятью. Из населения Бакинской губернии составь список благотворителей не из ста, а из двухсот человек. Если каждый из них внесет по пятидесяти рублей — это все равно, что сто человек внесет по сто рублей.

О результатах этого мероприятия напиши в своей газете, чтобы и я мог прочитать.

Если жители Баку пойдут тебе навстречу в этом благом деле, то я ручаюсь, что открытие школы и подобных учреждений будет обеспечено и в других городах.

«Векили-Намэлум»¹

[1877]

Примечания

Указатель имен

Произведения М. Ф. Ахундова в настоящем сборнике размещены по тематическому принципу. При подготовке текстов были внесены необходимые исправления в неавторизованные переводы произведений М. Ф. Ахундова.

Все подстрочные примечания в текстах принадлежат автору.

При ссылках в комментариях на архив М. Ф. Ахундова имеется в виду архив автора, хранящийся в Республиканском рукописном фонде АН Азербайджанской ССР в Баку.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

ТРИ ПИСЬМА

ИНДИЙСКОГО ПРИНЦА КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ К ПЕРСИДСКОМУ ПРИНЦУ ДЖЕЛАЛ-УД-ДОВЛЕ И ОТВЕТ НА НИХ СЕГО ПОСЛЕДНЕГО

Философский трактат М. Ф. Ахундова «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них сего последнего», а также и другие его философские произведения были впервые напечатаны после установления в Азербайджане Советской власти. Так, на азербайджанском языке осуществлен ряд изданий: в 1924 г. в Баку были опубликованы отдельной брошюрой «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...»; в 1938 г. азербайджанским филиалом АН СССР выпущены в трех томах Сочинения М. Ф. Ахундова под редакцией М. Рафили; после Великой Отечественной войны в 1949 — 1955 гг. вышло новое трехтомное издание Сочинений М. Ф. Ахундова; неоднократно в разные годы издавались и отдельные его произведения.

На русском языке впервые в 1940 г. была издана в Баку книга М. Ф. Ахундова «Философско-политические произведения» под редакцией Г. Гусейнова, куда вошли и «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...». В 1953 г. также в Баку опубликованы на русском языке «Избранные философские произведения» мыслителя под редакцией и с предисловием М. Касумова. В 1956 г. в Гослитиздате в

Москве вышла книга М. Ф. Ахундова «Избранное» со вступительной статьей и комментариями Анзиз Шарифа.

В республиканском рукописном фонде АН Азербайджанской ССР в Баку хранится обширный и богатый архив М. Ф. Ахундова. Особое внимание в архиве привлекают различные варианты философского трактата «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джедал-уд-Довле и ответ на них сего последнего». При сравнительном изучении и сопоставлении этих вариантов установлено, что ранний вариант «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Довле...» относится к 1863 — 1865 гг. (автограф на азербайджанском языке в архиве Ахундова, инв. № 178). Так как трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» был самым автором переведен на персидский и русский языки (при участии прогрессивного иранского деятеля Мирзы Юсиф-хана и русского востоковеда А. П. Берже), то редакция не сочла возможным что-нибудь исправлять в русском варианте, кроме опечаток. Автор до конца своей жизни не прекращал работу над «Тремя письмами индийского принца Кемал-уд-Довле...» Именно поэтому в имеющихся в архиве двух азербайджанских, пяти персидских и двух русских вариантах оказались существенные добавления и различия, представляющие большой научный интерес. Так, в азербайджанских и персидских вариантах по сравнению с русским вариантом «Н» (инв. № 101) имеется целый ряд положений, внесенных автором позднее, которым он придавал большое значение; в письмах 1872 г. и позднейших к Мирзе Юсиф-хану, Мирзе Мсхум-хану, а также к принцу Джедал-уд-Довле Мирзе, которым автор послал рукописные экземпляры «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Довле...», Ахундов отмечал, что внес в текст ряд дополнений, которые необходимо сохранить при написании произведения, ибо без этих дополнений книга будет не без изъянов.

Учитывая сказанное, в настоящем издании мы, избрав в качестве основного текста русский вариант «Н» (инв. № 101), дополнили его наиболее значительными поправками из других имеющихся вариантов на азербайджанском, персидском и русском языках; при этом часть поправок включили в текст [в квадратных скобках] с ссылкой на источник, а часть — в приложения. Перевод вариантов на русский язык выполнен для настоящего издания В. И. Аслановым.

В квадратных скобках без ссылки на источник содержится поправка, имеющаяся в русском варианте «Н», сделанные почерком, отличающимся от почерка, которым написан весь текст произведения, а также пропуски переписчика.

Указывая условные обозначения (А, Б, С, Д, Е, Ф, Ж, Н, И), мы использовали девять вариантов «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Довле...» по следующим источникам из архива М. Ф. Ахундова:

- А (рукопись на персидском языке), инв. № 98.
- Б (рукопись на персидском языке), инв. № 99.
- С (рукопись на персидском языке), инв. № 97.
- Д (рукопись на персидском языке), инв. № 493.
- Е (рукопись на персидском языке), инв. № 607.
- Ф (автограф на азербайджанском языке), инв. № 178.
- Ж (рукопись на азербайджанском языке), инв. № 96.
- Н (русский вариант, основной текст), инв. № 101.
- И (рукопись на русском языке), инв. № 792.

К стр. 31.

¹ Это примечание внесено в вариантах АСД трактата «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...», откуда и воспроизводится в настоящем издании.

В варианте «Б» вместо указанного примечания автором написано следующее: «Известный ученый, выдающийся знаток восточных и западных языков и автор множества полезных книг, покойный Мирза Казем-бек (1802 — 1870) в 1870 г. (по христианскому летоисчислению) читал [Письма Кемал-уд-Довле] у одного из своих друзей (у Мирзы Юсиф-хана Мустешар-уд-Довле в Париже. — Г. М.) и на одной из страниц этого экземпляра написал следующие слова: «Браво, Кемал-уд-Довле, браво, Кемал-уд-Довле».

² Рамазан — 9-й месяц лунного арабского календаря, ведущего летоисчисление со дня переселения (хиджрат — арабское слово) (16 июня 622 г. христианского летоисчисления) Мухаммеда из Мекки в Медину. 1280 г. летоисчисления хиджры соответствует 1863 г. н. э.

³ АБСДЕФЖ: «и Новой Земле».

⁴ По повествованию автора, индийский принц Кемал-уд-Довле пишет из Персии персидскому принцу Джедал-уд-Довле, находившемуся в то время в Египте, в Каире (см. стр. 124).

К стр. 32.

¹ Взято из вариантов АБСДЕФЖ.

² Книга «Дабистан-уль-Мизаг» является важным источником по изучению религий Востока, написана на персидском языке Мирзой Мохсен Фахри-Кешмири.

К стр. 33.

¹ АБСДЕФЖ: «И они, [военные], творили тщательную ревизию относительно достоверности сообщений, доставленных шпионами».

² И: (на полях) «Все это согласно с постановлениями «Тейман-Ференга» может быть и верно относительно патриархальных времен Персии, но в позднейшей истории [стран] жестокостям и своянолю начальников областей можно найти массу примеров. Прим. переводчика, т. е. самого М. Ф. Ахундова, скрывавшего свое авторство (см. примечание 1-е к стр. 179).

³ АБСДЕФЖ: «...что заботились о пришедших и бездомных больных, занимаясь их лечением. В этих больницах за женщинами ухаживали женщины».

⁴ ФЖ: «На счет короля».

К стр. 35.

¹ Белое море — здесь подразумевается Средиземное море.

² Автор здесь и в других местах своего сочинения класмйт не вообще арабов, а лишь арабов-завоевателей, которые, захватив земли других народов, поработили их и насильно навязали им свою религию.

³ Н (карандашом, написано сверху): «Необуданное своеволие властей».

К стр. 36.

¹ Н: «Страдают».

² Н: «Не хочет».

К стр. 37.

¹ ФЖ: «Всякая личность».

² АБСДЕ: «От начальства».

К стр. 41.

¹ *Земсерар* (арабское) — плавание самых студеных дней зимней поры.

² *Мюш* (арабское) — чистый, прозрачный, текучий.

К стр. 42.

¹ *Дейлемиды* — две династии: 1. Дейлемиды-Зияриды (928 — 1045) правили в северных провинциях Ирана; 2. Дейлемиды-Бузай-миды (945 — 1055) правили в Иране и Ираке.

Сафариды — династия (861 — 900) в Иране, основанная Якуб ибн-Лейе Сафаром. Правилы сначала в Хорасане, затем подчинили южные и юго-западные области страны.

Саманиды — династия (875 — 999), правившая в Иране и Мавераннахре.

Газневиды (газневиды) — династия среднеазиатского происхождения, правившая с 962 по 1186 г. в Иране и в ряде других восточных стран.

Тегеристаниды — те же Дейлемиды-Зияриды (см. Дейлемиды). *Мазандараниды* — династия (X — XV), правившая в провинции Мазандарав.

Зияриды — см. Дейлемиды.

Исмаилянды — династия, основанная в Иране в 1090 г. Хасан ибн-Саббахом.

Сельджукиды (сельджукиды) — династия (1038 — 1157), правившая в ряде стран Востока (Иран, Ирак и др.)

Атабегиды (атабекиды) — титул, который давался лицам обучавшим и воспитывавшим детей сельджуцких владетелей. Некоторые из них назначались правителями провинций. Часть из них, захватив в свои руки власть на местах, основала самостоятельное государство Атибеков, или Эльдигизидов (1150 — 1225).

Хорезмшахиды — династия (1077 — 1231), правившая в Хорезме.

Чингизиды (Чингисиды) — династия (XIII — XV), основанная Чингис-ханом в 1206 г.

Тимуриды (Тимуриды) — династия (1370 — 1507), основанная Тамерааном.

Гуриды — династия (1150 — 1212), правившая в Гурекской провинции Афганистана. В разное время эта династия подчиняла себе некоторые территории Афганистана, Ирана и Индии.

Рустемдариды — династия (V — VII) в Гиляне и Мазандаране.

Сейбидариды — династия (1337 — 1381) в Хорасане.

Куртиды — династия (XIII — XIV), правившая на территории Герата и Гура.

Шейбаниды — династия (1428 — 1598) узбекских ханов.

Чобаниды — династия (1316 — 1356), созданная потомками Чобана на территории Азербайджана и Диярбекира.

Агкюнлиды — династия (1338 — 1502), правившая в Азербайджане, Диярбекире и Мусиле.

Караконлиды — династия (1378 — 1469), правившая в Иранском и Восточной Анатолии, основана Кара Юсуфом.

Сефевиды — династия (1502 — 1736), основанная азербайджанским поэтом Шахом Исмаилом Хатаи.

Ласаниды (афганцы) — правители афганского государства, организованного Галиджали Мир Бейсом в 1709 г. Его сын Махмуд Афган в 1722 г. разрушил сефевидскую державу, присоединил к афганскому государству Иран. Господству афганцев положила конец Надир-шах, который в 1738 г. воевал на Индию, захватил Афганистан.

Ашарицы — название племени на территории Азербайджана и Ирана. Ашары прославились во времена Надир-шаха, во главе с которым пришли к власти в Иране (1736 — 1803).

Зендицы — династия (вторая половина XVIII в.), правившая в Иране.

Каджарицы — иранская династия (1795 — 1925), основанная Ага-Мухаммед-шах Каджаром.

К стр. 43.

¹ БЕФЖ: «Если уж на то пошло, то религия ислама все же предпочтительнее других религий и является для меня более подходящей; однако я считаю все религии абсурдом и пустой фантазией».

² Автор пользуется латинизацией хиджри (см. примечание 2-е к стр. 33).

³ АБСДЕФЖ: «Для каждого бедного».

⁴ По предписанию ислама все правоверные мусульманы должны были ежегодно посещать в течение целого месяца.

К стр. 44.

¹ П (кравидинский латинь, сверху строки): «Поэзия в настоящее время в упадке».

К стр. 45.

¹ АБСДЕ: «Как законы правящего государства».

² БЕЖ: «В некоторых мифах в результате разложения животных белков образуется газ, который называется сероводородом. От него излучаются маленькие и слабые излучения плазмы; в некоторых павозных кучах и болотах из пла, грязи и веретено растительных белков также образуется упомянутый газ, который горит и излучает свечение. Бедный и непросвещенный, далекий от науки иранский народ принимает излучение этого газа на кладбищах тому, что покойники и могилы греются и ангелы мучения пытают его огнем. Считая излучение газа в павозных кучах чудом, невежественные люди полагают, что то место, откуда посылается плазма, — могила одного из имамов или святых, и сразу же, потратив огромную сумму, на том месте строят большое сооружение и считают эту павозную кучу местом, откуда всемогущий присылает их молящим и где искореняются бесовы. Богословы же, вместо того чтобы предостеречь несежд от этих пустых затей и направить их к тому, чтобы они на те деньги построили больницы и соорудили новые учебные заведения для преподавания в них медицинских, философских, химических и других полезных наук, явились бы виновниками светлого будущего нации и

спасения от угнетения — еще больше подстрекают их на такие бесполезные и недостойные дела».

К стр. 49.

¹ АБСДЕЖ: «Когда ты читаешь календарь, т. е. летопись этой нации, то вместо установления истории главнейших событий и числа рождаемости и смертности в стране, или вместо сведений о приходе и расходе государства, или упоминании имен государственных мужей и высокопоставленных лиц, или же анализа положения и состояния иностранных держав, — ты видишь, что на первой странице календаря предлагаются вниманию читателей эротические темы...»

² Сафар — название второго месяца арабского лунного года.

³ Е: «И почему вы позорите себя и своего падишаха на весь мир подобной лезвием, превращаясь в поемные для всех народов?»

Как же может падишах обладать величием и славой, если он находится в неведении относительно мировой обстановки, принципа управления и воспитания подданных, справедливости, великодушия, человечности и патриотизма, если туркменские кочевники и самые последние разбойники в состоянии одержать верх над ним?

На основании каких заслуг можно ставить его в один ряд с Джемшидом? Подданные падишаха, ищущие и угнетенные, бредут куда глаза глядят, и, несмотря на это, он каждый день в своих фирманах ставит печать с подписью: «С тех пор как престольный перстень перешел в мои сильные руки, слава о моей справедливости распространилась по всему свету — от луны до рыбы». Но он не понимает, что нет и следа справедливости от края и до края государства. И он не стыдится этих ложных начертаний на своей печати. Он, как старуха, и по сей день думает, что земной шар держится на быке и рыбе — на рыбе. Какие же еще качества могут прославить его? Что это за справедливость, которая вознесла его славу от луны до рыбы? По его верованиям, что та самая рыба, которая держит быка, несущего землю на своей спине! Он даже не подозревает, что эти слова, начертанные на печати, переводят на все иностранные языки и смеются над убожеством его разума. Если допустить, что эта рыба не есть та самая, которая несет быка, а обыкновенная рыба, то все равно эта тирибула не подобает сану такого падишаха. То, что он для согласия на столь высокую похвалу себе, свидетельствует лишь о его легкомыслии. Поэт, написавший эти строки, заслуживает не награды, а наказания».

К стр. 50.

¹ Садр-а' зам (арабское) — главный визирь (премьер-министр).

К стр. 51.

¹ Фелакке — деревянная рамка, к которой привязывают наказуемого.

К стр. 52.

¹ Автор имеет в виду некоторые произведения придворных историков.

К стр. 53.

¹ Миштед — духовное лицо, изучившее вероучение, правомочное решать религиозные вопросы. *Шейх-уль-ислам* — духовное лицо, возглавляющее высшее учреждение исламской религии. *Моалла* — рядовой священник, в прошлом и медресе являлся своего рода столпом религиозной науки.

² АСД: «Увы, беспощадный историк описывает этот героизм только в пяти-шести словах, он не дает ему широкого толкования и разъяснения, с тем чтобы сделать его руководством для будущих полководцев Ирана и чтобы в подобных деяниях им послужили также руководством военные действия и мероприятия Кюрку-оглы. Проклятый историк не повествует о том, какое войско было у Надира во время этой войны, каково было число пехоты и конницы его, количество пушек и фальконетов, какого калибра были пушки и какова была местность, в которой происходили военные действия, каким образом была выстроена конница и как она взаимодействовала с пехотой. И где находился сам НаDIR и прославленные полководцы, какие давались приказания каждому полководцу, как чувствовал себя НаDIR в момент сражения, что делал полководец, что явилось главной причиной победы, кто из полководцев точно выполнил приказ, сколько часов длилось сражение и т. п.

Он пишет только о том, что НаDIR в том сражении всю конницу победительницу построил одним крылом и вместе с илгергазскими молниеносными пушками выстроил вокруг несущих стрелков. Какой это имеет смысл?

Оказывается, что войско состояло лишь из конницы, что значит одно крыло? Какое крыло? Достаточно ли в столь великом деле такое ограниченное число, причем неопытных, слов?»

К стр. 54.

¹ Ферраши — слуги и стражи шаха.

К стр. 56.

¹ Н: «О правах человечества, о какой бы то ни было — духовной или физической свободе с разумными лишь ограничениями в виде общей пользы и безопасности народ персидский понятия не имеет, да и не может иметь, не вышедши из оков суеверий религиозных и фанатизма».

² *Масонство* — в Азербайджане и Иране масонству соответствовало общество «Ферамуш-хане» (по-персидски — дом, место лагания). «Ферамуш-хане» было создано в Иране (Тегеран) в 1857 г. Мирзой Мелкум-ханом (см. общее примечание к статье «[Потомство]» и подробности вопросов в беседах с Мелкум-ханом]» на стр. 333 — 334). В обществе «Ферамуш-хане» обсуждались различные научные и общественно-политические проблемы вначале с целью элитарного просветительства, а впоследствии и в плане активного выступления против деспотизма и колониализма в Иране. Некоторые из членов общества входили в число организаторов конституционного движения в Иране. В начале 60-х годов «Ферамуш-хане» переименовалось в «Джамийате Адемият» («Общество человечности»). Печатным органом этого общества была газета «Ганун» («Закон») 1891 — 1895 гг., издававшаяся в Лондоне Мелкум-ханом, который был также и ее редактором. В произведении Мелкум-хана «Книга тайн Ферамуш-хане» высказаны сущность и цель этого объединения. Собрания общества проводились в таинственно-мистической обстановке подобно европейским масонским организациям. Как и последние, общество объединяло лиц высшего сословия.

М. Ф. Ахундов отнеслся благосклонно к обществу «Ферамуш-хане» — «Джамийате-Адемият», считая его полезным для развития в стране общественно-политической активности.

В 1909 г. француз Визюз основал другую масонскую ложу в Иране, которая при содействии европейского масонства превратилась в средство закабаления страны английскими империалистами.

³ В русском варианте «И» подстрочного примечания нет.

К стр. 57.

¹ Улемы — духовный чин в исламской религии.

² Кербалай и Наджеф — города в Ираке.

К стр. 58.

¹ Гяуры — ишверцы, немусульмане.

К стр. 60.

¹ АБСДЕЖ: «И не менее десяти [АСД: пятнадцать] лет; а также одним из средств осуществления этой цели является устранение фанатизма из жизни двух сект (суиниты и шииты), что может быть достигнуто с помощью улемов и богословов лишь при том условии, если государство заранее приступит в этих целях к воспитанию самих улемов и богословов и внушит им мысль о пользе единения и об ущербе, который приносят ссоры между двумя государствами [Иран и Турция], и будет готово содействовать осуществлению своих мыслей, а затем примется за дело. Из-за того что без этих предварительных мер его снательство из рода Авыридов [Надир-шах] осмелится приступить к делу, он потерял свое царство и сложила голову, став жертвой фанатиков».

² Вместо «правителей» в АБСДЕФЖ: «мудрых мер».

³ АБСДЕФЖ: «Он заплетет в течение одного часа этот невежественный, верящий в демонов, сатану, ангелов, чудодействия и во все магии народ и...»

К стр. 61.

¹ БЕЖ: «Чтобы ради этого государство, пока оно восстановит свою былую мощь и славу, добилося покровительства сильных держав Европы в целях обеспечения своей безопасности от нападения некоторых алчных и сильных государств».

² АСД: слово «нет» вычеркнуто; И: слово «нет» отсутствует.

К стр. 62.

¹ АБСДЕФЖ: «То есть не лелеять надежду ни на чью искренность и преданность».

Одним словом, о Желал-уд-Довле, государственный строй должен быть основан на тех началах, на которых зиждется английская государственность, то есть должен быть конституционным государственным строем, быть на законных началах. Только в этом случае государственный строй может долго продержаться и народ всей душой будет стремиться к тому, чтобы владение падишаха [Ф: сначала было написано «эмирата», а потом зачеркнуто] было прочно».

К стр. 71.

¹ Сурейя — звезда из созвездия Плеяды.

К стр. 72.

¹ Шииты — правоверные мусульмане, после смерти Мухаммеда признали халифство Али, а первых халифов после Мухаммеда — Абу-Бекра, Омара и Османа — считали захватчиками; после смерти Али его потомство причислили к имамам. Шиизм как религиозная секта был создан непосредственно после смерти Мухаммеда.

К стр. 83.

¹ Как уже отмечалось (см. стр. 296), редакция, публикуя тексты Ахундова на русском языке, не считает возможным исправлять авторский перевод, но здесь считает необходимым заметить, что в ряде мест на русском языке Ахундовым неудачно употребляется термин «существо». Так, говоря о вселенной как о могущественном, всеобъемлющем «существо», Ахундов, однако, употребляет это последнее слово в смысле «бытие». В азербайджанском и персидском текстах сам Ахундов так именно и пишет: «варлаг» (азербайджанское), «монджуд», или «монджудат» (арабские), которые означают «бытие», или «сущее».

Для обозначения философской категории «материя» М. Ф. Ахундов в своих произведениях употребляет также выражения: «существо», «вселенная», «бытие», «сущее». Он говорит о «вселенной, существующей независимо», отрицает какое бы то ни было другое начало, говорит о «бытии, существующем само по себе», о «субстанции как сущности вещей» и т. д. В работе «Ответ философу Юму» М. Ф. Ахундов пишет по этому вопросу следующее: «Говоря о бытии, мы имеем в виду сущность и субстанцию вещей. Эта сущность в смысле индивидуальном противоположна абсолютному небытию; в смысле же всеобщем она является единым совершенным и всеобъемлющим бытием, т. е. совокупностью материи...» (Подчеркнуто нами. — Ш. М.).

² АСД: слово «могущественное» вычеркнуто, в БЕФЖ этого слова нет.

К стр. 84.

¹ АСД: слово «могущественное» вычеркнуто, в БЕФЖ этого слова нет.

² Н (добавлено карандашом): «То есть причинности конца не будет».

К стр. 85.

¹ Н: вместо «разумных атомов» исправлено карандашом: «частица вселенной».

К стр. 88.

¹ Н (добавлено карандашом): «Учение о переселении душ и их воплощении с давних пор сильно распространено на Востоке».

² Ниже приводится подстрочный перевод этих двух бейтов (двустийши):

«Потоки (вод) шумели, грохоча,
Но успокоились, одна достигнув моря».
«Муравей восторгался зернышком [ячменя].
Но, попав на гумно, устыдился».

К стр. 90.

¹ Д: слово «могущественное» вычеркнуто.
ЕФЖ: отсутствует «могущественное».

К стр. 92.

¹ АС (М. Ф. Ахундов добавил):
«В этом суть двух бейтов Моллайи-Руми:

Как только непорочности стала пленницей дуканства,
Приверженцы Моисея стали воспеть друг с другом
Как только первоначальная непорочность восторжествовала,
Моисей помирился с фараоном.

То есть, Моисей и фараон подобно Магомету и Абу-Джахлу вместе представляли одно существо, но, отделившись от своей первоначальной сущности и появившись в этом мире, они начали воспеть друг с другом; когда же они вернулись к своей первооснове, то вновь стали единым существом, каким они были до того».

² *Fend* (арабское) — уничтожение, седьмая, высшая ступень духовного совершенства в учении суфиев.

К стр. 93.

¹ *Исрафил* — по верованию мусульман ангел, который звуком трубы возвестит начало страшного суда.

К стр. 94.

¹ В Коране говорится, что Мухаммед, чтобы показать чудо, рассек якобы луну пополам.

² В евангельской притче говорится о воскрешении Иисусом мертвых.

³ Шинты убеждены, что 12-й имам присутствует среди людей, сторонники других религий создали легенду об исчезновении ряда пророков и об их возвращении в установленный всевышним срок.

К стр. 98.

¹ *Учение Генефи* — названо по имени одного из четырех суннитских толкователей ислама: Генефи (700 — 767), Малик (714 — 796), Шафий (767 — 820), Ханбал (780 — 855), каждый из которых создал свою школу. Генефи — догматик в отношении исламского права (см. примечание 1-е к стр. 208) и предание (хадисы) (см. примечание 1-е к стр. 87). *Шафиты* называются мусульмане, подчиняющиеся в исламе догмам, предписанным Абу Абдуллахом Мухаммедом Шафием, и выполняющие предписанные им религиозные обряды. *Исмаилиды* — мусульманская шинитская секта, возникшая в середине VIII века, признают Исмаила, старшего сына VI имама шиитов Джафар Садика, седьмым и последним имамом. Исмаилиды называют себя также батинидами (*батин* — по арабски сущность), так как якобы только они следуют сущности Корана. Они веруют в переселение душ (тенеасуха). Этому учению следовали в Египте фатимиды, в Ираке и Сирии — карамиты, в Иране — саббахиды. Исмаилиды защищали интересы феодалов, укрепляли их господство над крестьянами с помощью религии. В настоящее время исмаилидские вожаки превратились в руках империалистов в орудие сохранения на Востоке колониального гнета. В божественную субстанцию Али верит секта шиитского толка — алиаллахи, крупнейший представитель ее в XIX в.

Ахмед Бахрейнский. Алиаллахи считают Али первопричиной мироздания, абсолютным духом, богом *Бабиств* (*бабиды*) — последователи сектанта XIX века Баба — Сеид Али Мухаммеда (см. указатель имен).

К стр. 100.

¹ Аламовт — крепость близ Газвина и местечке Рудбарон в Персии.

² Этот стих, как и все стихи Алкорана, по вероучению ислама, ниспослан богом через ангела Гавриила.

К стр. 103.

¹ Н (добавлено карандашом): «[Который] догнала только на другой день в сопровождении молодого раба, по имени Сафран».

К стр. 111.

¹ Эта и последующая церемонии описаны с незначительными изменениями в произведении Мирзы Мохсуна Фани Кашмири «Дебистан-уль-Мехалиб» («Школа религиозных воззрений»).

К стр. 117.

¹ Е (на полях приведено следующее двустишие):

Проповедник описывает ад, о богобоязненной терн,
Правда на его собрание, и ты увидишь, что такое ад.

(И тут же дано истолкование этого двустишия): «То есть, само собрание, на котором выступает проповедник, представляет собой ад».

К стр. 118.

¹ АБСДЕФЖ: «Когда спрашивались их, мол, упоминайте хоть одну из этих выгод, они бывали беспомощны в ответ».

Правда, все собрания приносят какую-то пользу нации, если эти собрания сосуществуют определенной целью в умысел. Например, если до собрания в стране среди единой нации был поднят вопрос о том, что такие-то наши нужды должны быть удовлетворены. Допустим, что староста какой-то деревни умер и мы должны избрать нового старосту, чтобы тот содействовал удовлетворению наших нужд. В таком случае избрание нового старосты является той целью и намерением, которые предшествуют собранию. В этом случае собрание полезно, потому что эта цель претворяется в жизнь благодаря собранию. А какая же цель и какой умысел, направленные на благо нации, предшествовали собранию в Мекке? Некто пришел из Китая. А разве, когда он приезжал, имел ли в виду то, чтобы пособить горю паломника из Индостана?

Один приезжает из Китая, другой — из Индостана, они встречаются, не зная друг друга, в течение десяти дней видятся ежедневно, и каждый из них занят завершением своих дел. После этого они возвращаются, один из них направляется в одну сторону, второй — в другую. Это похоже на то, что какой-нибудь странник прибудет и

огромный и чуждый ему город и, не зная никого, погуляет десять дней, затем вернется на родину и только расскажет, что был в таком-то городе, видел огромные толпы людей. Какая же польза от этого его отчизне, народу и целой нации?»

К стр. 119.

¹ Абзац в квадратных скобках воспроизведен по азербайджанскому изданию: М. Ф. Ахундов, Сочинения, т. III, Баку, 1938, стр. 130.

К стр. 122.

¹ С.Д.: «То есть душа и жизнь это такие качества, которые не могут существовать сами по себе. Они нуждаются в пространстве, подобно тому как разум, свет, тепло, магнитная сила и прочее существуют не сами по себе, а скорее в телах».

К стр. 124.

¹ Взято из вариантов АБСДЕФЖ.

К стр. 126.

¹ Магеррам — первый месяц арабского лунного года. 10-го числа этого месяца в 680 году третий имам шиитов Гусейн ибн-Али во главе своего небольшого отряда потерпел поражение близ Кербела со стороны войск Езида ибн-Муавие и был убит. По этому случаю шииты каждый год в месяце магеррам носили траур.

К стр. 128.

¹ АСД: «Исцеление от этого бедствия заключается не в перемене религии, а в умножении естествоиспытателей и философов среди всех бедных и богатых, высших и низших, городских и деревенских слоев населения».

² АБСЕ: «Будто в Медине нельзя было сыскать ни одной женщины, которая исполнила бы обязанности повивальной бабки».

К стр. 130.

¹ АБСДЕФЖ: «Собрание».

К стр. 131.

¹ АБСДЕФЖ: «70 тысяч раз».

К стр. 133.

¹ Далее в АБСДЕФЖ следует: «Признает пантеизм».

² АБСДЕФЖ: «Если рассматривать книги, относящиеся к эпохе египетских халифов из Алеvidов, исмаилитского толка, то можно найти в них полное учение шейха Ахмеда Бахреини».

³ АБСДЕФЖ: «...Подобно тому, как христианство полагает пантеизм в отце и сыне и в святом духе. Хотя, испугавшись язычества, отгораживается и с возгласом «берегись! берегись!» умыкает руки».

⁴ АБСДЕЖ: «То есть одно в виде пламени; предположим, что это — имамы, другое — в виде света и тени; предположим, что это мы. Следовательно, в нас нашла свое проявление та абсолютная и могущественная сила, которая называется огнем. Если бы не было

этой силы, не было бы также и нас. Если бы не было нас, то не было бы также и этой силы, то есть раз нет пламени, света и тени, то истинность горения абсурдна. Ни эта сила не имеет власти над нами, ни мы не властны над ней. Это и есть пантеизм. Чего же еще тебе надобно?»

Шейхиты скажут, что огонь — это божья воля, но ведь воля нематериальна, и поэтому воля не может являться элементом пламени, света и тени.

Потому что воля — такое духовное явление, от которого зависит деятельность нашего народа. Откуда же тогда происходит наше материальное начало? Ведь покойный шейх сам считал, что все состоит из форм и элементов. Форма наша известна, но ведь должна быть и наша материальная основа. Если шейхиты скажут, что элемент возник из небытия, то это явный вздор, потому что в небытие не может заступить элемент; тем более, что, по мнению шейхитов, элемент — светильник огня и пламя — продукт огня.

Если огонь считать божьей волей, а не материей, то тогда от какого светильника может возникнуть материальный элемент и как может быть пламя продуктом нематериального?

Одним словом, очень путаное мнение. Не знаю, каким образом шейхиты совмещают все это с шариатскими верованиями».

К стр. 135.

¹ М. Ф. Ахундов ошибается: Гуррат-уль-Эйн не встречалась с Бабом. Утверждение, что Гуррат-уль-Эйн участвовала в сражениях бабидов против шахских войск, также не соответствует истине.

К стр. 137.

¹ АСД: «Европейские философы, кроме отмеченных доводов, приводят еще два других относительно превосходства моногамии над полигамией. Один из них заключается в том, что очень часто при многоженстве люди бывают лишены любовного наслаждения. Если случайно появится любовь и страсть к одной из жен, то другие по меньшей мере будут тяжело сокрушаться вследствие бесплодной женственности, противоестественной правосудию и справедливости. Другой же довод, по мнению этих философов, сводится к тому, что многоженство противоречит равноправию. Оба эти довода нуждаются в широком толковании, однако здесь не место распространяться об этом».

И философы, которые напишут произведения, направленные на устранение многоженства, несомненно, всесторонне раскроют оба эти положения, упомянув примеры развращенности и испорченности нравов и случаи безобразных явлений, вызванных многоженством».

² АСД: «Что такое обладатель? Что такое обладатель или обладаемое? Быть обладателем или обладаемым противоречит равноправию в человеческом обществе. Подобные вещи допускаются только мусульманским аллахом, являющимся источником угнетения и гнева и держателем ада. Они гармонируют с его природой и противоречат природе человечества».

К стр. 138.

¹ Зикаде (Зуль-када) — одиннадцатый месяц арабского лунного года.

К стр. 139.

¹ АБСДЕФЖ: «Жаль тебя, о Кемал-уд-Доуле! Как же ты не знаешь, что счастье, связанное с существованием такого обычая и такой веры, в глазах умного человека кажется той же низостью, и если даже законы и установления персидских государей будут перелом всех установлений и ахотом всех законов, то в соединении с такой верой они будут менее придекательны, чем украшения осла».

² АБСДЕФЖ: «Придерживаясь философского и атеистического учения».

³ АБСДЕФЖ: «Философствование и атеизм».

К стр. 141.

¹ Текет в квадратных скобках взят из вариантов АБСДЕФЖ.

² Возможно, что Абдурахман ибн-Халдуи и происходил из рода Омеядов, однако он не мог быть племянником Абу-Суфьяна и двоюродным братом Муанни, так как Абу-Суфьян и Муанни жили в VII в., а Абдурахман ибн-Халдуи — в XIV в. По-видимому, М. Ф. Ахундов использовал подобный прием с тем, чтобы подчеркнуть ненаучную исходную позицию, которую занимал в споре Джелал-уд-Доуле.

К стр. 142.

¹ Н: «После того пока».

² АБСДЕФЖ: «И он сочинял трактаты в интересах оправдания своего поступка перед отцом и окончательно убедил его в том, что стоит на истинном пути. Так как отец его был простодушным, то и доверился своему сыну и положил на него сан престолонаследника».

³ АБСДЕФЖ: «Если в крови потомков Темуралиновых имелось такого рода неадекватность, философствование, сила различения действительности от ложного и содержалось такое вещество, которое было способно побудить их к извлечению рода людского от невежества и заблуждения и болей душой об его участи, то почему же твои предки, властвовавшие более 300 лет над народом Индустана, не обращали никакого внимания на пустые верования индусов?»

К стр. 143.

¹ АСД: «У животных имеется такая ревность, что они по мере возможности оберегают самок, находящихся в их власти, от остальных самцов. Разве вы не видите лошадей, собак, птиц, петуха? Неужели человек должен быть бесчестным и менее ревнивым, чем животное, и отдавать своим же руками свою половину чужому самцу?»

² АБСДЕ: «Почему твои глаза не узрели убеждений чарваков, чтобы мы, так же как и индийские чарваки, веровали бы, что во вселенной нет создателя, творца, и высшее и низшее протекают от мировой природы, и нет ясного довода и твердого аргумента, подтверждающего существование творца. Так почему же следует покоряться, [говорят чарваки], минным, даже несуществующим явлениям? Почему уйти нужно от мира [и] молитвы, в храмы и монастыри довериться ангелам, о существовании которых нет досточинных свидетельствований? Почему же мы должны довольство, основываясь на глупом предчувствии? Почему променять наличное на обещанную химеру? Почему быть обманутым лживыми словами тщеславных красноречивцев, которые ради достижения своих целей избрали путь

обмана? Почему же нам, покорившись людям с подлой душой, считать их господами и покровителями и быть презренными рабами, благоговей перед ними? Все то, что не явлено, недостойно доверия. Тела состоят из элементов. В силу необходимости природы несколько различных элементов вступили в связь друг с другом. Раз имеются устойчивости состава тела и целостности формы, то мы должны установить связи той вещи, которая соответствует природе и от которой нельзя предать вера для жизни. Если даже тело разлагается, то все равно превращенный элемент остается элементом. И после разрушения уже человеческого тела нет восхождения к высшему миру, блаженству и доминанту, как и нет нисхождения к геене огненной. Стало быть, надо полагать, что виновные в делах божественного закона не получают возмездия, а добродетельные и божественных делах не достигнут блаженства и доминанты, может быть вследствие того, что виновный полностью избавил себя от мук поста, намаза, молитв и послушания, а добродетельный не испытывает тягосты молитв, являющихся поистине мучением. Раз так, то умный должен пользоваться всеми светскими наслаждениями и не должен воздерживаться от желаний, ибо если уже ушел в землю, то нет тебе возврата».

«Другой раз не перенеси; уж коль ты ушел — ушел без возврата» (Стих персидский).

К стр. 144.

¹ АБСДЕ: «Создать конституцию».

К стр. 145.

¹ БЕФЖ: «И чтобы не вверг в плачевное состояние вашу нацию».

² По повествованию автора, Джелал-уд-Доуле предлагает своему другу Кемал-уд-Доуле вернуться к нему в Египет (см. примечание 4-е к стр. 33), где они расстались перед путешествием Кемал-уд-Доуле за границу.

К стр. 146.

¹ АБСДЕ: «Пустые убеждения, то есть религиозные верования».

К стр. 147.

¹ АБСДЕ: «То есть либералов и последователей прогрессивных идей и сторонников цивилизации».

Цель его заключается в том, чтобы распространить среди своего народа науки и технику. Для осуществления этой цели по мере возможности он прибегал к различным средствам, одним из которых является изменение арабского алфавита. Он желает посеять и семя своего народа семена мужества, чести, любви к другим народам, патриотизма, справедливости и равенства, чтобы раздор был заменен союзом. Он хочет устранить нужду и унижение, чтобы народ его стал могущественным. Однако эта цель и надежда никогда не осуществлялись, если не разрушить основ религиозных верований, которые заставляют процветать народы и мешают его развитию в мировых делах. В силу этой причины по внутреннему побуждению он писал все, что знал. Только в этом кроется причина написания писем Кемал-уд-Доуле. Трудно себе представить какую-либо другую цель. И если даже с точки зрения некоторых лиц вопросы, поставленные в этих письмах, окажутся вредными для страны и народа, то они могут считать, что их совсем не было.

Вследствие неграмотности и невежества народа плуты и мошенники от хиджрата и до сегодняшнего дня творили неслыханные жестокости и бедствия на иранской земле и стали причиной плачевного положения жителей этой страны. Так, в самые последние дни некоторыми приверженцами бабизма в Иране было пролито столько крови и совершено столько бесчинств, что невозможно описать их в таком коротком письме. До каких же пор мы, несчастные, должны быть козлом отпущения таких враждебных, алчных и себялюбивых людей? Мы еще не пробудились от спячки. И в отличие от европейцев под влиянием всевозможных пустых слов корыстных людей приходим в движение.

Если сегодня кто-нибудь из европейцев, выдавая себя за пророка и апостола и следуя их примеру, припишет себе сверхъестественную, чудотворную и магическую силу, то в тот же миг его сочтут сумасшедшим и отправят в дом умалишенных для лечения, если же он окажется мошенником и шарлатаном, то понесет наказание».

² Б: «Автор, Кемал-уд-Долае, говорит, что в наш век с течением времени рай и гурии все более теряют прежние блеск и сияние и не стоят того, чтобы люди из-за желания соединиться с ними старались умереть мученической смертью в борьбе с своими сильными врагами.

В таком случае, дабы сохранить силу народа и славу государства, разумные мужи во имя могущества своего народа и защиты родины от иноземных захватчиков должны готовиться в наш век к устранению бедствия, которое заключается в рабстве, отсутствии свободы и независимости. Свершение этого в наш век, полный событий, близко к осуществлению, и оно создаст могущество нации и обоснует страну от господства других народов. Устранение такого рода бедствия заключается в распространении наук среди всех слоев общества и в прививании народу чувства патриотизма, человеколюбия, чести и славы, как это свойственно в настоящий момент могущественным народам Европы».

К стр. 148.

¹ АБСДЕ: «Избавив свой народ от этого проклятого и негодного письма, которое досталось нам в наследие от того народа (арабов), он вырвет его из мрака невежества и доставит к свету просвещения. Если он достигнет этого своего желания, он непременно будет счастливым и покинет этот свет удовлетворенным».

² Автор книги «Милал и Нихал» (Китаб-уль-Милал ва-Нихал» «Книга о религиозных и философских течениях») — знаменитый арабский историк Мухаммед Шахристани (1086 — 1143), произведение его переведены на восточные и западно-европейские языки.

К стр. 150.

¹ АБСДЕ: «После этого мы не считаем себя рабами усопших арабов. Обратим взоры к нашим предкам и их наследию. То есть наши падишахи, их регенты и все сыны иранской земли, возгоревшие страстным желанием содействовать своим братьям и соотечественникам, считают потомками своих предков также и иранских зороастрийцев и стараются улучшить их благосостояние и никому не позволять вовлекать их в сети исламской религии, ни одного из них (да и нам самим опротивела эта религия), чтобы этот народ с ангельской душой не рассеялся по всему миру и его изгнанники отовсюду вернулись бы на свою родину, подобную раю, и под эгидой иранских падишахов жили в полном довольствии и благополучии.

Любезнейший мой брат!

Вы в Тегеране часто встречаетесь с зороастрийцами, скажи им от моего имени: О зороастрийцы, о наши братья, соотечественники, сородичи и соплеменники! Мы не знаем, какими словами извиниться перед вами, так как в настоящий момент из-за нашего невежества, из-за приверженности и преданности врагам нашего добра мы терпите всевозможные бедствия и несчастия. Теперь, когда Кемал-уд-Долае сиял лелену с наших глаз и раскрыл нам тайны истины, мы тысячу и тысячу раз жалею о наших поступках. После этого мы будем относиться к вам заботливее, чем наши отцы и братья, и напомним свое отношение к прекрасной морали вашей и наших предков.

Мы не можем взять на себя дело возрождения «Неймани-Ферганга», законов мехадиев и религии зороастрийцев в Иране, ибо этот нейман, эти законы и религия уже отжили свой век. Что же касается правов ваших и ваших предков, мы обязуемся считать нас своими братьями и не делать различия между собою и вами, ибо мы только теперь поняли, что являемся сынами персов и наша священная обязанность сохранение чистоты персам, а не разбойникам-арабам, иными словами, наш святой долг — это беззастенчивая преданность родине, сородичам, соотечественникам и соплеменникам, а не преданность религии, подобно тому как европейцы считают религию бессмысленностью и признают, что преданность родине и соотечественникам является признаком доброго имени и благородства. После этого наши плуты и мошенники изменят обращение с вами и будут относиться к вам, как сердечные братья. Если мы учредим в Иране общественное собрание, подобное европейскому театру, то, описав все наши беды и страдания в прозе и стихах, занецаем их там и не будем касаться бедствий чуждых нам людей. Воспитывая ваших детей в школах мы поднимем их на высоту падишаховских заслуг, поручим им серьезные дела и дадим им власть во всех уголках государства, чтобы при свершении справедливости и правосудия в отношении зороастрийцев они поступали соответственно доброму праву своих предков и стали примером для мусульман и любви к родине, к чистоте государю, трудолюбия».

² АБСДЕ: «Любезнейший мой брат!

Вы не удивляйтесь, что я надеваю столькими прекрасными качествами исконных персов. Нельзя отрицать того, что исконные персы, зороастрийцы, может быть, и все персональные мусульмане лучшие других мусульман, и по своей морали и поведению стоят голову выше других народов. Об их добронравности, иранственности, послушности, преданности и чистоте государю достаточно красноречиво говорит тот факт, что вследствие наличия указанных черт они со времени победы арабов, оказавшись под игом деспотизма султанов, до сих пор терпят всякие унижения и притеснения деспотов и их жестокости и в отличие от других народов мира никогда не помыслили о свободе, хотя сегодня власть деспотизма во многих странах земного шара либо вовсе прекратила свое существование, либо в той или иной степени ослабела».

К стр. 152.

¹ АБСДЕ: «Человеческий разум может судить».

² АБСДЕ: «Когда приверженцам исламской религии станет ясно и очевидной пустота древних религий, они подумают про себя: «Как ничтожна наша религия» — и поймут, что если бы в мире пужа была религия, то почему же бог вселенной в течение нескольких

тысячелетий не посылал до Моисея справедливого пророка, чтобы тот очистил землю от тех пустых религий. Разве до того времени этот мир и эти люди не имели никакого отношения к нему? Разве до того времени бог спал, и, только проснувшись, увидел, что ничтожные религии засорили его мир, и после этого он решил послать справедливых пророков и священные писания?»

К стр. 153.

¹ АВСДЕ: «С этой точки зрения, для того чтобы человек обладал прекрасной моралью, мы считаем нужным допущение в воображении такого существа, которое само обладало бы прекрасной моралью, величием, красотой, могуществом и милосердием и было бы достойно поклонения и обожания, чтобы мы старались приблизиться к нему и называли бы такое существо богом всей земли и творцом вселенной. Имея в виду такое существо и считая его достойным поклонения и обожания, мы должны исполнять ритуалы поклонения, как-то: намазы, посты, закаты, наломничества и т. д.

После того как мы будем иметь перед собой пример такого существа и совершать церемониальные обряды в знак обожания и поклонения ему, мы должны надеяться на его милосердие, страшились его гнева и подражать его прекрасной морали. Мы не должны допускать никакого греха, чтобы быть достойными его милосердия и не подвергать себя его гневу.

В таком случае если мы найдем средство овладения прекрасной моралью без воображаемого существа, достойного поклонения и обожания, то тогда отпадет необходимость во второстепенных условиях религии, которые заключают в себе веру и культ».

[РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ И ИМЕН]

М. Ф. Ахундов в азербайджанских и персидских вариантах трактата «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» дал разъяснение некоторым терминам и именам.

Учитывая интерес читателей и исследователей к толкованию М. Ф. Ахундова значения таких терминов, как «деспот», «либерал», «революция» и т. п., включаем в настоящее издание впервые на русском языке эти «Разъяснения...» Перевод выполнен В. И. Аслановым.

К стр. 157.

¹ *Шанжеман-суби* (фр. *Changement subit*) — внезапная перемена.

К стр. 158.

¹ *Панзор* (*пансер*) (фр. *panseur*) — мыслитель.

КОПИЯ ПОСЛАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА «ПИСЕМ КЕМАЛ-УД-ДОВЛЕ» ОДНОМУ ИЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ШАРИАТА ИСЛАМСКИХ НАРОДОВ (в 1280 г.)

Написана по-персидски. Впервые на азербайджанском языке опубликована в книге. «Письма Кемал-уд-Довле...» в переводе М. Али-заде, под редакцией и с предисловием Г. Мамед-заде.

Детониздат, Баку, 1959. На русском языке печатается впервые в настоящем издании, перевод выполнен В. И. Аслановым.

ПИСЬМО Я. А. ИСАКОВУ

М. Ф. Ахундов использовал всевозможные средства в целях опубликования «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Довле...» Однако ни одна из его попыток не увенчалась успехом. И это письмо от 12 февраля 1875 г. на имя петербургского издателя свидетельствует об одной из таких попыток. В письме автор изложил кратко содержание своего произведения и разъяснил, в каких целях оно написано. Автор поместил это письмо в конце русского (II) перевода «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Довле...», откуда оно воспроизводится для настоящего издания. На первой странице письма к Я. А. Исакову есть надпись автора синим карандашом: «Пропу прежде прочесть это письмо, потом начать рукопись».

К стр. 164.

¹ Здесь автор имеет в виду свое письмо, которое известно как «Копия послания переписчика «Писем Кемал-уд-Довле» одному из деятелей шариата исламских народов (в 1280 г.)» (см. стр. 160 — 163 настоящего издания).

К стр. 165.

¹ См. примечание 2-е к стр. 35.

² Н: «И не глубокой учености» — автором вычеркнуто.

³ Н: «Как полубразованный мусульманин» — автором вычеркнуто.

К стр. 166.

¹ В интересах опубликования трактата «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» Ахундов отрицает наличие в нем пунктов, касающихся критики царского самодержавия и христианства. На самом же деле в трактате в резкой форме автор разоблачает всякий абсолютизм, а также показывает вымышленность и фантастичность всяких религий; и, конечно, ни паризм, ни христианство здесь не составляют исключения.

² Утверждение М. Ф. Ахундова, что якобы трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» будет способствовать пользе христианства, несомненно, было выдвинуто ради запечатления произведения. На самом же деле его философский трактат написан в духе атеизма в полном смысле этого слова; в нем автор с материалистических позиций обрушивается на все религии, в том числе и на христианскую.

³ *Мюридизм* — религиозно-мистическое учение в исламе, требующее от мюрида, последователя этого учения, беспрекословного повиновения мюриду (наставнику). В 20 — 50-х годах XIX в. мюридизм, распространенный среди кавказских мусульман, был использован мятежным духовенством для изолирования мусульман от немусульманских народов; мюридизм затуманивал классовые противоречия и обрекал трудящихся на слепое подчинение феодалам — мусульманскому духовенству.

⁴ По утверждению части мусульманского духовенства, мусульманину, умершему на территории, подвластной мусульманскому правительству, отпускаются грехи и он попадает в рай.

⁵ Согласно религиозным догмам ислама каждый мусульманин, обеспеченный в материальном отношении, обязан совершить паломничество в Мекку. Автор в данном случае ведет речь о бесполезной и пустой трате паломниками больших средств в чужих странах во время этого путешествия.

⁶ Фанатическое мусульманское духовенство запрещало изучение русского и других европейских языков.

К стр. 167.

¹ Чтобы оградить себя от нападков духовенства, деспотов, а также фанатически настроенных мусульман, М. Ф. Ахундов от всех, кроме самых близких единомышленников, до конца жизни скрывал свое авторство в отношении этого произведения. Он выдавал себя за переводчика трактата «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле...» Однако архивные документы и автографы этого произведения не оставляют места никаким сомнениям и спорам относительно авторской принадлежности «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Довле...» М. Ф. Ахундову. И даже некогда сомневавшиеся в этом вынуждены были уступить свои позиции под напором неопровержимых исторических документов. Убедительную трактовку этого вопроса можно получить в статьях и исследованиях 20 — 30-х годов, посвященных М. Ф. Ахундову (см. статью: А. Шариф, Мирза Фатали Ахундов в журнале «На рубеже Востока» № 2, 1928 и книгу М. Рафили, Мирза Фатали Ахундов, изд. Азернешр, Баку, 1939 и др.).

К стр. 168.

¹ Вслед за этим текстом следовало следующее сообщение, зачеркнутое Ахундовым:

«При сем посылаю одну книжку, заключающую в себе пять моих пьес; я имею еще одну замечательную пьесу в трех действиях под названием «Восточные адвокаты» и одну повесть под названием «Обманутые планеты», но это не брошюры; они напечатаны были в газете «Кавказ» — первая в 1856 году 25 и 29 ноября № 93 и 94 и 9 декабря № 96, вторая — не помню, в котором году, только во время редакторства Г. Шарца.

Разборы этих комедий* находятся в «Кавказе» 19 августа 1853 года (№ 61), в «Петербургском Инвалиде» 11 января 1853 года (№ 8), год сороковой, и в «Библиотеке для чтения», в отделе литературной летописи, не помню, в каком году, кажется, между 1850 и 1853 г.

Сын мой, учащийся Бельгийского университета, переводит эти комедии на французский язык по мере своего досуга, я желал бы их перевести на немецкий и английский языки, если только Вы найдете их заслуживающими внимания и примете на себя их издание на трех языках по какому-нибудь условию со мною.

* Речь идет об упомянутой книге, включающей пять пьес. — Г. М.

В настоящем издании «Ответ философу Юму» воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, под редакцией и с предисловием М. Касумова, изд. АИИ Азербайджанской ССР, Баку, 1953.

Рукописная копия на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 176). Дата написания не установлена. Впервые работа была напечатана на персидском и азербайджанском языках в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1938. В русском переводе помещена в сборнике: М. Ф. Ахундов, Философско-политические произведения, Баку, 1940.

К стр. 169.

¹ В рукописи автора указана ошибочная (1867 г.) дата.

² В азербайджанском тексте у М. Ф. Ахундова здесь употреблено слово «sonsuz» (Сочинения, т. III, Баку, 1938, стр. 195), что значит «бесконечное», а не «беспрерывное», как напечатано в предшествующих русских изданиях этого произведения.

К стр. 170.

¹ В предшествующих русских изданиях слово «ваджиб», которое употреблено в персидском и азербайджанском оригиналах (см. М. Ф. Ахундов, Сочинения, т. III, Баку, 1938, стр. 196, 199), переведено как «обязательное». Это не совсем точно, оно более соответствует слову «необходимое», поэтому всюду в данной статье мы придерживаемся этого последнего перевода.

К стр. 171.

¹ В издании М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, Баку, 1953: «перемещения».

К стр. 172.

¹ Здесь слово «мовджуд» («бытие») было неточно переведено как «существо». См. примечание 1-е к стр. 83.

[ИСТОЛКОВАНИЕ И ПОДРОБНОСТИ ВОПРОСОВ В БЕСЕДАХ С МЕЛКУМ-ХАНОМ]

Работа написана 28 марта 1872 г. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 13). Впервые напечатана на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1955. На русском языке произведение печатается впервые. Перевод выполнен для настоящего издания В. И. Аслановым.

В начале автографа М. Ф. Ахундов написал: «Истолкование и подробности вопросов, услышанных мною на нескольких собраниях от господина Рухуль-Гудса, который в конце марта месяца 1872 г. по дороге в Тегеран проезжал через Тифлис и временно останавливался там». Рухуль-Гуде (архангел Гавриил) — прозвище, данное М. Ф. Ахундовым своему другу Мирзе Мелкум-хану.

Мелкум-хан (1833 — 1909) воспитывался в Париже, где получил среднее и высшее образование. По возвращении в Иран основал в Тегеране масонское общество «Ферамуш-хане» (см. приме-

чашие 2-е к стр. 60), по запрещении которого Мирза Мелкум-хан был выслан из Ирана. Однако вскоре после высылки он стал занимать высокие государственные посты в Стамбуле, Париже, Лондоне, Риме, представляя в этих столицах иранское правительство. Свою деятельность, связанную с масонством в Иране, Мелкум-хан продолжал в обществе «Джамийате Адемият». В газете «Ганун» («Закон») Мелкум-хан печатал свои статьи об алфавите, экономике и др. Мелкум-хан — автор многих произведений, которые неоднократно переиздавались. М. Ф. Ахундов познакомился с Мелкум-ханом в 1863 г. (1280 г. летосчисления хиджри) в Стамбуле, куда приезжал со своим проектом нового арабского алфавита.

К стр. 175.

¹ *Хадисы* — рассказы или предания о жизни Мухаммеда.

К стр. 180.

¹ См. примечание 1-е к стр. 196.

БАБИДСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ

Настоящий текст воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, под редакцией и с предисловием М. Касумова, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где на русском языке работа была опубликована впервые. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 152): Дата написания статьи не установлена.

Впервые на персидском и азербайджанском языках статья была напечатана в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, 1938.

К стр. 183.

¹ *Марди-сейях* (персидское) — буквально — пекий путешественник.

К стр. 184.

¹ *Маджусы* (арабское) — зороастрийцы.

² *Хиджаб* (арабское) — покрывало. Здесь имеются в виду стихи из Корана, в которых говорится о необходимости затворничества женщин, в частности о том, что в присутствии посторонних мужчин женщина должна прятать лицо покрывалом.

³ Имеется в виду лицо, возглавлявшее в то время бабидскую секту.

⁴ По законам шариата омовение могло совершаться купанием (гусла) и умыванием лица и рук (дастамаз).

К стр. 185.

¹ *Орудж* — пост; *намаз* — ежедневные, несколько раз в определенное время дня, молитвы мусульман; *хумс* — одна пятая доля годового дохода мусульманина, которую он должен отдавать по шариату потомкам пророка — сеидам; *закат* — одна десятая доля годового дохода мусульманина, которую он должен отдавать в пользу нищих мусульман; *хадж* — паломничество в Мекку, обязательное для каждого имущего мусульманина.

² *Кибла* (арабское) — направление в сторону Мекки, к которой мусульманин обращается лицом во время молитвы.

³ *Джихад* (арабское) — священная война, насильственное посяжение на ислам.

К стр. 187.

¹ *Рикет* (арабское) — молитвенный обряд.

² *Урази* (персидское), *орудж* (азербайджанское) — пост.

[О НЕНУЖНОСТИ МОЛИТВ И ОБЯДОВ]

Настоящий текст воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, под редакцией М. Касумова, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где работа впервые опубликована на русском языке. В архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 490, стр. 51—56) хранится рукописная копия этой работы на арабском языке. Работа написана в 1873 г. Впервые напечатана на азербайджанском и арабском языках в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1938.

На рукописи есть пометка:

«Копия полемиического письма, отправленного в 1290 году хиджри полковником Мирзой Фатали Ахунд-заде одному из членов Кавказского духовного управления — салынку ахунду Молла Али Акберу».

К стр. 188.

¹ «*Арбаин*» («Сорок») — сочинение Бахаи.

² «*Эхья-иль-Улум*» — «Оживление религиозных наук».

³ *Кунут* — смирение.

К стр. 189.

¹ *Муджтахиды* — лица, авторитетные в вопросах религии.

КРИТИКА «ЕК-КЕЛЬМЕ»

Это произведение представляет собой выдержку из письма М. Ф. Ахундова от 8 ноября 1875 г. к автору книги «Ек-кельме» («Одно слово») Мирзе Юсиф-хану Мустешар-уд-Довле. Мирза Юсиф-хан, политический деятель (иранский посол в Париже, помощник визиря в иранском Азербайджане) и прогрессивный мыслитель, противник монархического строя, иранского деспотизма, боролся за конституционно-парламентский образ правления. Его перу принадлежат брошюры «О конституции», «Ремиз Юсифи» и другие произведения. Ахундов вел с Мирзой Юсиф-ханом переписку вплоть до последних месяцев своей жизни; ряд писем Юсиф-хана хранятся в архиве М. Ф. Ахундова. Впоследствии около 1890 г. Мирза Юсиф-хан был казнен в Иране в Казвинской темнице. Книга Юсиф-хана «Ек-кельме» вышла в Париже в феврале 1871 г. В ней дана резкая критика государственного строя Ирана, отсталости, сумятицы и беспорядка в этой стране. Но все, что требуется, по мнению автора, для устранения этих недостатков, заключено «в одном лишь слове — конституция». Достаточно-де принять и следовать единому по всей стране закону, как будут пресечены все корни зла. Страшась преследований духовенства, оказывавшего сильнейшее влияние на умственную жизнь Ирана, Мирза Юсиф-хан называл религию источни-

ком справедливости и предлагал в основу конституции положить догмы исламской религии, главным образом из Корана. М. Ф. Ахундов подверг справедливой критике эти ограниченные и совершенно ошибочные воззрения Мирзы Юсиф-хана, решительно утверждая, что угнетатель не перестанет угнетать, сколько бы ему ни читали проповедей; угнетенные сами должны встать, объединившись на защиту своих прав.

Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 490, стр. 64 — 71). Русский текст воспроизводится по книге М. Ф. Ахундова, Избранное, Гослитиздат, М., 1956.

Работа впервые опубликована на азербайджанском и персидском языках в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1938. На русском языке — в книге: М. Ф. Ахундов, Философско-политические произведения. Баку, 1940.

К стр. 192.

¹ Автор имеет в виду французских философов-просветителей XVIII в.

² Имеется в виду Франция.

³ Стихи Корана «хиджаб» (см. примечание 2-е к стр. 184).

К стр. 193.

¹ *Туман* — денежная единица в Иране.

К стр. 194.

¹ Автор имеет в виду право о неприкосновенности личности.

К стр. 195.

¹ *Хуме* (см. примечание 1-е к стр. 185).

² *Зякат* (см. примечание 1-е к стр. 185).

³ *Фитра* и *садаг* — материальная помощь, которую по законам шариа и *садаг* должны добровольно оказывать мусульмане нуждающимся или же обществу и целях подъема общего благосостояния.

⁴ *Динар* — денежная единица у арабов.

⁵ *По-прау* — имеется в виду по шариа. Шариа — свод мусульманских религиозных законов, мусульманское право.

К стр. 197.

¹ Стих из знаменитого произведения Саади «Гюлистан».

² Стих и последующий текст включены в русское издание впервые. См. на азербайджанском языке: М. Ф. Ахундов, Сочинения, т. III, Баку, 1938, стр. 218.

[ОБ УСТРАНЕНИИ УГНЕТАНИЯ]

(выдержка из письма Мирзе Юсиф-хану)

Впервые на азербайджанском языке напечатано в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1956.

На русском языке печатается впервые; перевод выполнен для настоящего издания В. И. Асламовым. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 89-IV). При жизни автора работа не публиковалась.

В автографе есть следующая надпись: «Откровение, услышанное из уст самого господина Рухуль-Гудса в 1280 году и записанное мною» (см. общее примечание на стр. 333 — 334).

Действительно ли состоялась между друзьями беседа или же сообщение об этом только литературный прием, во всяком случае выдвинутые здесь соображения неоднократно и более подробно рассматривались автором и в других произведениях, особенно в письмах к Мирзе Юсиф-хану и в критике произведения последнего «Еж-кейме».

К стр. 198.

¹ *Масдар* — по-арабски неопределенная форма глагола «угнетать».

К стр. 199.

¹ М. Ф. Ахундов обращается к Мирзе Юсиф-хану, адресату этого письма, чтобы он прочитал письмо Мирзе Магомеду Джафару — переводчику на персидский язык «Комедий» Ахундова, возражавшему против резко критического духа «Трех писем индийского принца Кемал-уд-Доле...».

О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЯХ

Воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, под редакцией и с предисловием М. Какумова, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где на русском языке статья была опубликована впервые. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 7). Работа написана 1 сентября 1865 г. При жизни автора напечатана не была. Впервые напечатана на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1938.

К стр. 202.

¹ Автор не ставил целью объяснить, что, несмотря на изобилие товаров на рынках Западной Европы, население ее, обладая низким платежеспособным спросом, не могло удовлетворить свою потребность в этих товарах.

[ДЖОН СТИУАРТ МИЛЛЬ О СВОБОДЕ]

Воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, под редакцией и с предисловием М. Какумова, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где на русском языке статья была напечатана впервые. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 2). Впервые работа была напечатана на азербайджанском и персидском языках в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1938.

¹ В «Избранных философских произведениях» М. Ф. Ахундова 1953 г. было переведено неправильно: «в копателей колодезь».

ЭСТЕТИКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УКАЗАТЕЛЬ К КНИГЕ.

Написан М. Ф. Ахундовым в 1851 г., впервые опубликован на азербайджанском языке в 1859 г. в Тифлисе в качестве вступления к первому изданию его комедий на этом языке. В архиве Ахундова имеются две рукописи на азербайджанском языке: инв. № 364 и инв. № 91 (автограф). Русский текст в настоящем издании воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранное, Гослитиздат, М., 1956.

К стр. 210.

¹ Первый театр в Тифлисе построен в 1849 г. (М. Ф. Ахундов указывает год (1266) по летоисчислению хиджри).

[О ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ]

Автограф на азербайджанском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 364). Как указано в конце произведения, М. Ф. Ахундов написал эту статью в качестве предисловия к изданию собранных им впервые произведений азербайджанских поэтов-реалистов: Вагифа (1717 — 1797) и Закира (1784 — 1857). В архиве М. Ф. Ахундова хранится рукопись сборника стихотворений названных поэтов. Ни сборник, ни предисловие к нему «О поэзии и прозе» при жизни М. Ф. Ахундова напечатаны не были. Впервые статья «О поэзии и прозе» была напечатана на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. II, Баку, 1938 г. На русском языке — впервые в книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, Баку, 1953.

Русский текст статьи «О поэзии и прозе» в настоящем издании воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранное, Гослитиздат, М., 1956.

К стр. 212.

¹ Газель — форма стихосложения.

К стр. 213.

¹ Известно, что М. Ф. Ахундов здесь дал неправильную оценку творчества азербайджанского поэта-классика Мухаммеда Физули (XVI в.). Возможно, одной из причин этой ошибки послужило то обстоятельство, что не все произведения великого поэта-мыслителя были доступны М. Ф. Ахундову, так как многие из них в то время находились в единичных и редких рукописных списках. Но без них трудно правильно оценить творчество Физули.

[КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

В архиве М. Ф. Ахундова хранятся два варианта этого произведения на персидском языке. Из них за инв. № 606 — автограф; в вариант, переписанный секретарем (инв. № 193), внесены некоторые исправления самим автором. Произведение написано летом 1862 г. Впервые напечатано на азербайджанском и персидском языках в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. II, Баку, 1938. Впервые на русском языке — в книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, Баку, 1953.

Русский текст в настоящем издании воспроизводится с некоторыми сокращениями по книге: М. Ф. Ахундов, Избранное, Гослитиздат, М., 1956.

К стр. 215.

¹ Шабан-муаззам — восьмой месяц лунного арабского года.

К стр. 216.

¹ Бахадур-джанс (персидское) — богатырь-сражающийся.

² Сартиб (персидское) — генерал.

К стр. 217.

¹ В русском издании 1956 г. М. Ф. Ахундова «Избранное» двустишия нет. В настоящем издании оно включено и текст по персидскому оригиналу.

К стр. 218.

¹ Здесь опущен отрывок и несколько строк из стихотворения Риза-Кули-хана Гидаята, представляющий бессмысленный набор слов ради рифмы.

² Слова «инз» и «зад» по-персидски можно выразить одним словом «зир». В данном случае Риза-Кули-хан употребил слово «зир» ради рифмы к слову Парманпир.

К стр. 220.

¹ Здесь опущен отрывок примерно и восемь строк из стихотворения Риза-Кули-хана, представляющий бессмысленный набор слов ради рифмы.

² Опущено несколько рифмованных строк из произведения Риза-Кули-хана.

³ Здесь опущен пример, приведенный М. Ф. Ахундовым, и ответ на него Риза-Кули-хана, утверждавшего, что имена и формы претерпели изменения и будто бы Надир Мирза был наказан за грехи одного из своих предков. На это М. Ф. Ахундов пишет:

«Легче понять трактат об алгебре Шейха Бахана, чем это стихотворчество. Алаха не даст, что ты хотел сказать и что имел в виду. Что означает выражение «опущается в мире чувства»? Какую ты цель преследуешь, говоря об изменении образов и предметов? Какие это образы и предметы? А к чему истина и предмет? Верно, эти термины можно осмыслить с точки зрения познания явлений и сторонников индийской философии, однако

с помощью шарпата их уяснить себе невозможно. Но почему же ты упоминаешь здесь о шарпате? Разве шарпат считает возможным подобное отпущение? Прадед Надира Мирзы допустил какую-то ошибку. Так почему же его внук должен быть в ответе за это? Каков же тогда смысл стиха из Корана: «Сын не отвечает за вину отца»? Если ты после этого считаешь меня придающим значение внешней стороне (верхоглядом), то что же, считай, я не страшусь: ты превратил себя в мишень для стрел порицания, да и сам ты прекрасно почувствовал, что здесь твои читатели не поверят этим словам твоим».

К стр. 222.

¹ Газель — форма стихосложения; касыда — ода.

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ ВЫСОКОГО ИРАНА «МИЛЛЕТ»

Статья написана М. Ф. Ахундовым 27 июля 1866 г., автограф ее на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 87). Русский текст в настоящем издании воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранное, Гослитиздат, М., 1956. В настоящем издании название статьи уточнено.

М. Ф. Ахундов адресовал эту критическую статью первому издателю газеты «Миллет» («Нация») в Иране Алигулу Мирзе Эфтиадуссатане для публикации. Однако адресат статьи М. Ф. Ахундова не напечатал. Впервые на персидском и азербайджанском языках опубликована в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. II, Баку, 1938. На русском языке — впервые в «Избранных философских произведениях» М. Ф. Ахундова, Баку, 1953.

К стр. 224.

¹ У Ахундова по летоисчислению хиджри: «14-е Раби-ал-Аввал 1283 г.», что соответствует 27 июля 1866 г.

² Истахр — Персеполь.

К стр. 225.

¹ Сурри (персидское) — ангел небесный, Шамс-ан-шар (арабское) — солнце поэтов — псевдонимы персидского поэта Мухаммеда-Али.

² Касыда — ода.

³ Газель — форма стихосложения.

К стр. 226.

¹ Наджя (арабское) — планета.

² Здесь на азербайджанском языке идиоматическое выражение.

К стр. 227.

«Хабибуссияр» — трехтомный труд гератского историка Мир-Хонда, написанный в 1516 г.

² Рухуль-Гудс — друг М. Ф. Ахундова Мирза Мелкум-хан.

К стр. 229.

¹ Вакуф (накф) — недвижимое имущество, выделяемое согласно шарпату в распоряжение мечетей и других религиозных учреждений.

² Мапераннахр (арабское) — буквально «Заречье», земли между реками Сыр-Дарья и Аму-Дарья.

К стр. 231.

¹ Фирсах (арабское) — мера длины, равная 6 — 7 км.

² Гаджидаванская крепость — древняя крепость, в Средней Азии.

К стр. 234.

¹ В автографе далее приводится стих из Корана:

«Во имя аллаха воюйте с теми, кто воюет с вами, но не допускайте несправедливости, ибо аллах не любит несправедливости».

К стр. 237.

¹ Шейхиды — последователи Шейха Ахмеда Бакрейнского, в отличие от других шиитов признают не телесное, а духовное воскресение.

К стр. 238.

¹ Чаури — проводник богомольцев по святым местам.

² Выдержки из стихотворения Мухаммеда-Али (он же Саадие поэтов) опущены.

К стр. 244.

¹ Ишбильвузари (арабское) — заместитель ишири.

[КРИТИКА ПЬЕС МИРЗЫ-АГИ]

До последнего времени считалось, что М. Ф. Ахундов написал это критическое произведение по поводу четырех пьес, принадлежавших якобы Мирзе Мелкум-хану. Еще в 1922 г. в Берлине были изданы отдельной книгой три из этих пьес под именем Мирзы Мелкум-хана.

В настоящее время на основании ряда документальных данных доказано, что автором пьес являлся тебризский драматург Мирза-Ага М. Ф. Ахундов не был с ним лично знаком. Из архивных документов и главным образом из пьесы Мирзы-Аги выяснилось, что он под влиянием М. Ф. Ахундова написал четыре эти пьесы и послал их из Тегерана в Тифлис Ахундову, чтобы узнать его мнение. При этом Мирза-Ага просил сохранить его имя в тайне. Интересно отметить, что в указанном ныне берлинском издании отсутствует наиболее интересная пьеса — «Любовные приключения Ага Ганнима Халхали». Подробнее обо всем этом см. в статье на азербайджанском языке А. Ибрагимова и Г. Мамед-заде «Об истинном авторе пьес, приписываемых Мирзе Мелкум-хану», помещенной в «Трудах Ин-та литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР», т. IX, 1956.

Свою статью М. Ф. Ахундов написал 28 июня 1871 г. по-

персидски на свободных страницах в начале и в конце рукописей Мирзы-Али (архив М. Ф. Ахундова, инв. № 992). Впервые статья была напечатана на азербайджанском и персидском языках в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. II, Баку, 1938. В русском переводе впервые опубликована в «Избранных философских произведениях» М. Ф. Ахундова, Баку, 1953, под заглавием «Критика пьес Мирзы Меджид-хана».

Русский текст в настоящем издании воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранное, Гослитиздат, М., 1956. Заголовок по указанным выше причинам в настоящем издании изменен.

К стр. 252.

¹ *Кебин* — брачный договор.

К стр. 257.

¹ «Гюлистан» — известное дидактическое произведение Саади. «Зинат-уд-д-жадиджис» — религиозно-художественное произведение Межидеддина Гусейна.

О МОЛЛАИИ-РУМИ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

На азербайджанском языке впервые опубликовано в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1938. На русском языке — впервые в 1940 г. в Баку в книге «Философско-политические произведения» М. Ф. Ахундова под редакцией и со вступительной статьей Г. Гусейнова.

В архиве М. Ф. Ахундова имеются на азербайджанском языке два автографа этого произведения, один — полный его вариант (инв. № 490), другой — неполный (инв. № 245). Произведение датировано автором 8 июля 1876 г. Русский текст воспроизводится в настоящем издании по книге: М. Ф. Ахундов, Избранное, Гослитиздат, М., 1956.

К стр. 260.

¹ *Фенâ* — см. примечание 2-е к стр. 92.

К стр. 261.

¹ *Симург* (жар-птица) — легендарная птица, упоминаемая в устном народном творчестве и эпосах многих восточных народов.

К стр. 263.

¹ «История Асхаб-Кхф» — известная легенда из Корана.

² Рассказ о Хизре см. в подстрочном примечании на стр. 76—79, а также в тексте на стр. 200 настоящего издания.

³ В предшествующих изданиях сочинений Ахундова на русском языке это последнее выражение было опущено.

⁴ В подлиннике приводится цитата из сочинения ахунда Моллы Абдуллы, которую опускаем, так как она не представляет интереса.

К стр. 264.

¹ В архиве М. Ф. Ахундова хранятся басни Моллаи-Руми. Из них напечатана была только одна — «Рассказ сенда Аляма

Сальянского» (см. Сочинения М. Ф. Ахундова, т. I, Баку, 1938, на азербайджанском языке).

² *Коджор* (Коджори) — дачное место в Грузинской ССР, близ Тбилиси, где часто летом отдыхал М. Ф. Ахундов из своей даче.

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

[ПИСЬМА]

Мирзе Гусейн-хану

Автограф письма на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 491, стр. 81—86). Написано в сентябре 1868 г., впервые опубликовано на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1955.

Русский текст воспроизводится в настоящем издании по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где впервые письмо было опубликовано на русском языке.

М. Ф. Ахундов познакомился с Мирзой Гусейн-ханом в бытность последнего в 50-х годах иранским консулом в Тифлисе. В начале 60-х годов, когда Мирза Гусейн-хан был консулом в Стамбуле, он пригласил к себе М. Ф. Ахундова, чтобы представить проект его нового алфавита турецким властям. Весной 1863 года М. Ф. Ахундов совершает поездку в Стамбул и останавливается там в доме Мирзы Гусейн-хана. Однако, узнав, что Мирза Гусейн-хан распространяет о нем клеветнические слухи, М. Ф. Ахундов покидает дом Мирзы Гусейн-хана и в своих письмах разоблачает его двурушничество.

В одном из своих стихотворений автобиографического характера («Стихотворение о новом алфавите», 1869), написанном на персидском языке, М. Ф. Ахундов подиерг Гусейн-хана резкой критикой.

К стр. 267.

¹ В легенде из Корана братья Носиф бросили его в колодезь и, вылавлив в крови его рубашку, явились к отцу с ложным известием, будто Носиф растерзан волками.

Министру просвещения [Ирана]

Автограф письма на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 287-III). Написано в сентябре 1868 г. Впервые напечатано на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1955.

Русский текст в настоящем издании воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где впервые письмо было напечатано на русском языке.

Написано 15 июня 1870 г. На русском языке письмо печатается впервые. Перевод выполнен для настоящего издания В. И. Аслановым. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 88, стр. 60 — 61). Впервые на азербайджанском языке напечатано в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. Баку, 1955.

К стр. 272.

¹ В автографе имеется следующая пометка, из которой выясняется, что автор под «подобными произведениями» имел в виду свои комедии:

«Копия письма, написанного Мирзой Фатали Ахунд-заде сыну Фатали-шаха Каджара принцу Джелаледдину Мирзе в 1870 г., при отправке своих комедий, напечатанных на азербайджанском языке».

² См. примечание 1-е к стр. 273.

[Мирзе Магомед Джафар-хану Гараджадаги]

Письмо датировано 29 марта 1871 г. Впервые напечатано на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1955.

В автографе имеется следующая пометка:

«Жителю Тегерана Мирзе Магомед Джафар-хану, переведшему на персидский язык мои «Комедии».

На русском языке письмо печатается впервые. Перевод выполнен для настоящего издания В. И. Аслановым. Автограф на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 13, стр. 25 — 32).

В письме М. Ф. Ахундов наряду с выражением своего удовлетворения качеством перевода своих «Комедий» на персидский язык останавливается на вопросе об общественном значении критики, показывает, сколь важное место занимает она, если не резонерствует, в деле воспитания людей.

³ Адресат этого письма — Мирза Магомед Джафар-хан Гараджадаги был секретарем Джелаледдина Мирзы.

К стр. 273.

¹ Перевод комедий М. Ф. Ахундова на персидский язык, осуществленный азербайджанцем Мирзой Магомед Джафар-ханом Гараджадаги, отличается высоким художественным мастерством. Иранские литераторы неоднократно отмечали роль Мирзы Магомеда Джафар-хана в развитии и демократизации персидской прозы.

² *Наибуссалтан* — имеется в виду Абас Мирза — сын Фет-Али-шаха Каджара.

К стр. 276.

¹ В сатирической пьесе М. Ф. Ахундова «Молла Ибрагим Халил...» высмеивается алхимия.

Автограф этого письма (от 14/X 1871 г.) на персидском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 13, стр. 133, 146). Впервые опубликовано на азербайджанском языке в Сочинениях М. Ф. Ахундова, т. III, Баку, 1955. Русский текст для настоящего издания воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где было впервые опубликовано на русском языке.

К стр. 279.

¹ *Куфический почерк* — арабское начертание букв, выработанное в конце VII в. в городе Куфе.

² *Несх* — арабское начертание букв, созданное в X в. Ибн-Мугле.

К стр. 282.

¹ Здесь и ниже в автографе цитаты из книги Ибн-Халдуна написаны на арабском языке.

Гасан-беку Зардаби

М. Ф. Ахундов в 1877 г. написал три письма редактору газеты «Экинчи» Гасан-беку Зардаби для публикации. Первое письмо было написано 1 января и напечатано 18 января 1877 г. в газете «Экинчи» № 2, второе — написано 15 февраля и напечатано 3 марта 1877 г. в № 5 той же газеты. Третье письмо впервые опубликовано на азербайджанском языке во II томе Сочинений М. Ф. Ахундова, Баку, 1938. Автограф писем на азербайджанском языке хранится в архиве М. Ф. Ахундова (инв. № 490).

Русский текст в настоящем издании воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, изд. АН Азербайджанской ССР, Баку, 1953, где эти письма были в русском переводе напечатаны впервые.

К стр. 285.

¹ На *туркском* — имеется в виду азербайджанский язык, до 30-х годов XX столетия его называли туркским.

К стр. 286.

¹ См. примечание 1-е к стр. 285.

² В автографе стих из Корана написан на языке оригинала (по-арабски).

К стр. 287.

¹ В автографе это выражение написано по-арабски.

² *Испай-ашари* (арабское) — буквально двенадцать, так называют шиитов, признающих двенадцать имамов.

К стр. 288.

¹ В подлиннике эти шесть строк стиха написаны по-персидски.

² В подлиннике стих из Корана приводится на арабском языке.

К стр. 290.

¹ В подлиннике написано по-арабски.

² *Азраил* — ангел смерти.

К стр. 291.

¹ *Джебраил, Михаил, Исрафил* — имена, связанные якобы с ангельскими добродетелями.

² «*Алиф-Лейла*» — сказки «Тысяча и одна ночь».

³ *Ахсан-уль-Гайид* — псевдоним Мухаммед-Садыха Ганджави, автора ряда статей религиозного характера, опубликованных в газете «Экиччи».

⁴ М. Ф. Ахундов имеет в виду ответ Гасан-бека на свое письмо от 1 января 1877 г.

К стр. 292.

¹ «*Векли-Ниязлуд*» (персидское) — «Неизвестный».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдурахман Джами. См. Джами Абдурахман

Абдурахман ибн-Халдуи. См. Ибн-Халдуи

Абу-Айюб Ансарн (VII в.) — приближенный Мухаммеда, военачальник 73

Абу-Али Багдадский 81

Абу-Али Синай. См. Ибн-Сина

Абу-Бекр — дядя Мухаммеда, первый халиф (632 — 634) 37, 105, 106

Абу-Джафар Мамед бин-Осман (IX в.) — так называемый второй посланник 12-го имама 73, 76, 80, 82

Абу-Джафар Мухаммед — мусульманский богослов 118

Абукрат (Гиппократ) (460 — 377 до н. э.) — древнегреческий врач, один из основателей медицинской науки 69

Абу-Негаб (VII в.) — дядя Мухаммеда 96

Абул-Касим Гусейн бин-Рох Нопбехти (ум. 937) — так называемый третий посланник 12-го имама, шиитский деятель 79 — 81

Абусанд-султан — третий правитель (XVI в.) из династии Узбеков 231

Абу-Сенд (X в.) — религиозный деятель, друг Ибн-Сины 142

Абу-Суфьян (ум. 651 г.) — один из вожаков племени Курейш и организаторов Бадрского похода против Мухаммеда. Впоследствии принял ислам, занимал важные посты в халифате 141

Абу-Убейд ибн-Джаррах (VII в.) — арабский полководец при халифате Омара 235, 236

Агнолат-султан (XVI в.) — узбекский правитель, крепости Хазар 229

Аше (612 — 676) — дочь Абу-Бекра, жена Мухаммеда 102, 103, 105, 106, 108, 109, 135

Алазикрихи-асседам Гасан — правитель Аламонга (1161 — 1165) из династии иранских Немавилов, реформатор 99, 101, 111 — 115, 135, 141, 142, 147, 158, 168

Александр Македонский (356 — 323 до н. э.) — выдающийся полководец древности 77, 215

Али бин-Мамед Семери (X в.) — так называемый четвертый посланник 12-го имама 80

Али-Гули-хан (XIX в.) — иранский военачальник при Мухаммеда-шахе Каджаре 215

Али Гусейн Бабуейх Кумский — мусульманский богослов 117

Али ибн-Абу-Талиб — двоюродный брат и зять Мухаммеда, четвертый халиф (656 — 661), первый имам шиитов 57, 80, 86, 87, 98, 106, 125, 129, 130, 131, 132, 141, 148, 161, 280, 287.

Али ибн-Мусар-Риза — восьмой имам шиитов (IX в.) 57, 161.

Али-Наги (Али-Наби) (827 — 868) — десятый имам шиитов 72, 73.

Али-хан (XIX в.) — иранский консул в Тифлисе, друг М. Ф. Ахундова 268, 269, 271.

Алфиз-биллах — египетский правитель (1154 — 1160) 116.

Амир Алишер. См. Навои Алишер.

Амир Наджми-Заргар. См. Наджми-Аввал.

Амир Ярахмед Нефаганский. См. Наджми Сапи.

Ануширван (Хосров I Аношерван) — иранский падишах (531 — 579) из династии Сасанидов 33, 35, 77.

Асвед-эйн-Мусейлиме — вероучитель, лжепророк (VII в.) 39.

Асма бинт-Немана (VII в.) 108.

Ахмед-бек Софи оглы (XVI в.) — иранский военачальник при шахе-Неманле Сефевидском 233.

Ахмед бин-Исхак (IX в.) — религиозный деятель 72, 74.

Ахсан-уль-Гаванд (см. примечание 5-е к стр. 291) 291.

Аш'ас ибн-Гейс Канди (VII в.) — арабский поэт 235, 236.

Ашраф Афганский (Афганский) 53.

Баб Сенд Али Мухаммед (1820 — 1850) — основатель секты бабидов, автор книги «Баян» («Откровение»), рассматривавшей сектой как новый Коран. Под знаком идей этой секты в середине XIX столетия в Иране проходила борьба народных масс против феодалов и шахской власти 60, 135, 137, 183, 186.

Бабер-шах Мирза (Бабур Захиреддин Мухаммед) — потомок Тимурлана, союзник иранского Шаха-Исмаила Хатан в походе на Мавераннахр (начало XVI в.), падишах Индии (1526 — 1530), основатель династии Великих Моголов (1526) 142, 229, 233.

Байрам-бек Карамани (XVI в.) — иранский военачальник при Шахе-Исмаиле Сефевидском 231, 233.

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788 — 1824) — английский поэт, виднейший представитель революционного романтизма XIX в. 242.

Бахан, Бахауддин Амили (ум. 1630) — шиитский правовед 57, 188, 189, 190.

Бахрейнский шейх Ахмед (1753 — 1826) — основатель секты шейхидов, автор религиозных произведений 98, 123, 131, 133, 137.

Билал (VII в.) — посланник Омара 236.

Бокль Генри Томас (1821 — 1862) — английский социолог и историк, автор сочинения «История цивилизации в Англии» 83, 242.

Бузург-Умид Мухаммед — правитель Аламута (XII в.) из династии иранских Исмаилидов 99, 100, 111, 142.

Вагиф Молла Панах (1717 — 1797) — азербайджанский реалистический поэт-классик 213.

Вартанов N. N. 163.

Вели-хан Гилянский (XIX в.) — иранский военачальник при Мухаммеде-шахе Каджаре 216.

Вольней Константин Франсуа (1757 — 1820) — французский буржуазный просветитель и востоковед 242.

Вольтер (1694 — 1778) — великий французский мыслитель 83, 162, 199, 242.

Воронцов Михаил Семенович — князь, наместник Кавказа (1841 — 1856) 210.

Газани. См. Каани.

Габидулла-хан Шахсеванский (XIX в.) — иранский военачальник при Мухаммеде-шахе Каджаре 215.

Гаджи-хан Бахадур-джанг (XIX в.) — иранский военачальник при Мухаммеде-шахе Каджаре 215, 216.

Газали Абу Хамид бин-Мухаммед (1059 — 1111) — арабский богослов, философ-мистик 92, 108, 122, 188.

Газали — иранский поэт и мыслитель 92.

Газневи Султан Махмуд — правитель (998 — 1030) из династии Газневидов 139, 141, 142.

Гараджадаги (Караджадаги) Магомед Джафар (XIX в.) — переводчик комедий и повести М. Ф. Ахундова на персидский язык 199, 200, 272.

Гасан Аскери — одиннадцатый имам шиитов (ум. 873 г.) 71, 73, 79.

Гасан-бек Зардаби. См. Зардаби.

Гасан бин-Ахмед Насирудовле 81.

Гасан бин-Саббах. См. Саббах Гасан.

Гасан Намивер (XII в.) — шурин Алазизрихи-асселама (см.) 114.

Гафиз. См. Хафиз.

Генези (см. примечание 1-е к стр. 98) 98.

Гезе — жена Мухаммеда 102.

Гиманат-шах Мирза Насреддин Мухаммед (1507 — 1555) — автор правил из династии Куракан в Индии 142.

Гомер — легендарный древнегреческий автор знаменитых эпической «Илиады» и «Одиссеи» 45.

Гулаку. См. Хулагу-хан.

Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769 — 1859) — немецкий ученый и путешественник 242.

Гуррат-уль-Эйн (1817 — 1851) — псевдоним Фатимы. Дочь казначея Баргана Моллы Салеха. За пропаганду бабизма была казнена Насреддин-шахом 135, 183.

Гусейн-бек Ляля (XVI в.) — иранский военачальник при Шахе-Исмаиле Сефевидском 233.

Гусейн бин-Рох. См. Абул-Касим Гусейн бин-Рох Новбехти.

Гусейн ибн-Али (626 — 680) — третий имам шиитов 128, 129, 135, 286 — 290.

Гусейн-Кули-хан (XIX в.) — брат Фет-Али-Шаха Каджара 220.

Дейлеми Фахр-уд-Довле (X в.) — VII правитель из династии Ал-Бувейха 141.

Дейлеми Шамс-уд-Довле (X в.) — VI правитель из династии Ал-Бувейха 142.

Джами Абдурахман (1414 — 1492) — иранский поэт-лирик, автор известных произведений на персидском языке «Хафт авранг», «Нафхат-уль-унс», «Бахаристан» и др. 83, 118, 213.

Джанибек-султан (XVI в.) — узбекский военачальник 231, 232.

Джафар бин-Суфй (IX в.) — мусульманский богослов 117.

Джафар Садых (702 — 765) — VI имам шиитов 76, 78, 100.

Джелаледдин Гасан — VI правитель Ирана (XIII в.) из династии Неманидов 115.

Джеледдин Мирза (ум. 1871 г.) — автор трехтомной истории Ирана «Наме-и-Хосрован» 272

Джамшид (Джам) — падишах, полулегендарный основатель государства древнего Ирана. В восточной поэзии символ радости и веселья 31, 49, 50, 91, 220, 224

Дурстуд-таж (XII в.) — жена Алазиркири-асселамы (см.)

Дюма Александр (отец, 1803 — 1870) — французский писатель 242

Елид ибн-Муавин — шестой халиф (680 — 683) Омейядской династии 286, 287

Закир Касим-бек Саруджаллинский Джеваншир (1784 — 1857) — видный азербайджанский поэт-сатирик 213

Зардаби Гасан-бек (1837 — 1907) — видный азербайджанский просветитель и общественный деятель, основатель и редактор газеты «Кичик» 284, 286, 291

Зейд бин-Гарис бин-Шерахил — приемный сын Мухаммеда 100 — 104, 108 — 110

Зейнаб — жена Зейда 102, 103

Зороастр (Зердушт) — мифический пророк, создатель зороастризма — религии, характерными чертами которой были представление о борьбе в мире двух начал — добра и зла, почитание огня, осуждение массовых кровавых жертвоприношений и т. д. 139, 140

Ибн Зияд (VII в.) — арабский полководец 286

Ибн-Мугле (X в.) — визирь ряда аббасидских халифов, создатель арабского почерка «неск» 279, 280

Ибн-Муджам Абдурахман (VII в.) — убийца Али, первого имама шиитов 287

Ибн Сина (980 — 1037) — великий ученый и философ, автор трудов в области медицины и философии 117, 142

Ибн-Халдуи Абдурахман (1332 — 1406) — знаменитый арабский историк, социолог 38, 40, 79, 116, 141, 282, 283

Исидор III (632 — 651) — последний царь из династии Сасанидов 37, 41, 165

Имаретул-Немени Неджмеддин — известный арабский поэт и мусульманский правовед XII века 116, 141

Исаков Я. А. (1811 — 1881) — петербургский книготорговец и издатель 163

Искендер. См. Александр Македонский

Исхак бин Якуб (IX в.) — мусульманский вероучитель 76

Кяли Мирза Габиб Ширази (1807 — 1854) — иранский придворный поэт 44, 237

Каджар Мухаммед-шах — иранский шах (1834 — 1848) из династии Каджаров 215

Касим-бек. См. Закир

Катиб Челиби Мустафа (1609 — 1657) — знаменитый турецкий историк, географ и библиограф 245

Керим-хан Рукн-раби (XIX в.) — исламский правовед, основатель шиитской секты «Керимхани» 134, 137

Кештасб (Гуштасб) — пятый падишах из иранской династии Кештидов. Фирдоуси в «Шах-наме» упоминает о Гуштасбе и его сыне-богатыре Несфандиаре 31, 140

Клиффорд Георг 273

Колумб Христофор (1451 — 1506) — знаменитый путешественник и географ, открывший Америку 97, 239

Коперник Николай (1473 — 1543) — великий польский астроном 79, 159

Ксенофан (VI — V вв. до н. э.) — древнегреческий философ и поэт 83

Кулсбхи (IX в.) — шиитский вероучитель 76

Линней Карл (1707 — 1778) — выдающийся шведский естествоиспытатель и натуралист 273

Лутфели-бек Азерб (1710 — 1790) — автор трагедии (биографий персидских поэтов) «Атешкэде» («Храм огня») 92

Махандарани Мирза Гусейн Али (1817 — 1894) — последователь Баба. Умер в ссылке на острове Кипре 183, 184, 185, 186

Мамед Бигир Меджлис. См. Меджлис Мамед Багир

Мамед бин-Айюб (IX в.) — шиитский вероучитель 73

Мамед бин-Габсвейх (IX в.) — шиитский вероучитель 73

Мамед бин-Муавин (IX в.) — шиитский вероучитель 73

Мамед бин-Осман (IX в.) См. Абу-Джафар Мамед бин-Осман

Мамед Ганифе — шиитский деятель (VII в.) 80

Мамун — VII халиф (813 — 833) из династии Аббасидов, сын Гарун-аль-Рашида 161

Мансур. См. Халладж Мансур

Манучехр-хан (XIX в.) 246

Мария — жена Мухаммеда 102, 103, 109

Масих — азербайджанский поэт 213

Махмуд. См. Ганеви Султан Махмуд

Махмуд Шабустари. См. Шабустари Махмуд

Меджлис Мамед Багир (1628 — 1698) — иранец, шиит, шейх узлемат (см. примечание 1-е к стр. 52) в Персехане. Автор книги о мусульманском правоповелении «Алхак-уль-Ягин» и книги о хадисах (см. примечание 1-е к стр. 176) «Бахр-уль-Анвар» 62, 65, 71, 74, 77, 78

Мелик-шах Сельджукинский — третий султан (1072 — 1092) сельджукидов 92, 226

Мелькум-хан (см. общее примечание на стр. 333 — 334) 173, 280, 281, 283

Метедид — XVI халиф (892 — 902) из династии Аббасидов (750 — 1258) 71, 75, 76

Мехти — двенадцатый имам шиитов 71, 72

Мехти-Кули-Мирза (XIX в.) — правитель Махандарана (в Иране) 50

Миль Джон Стюарт (1806 — 1872) — английский философ, эволюист 204

Мирбо Оиоре Габриель Рикетти (1749 — 1791) — деятель французской буржуазной революции 199

Мирза Абдул Лятиф. См. Тасуджи Мирза Абдул Лятиф

Мирза Абдуллахад-хан (XIX в.) — визирь. Фет-Али-шаха Каджара 244

Мирза Абульгасым Фархани. См. Фархани Мирза Абульгасым

Мирза-Ага — азербайджанский драматург XIX в. из Тебриза 247

Мирза Ага-хан (XIX в.) — vizирь иранского правителя Насреддин-шаха 250

Мирза Гусейн Али Мазандарани. См. Мазандарани Мирза Гусейн Али

Мирза Гусейн-хан (XIX в.) — vizирь иранского правителя Насреддин-шаха 267, 269

Мирза Ибрагим-хан Ширази 250

Мирза Магомед Джафар-хан. См. Гараджадаги

Мирза Мехти-хан Астрабадский (XVIII в.) — политический деятель при Надир-шахе Афшаре, главный секретарь, а затем vizирь. Автор популярной на Востоке книги «Тарихи-Надир» 53, 210

Мирза Таги-хан Амир Низам (1805 — 1852) — выдающийся государственный деятель Ирана, vizирь Насреддин-шаха 250

Мирза Юсиф-хан (Мустафар-уд-Долае) — азербайджанский писатель и общественный деятель, противник деспотизма, друг М. Ф. Ахундова. Кашан и Казвинской тюрьме ок. 1890 г. 200, 201, 272, 278

Молла Абдулла (XIX в.) — бакинский религиозный деятель 263

Молла Али Акбер (XIX в.) — член кавказского духовного (шнитского) управления 189, 263, 264

Молла Гусейн Бушруи (1813 — 1848) — известный деятель бабидского движения, погиб во время сражения при Табарндской крепости 183, 185

Молла Джавад (XIX в.) — глава духовного (шнитского) управления в Баку 292

Молла Магомед Рафи Ванз Казвини (XIX в.) — шнитский богослов 275, 278

Молла Мухаммед Али Зенджани (ум. 1848) — организатор и руководитель восстания бабидов в Зенджане в 1848 г. 183, 185

Молла Панах Вагиф. См. Вагиф

Моллаабн-Руми Джелаледдин Мухаммед (1207 — 1273) — видный иранский поэт-лирик, автор «Месневи», «Дивани Шамси Тебризи» и других произведений, в которых проповедовал пантеизм 89, 213, 237, 259, 260 — 264

Мольер (1622 — 1673) — великий французский драматург 258

Монтескье Шарль Луи (1689 — 1755) — французский просветитель, автор книг «Персидские письма», «О духе законов» и др. 199, 242

Морьер Жюзе (1780 — 1849) — английский писатель и путешественник по Ирану и Турции, автор романов «Похожения Гаджи-Баба Исфahan», «Гаджи-Баба в Лондоне» 47

Муавие (Муавия) — пятый халиф (661 — 680), родоначальник Омейядской династии 86, 87, 141

Мухаммед (570 — 632) — мусульманский пророк, выступил с проповедью ислама в 614 г. 39, 41, 91, 95, 100, 103, 104, 106, 117, 129, 130 — 132, 134, 178, 186, 240

Мухаммед (XII в.) — правитель Аламонта из иранских Исмаилидов, сын Алазикрихи-асселамы 115

Мухаммед Бузург-Умид. См. Бузург-Умид

Мухаммед-Вели-мирза (XIX в.) — иранский принц и воспитатель 219

Мухаммед-Гусейн-хан Арджуманди (XIX в.) — иранский воспитатель при Мухаммед-шахе Каджаре 216

Мухаммед Таги — девятый имам шиитов (IX в.) 117

Мухаммед Теймур-султан (XVI в.) — узбекский воспитатель 231

Мухаммед-хан, сын Азам-хана Афгани (XIX в.) — иранский правитель Афганистана 218

Мухаммед-хан Эриванский (XIX в.) 216

Мухаммед-шах Каджар. См. Каджар Мухаммед-шах

Навои Алишер (1441 — 1501) — гениальный узбекский поэт и мыслитель 226, 236

Наджми-Авал (Али Наджми-Заргир) (XV — XVI вв.) — vizирь Шах-Исмаила I Сефехи 227

Наджми-Сани Амир Ярахмед Нефатанский (XVI в.) — советник при Шах-Исмаиле I Сефехи 226 — 236

Надир-шах — иранский шах (1736 — 1747) — выдающийся полководец 53, 61

Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1814 и 1815) 53, 152, 174, 178

Неджмеддин Рудбарский (XII в.) — иранский исмаилидский богослов 101, 111

Низами Ганджеви (ок. 1141 — 1204) — гениальный азербайджанский поэт и мыслитель 213, 237, 242

Низам-уль-Мульк (1017 — 1092) — vizирь сельджуковских правителей. Автор знаменитого трактата «Сийасет-наме», переведенного на русский язык 92, 108, 226, 236

Ньютриан. См. Анушнриан

Ньютон Исаак (1642 — 1727) — знаменитый английский математик, физик и астроном 79, 159, 206

Онгит Зиб (1618 — 1707) — делийский падишах (1659 — 1707) из династии Великих Моголов в Индии 144, 161, 200

Омар — II арабский халиф (634 — 644) 37, 102, 235

Осман бин-Сид Асади (IX в.) — так называемый первый изсланик 12-го имамы 73, 79

Петр I Великий (1672 — 1725) — русский царь с 1682 г., император империи с 1721 г. 50

Петрарка Франческо (1304 — 1374) — великий итальянский поэт-лирик эпохи раннего Возрождения 83

Рамазан Гезарджерикский 129

Рено Жюзеф Гуссен (1795 — 1867) — французский востоковед 160, 162

Риза. См. Али ибн-Мусар-Риза

Риза-аддин Али ибн-Гаус 190

Риза-Кули-хан Гидаят (XIX в.) — иранский ученый и государственный деятель. Автор «Ронзатуссафайн-Насирийе», «Маджма-уль-Фусаха», «Риза-уль-Арифин», «Наджмал-ат-Танарих» и др. 215, 220, 223

Рузби-раби. См. Керим-хан

Руссо Жан Жак (1712 — 1778) — знаменитый французский просветитель 199, 242

Рустем — прославленный полководец, сын иранского шаха Гурмузда, погиб в войне с арабами в 637 г. 37, 38, 40, 41, 139, 165

Рухуль-Гудс. См. Мелкум-хан

Саад бин Абдулла Амарн (ум. 913 г.) — мусульманский богослов, автор «Эхтинадж-уш-шис» 74, 75

Саад-и Ваккас (Са'д бин-Ваккас) (VII в.) — арабский полководец, завоеватель. Прани 37, 38, 42, 139, 150, 273

Саади Шейх Мусаввиз (1184 — 1291) — знаменитый персидский поэт-лирик, автор произведений «Гюлистан» и «Бустан», посвященных в историю таджикско-персидской литературы 77, 91, 198, 213, 222, 250, 274, 278

Саббах Гасан (ум. 1114 г.) — основатель династии Неманидов в Прани (1090) 99, 148

Садри-Еди (XIX в.) — иранский религиозный деятель 55

Садых См. Джафар Садых

Саджах (VII в.) — джеспорок. После гибели своих соратников в войне против халифата она приняла ислам 39

Сенд Али Мухаммед См. Баб Сенд Али Мухаммед

Сенд Яхья (XIX в.) — духовный руководитель бабидов после смерти Баба 183

Селухаддин Эйюбн (1133 — 1193) — курд из племени Раввадийе, основоположник династии Эйюбидов в Египте (1169 — 1250) 116, 141

Сохсан бин Ваид (IX в.) — знаменитый оратор времени Фаруналь-Рашида 199

Султан Гусейн Байкара (ум. 1506 г.) — узбекский султан, потомок Тамерлана 226

Султан Махмуд Гашевн См. Гашевн Султан Махмуд

Султанов (XIX в.) 286, 287, 289, 290

Суруш («Ангел небесный») Мохаммед Али, он же «Шамелин-шуар» («Солнце поэтов») — иранский придворный поэт (ум. 1868 г.) 225, 226, 235, 239, 241 — 244

Тасир (VII в.) — арабский полководец 150

Тасуджи Мирза Абдул Ётиф (XIX в.) — переводчик сказок «Тысяча и одна ночь» с арабского языка на персидский, составитель персидского словаря «Борхание-Джаме» 71

Тибери Абу Джафар-Мухаммед (838 — 923) — известный персидский историк, законодатель и толкователь Корана, автор всемирной истории на арабском языке 105

Телхе бин-Хулиде (Тудейха бин-Хувейлид) (VII в.) — вероучитель, джеспорок. После поражения в войнах с Абу-Бекром и Омаром принял ислам 39, 107

Темурлан (Тамерлан) — среднеазиатский правитель (1370 — 1405), основатель династии тимуридов 138, 142, 144

Тусн Хадже Насиреддин (1200 — 1277) — знаменитый ученый, астроном и математик. Один из основателей обсерватории Марата 226

Уатт Джеме (1736 — 1819) — выдающийся английский изобретатель 206, 242

Хбейдулла-хан — правитель Манершаннахра (ум. 1529 г.) 231, 232 — 234

Умиди — иранский поэт XVI в. 235, 236

Фархани Мирза Абульгасым (1779 — 1836) — визири Фет-Али-шаха Каджара; ученый, оказал большое влияние на развитие персидской поэзии 250

Фохраддин Раши (1149 — 1209) — видный ученый и поэт. За попытку реформы исламских религиозных догм подвергся цензуре из Хорасана 191

Фохр-уд-Доуле Дебелеми См. Дебелеми Фохр-уд-Доуле

Фенелон Франсуа (1651 — 1715) — французский писатель 242

Фет-Али — иранский шах (1797 — 1834) из династии Каджаров 36

Физули Мухаммед (1502 — 1562) — великий азербайджанский поэт и мыслитель. Автор поэмы «Дейлан и Меджнун», философского трактата «Матла-уль-Никада» и др. 213

Фирдоуси (Фирдоуси) Абулгасим Хасан (между 934 — 41 1020) — великий поэт-классик таджикско-персидской литературы, автор знаменитого эпоса «Шах-наме» 36, 38, 40, 41, 121, 139 — 142, 150, 165, 168, 213, 222, 237, 242, 264

Фирдун — легендарный царь Прани из династии Кейнидов 35, 140, 126, 150

Финер Куно (1824 — 1907) — историк философии, профессор Гейдельбергского университета 239, 241, 243

Фридрих Великий — прусский король (1740 — 1786) 50, 271

Фуад-Паша (XIX в.) — садри-азим (премьер-министр) Турции 267

Хадже Насир Тусн См. Тусн, Хадже Насиреддин

Халид ибн-Валид — арабский полководец (VII в.) 233, 236

Халладж Мансур — знаменитый мусульманский пантеист-мистик, думес. Казнен в 922 г. 92

Халиф (1300 — 1389) — великий иранский поэт-лирик, автор знаменитого «Дивана» 31, 62, 67, 90, 91, 126, 149, 213, 237

Ходжа Кемаледдин Махмуд (XVI в.) — иранский поэт-классик при Шахе-Немине Сефевидеком 232, 233

Хосров Первиз (590 — 628) — 22-й владетель династии Сасанидов в Прани 31

Христофор Колумб См. Колумб Христофор

Хулагу-хан (1217 — 1265) — потомок Чингиз-хана, свергнул династию Абасидов в Багдаде (1258 г.) 130, 226

Чингиз-хан (Темучин) (ок. 1155 — 1227) — основатель монгольского государства (1206) и династии Чингизидов 130, 144

Шабустари Махмуд (1252 — 1320) — видный азербайджанский философ и поэт, автор «Гюлишан-и-рат» и других произведений 83, 89, 92

Шамелин-шуар См. Суруш

Шаме Таирский, Шамеддин Мухаммед (XIII в.) — известный суфий, мюрид (учитель) Джалаледдина Руми 89

Шафий (767 — 820) — мусульманский правовед 98

Шах-Аббас I — иранский шах (1587 — 1628) из династии Сефевидов 57, 251

Шах-Неманл Хатан (1486 — 1524) — азербайджанский поэт, классик и государственный деятель (1502 — 1524), основатель династии Сефевидов. Автор поэмы «Дех-наме» и многих лирических стихотворений 227

Шах-Султан-Гусейн Сефеи — IX и последний правитель (1694 — 1722) из династии Сефевидов 250

Шейх Ахмед См. Бахрейнский шейх Ахмед

Шейх-Беган См. Бахан

Шейх-Саади Муслихиддин. См. Саади	
Шейх-уль-Ислам молла Амед Гусейн-заде (XIX в.) — друг и единомышленник М. Ф. Ахундова	189, 259
Шекспир Вильям (1564 — 1616) — гениальный английский драматург	45, 242, 257
Шемс-уд-Довле (Дейлемский). См. Дейлем Шамс-уд-Довле	
Шемс-уд-Довле Туран-шах (XIII в.)	116
Шумр (VII в.) — арабский полководец	286, 290
Шихам-Мирза (XVI в.) — узбекский военачальник и правитель области Гарши	230
Эль-Таким Биллах — правитель из династии египетских Алевидов	133
Эмир Гиясетдин Мухаммед (XVI в.) — иранский военачальник	230, 233
Этиадуссалтане, Али-Кули-Мирза (XIX в.) — министр просвещения Ирана, историк, автор ряда произведений	269
Юм Давид (1711 — 1776) — английский философ, субъективный идеалист	169
Якуб бин-Мансур (IX в.) — мусульманский вероучитель	72

СОДЕРЖАНИЕ

От Института философии и права	3
Э. М. Ахмедов. Великий азербайджанский философ-материалист	4

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них сего последнего	31
Письмо первое	59
Письмо второе	125
Письмо третье	138
Ответ персидского принца Джелал-уд-Довле на письмо индийского принца Кемал-уд-Довле	145
Приложение к письмам Кемал-уд-Довле	145
Первое письмо одного из адептов Кемал-уд-Довле к одному из его сомыслителей, писанное в 1280 г.	149
Второе письмо того же к тому же	151
Третье [письмо того же к тому же]	156
[Разъяснение некоторых терминов и имен]	160
Копия послания переписчика «Писем Кемал-уд-Довле» одному из деятелей шиита исламских народов (в 1280 г.)	163
[Письмо Я. А. Исакову]	169
[Ответ философу Юму]	173
[Истолкование и подробности вопросов в беседах с Мелкум-ханом]	183
Багдские убеждения	188
[О неузости молитв и обрядов]	192
Критика «Ек-кельме»	198
[Об устранении угнетения]	202
О человеческих потребностях	204
[Джон Стюарт Милль о свободе]	209

ЭСТЕТИКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Указатель к книге	209
[О поэзии и прозе]	212
[Критические заметки]	215

Редактору газеты Высокого Ирана «Миллет»	224
[Критика пьес Мирзы-Аги]	247
О Моллаи-Руми и его произведении	259

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Письма	267
Мирзе Гусейн-хану сентябрь 1868 г.	—
Министру просвещения Ирана сентябрь 1868 г.	269
Принцу Джелаледдину Мирзе 1870 г.	272
Мирзе Магомед Джафар-хану Гараджадаге 29 марта 1871 г.	—
Даум оттоманским визирям 14 октября 1871 г.	278
Гасан-беку Зардаби	284
Письмо первое 1 января 1877 г.	—
Письмо второе 15 февраля 1877 г.	286
Письмо третье 1877 г.	291
Примечания	295
Указатель имен	329

Мирза Фатэли Ахундов

СЕНИЛИМИШ ФЭЛСӨФИ ӘСӘРЛӘРИ

Редакторы издательства *Т. Рашиевская, А. Алиева*
Художественный редактор *Б. Хананев*
Технический редактор *Т. Алиева*
Корректоры *И. Вебер, С. Агейчева, Ш. Аскерова*

ИБ № 2404

Сдано в набор 23. 09. 82. Подписано к печати 15. 10. 82. Формат бумаги 84×108^{1/2}. Бумага № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Услов. п. л. 17,85. Усл. кр.-отт. 19,63. Учетн.-изд. л. 17,3. Тираж 10 000. Заказ № 968. Цена 2 руб.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Азербайджанское ордена Дружбы народов государственное издательство «Азернешр». Баку — 370005, ул. Гуси Гаджиева, 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров, Баку, ул. Али-Байрамова, 3.

91-Ж

2

564729